

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

ISSN 0372-5758

148

РОССИЯ В ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

РУССКОЕ ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
RUSSIAN GEOGRAPHICAL SOCIETY

PROBLEMS OF GEOGRAPHY

The collected scientific works were founded in 1946 at the initiative and under the guidance of N.N. Baranskiy at the Moscow branch of Geographical Society of USSR. Publication of the series was resumed in 2009 as the Russian Geographical Society edition

EDITORIAL BOARD:

V.M. Kotlyakov

N.S. Kasimov

P.Ya. Baklanov

V.A. Rumyantsev

A.A. Chibilyov

S.A. Dobrolyubov

K.N. Dyakonov

A.A. Tishkov

N.I. Koronkevich

A.V. Postnikov

V.M. Razumovsky

V.N. Streletsky

K.V. Chistyakov

ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ

Научные сборники, основанные в 1946 г. по инициативе и под руководством Н.Н. Баранского в Московском филиале Географического общества СССР. Серия возобновлена в 2009 г. как издание Русского географического общества

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

академик *В.М. Котляков* (председатель)

академик *Н.С. Касимов* (заместитель председателя)

академик *П.Я. Бакланов*

академик *В.А. Румянцев*

академик *А.А. Чибилёв*

член-корреспондент РАН *С.А. Добролюбов*

член-корреспондент РАН *К.Н. Дьяконов*

член-корреспондент РАН *А.А. Тишков*

доктор географических наук *Н.И. Коронкевич*

доктор технических наук *А.В. Постников*

доктор географических наук *В.М. Разумовский*

доктор географических наук *В.Н. Стрелецкий*

доктор географических наук *К.В. Чистяков*

**PROBLEMS
OF GEOGRAPHY**

Volume 148

**RUSSIA IN THE FORMING
GREATER EURASIA**

Editors:

V.M. Kotlyakov

V.A. Shuper

MOSCOW
«Kodeks» Publishing House
2019

**ВОПРОСЫ
ГЕОГРАФИИ**

Сборник 148

**РОССИЯ
В ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ
БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ**

Редакторы:

академик В.М. Котляков

доктор географических наук В.А. Шупер

МОСКВА

Издательский дом «Кодекс»

2019

УДК 327.2, 327.5, 332.1, 911.3
ББК 26.8
В 74

ISSN 0372-5758

Рекомендовано Учёным советом Русского географического общества

Рецензенты:

доктор географических наук, профессор В.Л. Бабурин
кандидат географических наук Г.И. Гладкевич

Вопросы географии / Русское географическое общество. – Москва.

Издаётся с 1946 г.

В 74

Сб. 148. Россия в формирующейся Большой Евразии / В.М. Котляков, В.А. Шупер. – М.: Издательский дом «Кодекс», 2019. 376 с.

В книге всесторонне рассматривается нынешний российский поворот на Восток, открывающий для страны, в первую очередь для её восточной части, новые перспективы развития. В публикуемых статьях предпринята попытка междисциплинарного рассмотрения этих новых тенденций. Авторы статей – географы, международники, экономисты – анализируют необходимые меры, которые следует предпринять, чтобы эффективно интегрировать страну в азиатское разделение труда, преодолеть её ярко выраженный европейский эксцентриситет. В статьях сборника говорится также о пространстве возможностей, в котором будут решаться эти задачи. Сборник адресован широкому кругу специалистов, он будет интересен всем, кто хочет участвовать в той или иной форме в решении одной из главных задач, стоящих перед страной в XXI веке.

ISBN 978-5-60422181-5

Problems of Geography / Russian Geographical Society. – M. Published since 1946

Vol. 148. Russia in the forming Greater Eurasia / V.M. Kotlyakov, V.A. Shuper. – M.: “Kodeks” Publishing House, 2019. 376 p.

The book comprehensively examines the current Russian turn to the East, opening up for the country, primarily for its eastern part, new development prospects. The published articles attempted an interdisciplinary review of these new trends. Its authors – geographers, economists – analyze the necessary measures that should be taken to effectively integrate the country into the Asian division of labor, to overcome its pronounced European eccentricity. The articles of the collection also speak about the space of opportunities in which these tasks will be solved. The book is addressed to a wide range of specialists, it will be of interest to anyone who wants to participate in one form or another in solving one of the main challenges facing the country in the 21st century.

ISBN 978-5-60422181-5

*Круговая диаграмма на обложке отражает долю Евразии
в площади суши, населении мира и мировом ВВП*

© Авторы статей, 2019

© Authors of papers, 2019

© Русское географическое общество, 2019

© Russian Geographical Society, 2019

Содержание

<i>С.А. Караганов.</i> Россия – возвращение домой (вместо предисловия).....	9
<i>Д.В. Суслов, А.С. Пятачкова.</i> Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России	16
<i>А.В. Кортунов.</i> Вернётся ли Россия в Европу?.....	54
<i>Т.В. Бордачёв.</i> Что Россия может дать Азии?	71
<i>В.Б. Кашин, А.И. Дружинин.</i> Безопасность в Большой Евразии: российская политика в сфере обороны и безопасности.....	76
<i>В.Г. Шведов.</i> Динамика геополитической обстановки в Восточной Азии – от истоков к современности	90
<i>А.Г. Дружинин.</i> Трансформация пространства России в контексте формирования «Большой Евразии»: важнейшие факторы и векторы.....	110
<i>Л.Б. Вардомский.</i> Между Европой и Азией: о некоторых региональных особенностях участия России в формирующейся Большой Евразии	144
<i>А.Б. Савченко, Е.А. Воробьева.</i> Этапы освоения геопространства и изменение стратегического выбора России в Евразии	167
<i>П.Я. Бакланов, М.Т. Романов.</i> Тихоокеанская Россия в геополитических структурах Восточной Евразии.....	194
<i>А.Б. Лихачева, Г.М. Калачигин.</i> Дальний Восток и интеграция в Азию: настройка взаимосвязанности.....	210
<i>Л.А. Безруков.</i> Евразийская континентальная интеграция в экономико-географическом измерении: предпосылки, трудности, новые возможности.....	228
<i>В.Ю. Малов.</i> Сибирь: место для жизни или только мост между Азией и Европой?.....	263
<i>В.А. Колосов, М.В. Зотова.</i> Китай и российско-китайские отношения в зеркале российского дискурса.....	281
<i>Я.Д. Лисоволик, В.В. Сутырин, К.С. Иванова.</i> Актуальные аспекты наследия евразийцев для российского экономического развития	309
<i>А.Б. Лихачева.</i> Мутные воды Большой Евразии: возможное место России на рынке водоёмкой продукции	328
<i>А.В. Кортунов.</i> Воссоединение хартленда: геополитическая химера или исторический шанс?	344
<i>В.М. Котляков, В.А. Шупер.</i> Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век	357
Сведения об авторах.....	373

Content

<i>S.A. Karaganov</i> . Russia – returning home (instead Foreword)	9
<i>D.V. Suslov, A.S. Piatachkova</i> . Greater Eurasia: Conceptualization and place in Russian foreign policy	16
<i>A.V. Kortunov</i> . Will Russia return to Europe?	54
<i>T.V. Bordachev</i> . What Russia can give to Asia?	71
<i>V.B. Kashin, A.I. Druzhinin</i> . Security in Greater Eurasia: Russian defense and security policy	76
<i>V.G. Shvedov</i> . The changing geopolitical situation in East Asia – from the origins to the present	90
<i>A.G. Druzhinin</i> . Transformation of Russia's space in the context of the formation of 'Greater Eurasia': the most important factors and vectors	110
<i>L.B. Vardomskiy</i> . Between Europe and Asia: some of the regional peculiarities of Russia's participation in the forming Greater Eurasia	144
<i>A.B. Savchenko, E.A. Vorob'eva</i> . Stages of geospace developing and change of strategic choice of Russia in Eurasia	167
<i>P.Ya. Baklanov, M.T. Romanov</i> . Pacific Russia in the geopolitical structures of Eastern Eurasia	194
<i>A.B. Likhacheva, G.M. Kalachigin</i> . The Russian Far East and integration in Asia: tuning of connectivity	210
<i>L.A. Bezrukov</i> . Eurasian continental integration in the economic and geographical dimension: prerequisites, difficulties, new opportunities	228
<i>V.Yu. Malov</i> . Siberia: a place to live or just a bridge between Asia and Europe?	263
<i>V.A. Kolosov, M.V. Zotova</i> . China and Russian-Chinese relations in the mirror of Russian discourse	281
<i>Ya.D. Lisovolik, V.V. Sutyryn, K.S. Ivanova</i> . Important aspects of the heritage of the Eurasian school of thought for the economic development in Russia	309
<i>A.B. Likhacheva</i> . Cloudy waters of Greater Eurasia: possible Russia's place in the market of water-intensive products	328
<i>A.V. Kortunov</i> . Heartland reunion: geopolitical chimera or historical chance?	344
<i>V.M. Kotlyakov, V.A. Shuper</i> . Russia in the Greater Eurasia: mission for the 21 st century	357
List of the authors	373

УДК 332.1, 911.3

Россия – возвращение домой (вместо предисловия)

© 2019 г. С.А. Караганов

Научно-исследовательский университет «Высшая школа
экономики», Москва, Россия

Russia – returning home (instead Foreword)

S.A. Karaganov

HSE Faculty of World Economy and International Affairs
skaraganov@hse.ru

Помню момент, когда, наверное, впервые прозвучал термин – «Большая Евразия». В 2013–2017 годах работал консорциум институтов и университетов из России, Китая, Сингапура, Японии, Республики Корея, Норвегии по международной научной поддержке развития Россией Сибири и Дальнего Востока, «последнего фронта Азии». Этот термин принадлежит Ли Кван Ю.

Во время конференции консорциума, проходившей в конце 2013 г., один из участников указал, что многие тенденции ведут к формированию в перспективе нового экономического, политического и культурного пространства – Большой Евразии – от Владивостока (Шанхая) до Лиссабона. Формула сработала подобно спичке, брошенной в сухую траву, – она, как огонь в поле, распространилась почти мгновенно. Через час почти все выступавшие стали её использовать. Хотя ещё не понимали чётко, что за ней стоит. Видимо, просто тенденции развития мира подвели к тому, что она созрела и специалисты интуитивно это чувствовали.

С тех пор концепция «большого евразийского партнёрства», «общего евразийского экономического пространства», есть ещё несколько сходных названий Большой Евразии, вызвала значительные международные, политические и научные дискуссии. По проблеме выпущено и на Востоке, и на Западе немало книг, десятки докладов, сотни статей. Некоторые авторы её развивают, некоторые, как и принято в сверхполитизированном и конкурентном мире, разоблачают. Совершенно понятно, что концепция состоялась. Появились дочерние концепции, которые частично воплощаются в жизнь – Центральной Евразии, сопряжения ЕАЭС и китайского «Одного Пояса и Одного Пути». Но то, что концепция завоевала умы, не означает, что состоялось само пар-

тнёрство, над ним ещё предстоит работа на десятилетия как «на земле», налаживая конкретное сотрудничество и взаимодействие, так и в интеллектуальной сфере, уточняя «дорожную карту» его формирования, выявляя его возможности, предпосылки, проблемы, опасности.

Интеллектуальной дискуссии вокруг Большой Евразии посвящён и этот, очередной, сто сорок восьмой выпуск «Вопросов географии».

Его авторы – учёные из Института географии РАН, НИУ ВШЭ, из ряда институтов Сибирского и Дальневосточного отделений РАН. Очень рад и горд, что мы в НИУ ВШЭ, Совете по внешней оборонной политике уже несколько лет всё теснее сотрудничаем с ними как по «большому евразийскому партнёрству», так и развивая уже не только концепцию, но и политику российского «поворота к Востоку», к Азии, прежде всего через ускоренное развитие и ориентацию на новые рынки Сибири и Дальнего Востока.

В представляемом сборнике, к которому меня любезно попросили написать Введение его составители В.М. Котляков и В.А. Шупер, высказывается несколько новых идей, углубляющих концепцию, уточняющих её. Не со всеми ними я готов согласиться. На то и научная дискуссия.

Я немало написал статей и иных материалов по концепции. Она эволюционирует и у меня в голове, и под влиянием обсуждения, и по мере выявления новых фактов и тенденций. И главное – в результате оценки быстро, но пока предсказуемо меняющейся международной экономическо-политической и идеологической среды.

Итак, сначала, почему появилась и развивается концепция большого евразийского партнёрства. Затем о целях движения к нему – российских и международных.

Концепция Большой Евразии родилась из оценки ряда важных тенденций развития мира. Это, во-первых, общее перемещение с Запада на Восток центра мировой экономики, политики, быстрый подъём Китая, Индии и других азиатских стран. Этот сдвиг на глубинном уровне был обеспечен, видимо, окончательным уходом военного превосходства Европы, Запада, когда-то включавшим и Россию, которым он завладел с XVI–XVII веков и которое послужило фундаментом его доминирования в политике, экономике, идейной сфере, культуре. Благодаря окончанию эры военного превосходства, ранее подавлявшиеся страны и цивилизации получили свободу развития, использования конкурентных преимуществ.

Во-вторых, это нарастающая тенденция «Азия для Азии», когда рост экономических азиатских стран стал всё больше опираться на внутриконтинентальную торговлю, рост внутренних рынков. Лидирует в этой сфере Китай.

В-третьих, завершение в начале 2010-х годов краткого «века АТР». Раньше считалось, что центром мировой торговли и политики станет Тихий океан, объединяемый дуумвиратом США и Китая. Но с начала 2000-х годов и по нарастающей американская элита стала рассматривать Китай не как партнёра, а как конкурента и геополитического соперника. До того в силу особенностей современной западной политической мысли в США полагали, что Китай, становясь капиталистическим и богатым, обязательно должен стать более демократическим, т.е. менее управляемым, а внешнеполитически – прозападным.

В-четвёртых, столкнувшись со стратегией сдерживания с Востока со стороны США, следуя потребностям развития своей экономики, стремясь обеспечить себе дружественную периферию, а в конечном итоге и расширить выход на богатые рынки Европы, Китай пошёл на Запад, запустив стратегию «Одного Пояса, Одного Пути».

В-пятых, интеллектуально с конца 2000-х годов, а реально с 2010–2012 гг. Россия начала свой долгожданный поворот к Востоку, к новым поднимающимся рынкам, в том числе через ускоренное развитие своих восточных территорий. Это движение получило импульс в результате выхода на поверхность в 2014 г. давно назревавшего столкновения с Западом.

В-шестых, концепция Большой Евразии стала ещё более актуальной из-за затухания общеевропейского проекта. Оно было вызвано вступлением ЕС со второй половины 2000-х годов в глубинный многосторонний и, как теперь становится понятным, долговременный и пока безысходный кризис. А именно ЕС (вкупе с НАТО) пытался стать центром общеевропейского и даже континентального пространства, но по дороге оттеснив и антагонизировав Россию. Европейский кризис, уход из Европы США, начавшийся задолго до Трампа, открывает возможности для создания *общеконтинентальной системы экономического сотрудничества, развития и безопасности уже не по европоцентричной модели*. Более того, у многих европейцев, видимо, не остаётся разумного выбора кроме как новая восточная политика, но теперь уже в евразийском формате. Да и

России новое сближение с Европой, когда оно начнётся, будет выгодно уже только в евроазиатских рамках с учётом изменённого «поворотом» баланса в отношениях с Европой, диверсификации своих экономических и политических связей.

В-седьмых, но совсем не в последнюю очередь, экономический рост и политическая эмансипация государств и цивилизаций Азии выводит на поверхность забытые или подавлявшиеся связи, объединявшие на протяжении столетий и даже тысячелетий страны Евразии. Они выходят из «цивилизационной тени». И становится всё более очевидным, что до XVI–XVII веков большинство крупных изобретений, обогативших человечество, было сделано на территории арабского мира, Китая, Персии, Индии, Османской империи, полузабытых цивилизаций Центральной Азии, и, конечно, Византии, сохранившей в годы европейского тёмного средневековья лучшее в европейской культуре, смешавшей её с культурой Востока. Начинает преодолеваться западноцентризм мировой культуры. Становится очевидным, как азиатские культуры обогатили европейскую. Равно как, она – азиатские. Начинается переоценка и монгольской империи, самой мощной за историю человечества, от которой Россия, как и многие пострадавшие от неё, получила, видимо, культурную открытость и веротерпимость, весьма вероятно, и имперское наследие, существовавшее и до Петра.

В новых культурных и исторических рамках во многом по-иному выглядит история России, единственной страны, сумевшей выкинуть наследников империи Чингизидов, которые, завоевав Китай, там и правили, пока не растворились в нём. Россия же разгромила и всех великих европейских завоевателей, стремившихся подчинить – и подчинявших – европейский субконтинент Евразии – Карла XII, Наполеона, Гитлера. В этом историческом фокусе может заиграть роль России в Большой Евразии – как ведущего поставщика безопасности, которым она по сути уже и является. И не только в Евразии, но и в мире в целом.

Движение к созданию большого евразийского партнерства должно иметь, как представляется, три основания и одну дополнительную цель.

Самое очевидное – создание на гигантском континенте пространства свободной торговли, развития, мира и безопасности, условий для суверенного развития всех входящих в него стран, культур и цивилизаций.

Менее очевидная, но тоже крайне важная цель – создание вокруг Китая и с его лидирующим участием сети институтов связей, балансов, которые частично компенсировали бы и «погрузили» бы его мощь. Если такой сети создано не будет, а Китай будет расширять своё влияние в рамках своей тысячелетней традиции «срединного царства», это неизбежно будет вызывать противодействие великих стран и цивилизаций, окружающих его с запада и севера. Тогда Большая Евразия может и не состояться, а континент станет ареной острой геополитической борьбы.

Наконец, для России Большая Евразия – это концептуальная рамка, матрица для удобной и выгодной геоэкономической, геостратегической и культурно-исторической самоидентификации как «северной Евразии», центра и севера поднимающегося континента. Россия служит и может служить по нарастающей его важным связующим транспортным и экономическим звеном, ключевым поставщиком безопасности. Наша страна, благодаря своему тысячелетнему опыту взаимодействия с Западом и Востоком, мирного взаимодействия многих религий, открытости русской культуры прекрасно приспособлена и для ведущей роли в налаживании и воссоздании сотрудничества в Евразии.

Становясь евразийской, воссоединив свои преимущественно европейские культурные корни, с по большей части азиатскими, политическими страна «войдёт в своей размер», «вернётся домой» (Эта формулировка принадлежит профессору Тихоокеанского университета Л.Е. Бляхеру, ведущему автору шестого доклада Валдайского клуба из серии «К Великому океану») ¹.

Вторичная, но, возможно, перспективная роль концепции Большой Евразии – предоставление Европе, многим её странам, пути выхода из экзистенциального кризиса, в котором оказался Евросоюз.

Повторю высказанное в других работах. Мой вариант определения большого евразийского партнёрства или Большой Евразии – это, во-первых, концепция, задающая интеллектуальную рамку для взаимодействия государств континента. Оно должно быть нацелено на совместное экономическое, политическое и культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частью отсталых или подавлявшихся

¹ Вперед к Великому океану – 6: люди, история, идеология, образование. Путь к себе. Под редакцией С.А. Караганова, Т.В. Бордачева. М.: 2018.

евроазиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики, политики и культуры. Он будет включать в себя как страны Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии, центра Евразии, Россию, так и, видимо, в растущей степени страны европейского субконтинента и их организации, в той мере, в какой они будут способны и настроены на конструктивное сотрудничество.

Во-вторых, Большая Евразия – это создающаяся геоэкономическая общность, обусловленная тенденцией «Азия для Азии», поворотом Китая на Запад, его сопряжением с ЕАЭС, поворотом России на Восток.

В-третьих, это воссоздающееся после многовекового провала пространство цивилизационного сотрудничества, олицетворением которого был культурный аспект Великого Шёлкового Пути, вовлекавшего и соединявшего великие цивилизации Китая, Индии, Персии, арабского Среднего Востока с Европой через Восточную Римскую империю, Венецию, Испанию.

В-четвёртых, Большая Евразия – это движение к новой геостратегической общности – общевразийскому пространству развития, сотрудничества, мира и безопасности, призванное преодолеть оставшиеся от «холодной войны» расколы, предотвращать появление новых, регулировать разногласия и трения между участниками партнёрства. Важнейшая его потенциальная функция, опять повторюсь – «погружение» в сеть связей, сотрудничества, балансов, договорённостей Китая, чтобы предотвратить его превращение в потенциального гегемона, против которого будут неизбежно объединяться другие евроазиатские страны, приглашая и внешних балансиров, имеющих меньшую заинтересованность в сохранении стабильности и мира на континенте. В то же время, Большая Евразия должна быть принципиально открыта остальному миру, другому важнейшему его центру, который формируется вокруг США, и через АТЭС и схожие форумы, и через атлантические структуры, и через рекомендуемый нами трёхсторонний триалог по глобальным проблемам и международной стратегической стабильности между Россией, Китаем и США.

Большая Евразия должна формироваться на основе традиционных ценностей нормального международного права и международного общежития, отрицания любого универсализма, ценностного превосходства, заведомой правоты или гегемонии. Она должна фор-

мироваться, противодействуя навязываемому ныне миру проигрывающим Западом «закона джунглей».

Впереди много концептуальных, политических проблем. Многие страны и континенты разделяют многовековые подозрения. Будет и конкуренция амбиций.

Уже сейчас, несмотря на то, что идея евразийского партнёрства была официально подтверждена лидерами России и Китая, на 90% совпадает с концепцией «Пояса и пути», многие китайские эксперты подозревают концепцию Большой Евразии в односторонней выгоды для России. Но эти и сходные сомнения нормальны. Главное, чтобы они не отвлекали нас от спокойного движения к цели.

Впереди большой путь – и интеллектуальный, и практический. Но, видимо, время для разработки и претворения в жизнь идеи единой Евразии пришло.

И, уверен, предлагаемый сборник – полезный шаг на этом пути.

Большая Евразия: концептуализация понятия и место во внешней политике России

© 2019 г. Д.В. Суслов, А.С. Пятчкова

Центр комплексных европейских и международных исследований
НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Greater Eurasia: Conceptualization and place in Russian foreign policy

D.V. Suslov, A.S. Piatachkova

Center for Comprehensive European and International Studies, HSE, Moscow, Russia
dsuslov@hse.ru, apyatachkova@hse.ru

The formation of 'Greater Eurasia' is undoubtedly one of the most important narratives of the international relations development in the first half of the 21st century. However, there is no consensus in the scientific and expert community regarding its meaning. The best way to define Greater Eurasia seems to consider it a regional or macroregional international community constructed through interaction. It is based not on history or civilizational proximity or even on the number of economic projects and interdependence, but on the special quality and intensity of political relations between its constituent states, first of all between Russia and China. The formation of this community fully fits into the main modern trends in international relations: increasing uncertainty and disorder at the global level, the formation of flexible coalitions, political regionalization and re-sovereignization along with the growth of global interdependence. In this regard, the most efficient scholarly tools for understanding 'Greater Eurasia' are offered by constructivism and the English school of international relations, especially the scientific heritage of H. Bull.

Key words: *economic cooperation, Greater Eurasia, integration, international institutions, rivalry.*

Формирование «Большой Евразии» является, несомненно, одним из важнейших нарративов развития международных отношений первой половины XXI в. Однако в научном и экспертном сообществе отсутствует консенсус в отношении того, что именно она собой представляет. Самым оптимальным позиционированием «Большой Евразии» представляется конструируемое посредством взаимодействия региональное или макрорегиональное международное сообщество, в основе которого лежат не история или цивилизационная общность и даже не количество экономических проектов и взаимозависимость, а особое качество и интенсивность политических отношений между образующими его государствами, прежде всего между Россией и Китаем. Формирование данного сообщества полностью вписывается в основные современные тренды развития международных отношений: усиление неопределённости и беспорядка на глобальном уровне, формирование гибких коалиций, политическая регионализация и ресувверенизация наряду

с ростом глобальной взаимосвязанности. В связи с этим наиболее удобный для концептуализации «Большой Евразии» научный инструментарий предлагают конструктивизм и английская школа теории международных отношений, прежде всего научное наследие Х. Булла.

Ключевые слова: *Большая Евразия, интеграция, международные институты, соперничество, экономическое сотрудничество.*

Введение

Формирование регионального международного сообщества «Большая Евразия», объединяющего пространство от Евросоюза до стран юго-восточной Азии и основывающегося на особом качестве относящихся к нему государств, прежде всего России и Китая, является объективной реальностью и одной из важнейших составляющих развития международных отношений первой половины XXI в. Кроме того, оно служит одним из самых важных, если не центральным, приоритетом внешней политики России и будет оставаться таковым в перспективе как минимум нескольких десятилетий. Появление этого сообщества – рубежный сдвиг развития и России, и её места в мире, и мира в целом.

Понятие «Большой Евразии» на данный момент имеет разные трактовки, а некоторые эксперты и вовсе ставят его под сомнение. В качестве термина «Большое евразийское партнёрство» оно интерпретируется главным образом как наращивание экономических связей в регионе, простирающемся от Белоруссии до стран АСЕАН. Отмечается, что «идея создания Большого евразийского партнёрства (БЕП) была сформулирована 3 декабря 2015 г., когда В.В. Путин в Послании Президента Федеральному Собранию выдвинул инициативу о начале консультаций по формированию экономического партнёрства между государствами-членами ЕАЭС, АСЕАН, ШОС и государствами, которые присоединятся к ШОС»¹.

Некоторые эксперты усматривают в Большой Евразии попытку обновления понятия «Большой Европы»², предполагавшего преодоление раскола времён холодной войны и выстраивание более интенсивного сотрудничества и даже интеграции между Россией и Европейским союзом, образование ими определённой политической,

¹ Российско-китайский диалог: модель 2017. Доклад Российского совета по международным делам № 33/2017 URL: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Report33.pdf> С. 61.

² Блог Александры Шаповаловой. Большая Европа или Большая Евразия: выбор из двух неизвестных 2 ноября 2015 Российский совет по международным делам URL: <http://russiancouncil.ru/blogs/alexandra-shapovalova/31328/>

экономической и международно-политической общности. Однако «Большая Европа» не состоялась: европейские страны настаивали на том, чтобы она носила ЕС- и НАТОцентричный характер, основывалась на расширении этих институтов и их системы партнёрств и не предполагала никаких изменений в той роли, которую в Европе играют США. России в этой конструкции отводилась исключительно подчинённая роль одного из внешних концентрических кругов вокруг Евросоюза и НАТО, что было для неё неприемлемо. Украинский кризис и спровоцированное им резкое ухудшение отношений России с ЕС и особенно с США положили конец даже разговорам о «Большой Европе», не говоря уже о её создании на практике.

Уже сейчас география экономических и политических отношений России существенно сбалансировалась. Её главный торговый партнёр – это Китай, с годовым товарооборотом в 107 млрд долл. в 2018 г., что превышает товарооборот России с главным торговым партнёром в ЕС – Германией – примерно в два раза³. Доля ЕС в целом во внешней торговле России составила в 2018 г. 42%⁴. Это означает, что её торговля с Азией и Евразией уже превысила объём её торговли с ЕС. Самый близкий политический партнёр России за пределами ЕС – Китай, интенсивность политического взаимодействия с которым не идёт ни в какое сравнение с отношениями России со странами ЕС.

С.А. Караганов придаёт термину «Большая Евразия» более широкое определение, предлагая несколько трактовок: а) концептуальная рамка, задающая вектор взаимодействия государств континента (совместное экономическое, политическое и культурное возрождение и развитие десятков в прошлом частично отсталых или подавлявшихся евро-азиатских стран, превращение Евразии в центр мировой экономики и политики); б) создающаяся геоэкономическая общность, обусловленная тенденцией «Азия для Азии», поворотом Китая на Запад, его сопряжением с ЕАЭС, поворотом России на Восток; в) воссоздающееся пространство цивилизационного сотрудничества; г) движение к новой геостратегической общности – общеевразийскому пространству развития, сотрудничества, мира и безопасности⁵.

³ Росстат – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/trade/

⁴ Росстат – http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/trade/

⁵ Караганов С.А. От поворота на Восток к Большой Евразии. 30 мая 2017 // Россия в глобальной политике URL: <https://globalaffairs.ru/pubcol/Ot-povorota-na-Vostok-k-Bolshoi-Evrazii-18739>

Среди других российских авторов, которые изучали данную концепцию, можно отметить Т.В. Бордачева⁶, А.В. Лукина⁷, Д.В. Ефременко⁸, А.П. Цветова,⁹ А.Т. Габуева¹⁰ и других исследователей, чьи аргументы будут рассматриваться далее в работе.

Мнения иностранных экспертов о Большой Евразии (и евразийской интеграции как таковой) также расходятся: можно увидеть и критические оценки, и интерпретацию данной идеи как очередной попытки России восстановить свое влияние на постсоветском пространстве¹¹, и более взвешенный подход¹². Заслуживает внимания работа Б. Массаеша «The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order¹³», где подчеркивается растущая роль Евразии в новом мировом порядке (что, например, демонстрирует запуск проекта «Один пояс, один путь»). В исследовании Г. Дизена «Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia»¹⁴ ставится вопрос о том, как должно быть организовано евразийское пространство, в рамках которого сосуществуют различные идеи и проекты, однако отсутствует единый политический порядок.

⁶ Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток // Вест. международных организаций. 2018. Т. 13. № 3. С. 33–51.

⁷ Lukin A. Russia, China and the Emergind Greater Eurasia August. 2015. 18. The Asian Forum URL: <http://www.theasanforum.org/russia-china-and-the-emerging-greater-eurasia/>

⁸ Ефременко Д. Рождение Большой Евразии Россия в глобальной политике. 2016. № 6. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Rozhdenie-Bolshoi-Evrazii-18478>

⁹ Цветов А. Вместо поворота: АСЕАН и евразийский проект России. 17 октября 2017. Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/2017/10/17/ru-pub-73368>

¹⁰ Gabuev A.A., Zuenko I. Yu. The "Belt and Road" in Russia: Evolution of Expert Discourse. 17 January 2019 // Russia in Global Affairs URL: <https://eng.globalaffairs.ru/number/The-Belt-and-Road-in-Russia-Evolution-of-Expert-Discourse-19915>; <https://carnegie.ru/2019/03/15/between-greater-eurasia-and-indo-pacific-what-s-next-for-multilateralism-in-asia-event-7066>

¹¹ Henley J. A brief primer on Vladimir Putin's Eurasian dream 18 feb. 2014 //The Guardian URL: <https://www.theguardian.com/world/shortcuts/2014/feb/18/brief-primer-vladimir-putin-eurasian-union-trade>; Grigas A. (2016) Beyond Crimea: The New Russian Empire (New Haven, CT, Yale University Press). Heathershaw J. & Megoran N. (2011) 'Contesting Danger: A New Agenda for Policy and Scholarship on Central Asia', International Affairs. 87, 3.

¹² Lewis D.G. Geopolitical Imaginaries in Russian Foreign Policy: The Evolution of 'Greater Eurasia // Europe=Asia Studies, 2018, Routledge - <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/09668136.2018.1515348?needAccess=true>

¹³ The Dawn of Eurasia: On the Trail of the New World Order. URL: <https://www.chatham-house.org/event/eurasia-rising-new-world-order>

¹⁴ Russia's Geoeconomic Strategy for a Greater Eurasia Routledge, 2018 - <https://books.google.ru/books?id=mEgrDwAAQBAJ&pg=PA175&lpg=PA175&dq=lukin+greater+eurasia&source=bl&ots=6pzReK840k&sig=Mq2drs0AYcLSDqiGg5e8nw-9zcPU&hl=ru&sa=X&ved=2ahUKewjCgJmR8e3fAhWQKCwKHBqrqDRwQ6AEwBX-oEACQAQ#v=onepage&q=lukin%20greater%20eurasia&f=false>

Можно отметить и статью «Toward a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How?» М. Эмерсона¹⁵, в которой он рассматривает Евразию как большой континент, который формируется благодаря трём региональным инициативам: ЕС, ЕАЭС и группе быстроразвивающихся стран Азии. Кроме того, автор статьи предлагает своё определение «Малой Евразии», в которую входят страны, «которые уже в значительной степени идентифицировали себя как евразийские» (в частности, Россия, Казахстан и Турция)¹⁶.

Термин «Малая Евразия» также используется в литературе, однако, как и понятие «Большой Евразии», не имеет однозначного определения. Так, например, по мнению Т.А. Шаклеиной, «Малая Евразия» – это «совокупность ряда государств, которые объединены не только соседством территорий и общими границами, но и общностью исторического развития и связей, членством в СНГ и его структурах или сотрудничеством вне рамок этих структур, а также наличием страны-ядра – России. В «Малую Евразию» можно включить Россию, Белоруссию, Украину, Казахстан, Киргизию, Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Армению, Азербайджан, Грузию, Молдавию (хотя каждая из этих стран по-разному удерживается в рамках данной подсистемы)»¹⁷.

Однако, несмотря на подобный разброс мнений, на данный момент в литературе отсутствует определение и толкование, позиционирующее Большую Евразию как международно-политическую реальность и осязаемую геополитическую единицу. Вместе с тем, анализ международных отношений на евразийском пространстве показывает, что данная реальность уже возникла, и предлагаемый нами концептуальный подход позволяет её идентифицировать и проанализировать.

В данной статье «Большая Евразия» рассматривается как региональное международное сообщество, формирующееся естественным путём вследствие сложения трёх активно реализуемых тенденций: поворот России на восток, поворот Китая на запад, а также создание Евразийского экономического союза и его постепенное вплетение в ткань экономических и интеграционных отношений в Восточной, Юго-Вос-

¹⁵ Toward a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How? Michael Emerson. P. 35. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0974910113511193>

¹⁶ Toward a Greater Eurasia: Who, Why, What, and How? Michael Emerson. P. 36 URL: <http://journals.sagepub.com/doi/pdf/10.1177/0974910113511193>

¹⁷ Шаклеина Т.А. Современный мировой порядок: на пороге нового этапа развития? Перспективы. URL: http://www.perspektivy.info/history/sovremennyj_mirovoj_poradok_na_poroge_novogo_etapa_razvitija_2013-04-08.htm

точной и Южной Азии. В основе этого сообщества – особое качество и интенсивность отношений между относящимися к этому пространству странами, и прежде всего беспрецедентный для отношений соседних и не являющихся друг для друга союзниками великих держав характер российско-китайского партнёрства. Интенсивность российско-китайского взаимодействия, близость их международных позиций, положение России и Китая в качестве самых дружественных друг для друга великих держав и, главное, отсутствие в их отношениях игры с нулевой суммой на пространстве их общего соседства – в Центральной Азии – и взаимная поддержка наиболее значимых евразийских проектов друг друга, и указывают на то, что Большая Евразия уже сформировалась как международно-политическая реальность.

Феномен «Большой Евразии» полностью вписывается в магистральные тенденции развития международных отношений. Многополярность современного мира не вызывает сомнений. Даже Вашингтон в лице администрации Трампа признаёт провал попытки универсализировать США-центричный миропорядок и заявляет о новой глобальной конкуренции с Китаем и Россией, продвигающими собственные модели мироустройства¹⁸. Усиление новых центров силы происходит не только в экономическом и политическом смысле, но и интеллектуальном (идейном). В Китае это находит отражение в появлении собственных концепций («китайская мечта», «Один пояс – один путь»), а также переосмыслении и наполнении новым смыслом западных идей (глобальное управление, глобализация и др.). В России таким примером служит, например, понятие «поворот на Восток» и «Большая Евразия».

Развитие Большой Евразии – одна из немногих позитивных тенденций в сегодняшнем мире усиливающегося беспорядка. Оно представляет собой пример позитивного сотрудничества соседних великих держав и может стать инструментом для сглаживания негативных мировых тенденций и улучшения благосостояния всех стран региона. Действительно, и на глобальном уровне, и во многих регионах мира налицо трудная ломка привычных связей и обострение отношений. Началась двойная конфронтация США с Россией и Китаем. Трансатлантические отношения переживают тяжёлые перемены, связанные с усилением односторонности, эгоизма и меркантилизма во внешней политике

¹⁸ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>

США и с приходом к власти новых элит в европейских странах. Азиатско-Тихоокеанский регион становится ареной главного соперничества XXI века – между США и Китаем, которое охватывает как экономическую, так и военную и политическую сферы. Ближний Восток надолго погрузился в полосу нестабильности. На этом фоне преобладание на евразийском пространстве мира и сотрудничества выгодно выделяется.

Наконец, вне зависимости от дальнейшей конъюнктуры российско-западных отношений «Большая Евразия» продолжит играть важную роль во внешней политике России и не будет «заброшена» Москвой даже в том случае, если её отношения с США и ЕС улучшатся. Данное направление носит для России сугубо самостоятельное и стратегическое значение и не является способом компенсировать ухудшение отношений с Западом. По нашему мнению, именно участие в создании открытого сообщества «Большой Евразии» в качестве лидера сможет позволить России сохранить положение глобальной независимой великой державы и полюса многополярного мира, несмотря на уменьшение её силового потенциала относительно США и Китая. Кроме того, «Большая Евразия» представляется незаменимым инструментом управления асимметрии между Россией и Китаем в пользу последнего и предотвращения того, чтобы Китай начал проводить в отношении России и стран Центральной Азии гегемонистскую политику и выстраивать в Евразии систему отношений по модели «hub and spoke».

Концептуализация понятия «Большая Евразия»

Наиболее оптимальным походом к концептуализации и анализу Большой Евразии представляется восприятие его как региональное международное сообщество или *regional international society*. Авторы понимают, что наиболее точным переводом на русский язык использованного английской школой теории международных отношений термина *international society* является «международное общество», однако предпочитают использовать термин «международное сообщество», так как термин «международное общество» не прижился в русскоязычном дискурсе по международным отношениям и в случае употребления имел бы другую коннотацию, чем его английский оригинал.

Для более точного понимания данного феномена Большой Евразии как регионального международного сообщества необходимо проанализировать понятие *international society* и соотнести его с другими категори-

ями, используемыми для анализа международных отношений, – такими, как «международный порядок», «система международных отношений», а также предложенным К. Дойчем термином «сообщество безопасности».

Понятие *international society*, как известно, получило развитие в английской школе международных отношений. Х. Булл и А. Уотсон определяют его как «группу государств (или, более широко, как группу независимых политических сообществ), которые не только образуют систему, в том смысле, что поведение одного из них является необходимым фактором для учета другими, но и создают с помощью диалога и взаимного согласия правила и институты для ведения их отношений, а также признают свои общие интересы в соблюдении этих договорённостей»¹⁹.

Согласно Х. Буллу, образуя *international society*, государства преследуют следующие цели: 1) сохранение системы и общества государств как такового; 2) сохранение независимости или внешнего суверенитета отдельных государств (при этом цель сохранения суверенитета отдельных государств второстепенна по отношению к сохранению независимости сообщества в целом); 3) поддержание мира; 4) удовлетворение базовых потребностей общества: снижение насилия, которое влечёт за собой смерть или увечья, и выполнение обещаний и упрочение правил владения собственностью²⁰.

Важную роль в изучении наследия Х. Булла в российской науке сыграл А.Д. Богатуров, который отмечал, что, согласно Буллу, «на всех исторических периодах внутри международной системы (*international system*), охватывающей все государства мира, существовало некое протоядро «международного общества (*international society*)»; в качестве примера античного «международного общества можно привести совокупность греческих полисов (в неё также входили негреческие государства – Персия и Карфаген)²¹

Проводя границу и взаимосвязь между «международным порядком» и «международным обществом», Х. Булл отмечает, что под порядком понимается «модель поведения, которая обеспечивает элементарные или первичные цели общества государств, или между-

¹⁹ Hedley Bull and Adam Watson. "Introduction" / Bull H. and Watson F, eds. *Expansion of International Society*. N.-Y.: Oxford University Press, 1985. P. 1–9.

²⁰ Bull H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. Third Edition. Palgrave, 2002. P. 16–19.

²¹ Богатуров А.Д. *Международные отношения и внешняя политика России*. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 202.

народного общества»²². При исследовании международного порядка обращается внимание не только на соотношение сил между различными акторами, но и на общие проблемы, правила и институты, что даёт возможность рассматривать порядок не только в терминах войны и мира, но дипломатии и международного права²³. Для международного общества с точки зрения английской школы международных отношений также характерны гибкость и открытость.

Со своей стороны, известный теоретик Копенгагенской школы международных отношений Б. Бузан отмечает, что если рассматривать международное сообщество или общество как синоним международного порядка, то мы имеем дело с огромным спектром возможностей без чёткой границы между степенью развития связей между государствами: это могут быть как ранние и не совсем развитие связи, так и формы, которые представляют собой расширенную форму «комплексной взаимозависимости» Р. Кохейна и Дж. Ная²⁴. Поэтому для того, чтобы использовать понятие сообщества или общества в качестве аналитического инструмента, нужно, по мнению Б. Бузана, провести разграничения между «системой» и «системой+сообщество / общество»²⁵.

Понятие системы является более фундаментальным и базовым, чем общество: наличие международного общества уже предполагает существование международной системы, в то время как система может существовать и без принятия более продвинутой формы международного общества. Х. Булл объясняет главное отличие тем, что в международном обществе государства признают общие ценности, уважают достигнутые договорённости и стремление друг друга к независимости, а также сотрудничают в рамках институтов и норм права. В то время как в системе, являющейся более «первородной» формой международных отношений, государства могут взаимодействовать друг с другом, отталкиваясь от соотношения силы и исходя из эгоистических национальных интересов в их узком понимании, без таких

²² Bull H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. Third Edition. Palgrave, 2002. P. 8.

²³ Hoffman S. Foreword to the Second Edition: Revisiting the Anarchical Society. Bull H. *Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. Third Edition. Palgrave, 2002. P. XXVI.

²⁴ Keohane R.O., Nay J.S. *The Power and Interdependence*. Boston: Longman, 2012. 330 p.

²⁵ Buzan B. *From International System to International Society: Structural Realism and Regime Theory // International Organization*. 1993. V. 47. № 3 (Summer). P. 327–352 URL: <http://www.rochelleterman.com/ir/sites/default/files/buzan%201993.pdf>. P. 332.

дополнительных регулирующих факторов как ценности, международного право и институты²⁶.

Э. Хьюррел (A. Hurrell) отмечает у Х. Булла два важных противоречия, касающихся международного сообщества: 1) между институтами и правилами, которые пытаются выполнять посредническую функцию между разными ценностями и пониманием «хорошего», и стремлением распространять единый набор универсальных ценностей; 2) между нормативными амбициями современного международного общества и его все ещё неустойчивой политической, институциональной и культурной основой²⁷.

Б. Бузан выделяет два подхода к интерпретации сообщества (*gemeinschaft* и *gesellschaft*). Первый предполагает, что сообщество – это нечто органичное и традиционное, включающее общие убеждения, опыт и идентичность (это во многом исторический концепт – сообщества, скорее, развиваются, чем создаются). Согласно второму подходу, который можно назвать конструктивистским, сообщества, скорее, базируются на договорённостях и сконструированы, чем основаны на чувствах и традициях – таким образом, они организованы сознательно и могут быть созданы чьим-либо волевым решением²⁸. Так, Т.В. Бордачев отмечает, что хотя у стран Евразии нет общего исторического прошлого и они относятся к разным цивилизациям, на современном этапе их интересы совпадают, и это даёт основу для развития сообщества²⁹.

Как конструктивист Б. Бузан в целом отдаёт предпочтение второму подходу, указывая, что исторический опыт не слишком показателен: хотя в исторических кейсах можно было наблюдать общность культуры, в целом подтвердить её наличие как необходимое условие не представляется возможным (опыт Ближнего Востока показывает, что возможно формирование подсистем и без наличия общей культуры)³⁰. Кроме того,

²⁶ Bull H. *The Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. Third Edition. Palgrave, 2002. P. 13.

²⁷ Hurrell A. Foreword to the Third Edition. Bull H. *Anarchical Society. A Study of Order in World Politics*. Third Edition. Palgrave, 2002. P. XXI.

²⁸ <http://www.rochelleterman.com/ir/sites/default/files/buzan%201993.pdf>. P. 332.

²⁹ Бордачев Т.В. Режим без гегемона? Уроки Запада и сотрудничество в Евразии 29.08.2017 Международный дискуссионный клуб Валдай URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rezhim-bez-gegemona/>

³⁰ *Buzan B. From International System to International Society: Structural Realism and Regime Theory // International Organization*. 1993. V. 47. № 3 (Summer). P. 327–352 URL: <http://www.rochelleterman.com/ir/sites/default/files/buzan%201993.pdf>. P. 333–334.

вне зависимости от культуры, общий уровень развития связей между государствами может вынудить элиты договариваться о правилах взаимодействия для избежания конфликтов, поскольку в противном случае у них не будет конкурентного преимущества перед теми, кто подобные правила сформировал (то есть сообщество может функционально эволюционировать из анархии без существующих культурных связей)³¹.

Отдельное внимание в литературе уделено разграничению понятий «международное сообщество» (international community) и «мировое общество» (world society). Так, по мнению реалистов и, в частности, Моргентау, «мировое общество» выступает своеобразной предтечей мировому правительству, которое сможет привнести порядок в анархичный мир. Согласно альтернативному видению, международное сообщество – это промежуточная станция по отношению к более совершенному мировому обществу³².

Значим также вопрос о том, насколько для формирования и стабильного существования сообщества необходимо наличие гегемона. Например, западное сообщество сформировалось при решающей роли гегемона – США, легитимность и власть которого не оспаривались никем из входящих в это сообщество стран. Именно американское лидерство стало основой как экономических отношений внутри западного сообщества, так и отношений в сфере безопасности: и правила и институты носили, а во многом и продолжают носить там америкоцентричный характер. Ключевая роль США в формировании западного сообщества подтолкнула выработку политэкономом Р. Гилпином теории «гегемонистической стабильности»³³. Осмысление данной теории было также предложено в работах М. Вебба и С. Краснера³⁴, Д. Снидала³⁵, Ч. Киндлбергера³⁶ и ряда других авторов. Однако представите-

³¹ Ibid, P. 334.

³² Ibid, P. 337–338.

³³ *Gilpin R.* The Theory of Hegemonic War. The Origin and Prevention of Major Wars // The Journal of Interdisciplinary History. 1988. V. 18. № 4 (Spring). P. 591–613. Published by: The MIT Press.

³⁴ *Webb M.C., Krasner S.D.* Hegemonic Stability Theory: An Empirical Assessment // Review of International Studies. 1989. V. 15. № 2 (April), Special Issue on the Balance of Power. P. 183–198.

³⁵ *Snidal D.* The Limits of Hegemonic Stability Theory // International Organization. 1985. V. 39. № 4 (Autumn). P. 579–614.

³⁶ *Kindleberger C.P.* Dominance and Leadership in the International Economy: Exploitation, Public Goods, and Free Rides. International Studies Quarterly 1981. V. XXV. P. 247. Google Scholar, 249–50.

ли как английской школы теории международных отношений, так и конструктивизма утверждают, что наличие гегемона для формирования сообщества вовсе не обязательно. По их мнению, международное сообщество должно строиться на согласии входящих в него игроков и быть выше как анархии, так и гегемонии; к тому же иерархичность сообщества и наличие гегемона не согласуются с принципом равенства и сохранением суверенитета государств, которые в него входят³⁷.

Наконец, полезным для концептуализации «Большой Евразии» понятием представляется «сообщество безопасности», предложенное К. Дойчем³⁸. Он отмечал, что сообщество безопасности – это определённая группа, которая стала «интегрированной». Сообщество безопасности строится «на вере части индивидуумов в отдельной группе, что они могут прийти к согласию по крайней мере по одному пункту – что общие социальные проблемы должны и могут быть решены в процессе «мирного изменения»³⁹. Также в рамках сообщества война рассматривается как нечто непривлекательное и невозможное⁴⁰.

Можно допустить, что на пространстве Большой Евразии достаточно длительное время формировались «анклавы» сообществ безопасности, которые на данном этапе могут слиться в единое сообщество безопасности на евразийском пространстве (по аналогии с тем, как Амитав Ачарья рассматривал вопрос формирования сообщества безопасности в рамках АСЕАН⁴¹).

«Большая Евразия» как региональное международное сообщество: индикаторы

Применение указанных теоретических инструментов конструктивизма и английской школы международных отношений к анализу отношений на пространстве Россия – ЕАЭС – Центральная Азия – Китай наглядно демонстрирует, что «Большая Евразия» уже сфор-

³⁷ Buzan B. Hegemony in International Society // Ethics and International Affairs. 2012. V. 26. № 2. P. 282–284 (Рецензия на: Clark I. Hegemony in International Society N. Y.: Oxford University Press, 2011). P. 283.

³⁸ Deutsch K.W. Political Community and the North American Area. International Organization in the Light of Historical Experiment. Princeton University Press, 2015 (Copyright 1957).

³⁹ Ibid., P. 5.

⁴⁰ Ibid., P. 246.

⁴¹ Acharya A. Constructing A Security Community in Southeast Asia: ASEAN and the Problem of Regional Order (Politics in Asia), 2nd Edition.

мировалась как осязаемое региональное международное сообщество. В полном соответствии с конструктивистским подходом оно сформировалось не за счёт общности истории, географии и культуры, а в результате решения ряда стран добровольно выработать определённые правила, принципы и нормы поведения и следовать им во взаимодействии друг с другом. При этом, как учит английская школа, правила отношений внутри сообщества вполне могут и даже должны отличаться от правил отношений с третьими игроками.

В основе сообщества «Большой Евразии» лежат прежде всего особое качество и интенсивность отношений на пространстве Россия – ЕАЭС – Китай.

Особое качество отношений проявляется, во-первых, в невозможности между указанными государствами войны, отказом России, Китая и стран ЕАЭС, а также других государств Центральной Азии, рассматривать её как допустимый внешнеполитический инструмент. Несмотря на сложную историю отношений, сегодня военный конфликт между Россией и Китаем просто немыслим. Стороны рассматривают друг друга наиболее близкими партнёрами в глобальном контексте и дорожат достигнутым уровнем сотрудничества. Их отношения можно охарактеризовать как квазиальянс, который имеет гораздо более глубокую природу, чем их одновременное соперничество с США. Также маловероятны межгосударственные войны в Центральной Азии – при условии сохранения политической стабильности стран региона. Страны вовлечены в такие стабилизирующие отношения в регионе институты, как ЕАЭС, ОДКБ и ШОС. Традиционно главный возмутитель спокойствия в регионе – Узбекистан – перестаёт быть таковым: после смены власти в 2016 г. его отношения с соседями существенно улучшились.

Во-вторых, особое качество отношений проявляется в отсутствии открытого геополитического соперничества и игры с нулевой суммой между Россией и Китаем в Центральной Азии и на пространстве Россия – ЕАЭС – Китай в целом. Вопреки школе политического реализма, Россия и Китай, не являясь военно-политическими союзниками, не рассматривают регион их общего соседства – Центральную Азию – как арену геополитической конкуренции между ними, и руководство России не рассматривает усиление Китая и укрепление его экономического присутствия в Центральной Азии как угрозу для себя и своих интересов. Это – уникальный для истории и нынешнего состояния международных отношений случай отсутствия геополитического соперничества между двумя сосед-

ними великими державами, который резко контрастирует с тем, что имеет место в отношениях и России и Китая с внешними игроками.

Важно отметить, что высокий уровень отношений между РФ и КНР не означает отсутствия критики и проблем в двусторонних отношениях. И в СМИ, и в экспертных комментариях можно встретить аргументы, связанные с «китайской угрозой», сводящиеся к тому, что Китай, пользуясь сужением свободы внешнеполитического маневра России, требует для себя более выгодных условий. В частности, за это активно критиковали сделку с «Силой Сибири»⁴² и ситуацию на озере Байкал⁴³. Тем не менее, несмотря на определённые разногласия, в том числе в сфере экологии, туризма и других областях, скорее, речь идёт о проблемах, легко разрешаемых в рабочем порядке. Нельзя говорить о критической зависимости РФ от Китая – ни в экономике, ни тем более в политике.

Причина этого в том, что действия Китая в Центральной Азии и рост его торговли и инвестиций со странами региона не расшатывают главные основы российского влияния в регионе: зависимость от российского рынка труда и россия-центричные институты – ЕАЭС и ОДКБ, и не преследуют такой цели в принципе. Пекин не рассматривает данные институты как негативный для себя фактор и не предлагает странам региона конкурентные интеграционные проекты или институты коллективной безопасности и обороны, которые вошли бы в противоречие с российскими проектами – как имеет место в случае с ЕАЭС и Восточным партнёрством ЕС. В отличие от США и Евросоюза Китай не ставит центральноазиатские страны перед выбором «или Китай или Россия» и не настаивает на их выходе из россияцентричных институтов в качестве условия углубления отношений с КНР.

Стороны, напротив, стремятся согласовать друг с другом свои важнейшие инициативы на евразийском пространстве и реализовывать их таким образом, чтобы они не входили друг с другом в противоречие, а, напротив, дополняли друг друга и сопрягались. Самый яркий пример – решение Москвы и Пекина о сопряжении их главных евразийских проектов – ЕАЭС и Экономический пояс Шелкового пути (теперь: Один пояс – один путь), принятое уже через пять месяцев по-

⁴² Хачатуров А. «Газпром» сильно проигрывает, а с ним Россия // Новая газета, № 54 от 25 мая 2018. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/05/24/76579-gazprom-silno-proigryvaet-a-s-nim-rossiya>

⁴³ Михалев И. Китайцы захватывают земли на Байкале – и это приводит россиян в ярость / ИНОСМИ.РУ 05.01.2018 URL: <https://inosmi.ru/social/20180105/241135873.html>

сле создания Евразийского экономического союза 1 января 2015 г. При этом ОПОП по своей природе, действительно, не составляет ЕАЭС каковую-либо конкуренцию: он априори не является интеграционным проектом и не создаёт пространства правил и институтов, которое входило бы в противоречие с обязательствами по ЕАЭС, – как имеет место с проектом Восточного партнерства Евросоюза.

Количество и важность общих интересов России и Китая в Центральной Азии существенно превышает вес разногласий. Последние касаются в основном степени либерализации экономических отношений Пекина с ЕАЭС: Россия и другие страны Союза опасаются, что более глубокая либерализация, как то создание зоны свободной торговли, за что выступает КНР, негативно скажется на их экономическом развитии. Общие же интересы включают в себя обеспечение экономического развития и политической стабильности стран Центральной Азии, ослабление присутствия в регионе внешних сил, прежде всего США, а также поддержку друг друга на международной арене в целом в условиях нынешней двойной конфронтации США с Китаем и Россией.

В-третьих, особое качество отношений на пространстве Россия – ЕАЭС – Китай выражается в том, как стороны управляют усиливающейся асимметрией российско-китайских отношений в пользу Пекина. В соответствии с положениями реалистской теории Россия должна опасаться превращения своего восточного соседа в экономическую, а вскоре и военную сверхдержаву. Китай уже как минимум 11 лет (с экономического кризиса 2008 г. и создания «Большой двадцатки») играет несопоставимо большую роль в мировой экономике, чем Россия (в 2017 г. ВВП КНР составил 12,24 трлн долл., в то время как ВВП РФ – 1,58 трлн долл.)⁴⁴. Его политическое влияние не уступает, а присутствие в глобальном масштабе превышает российское. В военном отношении Пекин тоже обгоняет Москву по части неядерных вооружённых сил и в течение полутора–двух десятилетий превратится в третью ядерную сверхдержаву. По данным СИПРИ, Китай является второй в мире страной по количеству военных расходов после США, при этом он тратит на них почти в 3,5 раза больше РФ (в 2017 г. количество военных расходов КНР оценивалось в 228 млрд долл., а РФ – в 66,3 млрд долл.)⁴⁵. Нако-

⁴⁴ Всемирный банк – <https://data.worldbank.org/indicator/ny.gdp.mktp.cd>.

⁴⁵ SIPRI Yearbook 2018 Armaments, Disarmament and International Security. Summary. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-06/yb_18_summary_en_0.pdf.

нец, с обвала российско-западных отношений 2014 г. сильно возросла общая зависимость России от Китая, которая по своей значимости для Москвы превышает зависимость Китая от России.

Однако эта растущая асимметрия не приводит к попыткам Москвы как-то отгородиться от Китая и тем более искать от него защиту на Западе, пытаясь улучшить отношения с США и ЕС ценой односторонних уступок и фундаментального разворота внешней и внутренней политики. При этом Россия не становится и «младшим партнёром» КНР, сохраняя полную самостоятельность во внешней и оборонной политике и не допуская критической экономической зависимости от Китая. Действительно, Москва намеренно не стала брать существенно большую финансово-экономическую помощь Китая в 2015–2018 гг., когда постоянно усиливался режим западных санкций, а также ограничивает вхождение китайского бизнеса и государства в стратегические проекты (как, например, высокоскоростные магистрали). Во внешней политике Россия открыто ориентируется на создание сбалансированной сети партнёрских отношений со всеми ключевыми державами и группами стран Азии (Индия, Япония, Южная Корея, страны АСЕАН), большинство которых относится к КНР с разной степенью враждебности. В военной сфере Россия полностью самодостаточна и не увязывает свою обороноспособность с характером отношений с КНР.

Объяснение кроется в том, что обе стороны всячески избегают инструментализации асимметрии в двусторонних отношениях и на пространстве общего соседства и строго придерживаются принципов равноправия, тем самым не допуская негативного влияния этой асимметрии на российско-китайские отношения. В Пекине ясно понимают, что стратегически сохранение позитивных партнёрских отношений с Москвой для него гораздо важнее извлечения каких-либо тактических выгод и уступок с её стороны, которые Китай мог бы получить, используя асимметрию в практической политике. Данное понимание связано с его стремлением обеспечить себя надёжным дружественным «тылом» и стратегической глубиной в условиях, когда практически все остальные соседи Китая, особенно из числа великих держав, всё более балансируют против него, и тем более в условиях усиливающейся стратегической конфронтации с США. Последняя существенно снижает вероятность того, что Китай перейдёт к открытому использованию асимметрии с Россией и, тем самым, откажется от уважительного отношения и принципа равноправия, в ближайшие два–три десятилетия.

В-четвёртых, особое качество отношений на пространстве «Большой Евразии» проявляется в том, что Россия, Китай и страны ЕАЭС, а также отчасти не входящие в ЕАЭС Узбекистан (после смены высшего руководства), Таджикистан и нейтральный Туркменистан, руководствуются в своей политике друг в отношении друга следующими принципами.

- Осознанный отказ подрывать важные интересы друг друга. Ни Россия, ни Китай не стремятся вытолкнуть друг друга из Центральной Азии, а страны региона, в отличие от западных республик бывшего СССР, не пытаются столкнуть Москву и Пекин лбами, разыграть геополитическое соперничество между ними. Китай проводит в Центральной Азии и на Евразийском пространстве в целом такую политику, которая не подрывает ЕАЭС и ОДКБ и достигнутый уровень отношений России со странами Центральной Азии в целом. Россия, в свою очередь, не препятствует масштабному экономическому присутствию КНР в Центральной Азии и даже его превращению в главного торгового партнёра ряда стран региона.
- Доверие. Достигнутый на сегодняшний день уровень доверия между Россией и Китаем носит беспрецедентный характер – как для истории их двусторонних отношений, так и для истории и практики отношений двух соседних великих держав, не являющихся военно-политическими союзниками. Россия не рассматривает действия КНР, в том числе в военной сфере как угрозу, а степень координации их действий на международной арене, опять-таки, беспрецедентна для отношений двух великих держав. Высок и уровень доверия внутри ЕАЭС.
- Разрешение конфликтов и споров через институты, согласованные механизмы и правила, а не через односторонние действия и тем более применение грубой силы. Тот факт, что споры Россия–Китай и ЕАЭС–Китай – при том, что они есть – как правило, не попадают в публичную сферу, как раз и подтверждает приверженность сторон установленным правилам и механизмам их разрешения. Разногласия внутри стран ЕАЭС тоже по большей части не приводят к открытым конфликтам, а обсуждаются в рамках межправительственных институтов. Односторонние действия, разумеется, имеют место (российско-белорусские споры, российские контрсанкции), но не приводят к эскалации споров на опасный для выживания ЕАЭС уровень, и стороны, как правило, чётко осознают «красные линии».

- Минимизации роли внешних сил, прежде всего США. Это – один из первоочередных принципов внешней политики России и Китая в Центральной Азии. При этом если обе стороны не рассматривают присутствие друг друга в регионе как угрозу, то в оценке американской роли в Центральной Азии как негативной между Москвой и Пекином нет разногласий. Сами же страны региона, хотя и стремятся сохранить конструктивные отношения с США как воплощение многовекторности их внешней политики и внешнеполитической самостоятельности, стремятся держать присутствие и влияние Вашингтона в определённых рамках, которые бы не угрожали стабильности существующим в регионе политическим режимам.

В-пятых, уже можно выделить нормативную основу международного сообщества «Большой Евразии». Нормы, которых придерживаются Россия, Китай, страны ЕАЭС и некоторые другие государства региона отчасти зафиксированы в базовых документах таких организаций региона, как Шанхайская организация сотрудничества, отчасти же носят неформальный характер. Они включают в себя: а) классическое вестфальское понимание государственного суверенитета (политическая легитимность друг друга несмотря на характер внутриполитических режимов, невмешательство во внутренние дела, противодействие западной политике распространения демократии); б) сильное государство, суверенитет и независимость как высшие ценности, более ценные, чем индивид и политические права человека в западном понимании; в) политическую стабильность, стремление избежать внутриполитического хаоса и неприятие чреватых дестабилизацией идей и ценностей; г) борьбу с экстремизмом, терроризмом, радикальными религиозными течениями, включая исламизм, и сепаратизмом, восприятие их как зла.

Ещё раз подчеркнём, что подобное качество отсутствует в отношениях России, Китая и стран ЕАЭС с третьими странами. Там нет приверженности общим принципам и нормам и действуют более классические «базовые» закономерности международных отношений, включая открытое геополитическое соперничество и игра с нулевой суммой. Последнее, в частности, в полной мере присутствует в отношениях России с США и ЕС и на пространстве стран, включённых в программу Восточного партнёрства Евросоюза. Острое геополитическое соперничество характеризует также отношения Китая с Японией, Индией, отношения в Южно-Китайском море, а также с США. Каче-

ство отношений стран ЕАЭС с внешними игроками также существенно отличается от того, что имеет место в их отношениях с Россией в рамках интеграционного проекта и с Китаем как зачастую с главным торгово-экономическим партнёром.

Не менее важный индикатор существования на пространстве «Большой Евразии» регионального международного сообщества – высокая интенсивность отношений на данном пространстве, существенно превосходящая интенсивность отношений его участников с третьими странами.

Китай и Россия являются друг для друга самыми близкими и предпочтительными партнёрами из числа великих держав, и интенсивность их внешнеполитического взаимодействия зримо превосходит интенсивность их отношений с третьими игроками. Первые или одни из первых зарубежных визитов руководители России и КНР наносят друг к другу. Интенсивность внешнеполитической координации по широкой международно-политической повестке дня беспрецедентна, и стороны, как правило, занимают одинаковые или сходные позиции по большинству вопросов международной безопасности, что наиболее наглядно проявляется в деятельности России и КНР в институтах ООН. Интенсивность рабочего взаимодействия на уровне отдельных министерств и ведомств и гражданского общества России и Китая так же выше, чем с большинством других партнёров из числа великих держав.

То же касается интенсивности взаимодействия России и Китая с ЕАЭС. В случае с Россией она естественна и необходима в силу интеграционной природы отношений внутри Евразийского союза и роли РФ как организующего начала данного проекта, связывающего участвующие в нём страны воедино. Китай же является самым крупным внешним партнёром ЕАЭС. Хотя режим их торговых отношений не самый предпочтительный (большинство стран Союза не готовы к режиму свободной торговли с Китаем, не говоря уже о более глубоких формах интеграции – таможенный союз и общее экономическое пространство), интенсивность рабочего взаимодействия, в том числе по конкретным проектам, тем не менее, выше, чем у институтов и стран Союза с кем-либо другим из внешних партнёров. Между ЕАЭС и Китаем развивается особая форма взаимодействия – продекларированное в мае 2015 г. «сопряжение» евразийской экономической интеграции и китайской инициативы ЭПШП, что как минимум означает учёт интересов друг друга при создании и реализации проектов и рас-

смотрение друг друга как самых преференциальных партнёров ради совместного экономического развития.

Единственное, что отсутствует у сообщества «Большой Евразии» по сравнению с некоторыми другими, это единая институциональная основа. Таковой, например, является НАТО для Евроатлантического сообщества. Однако в соответствии с теорией и практикой международных отношений, наличие подобных единых базовых институтов для существования региональных международных сообществ вовсе не обязательно. В Азии, например, слабость институтов и плюрализм форматов взаимодействия является одной из отличительных особенностей международных отношений и стратегической культуры. И даже на Западе общие институты стали скорее результатом «взросления» сообщества, чем его предпосылкой.

На пространстве «Большой Евразии» присутствует конгломерат организаций и структур самого разного свойства – Евразийский экономический союз, Организация Договора коллективной безопасности, ШОС, Фонд Шёлкового пути, Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, отчасти АСЕАН, БРИКС и ВРЭП (если состоится). Все они обладают смежным и пересекающимся функционалом, но не являются конкурирующими и не противодействуют друг другу. Напротив, они разделяют общую идею формирования «Большой Евразии» (в официальной российской терминологии – «большого Евразийского партнёрства») или по крайней мере не выступают против неё. Образующаяся в результате гибкость сообщества «Большой Евразии» – скорее его преимущество по сравнению с более институционализированными сообществами по типу Евроатлантики. А именно, обеспечивается открытость евразийского сообщества, участие в котором не требует формального присоединения к той или иной организации. В случае же с Евроатлантикой подобное присоединение происходит именно через формальное вступление в НАТО и /или ЕС, что в случае со странами бывшего СССР оборачивается серьёзными конфликтами, вплоть до вооружённых, конфронтации Россия – НАТО и стратегическим тупиком и стагнацией отношений Россия – ЕС. В этой связи нельзя не согласиться с теми российскими экспертами, которые уже указывали, что «Большая Евразия не должна представлять собой единый институт или стремиться к этому»⁴⁶.

⁴⁶ Бордачев Т.В., Пятачкова А.С. Концепция Большой Евразии в повороте России на Восток // Вест. международных организаций. 2018. Т. 13. № 3. С. 45.

Представленный обзор показывает, что как международное региональное сообщество «Большая Евразия» представляет собой более реальный международно-политический конструкт, чем, например, продвигаемая США концепция Индо-Тихоокеанского региона. Последняя опирается на стремление США выстроить более тесное партнёрство с Индией, укрепление отношений Нью-Дели и Токио, а также формировании четырёхстороннего формата сотрудничества США, Японии, Индии и Австралии (так называемый Quad). При этом в отличие от Большой Евразии, участники ИТР не объединены особым качеством отношений внутри сообщества и не базируют их на определённых принципах, нормах и правилах. Подобные правила и нормы имеют место в отношениях США и их союзников в АТР, но явно не распространяются на Индию, причём как в области безопасности, так и в экономике. Индия, как ни иронично это звучит, пока остаётся явно гетерогенным элементом в той концепции ИТР, которую продвигают США. Более того, в отличие от Большой Евразии, концепция ИТР (опять-таки, в том виде, как её продвигают США) изначально носила и продолжает носить ярко выраженный антикитайский характер, будучи по сути оболочкой и одним из инструментов сдерживания КНР, сохранения в АТР международного экономического и политического порядка, благоприятного США и основывающихся на американском лидерстве, и не допущения того, чтобы вместо них в регионе возобладали международные порядки, ориентированные на Пекин. Тем самым ИТР является по своей природе эксклюзивной и ограничительной концепцией, де факто содействующей поляризации Тихоокеанского региона по блоковому принципу, в то время как «Большая Евразия», напротив, носит открытый характер и допускает участие внешних игроков – европейских и азиатских стран, в случае наличия у них желания участвовать.

Факторы формирования Большой Евразии

Главными факторами формирования сообщества «Большой Евразии» представляются качественное усиление азиатского вектора российской внешней политики и попытка полномасштабной интеграции России в процессы в АТР, создание Евразийского экономического союза и его постепенное вплетение в ткань экономических отношений в Азии и АТР, зримое усиление евразийского вектора во

внешней и внешнеэкономической политике Китая, в том числе запуск инициативы «Один пояс – один путь», и обновление Шанхайской организации сотрудничества после вступления в неё Индии и Пакистана, завершившегося в 2017 г.

Рост внимания России к восточному направлению её внешней политики – это логичное следствие смещения баланса сил в АТР, увеличения его экономического и политического значения в мировом масштабе. К 2011–2012 гг. в Москве сформировалось понимание, что роль России в мировой политике XXI в. будет прямо пропорциональна тому месту, которое страна будет занимать в АТР, и второстепенное положение в регионе будет чревато её глобальной маргинализацией. Вторым главным императивом политики «поворота на Восток» стало осознание российским руководством срочной необходимости развития регионов Дальнего Востока, которые могут превратиться или в источник быстрого роста, или в проблему безопасности национального масштаба. Поскольку внутренних российских ресурсов для обеспечения ускоренного развития Дальнего Востока недостаточно, основой этого может стать его интеграция в экономические процессы в АТР. Обвал отношений России с Западом и введение против неё экономических санкций придал этому направлению её внешней политики дополнительную динамику, но не стал его первопричиной.

На момент 2019 г. на восточном направлении российской внешней политики уже достигнуты многие результаты. Основные достижения – укрепление отношений с КНР, товарооборот с которой в 2018 г. вырос на 27,1% и составил 107 млрд долл.⁴⁷, активизация взаимодействия с Японией, Индией, Кореей, Вьетнамом и рядом других азиатских стран. Только контракты по итогам ВЭФ 2018 г. оцениваются в 3,1 трлн рублей⁴⁸. Как указывалось выше, доля Азии и Евразии во внешней торговле России к концу второго десятилетия XXI в. превышает долю Европы и Запада в целом. В политическом плане именно страны Азии – Китай и Индия – наиболее дружественные России внешнеполитические партнёры среди великих держав, и её международно-политические отношения с азиатскими странами в целом но-

⁴⁷ Товарооборот России и Китая в 2018 г. вырос на 27,1%. ТАСС, 14 января 2019 URL: <https://tass.ru/ekonomika/5994096>.

⁴⁸ Там же.

сят гораздо более конструктивный и интенсивный характер, чем со странами ЕС и тем более с США. Азиатские союзники США – Япония и Южная Корея – или не ввели против России санкции вообще, как Сеул, или, в случае с Токио, ограничились символическими мерами и последовательно выступают за укрепление отношений. В этом смысле поворот России на восток уже состоялся, и баланс в её внешней и внешнеэкономической политике восстанавливается.

Интенсивность и конструктивный характер отношений России со странами Азии, превращение азиатского направления в самый приоритетный вектор внешней политики России после постсоветского пространства, которые зримо контрастируют с углублением геополитического раскола между Россией и Европейским Союзом, в свою очередь, представляют собой одну из главных предпосылок и основ формирования сообщества «Большой Евразии». В условиях, когда Россия инерционно пыталась позиционировать себя в рамках геополитической и международно-политической «Большой Европы», создание «Большой Евразии» было невозможным.

Создание в 2015 г. Евразийского экономического союза и дальнейшая работа по углублению евразийской интеграции (с выходом к 2025 г. на общий рынок) и развитию системы его внешнеэкономических связей имеет для реализации российского поворота на восток, общей ребалансировки её внешней политики и формирования «Большой Евразии» не менее важное значение, чем двусторонние отношения России со странами Азии. Во-первых, будучи объективно Россия-центристским с учётом распределения сил в Союзе, ЕАЭС – это вполне состоявшийся самостоятельный интеграционный проект, который уже опережает по степени интеграции такие структуры, как АСЕАН, НАФТА и МЕРКОСУР. Тем самым он существенно повышает вес России в Азии и Евразии и самим фактом своего существования подтверждает её статус одного из центров многополярного мира.

Во-вторых, ЕАЭС является наиболее продвинутым интеграционным формированием «Большой Евразии», самой сильной многосторонней структурой, обладающей массивным набором правил, наднациональными и межправительственными институтами, тем самым объективно становясь основой мультилатералистской традиции региона – по типу того, как ЕС является основой мультилатерализма в Европе. В этом контексте дальнейшее углубление евразийской интеграции и развитие системы его внешнеэкономических связей –

прежде всего со странами Азии и Евразии – превращают «Большую Евразию» в гораздо более сплочённое и интегрированное сообщество, чем просто совокупность двусторонних отношений.

В-третьих, как интеграционный проект ЕАЭС играет важную роль в закреплении тех правил и принципов межгосударственного взаимодействия, которые формируют основу сообщества «Большой Евразии». Он придаёт устойчивость экономикам входящих в него стран в условиях нестабильности глобальной экономики и тем самым позволяет им сохранять субъектность в мировых делах. Кроме того, ЕАЭС самим фактом своего существования позволяет снижать конфликтность в отношениях РФ с участвующими в интеграции постсоветскими странами и геополитическую конкуренцию с Китаем. Имеются серьёзные основания полагать, что если бы ЕАЭС не существовало, геополитическая конкуренция на постсоветском пространстве, в том числе в Центральной Азии, носила бы гораздо более интенсивный характер, чем сейчас. Внешние игроки стремились бы выстроить со странами региона значительно более тесные отношения и втянуть их в не-Россия-центричные форматы, что, в свою очередь, приводило бы к конфликтам в отношении этих стран с Москвой. Подобная ситуация сложилась в отношениях России с не участвующими в Россия-центричной интеграции Украиной, Грузией и Молдовой. Возможно, без ЕАЭС политика Китая в Центральной Азии тоже носила бы менее приемлемый для России характер.

ЕАЭС уже продемонстрировал ряд достижений в развитии евразийской интеграции. Так, в рамках Союза сформировалась устойчивая институциональная база. На данный момент Союз является вторым по уровню интеграции проектом региональной экономической интеграции в мире после Европейского союза. Рынок ЕАЭС насчитывает 183,4 млн человек и функционирует согласно нормам Всемирной торговой организации (далее – ВТО)⁴⁹, наблюдается прогресс и в торгово-экономическом сотрудничестве ЕАЭС с третьими странами. В 2016 г. вступило в силу соглашение о зоне свободной торговли между ЕАЭС

⁴⁹ Евразийская экономическая интеграция: цифры и факты. 11.12.2017 // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/2659_%D0%A6%D0%B8%D1%84%D1%80%D1%8B%20%D0%B8%20%D1%84%D0%B0%D0%BA%D1%82%D1%8B_12.%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9%20%D0%B8%D1%82%D0%BE%D0%B3.%2011.12.2017.pdf

и Вьетнамом⁵⁰, в 2018 г. – Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС) и Исламской Республикой Иран⁵¹.

Для евразийской интеграции имеет большое значение особое качество отношений между РФ и КНР: отсутствие между странами взаимодействия в формате «игры с нулевой суммой» даёт большое пространство для сотрудничества. Помимо сопряжения ЕАЭС и ЭППШ⁵² стоит обратить внимание на то, что в октябре 2017 г. официально завершились переговоры по соглашению о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем⁵³. В рамках Астанинского экономического форума 17 мая 2018 г. было подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китайской Народной Республикой (КНР)⁵⁴. Данное соглашение стало одним из главных осозаемых результатов сопряжения строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути, договорённость о котором была объявлена в совместном заявлении России и КНР от 8 мая 2015 г.⁵⁵.

⁵⁰ Соглашения о свободной торговле с Вьетнамом. // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/trade/dotp/Pages/%D0%A1%D0%BE%D0%B3%D0%BB%D0%B0%D1%88%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F-%D0%BE%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D0%BE%D0%B9-%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B3%D0%BE%D0%B2%D0%BB%D0%B5-%D1%81-%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%82%D1%8C%D0%B8%D0%BC%D0%B8-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B0%D0%BC%D0%B8.aspx>

⁵¹ Подписано Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном. Официальный сайт Евразийской экономической комиссии 17.05.2018 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-1.aspx>

⁵² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. 8 мая 2015 г. Официальный сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>

⁵³ ЕАЭС и Китай ориентированы на рынок в торгово-экономическом и инвестиционном сотрудничестве // Официальный сайт Евразийской экономической комиссии. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/19-06-2018-3.aspx>

⁵⁴ Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между Евразийским экономическим союзом и его государствами-членами, с одной стороны, и Китайской Народной Республикой, с другой [Электронные ресурсы]. Режим доступа: https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01417817/iatc_21052018

⁵⁵ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути. Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/4971>

В то время как Россия осуществляет поворот на восток, Китай поворачивается на запад (в географическом, не политическом смысле). Данный поворот выражается в инициативе ОПОП, которая объединяет континентальный Экономический пояс Шелкового пути (ЭПШП) и «Морской Шелковый путь XXI века», и в стремлении КНР интенсифицировать отношения со странами – реальными и потенциальными участниками этой инициативы: Россией, странами ЕАЭС и постсоветского пространства в целом, Южной Азии, Среднего Востока и Европы.

Несмотря на ряд значительных успехов⁵⁶, в последнее время ОПОП часто критикуют за то, что участие в нём «увеличивает риски дефолта в развивающихся странах с нестабильной экономикой»⁵⁷, что на практике приводит к замедлению реализации запланированных проектов (или как в случае Малайзии – отказу от участия в ряде ключевых проектов инициативы). Так, в декабре 2018 г. Пакистан обратился к Пекину с просьбой отложить совместный проект в сфере угольной энергетики стоимостью 2 млрд долл., а Мьянма снизила стоимость поддерживаемого Китаем глубоководного порта в штате Ракхайн, где ведётся конфликт, с \$7,3 млрд до \$1,3 млрд долларов⁵⁸. Тем не менее, такая инициатива даёт дополнительные возможности для реализации сообщества Большой Евразии – при учёте опыта и рисков, связанных с имплементацией запланированных проектов. Она в любом случае качественно повышает интенсивность позитивного сотрудничества на евразийском пространстве и создаёт там новые очаги экономического роста, становясь тем самым третьей после активизации политики России и развития ЕАЭС опорой сообщества «Большой Евразии».

Символическим стартом формирования «Большой Евразии» можно считать принятие Россией и Китаем 8 мая 2015 г. – четыре месяца спустя образования Евразийского экономического союза – указанного выше Совместного заявления о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП. Оно

⁵⁶ По данным на 2017 г. инвестиции китайских предприятий в страны вдоль «Пояса и пути», превысили 49,3 млрд долл., в 20 странах были созданы 56 зон зарубежного торгово-экономического сотрудничества с накопленными инвестициями 17,9 млрд долл., что создало 163 тыс. рабочих мест. <https://tass.ru/ekonomika/4247343>

⁵⁷ Коростиков М. Колдобины Шелкового пути. Почему страны все чаще выходят из главного международного проекта Китая 29.08.2018. Московский центр Карнеги. URL: <https://carnegie.ru/commentary/77125>

⁵⁸ Всё больше стран сворачивают проекты Нового Шёлкового пути на фоне опасений по поводу долга // Вести. Экономика 21.01.2019 URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/113383>

как минимум гарантировало, что главные евразийские инициативы России и Китая будут развиваться не против друг друга и даже не параллельно, а совместно, в координации и для обоюдной выгоды. Это уже устраняло опасность игры с нулевой суммой на пространстве общего соседства России и КНР и предотвращало геополитическую конкуренцию между ними. Китай превращался в фактор углубления и укрепления евразийской экономической интеграции, а ЕАЭС – в институт, благоприятствующий Китаю, а не противодействующий ему. Совместное развитие данных инициатив также превращает их в своего рода центральную ось «Большой Евразии», вокруг которой выстраивается остальная система отношений в этом сообществе.

Четвёртый фактор формирования «Большой Евразии» как регионального международного сообщества – превращение ШОС в одну из наиболее представительных организаций евразийского пространства со вступлением в неё Индии и Пакистана, завершившимся в 2017 г. При этом Иран, Монголия, Афганистан и Белоруссия являются странами-наблюдателями ШОС, а Азербайджан, Армения, Турция, Камбоджа, Непал и Шри-Ланка – партнёрами по диалогу. Если сопряжение ЕАЭС – ЭПШП можно рассматривать как экономическую опору «Большой Евразии», то ШОС без сомнения является её опорой в области политики и безопасности.

Главным фактором, который будет оказывать влияние на дальнейшее развитие ШОС и её потенциал для РФ, станет процесс адаптации организации к функционированию в новом составе. Хотя никто не ожидает быстрого решения индо-пакистанской проблемы, в рамках ШОС Индия и Пакистан будут иметь возможность выстраивать конструктивный совместный диалог, который в долгосрочной перспективе может позитивно отразиться на обстановке в регионе. Присутствие Индии в ШОС рассматривается Россией как возможность сдерживания амбиций КНР в регионе и привлечения Индии к более активному сотрудничеству. Кроме того, вступление Индии в ШОС позволяет по-новому оценить взаимодействие КНР, РФ и Индии в рамках БРИКС и других форматов сотрудничества, которые могут быть полезны России в условиях конфронтации с Западом.

В то же время расширение может негативно повлиять на эффективность данной ШОС. Поскольку решения принимаются консенсусом, присутствие Индии и Пакистана, которые имеют разные взгляды не только на двусторонние отношения, но и проблемы регионального

развития, может снизить способность ШОС выполнять свои функции. Так, например, Индия с опаской относится к китайской инициативе ОПОП, в то время как остальные участники организации ее поддерживают. В этой связи целесообразно фокусировать повестку дня организации на тех вопросах, по которым между участниками нет острых разногласий, но при этом использовать её как многостороннюю дискуссионную площадку для обсуждения таких вопросов, как ОПОП. Россия могла бы поделиться с Индией своим опытом сопряжения ЭПШП и ЕАЭС, показывая тем самым, что взаимодействия с Китаем по этой его инициативе не приводит к критической зависимости от него и превращению в «младшего партнёра».

Вопреки высказывавшимся в последние два–три года опасениям, Индия не играет в ШОС роль «троянского коня», парализуя деятельность организации. Напротив, участие в ней укрепляет евразийский вектор внешней политики Нью-Дели, которая остаётся привержена сбалансированной и многовекторной внешней политике и не намерена превращаться в одного из младших союзников США в «Индо-Тихоокеанском регионе», и делает Индию одним из полноценных игроков Евразии. При этом по мере укрепления индо-американского сотрудничества растёт и интерес Индии к Евразии и ШОС. Это всецело соответствует интересам Москвы, которая рассматривает Нью-Дели как важный балансир Китаю и предотвращения тем самым даже самой возможности китайской гегемонии в «Большой Евразии», которая была бы для последней губительна. Усиливающееся же соперничество Китая и США, которое с 2017–2018 гг. всё больше приобретает черты конфронтации, усиливает и китайских интерес и конструктивный подход к ШОС. Пекин рассматривает организацию как важный фактор собственной устойчивости и укрепления своих позиций в соперничестве с Вашингтоном.

Архитектура сообщества «Большой Евразии»

Анализ факторов формирования «Большой Евразии» позволяет сделать вывод о том, что её архитектура строится на трёх главных опорах: российско-китайское партнёрство; сопряжение ЕАЭС – ОПОП и выстраивание гибкой системы внешнеэкономических отношений ЕАЭС со странами и объединениями Азии как экономическая опора сообщества; Шанхайская организация сотрудничества как опора в сфе-

ре безопасности. Эта архитектура не является исчерпывающей и не носит ограничительный характер. Скорее, она служит несущим скелетом данного сообщества, на который могут нанизываться и к которому могут в той или иной степени подключаться другие страны, организации и инициативы. Так, вполне естественными участниками архитектуры «Большой Евразии» из числа международных организаций представляются Организация договора коллективной безопасности (особенно с учётом её тесного взаимодействия с ШОС и обеспечения безопасности стран Центральной Азии от угроз, связанных с Афганистаном) и АСЕАН по мере укрепления связей её членом с ЕАЭС.

Российско-китайское партнёрство служит центральной осью сообщества Большой Евразии, демонстрируя лежащее в её основе особое качество взаимодействия. Т.В. Бордачев, рассуждая о сообществе Большой Евразии, провёл следующую аналогию: Россия и Китай в Большой Евразии – это аналог тандема Франции и Германии в лучшие годы европейской интеграции⁵⁹. Формат Большой Евразии, с одной стороны, даёт возможность балансирования мощи Китая, а с другой – позволяет Китаю реализовывать проекты в атмосфере сотрудничества, нивелируя тем самым риски, связанные с теорией «китайской угрозы». Если отношения Москвы и Пекина ухудшатся или тем более перейдут к соперничеству, существование «Большой Евразии» станет невозможным – точно так же, как окончательный обвал отношений России и ЕС в 2014 г. поставил крест на «Большой Европе».

Китай оказал России поддержку после начала украинского кризиса, с этого момента сотрудничество заметно активизировалось и вышло на новый уровень. Были поддержаны и реализованы многие проекты и инициативы, в том числе по увеличению поставок российского газа⁶⁰, развитию инфраструктуры и транспорта, сельского хозяйства и целого спектра других направлений⁶¹, включая гуманитарное сотрудничество. Визиты глав государств носят регулярный характер, лидеры поддерживают важные друг для друга инициативы. Российский лидер регу-

⁵⁹ Бордачев Т. Евразия: обречённая на разделённость? 07.09.2017 Международный дискуссионный клуб Валдай URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/evraziya-obrechyennaya-na-razdelyennost/>

⁶⁰ Старинская Г. Россия и Китай договариваются об увеличении поставок российского газа // Ведомости, 13 сентября 2018 URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/09/13/780729-rossiya>

⁶¹ Сферы российско-китайских инвестиций. Invest Rating. URL: <https://www.invest-rating.ru/russia-china-spheres/>

лярно посещает международный форум «Один пояс – один путь»⁶², а Си Цзиньпин в 2018 г. впервые присутствовал на ВЭФ. Однако это не значит, что в отдельных сферах сотрудничества не проявляются противоречия и сложности (например, в конце декабря 2018 г. было отложено соглашение РФ и КНР о расчётах в национальных валютах), но они никоим образом не подрывают особый характер российско-китайских отношений, проанализированный в предыдущих разделах.

Помимо предотвращения конкуренции между ЕАЭС и ОПОП и стимулирования их скоординированного развития, сопряжение этих двух инициатив создаёт предпосылки для того, что именно пространство ЕАЭС станет наиболее приоритетным направлением реализации китайской инициативы, содействуя тем самым интеграции России и ЕАЭС в экономические процессы Азии и АТР. По мнению экспертов, можно выделить не менее шести транспортных маршрутов в рамках ЭПШП, представляющих интерес для стран ЕАЭС: 1) планируемый РФ и КНР высокоскоростной железнодорожный коридор «Пекин – Москва»; 2) коридор «Китай – Монголия – Россия»; 3) «Китай – Центральная Азия – Западная Азия»; 4) «Китай – Индокитайский полуостров»; 5) «Китай – Пакистан»; 6) «Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма»⁶³

Большую роль в развитии «Большой Евразии» будут играть структуры, которые были созданы для поддержки Пояса и Пути. В декабре 2014 г. был запущен Фонд Шёлкового пути (объёмом 40 млрд долл.), в декабре 2015 г. – Азиатский банк инфраструктурных инвестиций с капиталом 100 млрд долларов. Участие России в финансовых структурах, которые направлены на развитие ОПОП, также создаёт дополнительные возможности для улучшения региональной инфраструктуры. Членство России в АБИИ открывает возможности для её участия в создании региональной инфраструктуры и привлечения средств для развития внутренних инфраструктурных проектов, в том числе в рамках инициативы сопряжения ЕАЭС и ЭПШП. Важно отметить, что в географическом смысле речь идёт не только о странах АТР, но и о вне-

⁶² Межгосударственные отношения России и Китая. РИА Новости. 14 ноября 2018 URL: <https://ria.ru/20181114/1532711228.html>; Путин станет главным гостем на форуме 20дин пояс – один путь» в Китае. 26 декабря 2018. РИА Новости URL: <https://ria.ru/20181226/1548710965.html>

⁶³ Российско-китайский диалог: модель 2017: доклад № 33/2017 / [С.Г. Лузянин (рук.) и др.; Х. Чжао (рук.) и др.; гл. ред. И.С. Иванов]; Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. 167 с.

региональных игроках (так, членом АБИИ являются Великобритания, Германия, Австрия, Бразилия и ряд других государств).

Наконец, третьей опорой «Большой Евразии» является ШОС как самая представительная организация региона и основной форум для обсуждения вопросов безопасности. Она также может внести позитивный вклад в продвижение инфраструктурных проектов, развитие экономических связей.

Прежде всего, опираясь на опыт своей Региональной Антитеррористической Структуры (РАТС), ШОС представляется важнейшим инструментом обеспечения безопасности (в том числе, транспортных маршрутов) и противодействия общим трансграничным угрозам на пространстве «Большой Евразии» (наркотрафик, транснациональная организованная преступность, терроризм, политический и религиозный экстремизм, нелегальная миграция, угрозы, связанные с продолжением войны в Афганистане, отсутствием там политического урегулирования и усилением неафганских террористических группировок). Данная работа может выполняться РАИС ШОС в сотрудничестве с ОДКБ, обладающей важными институциональными и военными инструментами противодействия трансграничным угрозам, включая силы быстрого реагирования.

В рамках ШОС реализуется Программа сотрудничества государств-членов в борьбе с терроризмом, экстремизмом, сепаратизмом на 2019–2021 гг., одобрено подписание Конвенции ШОС по противодействию экстремизму, ведётся работа над Антинаркотической стратегией государств-членов ШОС на 2017–2022 гг. В Стратегии развития ШОС до 2025 г.⁶⁴ отмечается, что Организация намерена активизировать сотрудничество с Евразийской группой по противодействию легализации преступных доходов и финансированию терроризма.

Большая Евразия во внешней политике России

«Большая Евразия» будет оставаться определяющим направлением российской внешней политики на долгосрочную перспективу, вне зависимости от российско-западных отношений. Формирование этого сообщества решает извечную проблему российского позиционирования в мире в условиях, когда сама по себе и даже как центр ЕАЭС и

⁶⁴ Стратегия развития ШОС до 2025 г.

ОДКБ она вряд ли сможет претендовать на роль абсолютно самостоятельного глобального центра, находящегося на одном уровне с такими полюсами, как Китай и США. «Большая Евразия» решает для России вопрос, с кем она в новом полицентрином мире, и лишает её необходимости присоединяться к кому-либо – будь то к Западу или к Китаю в качестве младшего игрока. В течение ближайших десятилетий Россия будет позиционировать себя как лидер – совместно с Китаем – макрорегионального сообщества Большой Евразии, открытого как в Европу, так и в Азию и частично интегрированного в экономические и политические отношения в этих регионах. Это особенно важно в условиях нарастающей асимметрии российско-китайских отношений и сохраняющейся асимметрии между Россией и США. В отношениях КНР и США в последнее время также усиливается конфронтация, которая усугубляется относительным ослаблением позиций США на международной арене и дальнейшим формированием многополярного мира, а значит, невозможностью для США в привычном для них режиме диктовать свои условия и оставаться единственным полюсом.

Развитие Большой Евразии также даёт большие возможности для внутреннего развития России, в том числе для стимулирования проектов в Сибири и на Дальнем Востоке (транспортно-логистических путей, проектов в рамках ТОР, создания новых инфраструктурных объектов, увеличения количества рабочих мест и т.д.).

Кроме того, сообщество Большой Евразии – это огромный ресурс для решения проблем безопасности в регионе, включая терроризм и экстремизм, проблему Афганистана, а также индийско-пакистанские противоречия. При этом наличие различных площадок (ВАС, ОДКБ, ШОС и др.) не противоречит идее сообщества – напротив, в рамках международного сообщества возможно сосуществование различных институтов. Таким образом, под общей концепцией возможно объединение усилий многих структур, которые решают общие для региона задачи.

При этом даже улучшение российско-западных отношений вряд ли приведёт к возрождению попыток формирования «Большой Европы» как пространства, демонстрирующего особую связь России с ЕС и западноевропейскими странами. Подобное уже не отвечает глобальным тенденциям, а также потребностям и складывающейся практике внешнеэкономических и политических отношений России.

В ближайшие несколько десятилетий именно Азия, а не Европа, будет являться главным приоритетом внешней и внешнеэкономиче-

ской политики России. Во-первых, в условиях перемещения центра экономического развития и политической гравитации мира в АТР место России в мировой экономике и политике будет прямо пропорционально степени её участия в тихоокеанских процессах: если она не сможет стать одним из ведущих игроков АТР, то обретёт себя на маргинализацию. Во-вторых, перед Россией стоит колоссальная по значимости и неотложная задача развития Сибири и Дальнего Востока, без чего её интеграция в АТР на выгодных условиях невозможна. Причём в условиях смещения в Азию центра гравитации мировой политики дальнейшее сохранение этих территорий в неразвитом состоянии не только обречёт Россию на маргинализацию в глобальном контексте, но и со временем создаст для неё масштабные угрозы безопасности. И то и другое диктует качественное наращивание экономических и политических отношений России со странами Азии и АТР.

В то же время Евросоюз так и не сложился ни как самостоятельный центр силы и субъект в области безопасности, ни как создатель собственной технологической платформы. В обеих областях сохраняется его фундаментальная зависимость от США. Хотя по мере усиления в американской внешней политике односторонности, меркантилизма и эгоизма трансатлантические отношения испытывают напряжённость, нынешние политические тенденции в странах ЕС практически исключают вероятность образования им консолидированной глобально значимой военной единицы, продлевая доминирование США по вопросам безопасности на многие годы вперёд. Это делает возвращение к «Большой Европе» не только непривлекательным для России на фоне тех задач, которые перед ней стоят в Азии, но и невозможным.

Важность развития Сибири и Дальнего Востока и интеграции России в АТР минимизирует вероятность возвращения России к «Большой Европе» даже в случае, если через несколько десятилетий США фундаментально изменят свою политику и роль в мире и минимизируют своё военно-политическое присутствие в Европе, а та приобретёт самостоятельность в вопросах безопасности и субъектность. В мире, где ведущими экономическими центрами к 2050 г. будут Китай, Индия и США и где главная ось соперничества будет пролегать через Тихий океан, европоцентризм для России будет просто губителен. В подобном мире она будет нуждаться в одновременном и сбалансированном присутствии и интеграции как в Европе, так и в АТР, не делая решающего выбора ни в пользу одной из сторон. Концепция,

которая в наибольшей степени отражает равновеликое участие России в европейских и азиатских процессах без превращения в младшего партнёра ни в Европе, ни в Азии – это «Большая Евразия».

Большая Евразия также будет дополнительным фактором российской устойчивости в новой конфронтации с Западом, и, возможно, станет способом закончить эту конфронтацию на российских условиях. Развиваясь в сообществе, РФ будет иметь возможность формировать вокруг себя дружественную среду единомышленников и избегать скачивания в изоляцию при обострении международной обстановки. В то же время, Запад также будет ощущать меньшую уязвимость РФ в случае его давления при наличии поддержки со стороны стран региона.

Большая Евразия – это дополнительный фактор устойчивости России в условиях распада прежнего порядка: многополярность XXI века не похожа ни на классическую систему XVII – первой половины XX вв., в рамках которой все европейские великие державы соперничали друг с другом, балансировали и делили сферы влияния в Европе и за её пределами, ни на блоковую биполярность периода холодной войны. Сейчас отношения между великими державами носят более сложный и многоуровневый характер. Великие державы образуют друг с другом гибкие сообщества в сферах экономики и безопасности, и конкурируют на глобальном уровне уже не в одиночку, а совместно в рамках этих сообществ, которые при этом не являются и закрытыми военными блоками. Так, в период администрации Обамы США стремились сформировать многосторонние экономические сообщества с близкими им и ориентирующимися на них странами Восточной и Юго-Восточной Азии и Европы (ТТП и ТТИП), а также укрепить систему американских военных союзов и партнёрств в этих ключевых регионах. При Трампе США по внутренним причинам отказались от многосторонних экономических сообществ, но последовательно сохраняют курс на укрепление и расширение сообществ безопасности. В Евразии отражением этого же глобального тренда стало формирование сообщества «Большой Евразии». При этом ни российско-китайские отношения, ни отношения США – ЕС и США – Индия, не напоминают ни классическое великодержавное балансирование всех против всех, ни военные блоки времён «холодной войны».

Конец старого порядка не означает, что весь мир поставлен на паузу. Напротив, происходит обновление прежней системы за счёт заполнения возникших «пустот» как в функционале государств, так и международных объединений с помощью новых форматов. Последние набирают всё

большой авторитет и популярность (например, китайский проект ОПОП и связанные с ним площадки, БРИКС и др.), знаменуя собой переход к многополярному миру. Между тем, формат БРИКС интересен ещё и тем, что изначально создавался не по территориальному или историческому признаку, а как объединение *emerging powers*, с общими интересами, с чётким пониманием национальных целей и глобальных перспектив.

Особую динамику формированию новых макрорегиональных политико-экономических сообществ, в том числе сообщества «Большой Евразии», придают усиление конфронтационной составляющей российско-американских и американо-китайских отношений и переход США к политике открытого сдерживания России и КНР, резкое ослабление составляющей вовлечения (*engagement*) в политике Вашингтона в отношении Китая (это видно, в частности на примере обострения торговой войны между КНР и США, которое, в том числе, отражается и на деятельности крупных компаний⁶⁵).

Учитывая долгосрочный характер российско-американской конфронтации и в целом низкую вероятность преодоления кризиса отношений России и Запада в целом в среднесрочной перспективе, «Большая Евразия» будет играть в российской внешней политике жизненно важную, а в ближайшие годы – центральную роль. Во-первых, она – фактор устойчивости России в глобальном масштабе в условиях российско-западной конфронтации. Москва противостоит западу не в одиночку, а как часть и один из лидеров одного из самых мощных и масштабных политико-экономических сообществ мира. Во-вторых, данное сообщество отражает развитие мира в благоприятном для России и соответствующем ее внешнеполитической философии направлении, тем самым придавая ей уверенность и устойчивость и способствуя окончанию российско-западного конфликта на выгодных России условиях.

Вместе с тем, для успешного развития пространства Большой Евразии необходимо не только иметь чёткую стратегию, которая основана на имеющихся возможностях, но и принимать во внимание потенциальные риски и учитывать их при реализации проектов.

Нуждается в серьёзной дальнейшей проработке и концептуальное наполнение Большой Евразии, в том числе и её роль в мире. Так, А. Шаповалова отмечает двойственную природу Большой Евразии: с одной

⁶⁵ Эксперт: ситуация с Huawei может привести к новому витку торговой войны Китая и США. ТАСС, 13 декабря 2018 URL: <https://tass.ru/ekonomika/5906636>

стороны, можно услышать мнение, что Большая Евразия создаётся в ответ на создание других интеграционных инициатив, предотвращая скатывание входящих в неё государств в изоляцию, с другой стороны, «сложно понять, как избежать «новой биполярности», если сама логика концепции Большой Евразии зиждется на стремлении государств, целенаправленно исключённых из западного интеграционного блока, противопоставить этому блоку собственный проект, позволяющий сохранить экономический и политический суверенитет и противостоять давлению Запада?»⁶⁶. В этом плане может помочь дальнейшее развитие идеи сообщества, а также более чёткое понимание способов сотрудничества на пространстве Большой Евразии с различными партнёрами, в том числе – западными. Особенно учитывая тот факт, что существенны ценностные противоречия, которые мешают полноценному взаимодействию со странами Запада в рамках сообщества.

Что касается угроз, связанных с общемировыми и региональными тенденциями, то принимая во внимание, что отношения между РФ и КНР будут служить камертоном взаимодействия в регионе, существенный риск представляет возможность перехода Китая к гегемонистской политике в регионе, что приведёт к невозможности реализации инициативы в качестве международного сообщества. Укрепление отношений России с Японией и Индией снижает поляризацию АТР, а потому повышает шансы на развитие Большой Евразии. Самым позитивным результатом могло бы стать сопряжение АТР/ИТР с Большой Евразией.

Поляризация АТР и глобальная холодная война между Китаем и США также представляют собой риск для Большой Евразии, поскольку увеличивают неопределённость и потенциально создают условия для блоковой политики.

Заключение

В современном мире, как метко заметили эксперты клуба «Валдай», «осыпаются»⁶⁷ прежние институты и правила, растёт неопределённость, национальный эгоизм – при сохранении взаимозависимости и наличии общих глобальных проблем.

⁶⁶ <http://russiancouncil.ru/blogs/alexandra-shapovalova/31328/>

⁶⁷ Сулов Д. Жизнь в бифуркированном мире: осыпание не будет длиться вечно. 23.10.2018 Международный дискуссионный клуб Валдай URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/osypaniya-ne-budet/>

В условиях сложившейся международной ситуации важно, чтобы в новом мировом порядке была нивелирована антагонистическая составляющая отношений России со странами Запада, поскольку в случае её сохранения она может стать структурной составляющей системы, которая будет строиться на соперничестве различных акторов, а не на их кооперации. В худших сценариях подобного рода возможно усиление противодействия России, а также распространение этой модели на взаимоотношения между всеми полюсами, что будет блокировать попытки мирного решения стоящих перед человечеством глобальных вызовов.

Несмотря на то, что концептуально идея создания «Большой Евразии» исходит от России, это не означает, что она направлена только на её национальные интересы – в этом смысле примечательно, что данную идею поддержал Китай⁶⁸. Кроме того, на примере ЕАЭС, идея которого официально принадлежит Президенту Казахстана, а также на китайского ИПП – при всех существующих сложностях, – мы видим, что общие проекты на евразийском пространстве способны принести выгоду не только авторам идеи, но и тем, кто к ней присоединился. При этом концептуально Большая Евразия не имеет чётких географических рамок – она открыта и для стран АТР, и в перспективе – для стран Европы.

Важно отметить, что сообщество «Большой Евразии» не предполагает, что деятельность в регионе будет сведена к функционированию одного института – напротив, сообщество предполагает разнообразие форматов и способов сотрудничества при сохранении общих правил, идей и ценностей. Это, с одной стороны, упорядочивает анархичность и снижает неопределённость международной среды, которые могут негативно отразиться на взаимодействии, а с другой – даёт необходимую гибкость и обеспечивают открытость для развития новых инициатив.

Таким образом, создание «Большой Евразии» и её дальнейшее развитие в качестве международного сообщества может стать инструментом для создания более устойчивого будущего стран региона, формирования выгодных для всех стран-участниц правил игры и развития взаимодействия, в основе которого лежит сотрудничество, а не конфронтация.

Формирование «Большой Евразии» отражает общий глобальный тренд на экономическую и политическую регионализацию, идущую

⁶⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Официальный сайт Президента России, 25 июня 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5100/print>

параллельно с сохранением глобальной взаимозависимости в области экономики и безопасности, а также консолидацию полицентричного мироустройства. Кризис традиционного глобального экономического и политического управления, являющийся следствием утраты ведущими странами Запада первенства в области экономики и в военной сфере, обострение соперничества между ними и ведущими незападными центрами силы, а также поворот США в сторону более эгоистической и меркантилистской внешнеэкономической политики, ведёт к большей фрагментации мирового политического пространства и формированию соответствующих правил экономических отношений среди региональных и макрорегиональных сообществ.

В этом контексте формирование «Большой Евразии» не только отражает развитие новой многополярности, но и служит очень важным фактором глобального развития, определяет облик и характер глобального мироустройства. Динамичная консолидация данного сообщества, его превращение в зримую единицу глобальной экономики и политики ускорит и существенно упростит переход США от борьбы за сохранение глобальной гегемонии и лидерства к новой модели отношений с внешним миром, в соответствии с которой Вашингтон будет играть роль одной из великих держав, минимизирует связанные с этим переходом кризисы и конфликты. Если же Евразия останется фрагментированной в геополитическом и экономическом отношении, соблазн и возможности США пытаться восстановить свою гегемонию через сдерживание России и КНР будут существенно большими.

Вернётся ли Россия в Европу?

© 2019 г. А.В. Кортунув

Российский совет по международным связям, Москва, Россия

Will Russia return to Europe?

A.V. Kortunov

Russian International Affairs Council, Moscow, Russia

akortunov@russiancouncil.ru

Can Russia return to the European fold in the foreseeable future? I ask this not in the geographic sense, of course – for Russia has always been, and remains, on all the evidence – a predominantly European country. But what of a new communion, in terms of institutions and values, between Russia and the EU, with which Moscow fell out in scandal several years ago?

The question is neither academic nor abstract; it has extremely practical consequences, for the prospects of some species of reconciliation between Russia and Europe in the coming years will determine, in very real terms, the larger near-term and medium-term strategies of both Moscow and Brussels, and indeed those of major countries around the world in this early new century.

The Eurasian project presents at least two clear advantages for Russia over the European project: first, for the majority of Asian countries, despite the complexities of bilateral relations with Moscow, there are not, in respect of Russia, as many historical grievances, grudges and negative stereotypes as there are with many European partners, and Russia is not seen as an existential threat; second, unlike the European project, the Eurasian project is still just beginning. The rules of the game have not yet been set firmly, procedures not made permanent, and strict bureaucratic mechanisms not yet established. This means that Russia can ensconce itself far more easily and simply in Eurasian processes on an equal-to-equal basis, and in certain areas even as a leader. Moreover, it stands to reason that, at least for now, Russian leaders and elites better understand and work more effectively with authoritarian governments, which Moscow tends to find, aesthetics aside, more reliable and faster in making and implementing decisions than Western governments and democracies.

Key words: *Europe, European project, Greater Eurasia, integration, Russia.*

Возможно ли в обозримом будущем возвращение России в Европу? Не в географическом смысле, разумеется, – географически Россия всегда была, есть, и, по всей видимости, будет оставаться европейской страной. Но в смысле нового приобщения России к институтам и ценностям Европейского союза, возвращения на тот путь интеграции с европейским Западом, с которого Москва со скандалом сошла несколько лет назад, напоследок громко хлопнув дверью в Крыму и в Донбассе.

Данный вопрос имеет не столько академическое, сколько прикладное значение. В зависимости от того, как оцениваются исторические перспек-

тивы российско-европейского «воссоединения», можно очень по-разному выстраивать рациональные стратегии на ближайшие годы как для Москвы, так и для Брюсселя.

На данный момент «евразийский проект» для России имеет как минимум два решающих преимущества по сравнению с «европейским проектом». Во-первых, в отношениях с большинством стран Азии, при всей сложности этих отношений, у России нет столь длинного шлейфа исторических обид, взаимных претензий, негативных стереотипов, которые присутствуют в отношениях со многими европейскими партнерами. Для большинства азиатских стран Россия не выглядит экзистенциальной угрозой, а негативный образ Москвы не является источником национальной идентичности. Напротив, Россия воспринимается в первую очередь как одна из крупных потенциальных возможностей для экономической экспансии, причём возможностей такого масштаба на азиатском континенте найдётся не так много.

Ключевые слова: *Большая Евразия, Европа, европейский проект, интеграция, Россия.*

*Не возвращайтесь к былым возлюбленным,
былых возлюбленных на свете нет.
Есть дубликаты – как домик убранный,
где они жили немного лет.*

Андрей Вознесенский

Возможно ли в обозримом будущем возвращение России в Европу? Не в географическом смысле, разумеется, – географически Россия всегда была, есть, и, по всей видимости, будет оставаться европейской страной. Но в смысле нового приобщения России к институтам и ценностям Европейского союза, возвращения на тот путь интеграции с европейским Западом, с которого Москва со скандалом сошла несколько лет назад, напоследок громко хлопнув дверью в Крыму и в Донбассе.

Данный вопрос имеет не столько академическое, сколько прикладное значение. В зависимости от того, как оцениваются исторические перспективы российско-европейского «воссоединения», можно очень по-разному выстраивать рациональные стратегии на ближайшие годы как для Москвы, так и для Брюсселя.

Вернись, я всё прошу...

В современном европейском и российском либеральном дискурсе бытует представление о предопределённости российского возвращения. Возвращение России в Европу неизбежно, как неизбежно «вечное возвращение» в философии Фридриха Ницше. А значит, спорить име-

ет смысл только о сроках нового разворота России на Запад. А также о той цене, которую российской власти и российскому обществу придётся заплатить, чтобы великодушная Европа вновь приняла блудную дочь в свои заботливые материнские объятия.

Если говорить о времени возвращения, то оптимисты часто упоминают 2024 г. – год завершения четвёртого президентского срока Владимира Путина, когда страна окажется на очередной исторической развилке. Пессимисты предпочитают говорить о более позднем времени – о начале или даже о середине 2030-х годов, когда с политической арены в силу естественных причин сойдёт «поколение Путина», а основную часть российского общества будут составлять люди, родившиеся уже после распада Советского Союза. Дистанция между оптимистическими и пессимистическими прогнозами, таким образом, укладывается в 6–10 лет, что может показаться более чем протяжённым отрезком времени с точки зрения текущей политики, но всего лишь кратким мгновением для европейской истории в целом.

Что же касается цены, то и здесь оценки варьируются в широких пределах. Некоторые эксперты по сравнительному политическому транзиту предполагают, что для постпутинской России ещё вполне актуальным останется путь постепенных экономических и политических реформ в направлении европейских моделей социально ориентированной рыночной экономики и плюралистической политической системы. Другие, напротив, полагают, что отпущенное историей время для эволюционного развития постсоветской России уже упущено, работающих механизмов эволюционного развития не осталось, и единственным вариантом остаётся полный слом сложившихся с начала века «неправильных» институтов власти и собственности. «Революционный» путь освобождения от наследия советского периода должен, наконец, решить принципиально важные задачи преобразования России, которые так и остались нерешёнными с начала 1990-х годов прошлого столетия. В том числе и задачу органичного вхождения России в «европейскую семью». Разумеется, преобразование страны невозможно без предшествующих этому преобразению покаяния и катарсиса.

Широкий разброс в оценках сроков и вероятных траекторий «исторического возвращения» не отменяет общего детерминизма в выводах – восстановление европейского направления как приоритетного для России неизбежно, как неизбежно наступление рассвета

после ночной тьмы или весеннего тепла после зимней стужи. Этот детерминизм опирается как минимум на три веских аргумента.

Во-первых, россияне (и не только православные русские, но и, скажем, сунниты татары) по своей истории, культуре, образу жизни и своим базовым ценностям – это всё-таки европейцы, а не азиаты. Европа всегда была и по-прежнему остаётся главным магнитом для российских студентов и аспирантов, для деятелей культуры, искусства и бизнеса, для учёных, интеллектуалов и даже для чиновников. В Европе самые больше российские и русскоговорящие диаспоры, тут больше всего смешанных браков и людей с двойной идентичностью.

По большинству социальных параметров (демография, урбанизация, уровень образования, религиозность, социальная стратификация и т.д.) различия между Россией и Европой – особенно Центральной и Восточной Европой – не столь существенны; во всяком случае, они гораздо меньше, чем различия между Россией и большинством азиатских стран. Россия – часть европейской цивилизации. А потому вообще бессмысленно говорить о «европейском выборе» России. Это не выбор, а судьба, которую, как известно, не выбирают.

Во-вторых, только Европа может быть эффективным мотором российской экономической и социальной модернизации. Уже потому, что она располагает целостным научно-технологическим и социальным потенциалом, подобный которому если и сформируется когда-нибудь в Азии, то ещё очень и очень нескоро. Что ещё более важно, так это то, что именно Европа по-настоящему заинтересована в российском технологическом рывке, способном дать мощный импульс её собственному технологическому и экономическому развитию. Свежий подвой российского «дичка» был бы более чем полезен для ещё мощного и обильно плодоносящего, но уже стареющего европейского дерева.

В то же время азиатские партнёры, как утверждается, вполне довольны перспективой продолжения использования России в качестве резервуара разнообразных сырьевых ресурсов, а в лучшем случае – транзитного транспортного коридора. Развитие российского человеческого капитала для Азии не является приоритетным; Азия проявляет повышенный интерес разве что к использованию российского технологического задела (в первую очередь в оборонной сфере), который сохранился со времён Советского Союза.

В-третьих, только вместе с Европой Россия способна сохранить себя в качестве по-настоящему влиятельного игрока в мировой по-

литике. Утверждается, что сама по себе Россия не имеет достаточного потенциала для того, чтобы в обозримом будущем претендовать на роль самостоятельного «центра силы» глобального уровня. В кругу поднимающихся азиатских гигантов (Китай, Индия), существенно обгоняющих Россию по темпам экономического роста, Москва неизбежно очутится на вторых ролях – независимо от того, какие геополитические конструкции станут определяющими для нового «евразийского» мира. Переход России во «вторую лигу» азиатской политики – всего лишь вопрос скорости обесценения сохраняющихся российских внешнеполитических активов (ядерное оружие, место постоянного члена в СБ ООН, топливно-энергетические ресурсы).

А вот в Европе Россия окажется среди сопоставимых с ней по экономическому весу и демографическому потенциалу держав. Более того, при любых вариантах развития Россия останется самым большим и самым могущественным европейским государством, интересы которого не могут не учитываться. К тому же существующие традиции и практики ведения дел в Европе, включающие акцент на многосторонность и учёт позиций меньшинства, создают больше возможностей для России, чем откровенно утилитарные и сугубо прагматические азиатские практики.

«Стратегическое терпение» Евросоюза как замена европейской стратегии

Если следовать вышеозначенной логике дальше, то напрашивается вывод о том, что в среднесрочной исторической перспективе у Европы нет оснований для беспокойства. Россия, подобно сбежавшему из родного дома непослушному подростку, столкнётся с чужим, жёстким и не слишком дружелюбным миром Азии, сделает соответствующие выводы и вернётся туда, где ей и положено быть. Главная задача на данный момент – проследить, чтобы взбунтовавшийся подросток не наломал слишком много дров, не навредил себе и окружающим и, по возможности, не ввязался в какие-то рискованные и опасные предприятия. Ну и, конечно, надо держать двери в своём доме открытыми – на тот случай, если сбежавший недоросль внезапно решит вернуться.

А если это так, то едва ли стоит упрекать руководство Евросоюза за то, что в течение вот уже более четырёх лет оно так и не смогло выработать комплексной стратегии взаимодействия с Москвой. Такой

стратегии не может быть по определению – всё зависит от процессов, происходящих на российской стороне европейского разлома.

На западной стороне разлома в лучшем случае могут содействовать ускорению неизбежных перемен в России путём поощрения контактов по линии гражданского общества, фокусированного воздействия на отдельные целевые группы (молодёжь, малый бизнес, технократы во власти), а также вовлечения России в сотрудничество с Западом на тех направлениях, где интересы сторон, очевидно, совпадают (борьба с международным терроризмом, противостояние распространению ядерного оружия, урегулирование некоторых региональных кризисов и пр.).

Одновременно Брюссель должен сохранить в своём арсенале достаточный набор «негативных стимулов» (санкций и других инструментов давления на Москву), чтобы отбившийся от рук подросток понимал наличие определённых «красных линий», через которые ему не стоит переступить. Иными словами, Европейскому союзу следует запастись «стратегическим терпением» и быть готовым к оперативной и взвешенной реакции на неизбежные перемены в российской политике. О конкретном балансе позитивных стимулов («избирательное вовлечение») и негативных стимулов («сдерживание») можно долго спорить, но всё-таки это будут споры о текущей европейской тактике, а не об отсутствующей европейской стратегии.

Цитируя Гегеля, «крот истории роет медленно, но роет хорошо». Нынешний разрыв между Россией и Европой, признают либеральные «западники», несомненно, является жизненной трагедией для очень многих и многих людей по обе стороны европейского разлома. Но этот разрыв едва ли определит последующую историю XXI в., подобно тому, как ожесточённое англо-французское соперничество за колонии в Африке на рубеже XIX и XX вв. не стало определяющим фактором для мировой или европейской истории XX столетия.

Весь этот, ставший за последние четыре года уже привычным, либеральный нарратив был бы весьма убедительным. В чем-то – даже утешительным. Особенно для тех, кто вложил столько сил и энергии в сближение России и Евросоюза. Первая попытка «возвращения» в Европу, предпринятая около 30 лет назад, оказалась неудачной. Не беда – учтём ошибки, извлечём уроки, повторим попытку ещё раз. Если не в 2024 г., то на 10 лет позже. Однако убедительность данного нарратива прямо зависит от одного условия – для «возвращения» России сама Европа должна

оставаться статичной, не меняющейся на протяжении десятилетий. Но вся штука в том, что драматические перемены происходят не только на восточной, но и на западной стороне европейского разлома.

Куда вы нас тянете?

Слушая отечественных и зарубежных «западников» сегодня, поневоле приходишь к выводу, что России предлагается вернуться в тот европейский мир, который существовал 15, 20 или даже 30 лет назад. В том мире не было не только конфликта вокруг Украины, но и острого кризиса еврозоны, не было миграционного потопа последних лет, не было выхода из Евросоюза Великобритании, не было подъёма европейского правого популизма. В том мире не было трансатлантического раскола, беспрецедентного экономического роста Азии, глобального наступления протекционизма, не было «арабской весны» и её печальных последствий. Не было кризиса международных организаций и упадка международного права. Одним словом, не было всего того, что определяет сегодня приоритеты стран Евросоюза.

Того европейского мира, который существовал ещё два-три десятилетия назад, уже нет. Он безвозвратно ушёл в историю, как в своё время ушла в прошлое какая-нибудь Belle Époque, и возродить его не представляется возможным. Перефразируя популярное на постсоветских просторах высказывание об СССР, позволительно заметить, что тот, кто не жалеет о Европе 1990-х годов, не имеет сердца, а кто надеется вернуть её к жизни – не имеет головы.

И дело здесь не в том, что в старый европейский мир, несмотря на все усилия с обеих сторон, так и не вписалась Россия. С российским вызовом, будь он единственным, Европе, вероятно, так или иначе удалось бы совладать. Проблема намного глубже – европейский мир конца прошлого столетия не смог предвидеть проблемы XXI в., а тем более – эффективно справиться с ними. Более того, складывается впечатление, что европейский политический мейнстрим до сих пор не вполне понимает не только то, что происходит с Россией, но и то, что происходит с самой Европой.

Уязвимость либерального нарратива об эволюции взаимодействия России и Европы последних двух-трёх десятилетий становится особенно наглядной, если провести даже самое беглое сравнение политической динамики России и Польши. Когда либералы говорят

о растущем отчуждении России от Европы, они обычно приводят два главных объяснения этому явлению.

Первое – институциональное. За четверть века России так и не удалось встроиться в западные европейские (Евросоюз) и атлантические (НАТО) структуры в качестве полноценного участника или хотя бы равноправного партнёра. Можно долго спорить о том, кто несёт ответственность за эту неудачу, но факт, как говорится, налицо. В итоге Россия оказалась на обочине европейской безопасности и «европейского проекта» в целом, не став серьёзным акционером этого проекта. Что и предопределило в итоге её разворот в сторону Азии.

Второе объяснение – системное. За те же четверть века Россия не преуспела в поиске эффективной новой модели социально-экономического развития, исчерпала возможности ресурсной экономики и в итоге пришла к экономической стагнации и социальному застою. Старый социальный контракт общества и власти был нарушен со стороны власти. Поэтому национализм, ксенофобия и милитаризм стали главными источниками новой легитимности для этой власти, что и привело к неизбежному отчуждению Москвы от Брюсселя.

Варшава в обоих случаях выступает как полная противоположность Москве. Польша, без всякого сомнения, добилась впечатляющих побед там, где Россия потерпела явную неудачу. Польская интеграция в структуры Европейского союза и Североатлантического альянса носила, можно сказать, образцово-показательный характер. Нынешнюю роль Польши в обеих организациях трудно переоценить – для «средней» европейской страны она поистине уникальна. Социально-экономическое развитие Польши последних двух десятилетий вызывает зависть не только у всех других «новых» членов ЕС, но и среди большинства представителей «старой Европы». Казалось бы, Польша – последняя страна в Европе, где можно было ожидать подъёма национализма, триумфа евроскептиков и сомнений в непреложности либеральных европейских ценностей.

И тем не менее, в современной Польше происходят перемены, которые заставляют многих либеральных варшавских интеллектуалов проводить параллели с российскими процессами. Конечно, такие параллели весьма условны. Но если ещё несколько лет назад российские либералы мечтали о превращении своей страны в «большую Польшу», то сегодня этот ориентир безвозвратно утерян. Слишком очевидно выламывается польский случай из общей логики либерального

нарратива. Слишком непредсказуема дальнейшая траектория эволюции и политической системы страны и доминирующих в польском обществе ценностей.

Другой, не менее наглядный пример необратимого ослабления европейского гравитационного поля для России – современная Украина. Нынешняя политическая элита страны отчаянно стремится повторить успешный интеграционный опыт государств Центральной Европы с интервалом в два десятилетия. Но за двадцать лет в Европе иссяк прежний оптимизм, сильно оскудели финансовые ресурсы, и столь же сильно выросло влияние правых популистов, подвергающих сомнению идею бесконечной географической экспансии Союза. Даже самые большие энтузиасты «европейского пути» Украины сегодня вынуждены откладывать сроки вероятного вхождения этой страны в Европейский союз, как минимум, до четвёртого десятилетия текущего столетия. И это при том, что отношение к Киеву в Брюсселе не в пример лучше, чем к Москве, и у нынешней украинской власти нет недостатка влиятельных лоббистов в Европе на самых разных уровнях.

Теперь представим себе на секунду, что в Москве где-нибудь в 2030–2035 гг. происходят события, аналогичные киевскому майдану 2013–2014 гг. К власти в Кремле приходят сторонники «европейского пути» России; они торжественно провозглашают «безальтернативный» курс на вхождение страны в Евросоюз. Сколько десятилетий придётся Москве ожидать своей очереди на вступление? Сколько практически непреодолимых политических, экономических и психологических препятствий неизбежно встанет на её пути? Сколько европейских политиков будут призывать подождать, не торопиться, устроить Москве ещё одну, «окончательную» проверку?

Есть все основания полагать, что реформированная и демократическая Россия окажется в положении даже не Украины, а Турции, которая так долго тщетно ожидала, когда же, наконец, вопрос её полноправного членства в ЕС будет решён. Есть большие сомнения, что молодые технократы в российском правительстве, которые через 10–15 лет будут влиять на принятие важнейших решений в российской внешней политике, захотят увидеть свою страну в 2035 г. в положении Турции 1987 г., когда Анкара впервые подала заявку на членство в тогда ещё не Евросоюзе, а в Европейском экономическом сообществе.

Так куда же в итоге должна вернуться Россия? В романтическую, исполненную оптимизма и отваги Европу 1995 г.? В триумфаторскую,

уверенную в своих силах и в своей исторической правоте Европу 2004 г.? Или в растерянную, напуганную и потерявшую стратегические ориентиры Европу 2016 г.? Или всё же в пока существующую лишь в головах нескольких европейских визионеров прекрасную Европу 2035 г.? И на какую роль в этой прекрасной Европе будущего могла бы реально претендовать Москва?

Два проекта «Большой Европы»

Сторонники «возвращения в Европу» исходят из того, что время в конечном счёте работает на «европейский проект». Справившись с многочисленными болезнями роста, оставив за спиной самые разнообразные кризисы и проблемы, Европейский союз выйдет из нынешних испытаний закалённым, обновлённым и наполненным новой энергией. Возможно, что так и будет. Хотелось бы, чтобы было именно так. Но сегодня, в конце второго десятилетия XXI в. данная оптимистическая перспектива базируется скорее на вере, чем на чём-то другом. Только будущее покажет, сможет ли Европа конвертировать эту веру в конкретные действия и результаты.

Пока же мы вынуждены опираться не на веру в будущее, а на опыт прошлого. Даже в самые лучшие времена российско-европейского сотрудничества Москва не была готова поддержать концепцию «Большой Европы», основанную на полном или частичном принятии всеми странами европейского континента нормативной и регулятивной базы Европейского союза. Поддержка Москвой этой концепции в обозримом будущем в условиях непреодоленных системных кризисов в Европе и неясности исторических перспектив «европейского проекта» выглядит ещё менее вероятной. Как можно верить в Европу, если сегодня она сама в себя не верит? Тем более что со времени «медового месяца» отношений между Россией и Евросоюзом центр глобальной экономической активности ещё более сместился в сторону Азии, создавая альтернативные интеграционные возможности в том числе и для России как для евразийского государства.

С другой стороны, российское видение «Большой Европы» как продукта равноправного взаимодействия Европейского союза и Евразийского экономического союза (ЕАЭС) при сохранении имеющегося позитивного багажа сотрудничества Москвы и Брюсселя (секторальные и визовый диалоги, поиски компромиссов по энергетике, транс-

граничное сотрудничество и пр.) не вызывает никакого энтузиазма в Евросоюзе. И не только потому, что европейские чиновники не рассматривают ЕАЭС в качестве сравнимого с Евросоюзом интеграционного проекта, рассчитывая на то, что большинство членов ЕАЭС при первом удобном случае будут готовы «переметнуться» от Москвы к Брюсселю; но ещё и потому, что Евросоюз вообще плохо приспособлен к ведению равноправного диалога с кем бы то ни было, включая даже таких партнёров как США и Китай. Традиционная стратегия ЕС всегда состояла в географическом распространении своих стандартов, правил и норм на других участников международной системы, а не в приспособлении внутренних стандартов, правил и норм ЕС к особенностям этих других участников.

Оставаясь в рамках двусторонних отношений, преодолеть тупик, возникший на пути российско-европейского сотрудничества, не представляется возможным. По крайней мере, в ближайшие годы. У Европы в её нынешнем состоянии нет убедительных аргументов, чтобы вернуть Москву к модели отношений начала столетия. Грубо говоря, Брюсселю нечего предложить Москве, кроме возвращения на два десятилетия назад, да и то лишь в том случае, если Москва откажется от всех своих реальных или воображаемых внешнеполитических достижений последних лет.

У России (даже с учётом совокупного потенциала ЕАЭС) недостаточно сил, чтобы заставить Брюссель (даже сильно ослабленный по сравнению с временами своего недавнего расцвета) вести равноправный диалог с Москвой. Для ЕС равноправный диалог был невозможен даже в лучшие времена российско-европейских отношений, он тем более невозможен сегодня. Эта патовая ситуация не изменится, даже если каким-то чудом удастся убрать с дороги главное препятствие, мешающее российско-европейскому сотрудничеству – незатухающий конфликт внутри и вокруг Украины.

К этому стоит добавить, что Европейский союз за последние десятилетия так и не сложился в качестве независимого глобального центра силы. Попытки проведения самостоятельной внешней политики, движения в направлении «стратегической автономии» от Соединённых Штатов, повышения уровня внешнеполитической координации государств – членов ЕС постоянно предпринимались, особенно после прихода к власти США открытого евроскептика Дональда Трампа. Но стоило тому же Д. Трампу пригрозить Евросоюзу вторичными

санкциями в случае нарушения европейскими компаниями односторонних американских ограничительных мер в отношении Ирана, и парадная карета европейской независимости тут же начала стремительное превращение обратно в тыкву.

Понятно, что в любых серьёзных вопросах взаимодействия с Кремлём Брюсселю неизбежно придётся прислушиваться к мнению Вашингтона. А уж Вашингтон никак не может быть заинтересован в формировании стратегического партнёрства между Евросоюзом и Россией. Скорее всего, американская политика будет этому всячески и отнюдь не безуспешно, препятствовать. В условиях очевидного неравновесия сил между Вашингтоном и Брюсселем последний может рассчитывать лишь на тактические победы над США в отстаивании своего права на независимый курс в отношении Москвы. Да и то, только в тех случаях, когда между странами Евросоюза будет складываться консенсус по «российскому вопросу»; такой консенсус, как известно, возникает нечасто.

Прыжок в Европу – с разбега из Азии?

Как это ни парадоксально, единственный реалистический путь российского «возвращения» в Европу сегодня проходит через Азию. Если в одиночку такое «возвращение» нереально, то в формате создания совместно с Китаем, Индией и другими азиатскими партнёрами «Большой Евразии» у России могут появиться принципиально иные переговорные позиции в диалоге с Брюсселем.

Идея «разворота России на Восток», как известно, имеет длительную историю – её пытались реализовать в различных исторических условиях и в разных форматах на протяжении, как минимум, последних полутора столетий. Результаты этих попыток были неоднозначными; в целом, несмотря на отдельные достижения, Россия пока так и не стала полноправным игроком в азиатско-тихоокеанском регионе.

После резкого обострения отношений России с Евросоюзом в 2014 г. роль Востока для российской внешнеполитической и внешнеэкономической стратегии объективно возросла. За последние четыре года на этом направлении было сделано очень много. Тем не менее, перспективы формирования единого евразийского экономического, стратегического, социально-культурного и гуманитарного пространства с участием России в качестве одного из основных создате-

лей «Большой Евразии» остаётся туманной. Более того, сохраняется долгосрочная тенденция к вытеснению России на периферию многих системообразующих интеграционных процессов в Евразии.

Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что «разворот на Восток» часто рассматривается в Москве как возможность уйти от решения по-настоящему фундаментальных для страны проблем или, по крайней мере, отложить их решение на неопределённое будущее. Считается, что «разворот на Восток» снимает необходимость или, по крайней мере, снижает срочность проведения глубоких структурных реформ российской экономики. В реальности этот разворот предъявляет ещё более высокие требования не только к качеству российской дипломатии, но и к качеству российской экономики. Строительство «Большой Евразии» в любом случае окажется более сложным делом, чем строительство «Большой Европы» – при том, что последняя задача, которая была главным содержанием российской политики на протяжении двух десятилетий, так и не была решена.

Преодоление многочисленных препятствий (геополитических, стратегических, экономических, социальных, культурно-антропологических и пр.) на пути формирования «Большой Евразии» представляет собой фундаментальную задачу не только внешней политики, но и внутреннего развития страны. Надо исходить из того, что для полноценного встраивания в формирующееся евразийское сообщество России потребуются значительно больше, чем сохранение нынешней общей позитивной динамики в торговых отношениях с КНР, развитие «парадных» многосторонних институтов типа БРИКС и ШОС, проведение масштабных азиатских инвестиционных форумов, расширение традиционных торгово-экономических связей с азиатскими партнёрами.

При текущем отставании России от средних темпов роста азиатских экономик примерно в 4% в год (а от таких стран как Китай и Индия – на 5% в год), при выпадении страны из происходящей в Азии новой технологической революции, при минимальном участии России в формирующихся континентальных научном, образовательном и культурно-гуманитарном пространствах задача полноценного включения в «Большую Евразию» ещё менее реальна, чем включение России в «Большую Европу». Стартовые позиции России в Азии намного слабее, чем в Европе – здесь меньше наработанного опыта сотрудничества, хуже инфраструктура, больше культурно-цивилизационных проблем, отсутствуют крупные русскоговорящие диаспоры

и пр. Азия строже Европы, конкуренция на азиатских рынках носит более ожесточённый характер, в экономических отношениях царит право сильного и т.п.

Однако на данный момент «евразийский проект» для России имеет как минимум два решающих преимущества по сравнению с «европейским проектом». Во-первых, в отношениях с большинством стран Азии, при всей сложности этих отношений, у России нет столь длинного шлейфа исторических обид, взаимных претензий, негативных стереотипов, которые присутствуют в отношениях со многими европейскими партнерами. Для большинства азиатских стран Россия не выглядит экзистенциальной угрозой, а негативный образ Москвы не является источником национальной идентичности. Напротив, Россия воспринимается в первую очередь как одна из крупных потенциальных возможностей для экономической экспансии, причём возможностей такого масштаба на азиатском континенте найдётся не так много.

Для иллюстрации глубоких различий в отношении европейских и азиатских стран к России сегодня достаточно сравнить списки участников последнего Петербургского международного экономического форума (май 2018 г.) и Восточного экономического форума во Владивостоке (сентябрь 2018 г.). Если на первое мероприятие из европейских лидеров приехал только президент Франции Эммануэль Макрон, то во втором участвовали председатель КНР, премьер-министры Японии и Южной Кореи, руководители многих других стран Азии. Поставьте себя на место Владимира Путина и ответьте на вопрос: на каком географическом направлении России имеет смысл сосредоточиться в ближайшие годы?

Во-вторых, «евразийский проект» в отличие от «европейского проекта» пока ещё только начинается. Здесь ещё не устоялись правила игры, раз и навсегда данные процедуры, мощные бюрократические структуры, давно и прочно укоренённые в Евросоюзе. Более того, далеко не очевидно, что формирование «Большой Евразии» вообще будет копировать строительство тяжеловесных европейских конструкций – место европейской кирпичной кладки могут занять лёгкие сборно-разборные каркасы из полимерных материалов. А значит, России проще включиться в евразийские процессы на правах равноправного участника, а в каких-то сферах – и на правах лидера.

К этому можно добавить, что в качестве партнёров авторитарные или полуавторитарные режимы Азии не только понятнее, но и на-

дёжнее европейских демократий. Взаимодействовать с президентом Реджепом Эрдоганом или с председателем Си Цзиньпином проще и понятнее, чем с председателем Европейской комиссии Жан-Клодом Юнкером или с лидерами отдельных европейских государств. Во всяком случае, в тех ситуациях, когда нужны быстрые и конкретные результаты. В нынешних, очень подвижных и мало предсказуемых международных условиях скорость принятия решений значит очень много.

«Я, конечно, вернусь, весь в друзьях и делах...»

Разворот России в сторону «Большой Евразии» ни в коей мере не означает, что Россия сама должна превращаться в азиатскую или даже в какую-то малопонятную гибридную «евразийскую» страну. Это невозможно, а если и стало бы возможным, то было бы лишь пагубным и для России, и для всего «евразийского проекта». Ценность России для Азии заключается как раз в том, что Россия – иная, отличная от большинства азиатских стран. Она в большей степени дополняет эти страны, чем конкурирует с ними. Отказаться от своей европейской идентичности, растворившись в ныне несуществующей идентичности «евразийской», было бы для России национальной катастрофой. К счастью, такая эволюция не представляется возможной.

Вместо тщетных попыток сконструировать фантомную «евразийскую» идентичность, Москве стоит присмотреться к позитивному опыту Австралии и Новой Зеландии, которым удалось удачно вписаться в складывающееся азиатско-тихоокеанское сообщество в значительной степени благодаря своим очевидным экономическим, политическим и культурно-цивилизационным отличиям от большинства окружающих их азиатских обществ. Парадокс состоит в том, что по мере всё более глубокого погружения в евразийский контекст, России придётся всё больше внимания уделять сохранению и укреплению своей европейской природы. А это невозможно без активного культурного, образовательного, научного и социального взаимодействия с Европейским союзом.

В качестве иллюстрации того, как Россия могла бы всё-таки «вернуться» в Европу в пока неопределённом будущем, сошлёмся на любопытный опыт форума АСЕМ – механизма регулярных встреч глав государств и правительств стран Азии и Европы, которые проводятся раз в два года, начиная с 1996 г., поочерёдно в азиатских и европейских

государствах. Между саммитами проходят совещания министров иностранных дел, а также министров транспорта, образования, культуры, финансов, труда и занятости. При том, что АСЕМ остаётся неформальным диалоговым процессом, его роль во взаимодействии стран-участниц в области политики и безопасности, финансово-экономической и социально-культурной сферах не стоит недооценивать.

Россия с самого начала работы форума пыталась войти в число его участников, но долгое время эти попытки блокировались главным образом европейскими странами под надуманным предлогом неясности географической принадлежности (!) страны. В конце концов Россия всё-таки вошла в АСЕМ. Это произошло на восьмом саммите Форума в октябре 2010 г. в Брюсселе. Но вхождение России стало возможным исключительно благодаря энергичным усилиям её азиатских партнёров. И сегодня внутри АСЕМ Россия входит в азиатскую подгруппу членов, а не в европейскую.

Очевидно, этот опыт мог бы быть использован в будущем в рамках таких форматов как «Один пояс – один путь», «16+1», «БРИКС+» и другие. Дополнительные возможности для России открываются в связи с тем, что сам Европейский союз начинает экспериментировать с новыми возможными форматами взаимодействия с азиатскими странами (ныне модная концепция трансконтинентальной «коннективности»).

«Внедрение» России в сложные трансконтинентальные проекты потребует высокого уровня дипломатического искусства, политической гибкости, готовности во многих случаях играть «на вторых ролях» при лидирующей роли Китая, Индии или АСЕАН. Но, самое главное, это потребует такого преобразования российской экономики, которое обосновало бы содержательное участие Москвы в таких проектах. Символическое участие Москвы как жест политической доброй воли со стороны Пекина или других азиатских столиц мало что даст России; рано или поздно, избыточные элементы трансконтинентальных конструкций прекратят существование. Въехать в Европу в «китайском обозе» не получится.

Всё вышесказанное не является попыткой принизить значение Европейского союза для России. «Европейский проект» очень важен для всего мира и для России в том числе. Он по-прежнему является самым успешным интеграционным проектом прошлого и нынешнего веков. Строители нового мирового порядка, несомненно, многое почерпнут из европейского наследия – как из успехов Евросоюза, так и

из его неудач. И даже если Евросоюз в обозримом будущем не станет основным стратегическим партнёром для Москвы, он может и должен оставаться той социально-экономической моделью, которая в наибольшей степени соответствует потребностям и возможностям России на данном этапе её развития.

А если уж говорить о возможностях стратегического партнёрства, то будущее отношений между Европой и Россией зависит в первую очередь от того, каким станет Евросоюз через 5–10 лет – ко времени начала нового российского политического цикла. Хочется надеяться, что самые мрачные прогнозы распада ЕС к тому времени продемонстрируют свою полную несостоятельность. В оптимальном варианте вопрос о «возвращении России в Европу» к тому времени также должен утратить свою актуальность. Его мог бы заменить другой, не менее принципиальный вопрос – как Москва и Брюссель будут взаимодействовать в рамках формирующейся «Большой Евразии»? В конечном счёте Европа, даже с европейской частью России, – всего лишь крупный полуостров на западной оконечности огромного азиатского континента.

Что Россия может дать Азии?

Т.В. Бордачёв

Центр комплексных европейских и международных исследований НИУ ВШЭ

What Russia can give to Asia?

T.V. Bordachev

HSE Centre for Comprehensive European and International Studies

tbordachev@hse.ru

Russia in Asia should play the role that France played in Europe at the dawn of European integration – the main intellectual engine of the new format of relations between States. Russia's turn to the East took place. But regional political and military-strategic realities show that Russia will be able to gain a foothold there only if it offers the Asian States its unique agenda, can interest them to play with it "for a long time". We need to give Asia what it lacks for historical reasons. The traditions of sustained alliances and institutions do not exist in the strategic culture of Asia. It should establish international institutions founded on the understanding that the national interest of an individual country cannot be considered in isolation from the interests of others. A few years ago, the Russian foreign Ministry's achievement was the decision to prepare a Treaty between China and the Eurasian economic Union on the interface of the EAEU and the "One Belt – ne Road". Although many respected experts authoritatively and convincingly argued that China will remain committed to bilateral cooperation with the countries of the Union, the result turned to be another, and Beijing made a strategic decision to move along the multilateral track.

Key words: *ASEAN, Asia, China, EAEU, India, international institutions, "One Belt – One Road", political unions, Russia.*

Россия в Азии должна играть такую роль, какую Франция играла в Европе на заре европейской интеграции – главного интеллектуального мотора нового формата отношений между государствами. Поворот России к Востоку состоялся. Но региональные политические и военно-стратегические реалии показывают – закрепиться там Россия сможет, только если предложит азиатским государствам свою уникальную повестку, сможет заинтересовать их играть с ней «в долгую». Нужно дать Азии то, чего там в силу исторических причин не хватает. Традиции устойчивых союзов и институтов в стратегической культуре Азии не существует. В ней должны создаваться международные институты, учреждённые на понимании того, что национальный интерес отдельной страны не может рассматриваться в отрыве от интересов других. При этом два наиболее значительных азиатских игрока – Китай и Индия – всегда были настолько масштабны, что не нуждались в союзниках и вообще представляли самостоятельные цивилизации. А создание союзов предполагает, пусть даже и формально, отно-

шения равенства между его участниками. Россия одновременно слишком велика и могущественна, чтобы входить в союзы других и недостаточно масштабна для полностью самостоятельных действий с опорой только на себя. Несколько лет назад достижением российского МИД стало решение о подготовке договора между Китаем и Евразийским экономическим союзом о сопряжении ЕАЭС и проекта «Один пояс – один путь». Хотя многие уважаемые эксперты авторитетно и аргументированно утверждали, что Китай останется привержен двустороннему сотрудничеству со странами союза, результат оказался иным, и Пекин принял стратегическое решение о движении по многостороннему треку.

Ключевые слова: *Азия, АСЕАН, ЕАЭС, Индия, Китай, международные институты, «Один пояс – один путь», политические союзы, Россия, ШОС.*

Поворот России к Востоку состоялся. Но региональные политические и военно-стратегические реалии показывают – закрепиться там Россия сможет, только если предложит азиатским государствам свою уникальную повестку, сможет заинтересовать их играть с ней «в долгую». Без этого азиатский вектор национальной внешней политики будет постепенно выхолащиваться и терять всякий практический смысл. Российские дипломаты и эксперты, даже бизнес, примелькаются на азиатских площадках, но серьёзного влияния, а значит и заметной выгоды для себя, страна не добьётся. Нужно дать Азии то, чего там в силу исторических причин не хватает.

Поэтому инструментом такого долгосрочного влияния могли бы стать институты многостороннего сотрудничества. И здесь Россия в Азии должна играть роль, какую Франция играла в Европе на заре европейской интеграции – главного интеллектуального мотора нового формата отношений между государствами. Необходимо создавать и продвигать новую повестку, последовательно и настойчиво убеждать азиатских партнёров Москвы в том, что в мире XXI века ставка на тактические союзы, основанные на прагматических интересах, может быть не самой адекватной стратегией. Вместо них должны создаваться международные институты, учреждённые на понимании того, что национальный интерес отдельной страны не может рассматриваться в отрыве от интересов других. В Европе это поняли уже давно. В Азии такое понимание ещё только должно прийти, и на его пути стоит много факторов, связанных с региональной стратегической культурой и наследием.

Исторически в Азии, на Востоке вообще, не возникло традиции союзов, прежде всего военных. В Европе эту традицию знала ещё

античная Греция, где полисы либо совместно отражали вторжения извне, либо воевали между собой, разделившись на достаточно стабильные группировки. Классический пример – Пелопонесская война, которую вели между собой Делосский и Пелопонесский союзы, возглавляемые Афинами и Спартой. На всём протяжении своей истории европейские государства участвовали в союзах. И когда в середине прошлого века возникло понимание того, что даже прежде могущественные континентальные державы не могут рассчитывать на самостоятельную роль в мировых делах, возникла идея европейской интеграции. Но она оказалась такой успешной именно потому, что имела глубокие корни в стратегической культуре европейских народов.

В гораздо меньшей степени традиция союзов присутствует в США. Там участие в институтах рассматривается только с точки зрения продвижения собственных, достаточно эгоистических интересов и гегемонии. Как только международные институты перестают такую функцию обеспечивать, они становятся для США избыточными и подлежат либо ликвидации, либо реформированию, которое вернуло бы им полезность для Америки. Нечто подобное мы можем сейчас наблюдать в отношениях между США и их европейскими союзниками. То, в какую панику ввергло европейцев выступление вице-президента США Майкла Пенса на конференции по безопасности в Мюнхене в феврале этого года, показывает – в Европе понимают неизбежность реформы всей системы трансатлантических отношений. И понимают, что заплатить за эту реформу им придётся не только деньгами, но и свободой.

То, что традиция устойчивых союзов практически полностью отсутствует в стратегической культуре Азии, имеет простое объяснение – географический фактор. Азиатские государства всегда были значительно удалены друг от друга, и в случае войны союзник просто не успевал бы прийти на помощь. Этот фактор делал установление стабильных союзнических отношений совершенно бессмысленным. Кроме того, два наиболее значительных азиатских игрока – Китай и Индия – всегда были настолько масштабны, что не нуждались в союзниках и вообще представляли самостоятельные цивилизации. А создание союзов предполагает, пусть даже и формально, отношения равенства между его участниками. Ещё одним препятствием служит хорошо известный азиатский прагматизм. Большинство авторитетных экспертов по региону сходятся во мнении, что культуре азиатских народов присуща способность развивать международное сотрудни-

чество только тогда, когда очевидна немедленная и осязаемая выгода. А как только такая выгода исчезает, исчезают и мотивы для сотрудничества. И оно не может иметь в своей основе некий стратегический «общий интерес» – абстрактную абсолютную выгоду для всех, вне зависимости от текущих потерь или приобретений.

Таким образом, традиции устойчивых союзов и институтов в стратегической культуре Азии не существует. И именно поэтому сейчас для азиатских государств очень сложно представить, насколько важны институты многостороннего сотрудничества. Уникальный пример – Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), созданная в 1967 г. Однако сейчас абсолютное большинство наблюдателей сходятся во мнении, что, несмотря на все свои достижения, эта организация достигла пределов интеграции. Причина – неспособность её участников пойти на реальные ограничения своего суверенитета и – шире – рассматривать национальные интересы других стран объединения как часть своих национальных интересов. Результатом становится достаточно высокая степень уязвимости блока к влиянию третьих внешних игроков.

Россия в этом отношении уникальна. Она одновременно слишком велика и могущественна, чтобы входить в союзы других, и недостаточно масштабна для полностью самостоятельных действий с опорой только на себя. Поэтому она создаёт и продвигает международные институты. Стремится решать проблемы безопасности и развития при помощи многосторонних механизмов. Но одновременно способна воспринимать устойчивые объединения – и инструменты достижения общего блага, и дипломатические площадки большей или меньшей степени эффективности. Это объясняется именно указанной выше двойственностью российского стратегического масштаба и положения и продиктованной ими внешнеполитической культуры. Такие уникальные преимущества необходимо использовать.

Это уже делается. Конфликт между Индией и Пакистаном вновь поставил вопрос о том, насколько верной была российская инициатива принять оба государства в Шанхайскую организацию сотрудничества. Отдельные наблюдатели, и не только в России, считают, что участие в организации двух очевидных соперников может поставить её на грань развала либо полной утери функциональности. Но при этом необходимо понимать, что долгосрочная стратегическая значимость участия Индии и Пакистана в обсуждении вопросов, не связанных с

их двусторонними отношениями, гораздо выше временной дисфункциональности ШОС. Эти государства рано или поздно будут общаться. И это общение не должно происходить без российского участия.

Российская политика в Азии должна учитывать региональную специфику, стратегические культуры и – не в меньшей степени – текущие интересы стран региона. Но она не должна отказываться от своих собственных уникальных преимуществ – и это совершенно необязательно её глобальное военно-стратегическое значение. Тем более что ход и содержание международной дискуссии по вопросу северокорейской ракетно-ядерной проблемы показывает ограниченные способности России быть активным и нужным участником процесса.

В Азии есть запрос на Россию. Но ответ на этот запрос не должен быть просто зеркальным отражением того, чего хотят азиатские страны. В международной политике вообще достаточно странно исходить при целеполагании из тех или иных желаний и способностей партнёров. Несколько лет назад достижением российского МИД стало решение о подготовке договора между Китаем и Евразийским экономическим союзом о сопряжении ЕАЭС и проекта «Один пояс – один путь». Хотя многие уважаемые эксперты авторитетно и аргументированно утверждали, что Китай останется привержен двустороннему сотрудничеству со странами союза, результат оказался иным, и Пекин принял стратегическое решение о движении по многостороннему треку. Именно так, принося свои идеи и концепции, Россия может стать в Азии необходимым игроком.

Безопасность в Большой Евразии: российская политика в сфере обороны и безопасности

© 2019 г. В.Б. Кашин, А.И. Дружинин

Центр комплексных европейских и международных исследований
НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Security in Greater Eurasia: Russian defense and security policy

V.B. Kashin, A.I. Druzhinin

Center for Comprehensive European and International Studies, HSE, Moscow, Russia
vkashin@hse.ru, adruzhinin@hse.ru

The article is aimed to review Russian approaches towards contemporary security challenges on the Eurasian continent. Authors take a look at key areas of tensions related to Russia, specifically in its strategic, economic and technological aspects; priorities in political and military policies are also under consideration. An intensive full scale American policy of containing Russia and China through the Third Offset Strategy is highlighted in this work, noting that traditional political and economic warfare is shifting towards a fierce struggle for technological dominance. It is impossible to study EAEU-China cooperation without taking political and military factors into consideration. Particularly due to the fact that Beijing maintains bilateral and multilateral ties on the security issues with all members of the union. Paper concludes with a review of Russian approaches on security and defense issues of South-East Asia, finding that Russia is looking for deeper cooperation on the issues mentioned above through expanding its' presence in traditional and new formats, especially via ASEAN-led platforms.

Key words: *Greater Eurasia, homeland and international security, regionalism, Turn to the East, trade wars.*

Статья посвящена обзору российских подходов к современным вызовам безопасности на Евразийском континенте. Рассматриваются ключевые точки напряжённости, связанные с Россией, в частности в стратегическом, экономическом и технологическом аспектах. Подчёркивается интенсивная полномасштабная американская политика сдерживания России и Китая через «третью стратегию компенсации». ЕАЭС и Китай сотрудничают с учётом политических и военных факторов, при этом Пекин поддерживает двусторонние и многосторонние связи по вопросам безопасности со всеми членами союза. В завершении дан обзор российских подходов к вопросам безопасности и обороны в Юго-Восточной Азии; показано, что Россия стремится к более глубокому сотрудничеству путём расширения своего присутствия в традиционных и новых форматах, особенно через платформы под руководством АСЕАН.

Ключевые слова: *Большая Евразия, национальная и международная безопасность, «Поворот на Восток», регионализм, торговые войны.*

Российская политика в сфере обеспечения безопасности на пространстве Большой Евразии после 2014 г. находится под сильным, порой определяющим негативным влиянием углубляющегося противостояния с США и рядом их союзников в Европе и, в меньшей степени, на Ближнем Востоке. Российские приоритеты военного строительства были существенным образом переосмыслены в последние годы, что существенно отразилось на политической значимости и сроках исполнения многих программ перевооружения.

В это время произошло полноценное возвращение России на позиции одного из главных игроков мировой политики, демонстрирующего активное участие в событиях в столь удалённых частях мира, как Африка и Латинская Америка. Реальные приоритеты российского военного строительства и российской политики в сфере безопасности, однако, смещаются в обратном направлении. Россия стремится резко повысить свои военные возможности в регионах непосредственно по периметру своих границ и продолжает уделять большое внимание ядерным силам. При этом Россия, похоже, сознательно жертвует инструментами глобального проецирования силы, такими как океанский военно-морской флот и стратегическая военно-транспортная авиация. Две эти сферы – наиболее кризисные направления российских военно-промышленных усилий из-за недостаточного финансирования и невысокого внимания высшего руководства страны к управлению ими.

На фоне продолжающегося российского «возвращения в Азию» и декларированной приоритетности региона с точки зрения российской внешней политики в военной сфере ситуация носит обратный характер. Центр российского военного строительства после 2014 г. сместился на западные рубежи России, в том числе на границу с Украиной, где после 2014 г. происходило развёртывание новых частей и соединений и создание значительной военной инфраструктуры¹. В отличие от прежнего периода, после 2014 г. западное направление пользуется и явным приоритетом в развёртывании новых видов вооружения и военной техники, производимых российской промышленностью. Эти обстоятельства можно объяснить тем фактом, что Азиатско-Тихоокеанский регион остаётся и в обозримом будущем будет оставаться самой безопасной и наименее проблемной частью мира с точки зрения интересов безопасности России.

¹ *Lavrov A. New Russian Military Infrastructure on the Border with Ukraine. Moscow Defense Brief, no. 6, 2015.*

Российская военная доктрина 2014 г. чётко определяет расширение НАТО и её деятельность вблизи российских границ в качестве основных источников внешней угрозы наряду с ростом религиозного и политического экстремизма и этнических конфликтов в регионах, близких к России, т.е. в Средней Азии. Азиатско-Тихоокеанский регион ни разу не упоминается напрямую.

На пространствах бывшего Советского Союза Россия считает себя участником игры с нулевой суммой против Европейского Союза и Соединённых Штатов, которая длится уже почти три десятилетия. Отношения с рядом европейских стран подорваны болезненными воспоминаниями и идеологическими разногласиями. Ситуацию в среднеазиатском регионе Россия рассматривает как обладающую значительным кризисным потенциалом, что обусловлено как традиционными угрозами, исходящими из Афганистана, так и динамикой внутри самих постсоветских государств. Причиной, по которой Министерство обороны России усматривает вероятность военного конфликта в регионе в ближайшее время, является значительное влияние со стороны радикальных исламистских группировок, в том числе ИГИЛ².

На Ближнем Востоке Россия по сей день находится в самом центре сложной системы конфликтов с участием всех крупных региональных держав, параллельно продолжая вести ограниченные боевые операции в Сирии. Успешное для России до настоящего времени течение военной кампании в Сирии не исключает вероятности новых обострений ситуации. Россия вынуждена поддерживать высокий уровень готовности к реагированию на внезапные кризисы в этом регионе.

Примером подобных усилий можно считать ускоренный ввод в строй ещё не вполне испытанных комплексов гиперзвуковых крылатых ракет воздушного базирования «Кинжал» с организацией опытно-боевого дежурства несущих их самолетов МиГ-31К над Каспийским морем в 2018 г.³

В Азиатско-Тихоокеанском регионе в сфере безопасности преобладают противоположные тенденции. Здесь ещё в 1990-х – начале 2000-х годов России удалось урегулировать старые территориальные споры с Китаем; единственной точкой напряжённости в Азии по этим

² Россия сегодня. «Шойгу: Террористы САР и Ирака представляют угрозу для Центральной Азии». 11.02.2015. <http://ria.ru/world/20151211/1340159079.html>.

³ МиГ-31 с «Кинжалами» заступили на дежурство над Каспийским морем. «Известия», 19.07.2018. <https://iz.ru/768536/2018-07-19/mig-31-s-kinzhalami-zastupili-na-dezhurstvo-nad-kaspiiskim-morem>

вопросам остаются претензии Японии на Южные Курилы, урегулировать которые, по всей видимости, не удастся в ближайшее десятилетие. Существенные террористические угрозы, направленные против России, в регионе также отсутствуют.

Россия не имеет существенных интересов в наиболее серьёзных региональных спорах, таких как спор по Южно-Китайскому морю или взаимные претензии между Японией и Китаем в Восточно-Китайском море. Россия воздерживается в этих вопросах от обозначения поддержки какой-либо из сторон конфликтов, ограничиваясь критикой действий США, ведущих, с точки зрения Москвы, к росту напряжённости в регионе. В частности, Россия осуждает предпринимаемые США в Южно-Китайском море «патрулирования с целью осуществления свободы судоходства», а также американское стремление к интернационализации существующих в регионе конфликтов.

В военной доктрине России 2014 года среди угроз названы «территориальные претензии к Российской Федерации и её союзникам и вмешательство в их внутренние дела»⁴. Такая позиция вполне относится и к российско-японскому территориальному спору. Однако, несмотря на замороженный конфликт с Японией по поводу Южных Курил, российские дипломаты и исследователи придерживаются уже давно выработанной позиции, что «Россия не представляет угрозы для Японии равно как Япония не является источником угроз для России»⁵.

Такие заявления регулярно транслируются в трудах о российско-японских отношениях и российской политике в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Кроме того, мы признаём, что Япония и Россия имеют близкие позиции по большинству международных вопросов⁶. Во внутреннем политическом дискурсе преобладает мнение, что Япония не имеет ни желания, ни возможности решить нынешний спор с Россией силовыми методами.

Российские военные также считают возможный конфликт с Японией маловероятным сценарием. Вместе с тем, Россия сохраняет су-

⁴ Военная доктрина Российской Федерации <http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d527556bec8deb3530.pdf>

⁵ Дипломатический вестник. «Статья посла России в Японии А.Н. Панова в газете «Асахи» декабрь 2003 г. http://archive.mid.ru/bdcomp/dip_vest.nsf/99b2ddc4f717c733c32567370042ee43/2400768222f907d7c3256e36004cc81e!OpenDocument.

⁶ Российский совет по международным делам. «Современные российско-японские отношения и перспективы их развития» 2012. http://russiancouncil.ru/common/upload/RIAC_russia_japan.pdf.

щественное военное присутствие на Южных Курилах, восстанавливая некоторые утраченные с советских времён военные возможности. В частности, возобновлено базирование истребителей на ротационной основе на аэродроме Буревестник, расположенном на о. Итуруп⁷, проводилось доукомплектование и перевооружение размещённой на островах 18-й пулемётно-артиллерийской дивизии, на островах размещались новые системы ПВО⁸ и береговых ракетных комплексов «Бал» и «Бастион»⁹.

Однако эти мероприятия можно рассматривать как плановое перевооружение и восстановление боеспособности расположенной на островах группировки после крайнего упадка периода 1990 – начала 2000-х годов без приобретения каких-либо принципиально новых возможностей.

В проблеме глобальных угроз безопасности в Евразии в первую очередь нужно рассматривать всё более глубокую конфронтацию США с ведущими странами макрорегиона – Россией и Китаем. Фактически переход США к политике жёсткого сдерживания Москвы и Пекина наметился ещё в начале 2010-х годов. С весны 2018 г. США проводят осознанную линию на конфронтацию и с Китаем, и с Россией. Аргументы о стратегической нецелесообразности такого подхода отбрасываются американским политическим руководством и значительной частью элиты, уверенными в способности Вашингтона добиться победы даже в такой конфигурации конфликта, избежав при этом необходимости заключать сложные и унижительные для американского престижа сделки с одной из этих стран.

В отношениях с Китаем курс США на «восстановление справедливой торговли» перерос в полномасштабную торговую войну с применением не только заградительных экономических мер, но и прямых санкций. Последние были применены к КНР в связи с покупкой российских комплексов противоздушной обороны С-400 в 2018 г. Помимо экономического давления на Пекин, Вашингтон активно работает над устранением конкуренции со стороны китайских телекоммуникационных компаний по всему миру, в частности в Австралии и Новой Зеландии, что связано с переделом рынка развёртывания сетевой инфраструктуры 5G по всему миру.

⁷ ТАСС 24.03.2018, <https://tass.ru/armiya-i-opk/5064915>

⁸ Интерфакс 12.10.2011, <https://vpk.name/preview/?i=pf18qr49>

⁹ ТАСС 26.11.2016 <https://tass.ru/armiya-i-opk/3803253>

Меры экономической войны в отношении с КНР подкрепляются шагами по оказанию военно-политического давления, включая укрепление военного сотрудничества США с Тайванем, наращивание американского военного присутствия в Азии, усилившуюся критику КНР по проблематике прав человека. В возникающей ситуации менее крупные страны региона, по определению премьер-министра Сингапура Ли Сяньлуна, описывавшего возможные проблемы политики стран АСЕАН, могут «оказаться в ситуации выбора» между США или КНР, чего они хотели бы избежать¹⁰.

Таким образом, в условиях обостряющегося американо-китайского конфликта возникает угроза постепенного разделения по блоковому принципу на группировки, сложившиеся вокруг КНР и Соединённых Штатов. При реализации такого сценария возможности России по проведению нынешней линии на одновременное развитие сотрудничества со всеми региональными государствами и уход от вовлечения в существующие между ними споры может оказаться трудноосуществимым.

Россия, не имея столь глубоких торгово-экономических связей с США, испытывает давление в военно-политической сфере, локализованное главным образом в Европе и на Ближнем Востоке. До недавнего времени российско-американские противоречия слабо отражались на ситуации в Азии в сфере безопасности. Отчасти это было связано со стремлением части союзников США, прежде всего Японии, к проведению курса на вовлечение России в более глубокое сотрудничество в надежде предотвратить российско-китайское сближение.

Вместе с тем нельзя исключать активизации военного давления на Россию со стороны США и с Тихоокеанского направления. Свидетельством того, что такие возможности рассматриваются, можно считать первое за долгие годы «патрулирование с целью обеспечения свободы судоходства», осуществлённое ВМС США в Заливе Петра Великого недалеко от Владивостока в декабре 2018 г.¹¹

В условиях обостряющегося конфликта с КНР Вашингтон может предпринять комплекс мер по усилению «блоковой дисциплины» среди своих

¹⁰ Singapore leader Lee Hsieh Loong warns region may have to choose between China and US. South China Morning Post 17.11.2018, <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/2173479/singapore-leader-lee-hsien-loong-warns-region-may-have-choose>

¹¹ US Navy Conducts First Post Cold War FONOP in Peter the Great Bay. The Diplomat, 06.12.2018 <https://thediplomat.com/2018/12/us-navy-conducts-first-post-cold-war-fonop-in-peter-the-great-bay-off-russian-coast/>

партнёров и союзников в Азии, что приведёт исчезновению перспектив у проводимой в настоящее время политики по ускоренному расширению сотрудничества с такими странами, как Япония и Южная Корея.

На военную политику стран региона, включая Россию, нарастающее влияние оказывает активизировавшаяся гонка вооружений между Китаем и США, во многом сосредоточенная в сфере ряда прорывных технологий (искусственный интеллект, робототехника, гиперзвук и т.п.). Её катализатором стала Третья стратегия компенсации Министерства обороны США, принятая в 2014 г. и с тех пор подвергавшаяся неоднократным корректировкам (само название в последнее время используется редко). Третья стратегия компенсации рассматривается российскими исследователями, прежде всего, как ответ на наращивание Китаем возможностей в сфере ограничения и запрещения доступа и манёвра войск вероятного противника (A2/AD) и, во-вторых, на рост российского оборонного потенциала, особенно ядерного¹².

Внедрение третьей стратегии компенсации произошло примерно в то же время, что и серьёзные изменения в отношениях между Россией и коллективным Западом, вызванные украинским кризисом 2014–2015 гг. В нынешних условиях возобновления конфронтации между РФ и НАТО в сочетании с западными санкциями и снижением темпов роста экономики, Россия пересматривает свою предыдущую модель сотрудничества в оборонной промышленности с Китаем. Это сотрудничество вышло на качественно новый уровень по сравнению с моделью предыдущих 20 лет, когда Россия поставляла Китаю оружие и технологии за валюту.

Исходя из этих факторов, некоторые российские аналитики делают вывод, что «есть все основания полагать, что при реализации Третьей стратегии компенсации США будут в первую очередь ориентированы на обеспечение своего технологического превосходства над КНР как основного конкурента США в Азиатско-Тихоокеанском регионе». Второстепенными целями считаются достижение и сохранение решающего превосходства над такими соперниками, как Россия, Иран и Северная Корея. Такой взгляд на стратегию как, прежде всего «антикитайскую» инициативу, хотя и имеющую серьёзные стратегические последствия для России, представляется широко распространённым.

¹² Кокошин А.А., Бартенев В.И., Веселов В.А. Подготовка революции в военном деле в условиях бюджетных ограничений. Новые инициативы министерства обороны США // США и Канада: экономика, политика и культура, 2015, № 11. С. 3–22.

Его можно встретить не только в научных изданиях, но и в средствах массовой информации Министерства обороны РФ¹³.

Разворачивающаяся американо-китайская гонка в сфере прорывных военных технологий создаёт угрозу обесценивания военных потенциалов других стран региона, порождая своеобразный «эффект домино» в виде роста военных закупок и бюджетов.

Для России и Китая одним из вариантов реагирования на сложившуюся ситуацию может стать углубление технологической кооперации. Россия и Китай потенциально смогут перейти от ситуационного политического альянса к взаимозависимому промышленному союзу. Эта тенденция будет поддерживаться расширением участия китайского капитала и технологий в российских гражданских отраслях экономики, таких как автомобилестроение и электроника. Совместное использование ресурсов может быть лучшим способом для двух стран противостоять общему технологическому превосходству США. Сейчас такое сотрудничество становится всё более эффективным благодаря двум факторам. В политическом плане обе страны испытывают долгосрочное ухудшение своих отношений с Соединёнными Штатами. Кроме того, после более чем десяти лет регулярных крупномасштабных военных учений военные двух стран добились значительного прогресса в улучшении оперативной совместимости. Программу реформы ВС РФ 2008–2009 годов можно рассматривать как один из ключевых источников вдохновения для далеко идущей военной реформы начатой Си Цзиньпином в конце 2015 г.

Сочетание торговой войны КНР и США, стратегического противостояния России с Западом с одной стороны и всё более тесные отношения между Россией с Китаем, т.е. двумя странами-драйверами макро-региона с другой, становятся фактором, определяющим роль России в обеспечении безопасности Евразии.

Новый виток ухудшения отношений США как с Китаем, так и с Россией ещё больше сблизил две страны, а визит Владимира Путина в Китай в июне 2018 г. привёл к подписанию важных контрактов о продаже Китаю российских атомных технологий, потенциально оцениваемых в десятки миллиардов долларов, что входит в сферу обеспечения как технологической, так и экономической безопасности региона. Что ещё более важно, в ходе этого визита Пекин, похоже,

¹³ Удальцов И. Третья стратегия. *Красная Звезда*, 25.11.2015, <http://www.redstar.ru/index.php/syria/item/26749-tretya-strategiya>.

принял российскую концепцию Евразийского экономического партнёрства и согласился начать переговоры по этому амбициозному соглашению. Стороны подписали ранее проведённое совместное технико-экономическое обоснование Евразийского партнёрства, которое может открыть путь для официальных переговоров.

Ранее, в мае 2015 г., России удалось добиться подписания Китаем Совместной декларации о сопряжении Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и китайской инициативы «Пояса и пути»¹⁴. Основной целью этой декларации было обеспечение признания Китаем важности ЕАЭС и обязательство сотрудничать с Союзом в рамках его юрисдикции (ЕАЭС охватывает торговлю товарами, но имеет ограниченные полномочия в сфере услуг и инвестиционных вопросах). Стороны договорились координировать свою политику и двигаться к возможному соглашению о ЗСТ в будущем. Первым шагом стали переговоры о непреференциальном торговом соглашении, которое не повлияло на тарифы, но облегчило торговлю между ЕАЭС и Китаем (оно было подписано в мае 2018 г.)¹⁵. Несмотря на то, что это узкое соглашение с Китаем было согласовано, ЕАЭС пытался построить свою сеть соглашений о ЗСТ с малыми азиатскими экономиками. Первым и пока единственным партнёром по ЗСТ для ЕАЭС стал Вьетнам (соглашение подписано в мае 2015 г.), но переговоры ведутся с рядом таких стран как Южная Корея, Индия, Сингапур, Индонезия, Монголия и Камбоджа.

Концепция «Большой Евразии» была впервые предложена Владимиром Путиным в послании Федеральному Собранию в декабре 2015 г. и может рассматриваться как ответ России на инициативу «Пояс и путь». Она служит двум основным целям, одна из которых чисто идеологическая – Россия не хочет, чтобы её воспринимали как простого участника китайского проекта.

Вместо этого Россия придумывает свой проект, а затем ведёт переговоры о согласовании этих двух проектов с китайцами на формально равноправной основе. Очевидно, что из-за огромных различий в экономическом весе каждой из сторон это равенство будет в основном формальным. Тем не менее, эти шаги служат целям российской

¹⁴ Совместная декларация о сопряжении ЕАЭС и ЭППП, <http://kremlin.ru/supplement/4971>

¹⁵ Подписано соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем. Сайт Евразийской экономической комиссии. <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx>

внешней политики, таким как предоставление России большего пространства для маневра в Азии. Другая цель более практична: ЕАЭС хочет развивать сеть соглашений о ЗСТ, которые в настоящее время встраиваются в более продвинутый блок экономической интеграции. Такой блок мог бы включать некоторые практики, впервые разработанные в рамках Транстихоокеанского партнерства.

ЕАЭС – организация с весьма узкой специализацией, которая включает в себя ясно очерченный круг экономических вопросов. В переговорах с внешним миром ЕАЭС главным образом концентрируется на вопросах торговли товарами, хотя к настоящему времени уже обозначился крен в сторону охвата также тематики инвестиций и торговли услугами. Вместе с тем развивающееся сотрудничество ЕАЭС и Китая невозможно рассматривать в отрыве от военно-политических факторов, тем более что Китай поддерживает двусторонние и многосторонние форматы сотрудничества по тематике безопасности со всеми членами организации.

Эти отношения имеют разнообразный формат и масштабы, но в каждом случае наблюдается значительная положительная динамика. Россия сохраняет своё место главного зарубежного партнера КНР в военно-технической сфере, продолжая поставлять в Китай оружие и военные технологии на миллиарды долларов в год. Долгое время казалось, что это сотрудничество представляет лишь отголосок «золотого века» российско-китайского ВТС в 1990-х годах, но обозначившийся в последние годы быстрый рост объёмов российских поставок говорит об обратном.

В 2016 г. поставки российской техники и услуг военного назначения, например, превысили три миллиарда долларов в год, в 2017 и 2018 гг. поставки также сохранялись на высоком уровне, при этом в 2018 г. были заключены новые важные контракты. Россия и Китай двигаются в направлении более глубокой интеграции своих военно-промышленных комплексов – речь сейчас идёт не об отдельных проектах поставок техники и даже не о её лицензионном производстве, а о долгосрочных совместных проектах, связанных с прорывными перспективными технологиями, такими как искусственный интеллект и машинное обучение.

Белоруссия – второй член союза, сохраняющий существенный объём поставок продукции и услуг военного назначения в Китай. Это сотрудничество имеет намного меньшие масштабы, чем у России и главным образом сводится к передаче КНР технологий производства тяжёлых многоосных шасси, используемых для монтажа ракетных

комплексов и различного специального оборудования. Кроме того, Белоруссия сохраняет существенное военно-техническое сотрудничество с КНР в сфере военной электроники и систем связи.

В то же время Китай уже превратился в довольно заметного поставщика военной техники и её компонентов всем странам ЕАЭС. Даже Россия, являющаяся одной из крупнейших военно-промышленных держав мира, была вынуждена пойти на ограниченные закупки китайских компонентов (дизельные двигатели, отдельные виды микроэлектроники) для своей военной техники, чтобы заместить западные поставки, ставшие невозможными из-за санкций. Белоруссия пошла на более глубокую интеграцию своего ВПК с китайским, запустив на своей территории совместное с китайцами производство тяжёлых реактивных систем залпового огня (РСЗО) «Полонез» (фактически, местный вариант китайских А200). Системы производятся с нарастающим уровнем локализации и уже имели место первые их экспортные поставки в Азербайджан.

Армения является давним (с конца 1990-х) покупателем китайских тяжёлых РСЗО, а Казахстан покупал китайские боевые беспилотные летательные аппараты и тяжёлые военно-транспортные самолёты. Киргизия имеет ограниченные средства для проведения собственной закупочной политики, однако получает существенное количество военного имущества из Китая в виде помощи.

Все страны ЕАЭС поддерживают довольно интенсивные военные связи с Китаем. За очевидным и единственным исключением в виде Армении все они проводят с Китаем регулярные совместные учения – либо в рамках Шанхайской организации сотрудничества, либо на двусторонней основе. Организация Договора о коллективной безопасности, в которую входят члены ЕАЭС, поддерживает с КНР диалог с использованием площадки ШОС.

Для стран ЕАЭС, особенно России и Белоруссии, ВПК и смежные отрасли служат по существу основой высокотехнологичного сектора их экономик. Более того, определённые мероприятия по возрождению национального военно-промышленного потенциала проводятся даже в Казахстане и Армении, причём в этом достигнуты определённые результаты.

В условиях развивающейся глобальной гонки вооружений и всё более широкого применения США и их союзниками экономических санкций в отношении и России, и КНР наращивается взаимодействие между странами ЕАЭС и КНР в технологической сфере. США реализуют курс по завоеванию военного и технологического доминирования, опираясь

на тесную кооперацию со своими традиционными партнёрами в военной и промышленной сфере, такими как Великобритания, Япония и Израиль.

Ни Россия, ни Китай не могут рассчитывать на победу в этом соревновании в одиночестве. Они должны будут пойти на более тесную интеграцию своих политик в промышленной и инновационной сферах. Разумеется, никакие торговые соглашения не регулируют сферу торговли оружием. Однако центральную роль в разворачивающейся гонке вооружений имеют технологии, имеющие двойное, а порой даже преимущественно гражданское предназначение, например, робототехника, квантовые вычисления и криптография, искусственный интеллект.

Первостепенное значение имеет также торговля научным и промышленным оборудованием, специальными материалами и соответствующими промышленными услугами. Учитывая высокие ставки в ведущейся борьбе, даже потенциал менее крупных стран, таких как Белоруссия и Армения, не должен игнорироваться.

Сейчас в фокусе переговоров ЕАЭС и Китая находятся довольно очевидные темы, такие как вопросы доступа на китайский рынок продовольственной продукции из стран-членов союза. Но по мере ухудшения военно-политической обстановки в мире вопросы взаимодействия между высокотехнологичными отраслями, оказывающими услуги, либо выступающими поставщиками оборонной промышленности двух стран будут во все большей степени оказываться в центре внимания, и на максимальное облегчение их взаимодействия стоит обратить внимание уже сейчас.

Возможность эволюции и без того тесных отношений России и Китая в тесный военно-политический союз стала привлекать к себе нарастающее внимание в СМИ и экспертном сообществе начиная с 2018 г., на фоне обозначившейся американо-китайской конфронтации. Дополнительно интерес к этой теме был подкреплён первым в истории участием китайских вооружённых сил в российских стратегических командно-штабных учениях «Восток-2018» на территории Забайкалья. Более того, пресс-секретарь российского президента Дмитрий Песков, комментируя китайское участие в маневрах, прямо назвал это свидетельством «расширения взаимодействия двух союзников»¹⁶.

Россия и Китай имеют длительный опыт взаимодействия в военной сфере, начиная с проводимых с 2005 г. каждые два года учений

¹⁶ «Песков объяснил участие Китая в учениях «Восток-2018» - РИА Новости, 28.08.2018, <https://ria.ru/20180828/1527359944.html>

ШОС «Мирная Миссия». В последующем две страны перешли к проведению регулярных военно-морских учений («Морское взаимодействие», с 2012 г.), участию вооружённых сил двух стран в многочисленных совместных конкурсах и военных играх (с 2014 г.), учениях сил ПРО на ТВД в форме компьютерного моделирования (в 2016 и 2017 гг.) и другим совместным мероприятиям. Россия остаётся крупным поставщиком вооружений и военной техники в Китай (например, в 2016 г. объём поставок превысил 3 млрд долларов США), а также готовит китайских военнослужащих. Технически достигнутый уровень взаимодействия позволяет перевести отношения на уровень эффективно действующего военного союза сразу после принятия политического решения руководством двух стран.

Вместе с тем, перспективы заключения такого формального союза выглядят по-прежнему не слишком ясными. И для России, и для Китая политические выгоды от возможного официального военно-политического союза невелики. Риторика против возглавляемых США альянсов в Европе и Азии придётся оставить, так как обе стороны поддерживают её тезисом о том, что место таким объединениям только в прошлом. Отношения России с другими азиатскими державами, особенно с Индией, Японией и Вьетнамом, будут подорваны. Китайские стратегии вовлечения стран Восточной и Центральной Европы в тесное партнёрство в обход ЕС (механизм 16+1), которые в настоящее время достаточно эффективны и вызывают озабоченность в Брюсселе, будут разрушены. Таким образом, Россия и Китай хотели бы, видимо, иметь опцию заключения союза в определённой ситуации, но намерены до последнего избегать активирования этой опции. Скорее всего, такой резкий внешнеполитический сдвиг произойдёт только под угрозой очень острого кризиса безопасности с участием как России, так и Китая и США.

Говоря о позициях России в Юго-Восточной Азии, необходимо отметить ускоренный темп наращивания политических связей и участия нашей страны в делах региона. Об этом свидетельствует первый за всю историю визит Президента РФ на Восточноазиатский саммит в 2018 г., ещё раньше, в 2016 г. была принята комплексная программа действий Россия – АСЕАН. В 2017 г. Россия, наконец, открыла самостоятельное дипломатическое представительство при Ассоциации, ранее эту должность по совместительству исполнял российский посол в Индонезии.

Россия также стремится к дальнейшему углублению сотрудничества в области безопасности, расширяя своё присутствие на традици-

онных и новых площадках, таких как региональный форум АСЕАН, встречи министров обороны АСЕАН+, Совещание старших должностных лиц по транснациональной преступности, а также Совместная рабочая группа по борьбе с терроризмом. В 2017 г. старшие должностные лица АСЕАН по вопросам наркотиков также провели первую в истории координационную встречу с российскими коллегами, знаменуя начало сотрудничества в этой области. Военно-политические вопросы стали обсуждаться и по так называемому «второму треку» в рамках группы «выдающихся личностей России и АСЕАН» и созданной в апреле 2018 г. двусторонней «Сети аналитических центров»¹⁷.

Меняется и восприятие активности России в вопросах безопасности Юго-Восточной Азии: ранее, ввиду незначительного объёма экономических связей со странами региона, нашу страну рассматривали в качестве второстепенного партнёра, функции которого сводились к балансированию других внешних игроков (США, Япония, Китай) в случае возникновения спорных ситуаций. Однако благодаря внутренним политическим кризисам в странах АСЕАН и растущего недовольства Китаем и США, Россия воспользовалась возможностью стать «экспортёром безопасности» путём наращивания военно-технического сотрудничества и политического взаимодействия с такими странами как Вьетнам, Филиппины, Таиланд, Индонезия.

В то же время, наращивая связи, российское руководство придерживается принципа невмешательства во внутренние дела государств и их территориальные претензии, особенно в Южно-Китайском море. Такая позиция поставщика безопасности в Юго-Восточной Азии наиболее оптимальна для России, так как обострять отношения с глобальным партнёром – Китаем не имеет смысла ввиду очевидных причин, но и оставлять регион без активного внимания тоже опасно в военно-политическом плане. Признавая сложность ситуации и многообразие позиций стран региона, Россия должна стремиться не только к закреплению имиджа надёжного партнёра, но и всемерно продвигать свои экономические интересы, в частности, зоны свободной торговли с отдельными членами АСЕАН.

¹⁷ OVERVIEW ASEAN-RUSSIA DIALOGUE RELATIONS (Обзор диалога «АСЕАН-Россия») <https://asean.org/storage/2012/05/Overview-ASEAN-Russia-Dialogue-Relations-as-of-January-2019.pdf>

Динамика геополитической обстановки в Восточной Азии – от истоков к современности

© 2019 г. В.Г. Шведов

Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Владивосток, Россия

The changing geopolitical situation in East Asia – from the origins to the present

V.G. Shvedov

Pacific Geographical Institute,
Far-Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia
e-mail: i-svg@yandex.ru

The article deals with the analysis of the dynamics of the geopolitical situation in East Asia. The substantiation of the borders of this territory was based on the specifics of its geographical position and geographical conditions. It were identified several periods in the development of the geopolitical situation in the region. The early period has a characteristic as the time of the formation of statehood in East Asia and the emergence of a system of regional geopolitical relations. The main features of the period of close contacts are the formation by states of the region of their geopolitical concepts and the negative consequences of their territorial contacts with aggressive neighbors. The period of entry into the global geopolitical system reflects the course of the inclusion of East Asian countries into a wide range of international relations and the multilateral implications of this process. The modern period corresponds to the course of the states of the region on internal strengthening and increase of their geopolitical significance. It had separate results for each of them. A brief overview of the current geopolitical state of East Asia as a zone of moderate tension between the forces of Anglo-Saxon globalism and the countries - supporters of a multipolar order in the world has been made at the end.

Key words: *geopolitics, geopolitical tension, globalism, East Asia, statehood formation.*

Статья посвящена анализу динамики геополитической обстановки в Восточной Азии. Дано обоснование границ данной территории на основе специфики её географического положения и географических условий. В развитии геополитической обстановки региона выделено несколько периодов. Ранний период охарактеризован как время становления государственности в Восточной Азии и зарождения системы региональных геополитических отношений. В качестве главных признаков периода ближних контактов указаны формирование собственных геополитических концепций государств региона и негативные последствия их территориального соприкосновения с агрессивными соседями. Период вхождения в глобальную геополитическую систему отображает ход включения стран Восточной Азии в широкий круг международных отношений и многосторонние последствия этого процесса. Современный период соответствует курсу государств региона на внутреннее усиление и рост их геополитического значе-

ния, который дал для каждой из них разные результаты. В заключении представлен краткий обзор современного геополитического состояния Восточной Азии как зоны умеренной напряжённости между силами англо-саксонского глобализма и странами – сторонниками многополярного миропорядка.

Ключевые слова: *Восточная Азия, геополитика, геополитическое напряжение, глобализм, становление государственности.*

Введение

Восточная Азия представляет собой окраинный пояс материка Евразии с прилегающими к нему островами, и вмещает целиком такие страны как КНДР, Южная Корея, Япония, а также Дальний Восток России и восточную половину Китайской Народной Республики. Кроме того, в нём присутствуют США, чьи военные базы размещены в Японии и Южной Корее.

Регион имеет хорошо выраженные естественные рубежи. На суше он отделён от основного континентального массива труднодоступными орографическими сооружениями мезо-кайнозойского возраста. При перечислении с севера на юг это практически непрерывно следующие друг за другом хребты Верхоянский, Джугджур, Становой, Большой Хинган, приподнятые до 2500 м плато Ордос и Лёссовое, за которым поднимаются восточные отроги Тибета. На юге Восточная Азия широтно ограничена цепями Юньнань-Тонкинского горного комплекса. Её омывают Северный Ледовитый и Тихий океаны – важные климатообразующие факторы. Выхолаживающее влияние Арктики, следуя вдоль меридионально ориентированных хребтов, может достигать побережий Жёлтого и Японского морей. Тихий океан оказывает, в общем, согревающее и увлажняющее влияние, усиленное барьерной ролью перечисленных гор и возвышенностей.

Растущая роль Восточной Азии в мировой экономике и её общее цивилизационное значение достаточно полно рассмотрены в специальной литературе (Хантингтон, 2003; Мировая экономика..., 2017). И очевидно, что её современное состояние во многом определила специфика развития региональной геополитической обстановки.

Под этим термином предлагается понимать состояние геополитических потенциалов и соотношение интересов, расположенных в пределах избранного сектора геопространства стран, расстановку сил, характер и ход взаимодействия между ними. То есть – она представляет собой отражение всех реалий геополитической деятельности общества, которые проявили себя на данной территории в определённый отрезок времени.

Цель данной работы заключается в рассмотрении хода формирования геополитической обстановки в Восточной Азии со времени её первичного формирования и до настоящего времени; она развивалась в течение длительного времени, сочетая в себе логику преемственности от предыдущих состояний к последующим с хорошо выраженными изменениями периодического характера.

Обсуждение

Ранний период. Очаги перехода жителей Восточной Азии к производящему хозяйству датированы VI тысячелетием до н.э. (Li Liu, 2005), первые признаки ранней государственности – началом II тысячелетия до н.э. (Linduff, 1995). Они найдены в долине Хуанхэ, на Ляодунском и Корейском полуостровах, т.е. в местах сосредоточения в регионе наиболее оптимальных условий для занятия земледелием. Севернее и южнее располагались земли, где этот процесс тормозился «диктатом природы» (Тойнби, 2010): различными вариантами сочетания изобилия диких биоресурсов со сложными, так или иначе препятствующими переходу к земледелию, агроклиматическими условиями.

Отсчёт формирования геополитической обстановки в Восточной Азии целесообразно начать с этого времени, поскольку любое территориальное явление следует рассматривать с момента его зарождения (Анучин, 1982), а «... каждое племя ... обладало отдельной территорией, которую оно заселяло и защищало как свою собственность» (Цит. по: Морган, 1934, с. 61). Иными словами, геополитические отношения начали зарождаться тогда, когда первобытные племена стали воспринимать места своего расселения как источник необходимых им ресурсов и своё жизненное пространство (Алексеев, Першиц, 1990).

Ранний период формирования геополитической обстановки в Восточной Азии длился почти два тысячелетия. Его главная особенность состояла в процессе становления государственности. В регионе постепенно возникали образования типа аграрных полисов (Шан Юэ, 1959), бывшие, в сравнении с племенами, более зрелыми носителями территориальной политики и подходов к её проведению. Эти небольшие субъекты сливались в более крупные (История Кореи, 1974; История Китая, 2002). С XVII в. до н.э. в междуречье Хуанхэ и Хуайхэ сменился ряд ранних «царств». Их преемницей в III в. до н.э. стала централизованная держава императора Цинь Шихуанди. Тогда же на

основе союза племён Ляодунского и Корейского полуостровов возникло государство Чосон. С некоторой задержкой на островах Кюсю, Сикоку и юге Хонсю к I в. н.э. сложилось «царство» Ямато.

Вторая характеристика региональной геополитической обстановки данного периода состояла в том, что у молодых государств Восточной Азии информация даже о ближнем зарубежье была крайне скудной, насыщенной элементами фантастики (Гумилёв, 1998). Фактически там начиналась *terra incognita*, познание которой имело не академическую, а геополитическую задачу выявления потенциальных угроз и определения перспектив расширения своих рубежей.

По этой причине ранние государственные образования региона вели непрерывную территориальную экспансию на «дикие» земли. Но шла она медленно и неравномерно. Ей препятствовали как недостаточный уровень развития производительных сил и технологий, так и влияние упомянутого «фактора *terra incognita*». Продвижение шло «пошагово» и лишь на тех направлениях, где обозначался минимум риска и максимум обретения выгод. А так как основой экономики ранних государств региона было земледелие, рост их территорий направлялся туда, где имелась возможность обретения новых пахотных угодий. Для Китая это были земли к югу от Хуайхэ, где к III в. до н.э. он практически вышел на свой современный рубеж; для Кореи – бассейн Сунгари. Япония, в силу своего географического положения, могла расширяться лишь в северном направлении на острове Хонсю.

Из-за этого азиатские страны долгое время были изолированы друг от друга. Взаимное обнаружение (Китай – Корея в начале I тысячелетия до н.э., Китай и Корея – Япония в I в. н.э.) оказалось для них неожиданностью и обозначило контуры системных отношений лишь к концу периода.

Под прямым и косвенным воздействием упомянутых процессов трансформировалась значительная часть «варварской» периферии региона. Её сектор к югу от Хуайхэ медленно, но непрерывно включался в состав Китая. В итоге эта территория стала затем опорной базой развития китайского государства.

На севере, в бассейне Амура складывались племена, среди которых преобладал тунгусо-маньчжурский компонент. Следствием их соседства с Кореей в долине Сунгари стали грабительские набеги на южных соседей. Это стимулировало созревание агрессивного центра, который в дальнейшем проявил себя в полной мере.

Период ближних контактов. Этот период развития геополитической обстановки в Восточной Азии длился с III в. до н.э. до начала XVII в. н.э. Он проходил под знаком двух тенденций. Одной из них была явная и скрытая борьба между здешними государствами за гегемонию в регионе. Другая состояла в ограниченном характере их геополитического взаимодействия с внешним миром. Восточная Азия была слишком удалена от иных центров цивилизации и отделена от них труднопреодолимыми горами, пустынями, владениями воинственных кочевников. И хотя экономические и культурные связи стран региона (в первую очередь – Китая) так или иначе распространились тогда далеко за его пределы, круг межрегиональных контактов на «почве» геополитики имел почти исключительно соседский характер; причём ведущее значение здесь принадлежало Центральной Азии.

В этот период в Китае окончательно сформировалась концепция Срединной империи. Возникнув на анимистических представлениях о мироустройстве, она теперь получила и политическое толкование. Согласно ей, Китай представлял собой страну, правители которого имели «небесный мандат» на создание идеальных международных отношений. Сама по себе она не несла агрессивных начал и служила цели создания ситуации спокойствия на рубежах Китая, его окружения дружественными соседями. Но им надлежало признавать его верховенство в рамках федерации стран и народов, организованной по принципу «семьи», в которой император Китая имел легитимное право обращения к зарубежным правителям по формуле «дети мои» (Бичурин, 1950), а также служил высшей инстанцией в спорах между ними и оценках принятых ими решений.

Но концепция Срединной империи не во всём отвечала интересам других стран Восточной Азии. Де-факто, они лишались самостоятельности в насущных для них вопросах войны, мира, торговли и внешней дипломатии. Под надзором Китая находилась и столь деликатная сторона их внутренней жизни, как вопросы престолонаследия. Это создавало почву для конфликтов с империей. Первоначально центр их тяжести был сосредоточен на китайско-корейских отношениях.

Внешне признавая верховенство Китая, Корея вела активную тайную дипломатию, создала сильную армию и располагала в целом благополучной экономикой. Даже после её распада на три королевства накануне Новой эры, каждое из них представляло собой сильную страну. А самое крупное из них, Когурё, стало способно претендовать на роль гегемона в регионе (Шведов, 2017). Для усмирения «мятежа»

Китаю понадобилась война, шедшая с перерывами почти сто лет (VI–VII вв. н.э.). Восстановленная затем объединённая Корея надолго отказалась от геополитических амбиций, оставаясь до XX в. малозаметным субъектом международных отношений.

Япония, будучи в начале периода лишь конгломератом княжеств, установила связь с материком к началу II в. н.э. Она вначале имела равновесный характер, позволяя заимствовать как китайский, так и корейский опыт в областях культуры, технологий и управления.

Логика указывала на предпочтительность вхождения в круг влияния главной геополитической силы региона – Срединной империи. В этой связи был предпринят ряд шагов вплоть до того, что в 239 г. н.э. представительница японской знати Дзинго (Химики) получила от китайского императора титул «царицы страны Яматай». Но затем ситуация кардинально изменилась.

Укрепление государственных институтов Японии, осознание ею своей защищённости островным положением, стали причиной охлаждения отношений с Китаем и формирования собственной концепции Ниппон (Воробьев, 1958). По её канонам Япония возникла при непосредственном участии Высших сил. Это исключало признание любых форм зарубежного превосходства над ней и предоставляло полную, априори одобренную национальным божественным пантеоном, свободу действий в отношении иных государств.

Такая идеологическая установка не могла не привести к конфликту с Китаем. В 607 г. Япония была провозглашена империей. С позиции традиций титулования, это было самозванство с претензией на слом моноцентрической системы региона. В ответ Китай и зависимая от него Корея объявили блокаду Японии. Так она оказалась в уникальной для Старого Света ситуации, существуя последующую тысячу лет практически в полной изоляции. Это её не ослабило, но стало причиной проявления многих черт своеобразия геополитической судьбы этой страны.

И всё же, корейская и японская активность не дали в этот период ощутимых результатов. Существеннее на обстановку в регионе влияли иные субъекты, один из которых располагался в самой Восточной Азии, а другой – по соседству с ней.

У племён бассейна Амура, известных под самоназваниями «илоу» (II–IV вв.) и «мохэ» (IV в. – 687 г.), всё более отчётливые контуры обретала конфедерация, призванная усилить эффективность набеговой деятельности (Деревянко, 1987). По свидетельству китайских летописей: «Они всег-

да презирали соседние владения ... смежные владения... страдают от них» [Цит. по: Бичурин, 1950, с. 24]. Схожий процесс имел место в Центральной Азии, где возникали, сменяя друга, сообщества конных кочевников.

Соседство Китая и Кореи с бассейном Амура и Центральной Азией стало их «геополитическим роком». Следовавшие оттуда набеги опустошали их приграничье, требовали огромных материальных и людских ресурсов на отражение и преодоление последствий этих ударов. Но активность «варваров» со временем лишь видоизменилась в прямые захваты территорий, что в первую очередь сказалось на имевшем широкий радиус соприкосновения с ними Китае.

С IV по XII в. север страны вплоть до Янцзы неоднократно и попеременно оказывался во власти то выходцев из Приамурья, то кочевников, создававших здесь собственные государства. А с 1211 по 1368 г. Китай полностью попал под власть монголов. Цепь этих событий обернулась для Восточной Азии мощной дестабилизацией. Авторитет Китая как регионального лидера становился эфемерным, а концепция Срединной империи из разряда геополитических конструкций сместилась в область умозрительных категорий.

В 1368 г. монголы были изгнаны. Восстановив суверенитет, Китай заявил о возвращении к утраченным геополитическим ценностям: созданию регионального «семейного содружества», окончании эпохи войн и наступлении эры сотрудничества и процветания. Но будущее показало неизбежность проявления таких геополитических реалий как инерционность ранее набравших силу явлений и возможность неожиданного проявления новых, ранее непрогнозируемых факторов, что и стало основой формирования геополитической обстановки региона в следующем периоде.

Период вхождения в глобальную систему геополитических отношений

Начало этого периода в XVI в. связано с эпохой Великих географических открытий, оказавших огромное воздействие на геополитические судьбы всего человечества. Благодаря им началось реальное формирование глобальной системы международных отношений, происходили кардинальные коррективы внешнеполитических доктрин многих государств (Магидович, Магидович, 1983). Эти явления стали определяющими вплоть до завершения к концу XIX в. раздела мира ведущими

империалистическими державами (Ленин, 1969). Для Восточной Азии они отметились её включением в складывавшуюся «мозаику» всемирной геополитической системы. Этот опыт стал серьёзным испытанием, негатив которого в некоторой степени смягчили следующие моменты:

- Восточная Азия расположена на максимальном удалении от Европы, которая была источником колониальной экспансии, поэтому фактор расстояния снизил возможность полного подчинения стран региона;
- технологическое и военно-тактическое отставание Восточной Азии от европейцев было существенным, но не разительным. А многочисленное население позволяло быстро восстановить потери в живой силе. Это ставило под сомнение возможность применения к ним классической схемы колониализма с захватом и удержанием под прямым управлением крупных территорий.

Морской путь в Китай был объектом целевого поиска европейцев. Португальцы достигли цели в обход полуострова Индокитай в 1517 г., а испанцы со стороны Тихого океана в 1527 г. Вдобавок, португальские корабли в 1540 г. подошли к берегам Японии. Но первые контакты с «открытыми» странами принесли разочарование. Они были крупными и их военный потенциал заведомо превосходил наступательные возможности экипажей нескольких европейских кораблей.

Однако Восточная Азия оказалась втянута во внутренний европейский конфликт католических и протестантских стран, которые искали союзников в любой части Света. Вскоре предпочтения распределились следующим образом: Китай и зависимая от него Корея предпочли связь с католическими Португалией, Испанией и римским папой; Япония – с протестантскими Нидерландами. Так страны Восточной Азии значительно расширили свой геополитический кругозор, но на их положении в складывающейся системе глобальных международных отношений это, на первых порах, заметно не отразилось. Контакты с европейцами сводились к обставленной множеством ограничений портовой торговле, подконтрольным властям проповедям христианства и некоторым заимствованиям в области вооружений. Тем более что вскоре началось маньчжурское завоевание Китая.

Маньчжуры (до 1635 г. – чжурчжэни) пережив крушение созданной ими в XII в. в завоёванном Северном Китае Империи Цзинь, вынашивали идеи реванша (Кузнецов, 1985). К середине XVII в. в бассейне Сунгари ими была провозглашена новая Империя Цин, агрессивные намерения которой сомнений не вызывали: используя внутривосточную

ческий кризис в Китае, маньчжуры в 1644 г. вторглись в него. Полное завоевание страны завершилось к 1683 г. захватом Тайваня.

«Поглощение» Китая Империей Цин стало одним из главных факторов развития геополитической обстановки в регионе в этот период. Сущность этой огромной страны была противоречива. Завоеватели смогли создать определённую систему отношений с побеждёнными. Подчинив монголов и разгромив джунгар (1670–1756 гг.), они устранили угрозу вторжений кочевников. Правившая элита, несмотря на иное этническое происхождение, провозгласила себя прямой преемницей национальных императорских династий. Но практика маньчжурского господства строилось на платформе элитарного национализма, который игнорировал интересы и потребности китайского большинства, в том числе и в сфере внешней политики.

Концепция Срединной империи была доведена ими до абсурда. Если китайская традиция нормативно строила её в вежливом тоне «отеческого» общения, то маньчжурская интерпретация отличалась грубостью. Обращение к иностранным правителям «трепеща, повинуйся» (Цит. по: Мясников, 1997, с. 258), считалось приемлемым. Военные акции Империи Цин, кроме кампании против джунгар, велись лишь ради обогащения маньчжурской элиты или из соображений её престижа. Пример тому – события XVII в. в Приамурье.

Продвижение России в Восточную Азию продолжило сложившийся в XVI в. вектор роста её территории в сторону Тихого океана, побережье которого было достигнуто в 1639 г. Биоресурсы Сибири стали важной статьёй экспорта страны. Это послужило причиной организации экспедиций землепроходцев 1643–1653 гг., которые от Станового хребта вышли к главному створу Амура.

Ранее маньчжуры интереса к Приамурью не проявляли (Мелихов, 1974). Но продвижение русских близ достаточно неопределённого северного предела своих владений они расценили как угрозу. В представлении правящих кругов Империи Цин это было покушение на их гегемонию в регионе. С 1652 по 1689 г. Приамурье стало очагом столкновений и объектом сложных переговоров между Москвой и Пекином.

Для обеих стран конфликт развился на общем фоне неблагоприятных для них геополитических условий. Россия вела войны с Польшей и Турцией, пережила восстание Степана Разина. Империя Цин не завершила захват юга Китая. В этих условиях был заключён Нерчинский договор 1689 г., отодвинувший Россию на исходные позиции в Забайкалье и на Становом хребте.

Эти события сместили вектор интересов России в Восточной Азии к её северному, расположенному за Верхоянским хребтом, сектору. Ранее, в силу предельной удалённости, труднодоступности и экстремального климата, он оставался вне круга региональных геополитических процессов.

В середине XVII в. фронтир России вплотную приблизился к Северо-Востоку. Сохранявшееся тогда значение биоресурсной составляющей в экспорте страны привело к продвижению в бассейн Колымы (1643 г.), на Чукотку (1648 г.) и Камчатку (1697 г.). Но уже в начале XVIII в. эта активность обрела новое геополитическое наполнение. Реформы Петра I привели к росту значения России в мировой политике, её выходу на решение территориально-политических проблем глобального масштаба. Этим обозначились связанные с тихоокеанской темой вопросы создания торговой трассы от Архангельска до Южной Азии через воды Арктики и Пацифики (Майков, 1891) и об участии в колониальном разделе Северной Америки (Шведов, 2017).

Для их решения были организованы Камчатские экспедиции (1724–1729 и 1733–1743 гг.), итогом которых стали достижение берегов Японии и начало освоения Аляски. Что касается Северо-Востока, то здесь от Колымы до Анадыря развернулась сеть опорных пунктов, были созданы порты Охотска (1731 г) и Петропавловска (1739 г.), шёл процесс принятия в подданство аборигенов и создания органов гражданского управления.

Развернувшаяся на Северо-Востоке динамика контрастировала с развитием застойных явлений на основной территории региона. Империя Цин, подавив основные очаги китайского национального сопротивления, одержав верх в Приамурье и в Джунгарии, впала в состояние эйфории, поддержанное возможностью эксплуатировать ресурсы Китая. Ни в одной из зарубежных стран маньчжурские правители не видели ни равных партнёров, ни серьёзных противников. Возглавляя гигантское государство, они сохранили менталитет удачливых военных вождей с несложными установками на пренебрежение к «иноплеменникам» и их запугивание.

Корея как вассал Империи Цин не имела возможности вести внешнюю деятельность. Своеобразна была ситуация, в которой оказалась Япония, «обнаружив себя» после долгой изоляции в составе «большого мира». Концепция Ниппон, основа её государственной идеологии, как выяснилось, не соответствовала истинному положению дел: европейцы, не находясь под патронажем Высших сил, далеко опережали тогда Японию в техническом отношении.

Для разрешения этого противоречия было избрано добровольное продолжение политики ограничения контактов с внешней средой. Даже голландцы, единственные из европейцев, с кем имелись культурные и торговые отношения, с 1634 г. могли находиться лишь на насыпном острове бухты Нагасаки. Доступ на японскую землю запрещался и им. Но «закрытие мира» отдельно взятой страной невозможно по определению. Первое доказательство тому Японии получила там, где ожидала этого менее всего.

Японская территориальная экспансия издавна шла на архипелаге в сторону острова Хоккайдо, достигнув его к началу XVIII в. Изначально считалось, что это направление «естественным образом» гарантировано от конкурентной встречи с иными государствами, и может быть продолжено до «бесконечности» (История..., 2002). Поэтому появление у побережья Хонсю пришедших с севера кораблей экспедиции Шпанберга – Вальтона было неожиданным. Причём если Япония не знала о существовании России, то русские искали её как транзитное звено на пути к Южным морям.

Впрочем, после определения невозможности сквозного прохода по северным водам от Архангельска до Индии, российский интерес к Японии угас. Но это не означало отказа от сделанных в этой части Тихого океана открытий. Указом Екатерины II Курильские острова в 1776 г. объявлялись территорией России, что закрепило установление пограничных столбов на Кунашире, а затем – в заливе Анива на Сахалине. Японские колонисты, заняв эти пункты в 1802 г., игнорировали эти знаки, и были выдворены российским патрулём. Но возникший территориальный конфликт протекал вяло и бескровно: обе страны не имели возможности для концентрации сил на своих дальних окраинах, и не желали столкновения с малоизвестным оппонентом.

Таким образом, преобладающим фоном геополитической обстановки в Восточной Азии стал изоляционизм, которого придерживались Империя Цин, Корея и Япония. В каждой из этих стран он имел разные истоки, но его проявления стали общими: дезориентация государств-изолянтов в основных трендах мировой политики и расстановке сил на международной арене. При наращивании европейскими державами колониальных захватов, это сулило серьёзные последствия: апогеем геополитической обстановки в регионе на тот период стало крушение устоявшихся представлений автохтонных стран Восточной Азии о своём месте в мире, о возможностях в отстаивании своих интересов перед лицом внешних угроз.

В ходе I и II Опиумных войн (1840–1842 и 1856–1860 гг.) Империя Цин потерпела поражение от Великобритании и Франции, проявивших новый подход к итогам победы. По изложенным ранее причинам, проигравшая страна не стала их колонией. Под контроль были взяты её финансы и таможня, получена полная свобода торговли и взятия концессий. Фактически состоялась эмпирическая проверка той модели межгосударственного подчинения, которая затем получила название «неоколониальной». Причём к участию в получении преференций был приглашён весь «клуб» европейских держав. Их коллективный надзор, по замыслу, должен был обеспечить прочность режима зависимости большой и густо заселённой страны.

Схожая участь ожидала и Японию, инициатором чего выступили США. Захват Калифорнии в 1846 г. позволил им продвигать свои интересы в Пацифике. Так, американцам удалось встроиться в систему неравноправных отношений с Империей Цин и опередить конкурентов в оказании давления на Японию. Последнее облегчалась тем, что эта страна, в свете уточнённых сведений о её ресурсах, показалась европейцам не столь привлекательным объектом для подчинения.

Договор об открытии Японией портов для торговли был подписан в 1854 г. под угрозой бомбардировки столицы. При этом США, избегая в качестве нового действующего субъекта конфронтации со странами Европы, объявили об открытости достигнутого соглашения для ведущих мировых держав. Впрочем, геополитический результат происшедшего был скромнее, чем в случае с Империей Цин. Поскольку Япония не оказала сопротивления, повода лишать её финансового и таможенного суверенитета не было. К тому же выяснилось, что соглашения между членами «неоколониального клуба» не существует: каждый его член действовал исключительно в своих интересах. И поскольку ресурсного потенциала Империи Цин «хватало на всех», контроль над Японией был слабее, чем та и воспользовалась впоследствии.

Россия занимала в происходившем обособленную позицию. В чём-то она не могла не принимать общих для того времени норм реализации своих геополитических интересов, поскольку иных просто не существовало. Но её отношение к странам Восточной Азии как к прямым соседям было более взвешенным. Кроме того, территориальное присутствие России в регионе сформировало здесь её противоречивое восприятие западными державами. Они видели в ней удачливого конкурента, но при этом воспринимали в общем ряду восточноази-

атских государств, предпринимая попытки экстраполировать на неё действия, соответствующие такому восприятию.

Их наглядным проявлением стала Крымская война 1853–1856 гг., в ходе которой англо-французские силы атаковали российскую территорию на тихоокеанском фланге с намерением его аннексии (Тарле, 1950). Внешне не агрессивно, но уместно лишь в отношении зависимых стран выглядело предложение США о строительстве здесь железных дорог (1857 г.) с установлением над ними американского управления сроком на 99 лет.

В целом Россия продолжила укрепление своих позиций, сделав новые территориальные приобретения и заключив важные межгосударственные соглашения. Получив от неё поддержку в Опиумных войнах, Империя Цин пошла на заключение Айгуньского (1858 г.) и Пекинского (1860 г.) договоров. И если первый из них восстановил историческую справедливость, возвращая России Приамурье, то второй позволил предотвратить захват англичанами Приморья со стратегической бухтой Золотой Рог (Алексеев, 1985).

Территориальные отношения с Японией урегулировали Симодский (1855 г.) и Санкт-Петербургский трактаты (1875 г.), по итогам которых та получила Курильские острова, отказавшись от претензий на Сахалин. Связанная с ними территориальная уступка была обусловлена тем, что политические предпочтения и геополитические интересы Японии ещё не определились. Поэтому имела надежда на адекватную оценку ею заключения равноправных договоров и компромиссного решения вопроса о межгосударственном разграничении. В краткосрочной перспективе она оправдалась: Япония открыла свои порты для стоянки военных судов России и предоставила ей режим наибольшего благоприятствования в торговле.

Таким образом, российская геополитическая парадигма в регионе в этот период опиралась на два ведущих момента. Во-первых, её продвижение здесь не имело колониального характера. Приобретённые земли вживлялись во внутригосударственное пространство, становясь его органической частью. Во-вторых, она старалась обрести у региональных соседей репутацию предсказуемого, предпочитающего дипломатические решения, исполняющего договорные обязательства партнёра. Это были существенные отличия от евро-американского курса на силовое обращение стран региона в «поле» коллективной пулоколониальной зависимости (Маркс, 1958).

Положение в Восточной Азии к концу XIX в. стало крайне сложным. Её автохтонные страны де-факто утратили независимость. Это противоречило их мощному цивилизационному потенциалу, богатому опыту противодействия неблагоприятным геополитическим условиям. А перед новыми шагами России стояла задача закрепления здесь своего территориального присутствия. Эти обстоятельства подготовили переход к новому, современному состоянию геополитической обстановки.

Современный период

Современность не тождественна сиюминутности, поскольку её создаёт сочетание тех данностей, которые должны иметь время для своего проявления и функционального доминирования. То есть – у современности есть свой ретроспективный срез, который непосредственно фиксирует точку отсчёта её формирования и существования в системе пространственно-временных координат (Жекулин, 1982). Следовательно, с позиции геополитики эту категорию можно рассматривать как совокупность соответствующего рода взаимосвязанных реалий, которые, возникнув некоторое время назад, сохраняются поныне, определяя состояние текущих фоновых характеристик геополитической действительности. Причём последние остаются постоянными со своего начального формирования и до текущего момента, вне зависимости от перемен в социальной организации и технологической оснащённости общества.

Такой подход позволяет утверждать, что современное состояние геополитической обстановки в Восточной Азии берёт начало в конце XIX в. Именно тогда проявился и затем до настоящего времени перманентно набирал силу курс расположенных здесь стран на внутреннее усиление и активное продвижение своих интересов в международных отношениях. Все они следовали в этом направлении своими путями и получили к настоящему времени разные результаты. Но общая тенденция роста геополитической активности и значения государств региона очевидна (Бакланов, 2000).

Пионером этого процесса была Япония. Используя противоречия западных держав, она провела реформы («Реставрация Мэйдзи» 1867–1912 гг.), позволившие ей встать на путь промышленного развития. Крупные выгоды принёс альянс с Великобританией (1902–1921 гг.), стремившейся в рамках «Большой игры» против России (Норкirk, 2001), создать у её восточного фланга своего сильного союзника. Следуя этой цели,

британская сторона отказалась от неравноправных договоров с Японией, вызвав их последующее расторжение со всеми «третьими» странами.

Таким образом, Япония в полной мере восстановила суверенитет и в кратчайший срок создала силовой потенциал, позволивший ей войти в круг ведущих мировых держав. Результатом стала завышенная самооценка, соединённая с превратным толкованием канонов концепции Ниппон (Верисоцкая, 1990). Территориальная экспансия Японии конца XIX – начала XX вв. охватила не только Восточную Азию, но и вышла далеко за её пределы. В результате, линия на безудержную, несоизмеримую с реальными возможностями страны, агрессию, привела её к катастрофическим итогам второй мировой войны. Несмотря на успехи в иных сферах, Япония до сих пор представляет собой фактически оккупированное государство, не имеющее возможности проводить самостоятельную внешнюю политику.

Но негативный японский опыт оказался в регионе единичным, и другие страны Восточной Азии выглядят в геополитическом отношении иначе.

Современность отмечена «возвращением» на международную арену Кореи. Внутренний конфликт 1950–1953 гг. превратил её в узел военного столкновения идеологических систем и расколел страну. Но эта «патовая» ситуация отнюдь не исчерпала своей остроты. Периодически происходящее обострение между Севером и Югом всегда фокусирует на себе внимание мирового сообщества, поскольку обе стороны располагают серьёзным военным потенциалом, усиленным наличием у КНДР ядерного оружия.

Сложной была геополитическая эволюция современного Китая. В начале периода, ради сохранения своих привилегий, маньчжурская элита шла на любые уступки фактически управлявшим страной державам, дав согласие на введение режимов зарубежной экстерриториальности и сеттльментов, прямое отторжение (помимо ранее утраченного Гонконга) ряда портов.

Выход из этой ситуации заслуживает оценки геополитического катаклизма. Свержение династии Цин (1911 г.) восстановило национальную независимость Китая, послужила началом демонтажа его полуколониального положения. Но в стране началось осложнённое японскими вторжениями 1931 и 1937–1945 гг. противостояние ряда сил, имевших свои взгляды на её устройство. Борьба между его главными сторонами, Коммунистической партией Китая и консервативным Гоминьданом завершилась в 1949 г. победой коммунистов и отступлением их оппонентов на остров Тайвань.

Последующие годы отмечены восхождением Китая от состояния разорённой, растерявший авторитет страны до статуса одного из мировых геополитических лидеров. Его основу заложила многосторонняя советская помощь в 1950-е годы. Следующие два десятилетия развития страны с «опорой на свои силы» имели спорный экономический результат; но тогда же КНР обрела существенный геополитический «вес», заявив себя самостоятельной силой на мировой арене, создав группу ориентированных на неё стран и движений за рубежом, создав собственное ядерное оружие.

В дальнейшем Китай показал высокую пластичность: исчерпав возможности предыдущей линии, он начал успешно выстраивать новую геополитическую модель своего положения в системе миропорядка. Она в известном смысле перекликается с концепцией Срединной империи, ставя во главу угла создание пояса спокойствия на рубежах страны и придавая большое значение договорным процессам по спорным вопросам. Разумеется, в современных условиях речь идёт не о создании системы «семейных» вассальных отношений, а о поиске путей налаживания и расширения экономического взаимодействия. Вместе с тем Китай, обладая огромной военной мощью, демонстрирует постоянную готовность ответить в отстаивании своих интересов силой на силу.

Для России и СССР почти весь данный период шёл под знаком усиления присутствия в регионе. Предоставив в её распоряжение богатый ресурсный потенциал и выход в Тихий океан, Дальний Восток стал ценным приобретением. Поэтому с конца XIX в. до окончания XX в. здесь фактически непрерывно и в разных формах велись кампании по его заселению и освоению. Образно говоря, Россия, будучи изначально восточноевропейской страной, теперь утверждала себя как страну и восточноазиатскую.

Решение столь сложной, стартующей от практически нулевого уровня, задачи на отдалённой от центра территории не было лишено просчётов. Так, чрезмерная концессионная активность в Китае в ущерб вниманию к собственным землям в начале XX в. привела к поражению в войне с Японией в 1905 г. Иной негативный момент зрел постепенно, проявив себя спустя десятилетия после зарождения. Речь идёт о высоком уровне милитаризации Дальнего Востока.

В принципе, его обусловили объективные обстоятельства. Угроза интересам и территориальной целостности России присутствовала в регионе постоянно, наиболее проявившись в противостоянии с Японией 1931–1945 гг. и начавшейся в 1947 г. «холодной войне» с блоком

западных стран, которую дополнило обострение советско-китайских отношений конца 50-х – середины 80-х годов XX в. При этом оборонный императив выполнил своё предназначение, обеспечив защиту интересов и территории страны на её восточно-азиатском фланге во внешних вооружённых конфликтах и войнах в 1929, 1938, 1945 и 1969 гг., став инструментом эффективного сдерживания наступательных амбиций США в Северной Пацифике.

Но эти позиции подорвал системный кризис СССР конца XX в. Стихийный демонтаж имевшейся на Дальнем Востоке оборонной инфраструктуры и производственного комплекса ВПК обнажил крупные недостатки в гражданских отраслях экономики и социальной сфере, вызвал отток населения. Это существенно ослабило региональные позиции России.

Однако время показало проходящий и обратимый характер кризиса. Несмотря на серьёзную дестабилизацию Дальнего Востока, Россия сохранила в целостности главное достояние – государственную территорию. В последние годы здесь практически заново создан технологически обновлённый военный потенциал. И хотя восстановление гражданской среды идёт не так быстро, объявленный правительством России долгосрочный курс «разворота на Восток» предоставляет реальную надежду на выправление этого недостатка.

Заключение

В целом, текущее состояние современной геополитической обстановки в Восточной Азии можно оценить как умеренно напряжённое. Главный источник её дестабилизации – геополитические установки США, обеспечившие своё территориальное присутствие в регионе размещением своих войск в Японии и Южной Корее. И если ранее поводом для этого служила «необходимость сдерживания коммунизма»; то теперь очевидно, что американская позиция исходит из сформулированного ещё в начале XX в. Т. Рузвельтом курса на глобальное господство Соединённых Штатов (Уткин, 2003).

Региональные «раздражители» США можно условно разделить на две группы. Одна представлена Россией и Китаем, открыто противостоящими созданию модели моноцентрического устройства мира; другая – КНДР, которая продолжает состоять в идеологическом антагонизме с американской стороной. Обе эти линии напряжения достаточно «тяжеловесны», поскольку балансируют на грани ядерного столкновения.

С этим геополитическим узлом тесно связан характер отношений между двумя корейскими государствами. В его основе также находятся противоречия идеологий, изначально столь острые, что послужили в своё время причиной междоусобной войны. Вспышки обострения корейско-корейских отношений возникают периодически, всякий раз обещая перейти в глобальный международный кризис, поскольку Южная Корея пользуется безусловной поддержкой США, а Северная – Китая.

Впрочем, создаётся впечатление, что между Пхеньяном и Сеулом идёт своеобразная «война нервов» при подспудном поиске путей к нормализации отношений. При этом наибольшую сложность представляет её конечная форма в виде мирного сосуществования Северной и Южной Кореи, поскольку декларируемое обеими сторонами стремление к «объединению родины» в обозримом будущем вряд ли возможно из-за накопившихся за годы разъединения различий в экономике, культуре, менталитете их граждан.

В сравнении с этими геополитическими проблемами достаточно надумано выглядят японские территориальные претензии (единственные официально озвучиваемые в регионе) на российские Южные Курильские острова и контролируемый Китаем архипелаг Сенкаку.

В самой Японии эта тема облечена в форму злободневности и активно эксплуатируется во внутренних политических коллизиях. Но очевидно, что её требования как агрессора, проигравшего войну и отказывающегося вопреки реальности признавать её итоги, неосуществимы. Кроме того, её оборонный договор с США позволяет им размещать свою военную инфраструктуру в любой части японской территории. Поэтому очевидно, что ни Россия, ни Китай не желают в будущем обнаружить близ своих границ на «возвращённых» островах американские базы.

И всё же то состояние напряжённости, которое имеется в регионе, не следует рассматривать как критическое, приближенное к точке возгорания, как это, к примеру, имеет место на Ближнем Востоке. Стабилизирующую роль здесь играет стратегическое партнёрство России и Китая. Оно включает в себя и геополитическое взаимодействие, направленное на противодействие глобализму англо-саксонской элиты и построение многополярного мира. При этом обе страны ведут достаточно согласованную дипломатическую деятельность. В их региональном активе находятся нормализация своих отношений с Южной Кореей и посредничество в её диалоге с КНДР, удержание последней от наиболее радикальных действий, а также – усилия по выстраиванию конструктивных отношений с Японией.

Таким образом, основные контуры текущего состояния геополитической обстановки в Восточной Азии, с одной стороны, определяются состоянием стратегического партнёрства между Россией и Китаем, к которым тяготеет, занимая собственную позицию, КНДР; с другой – системой военно-политических союзов США с Японией и Южной Кореей. Иными словами, она в настоящее время представляет собой один из тех регионов, где предельно чётко обрисовалось противостояние двух диаметрально противоположных взглядов на грядущее мироустройство: его многополярного построения и глобализации под управлением англо-саксонской политической элиты.

Статья подготовлена в рамках проекта № 18-05-04 Программы Дальневосточного отделения РАН «Дальний Восток».

Литература

- Алексеев А.И. Как начинался Владивосток. Владивосток: ДВКИ, 1985. 224 с.
- Алексеев В.П., Першиц А.И. История первобытного общества. М.: Высшая школа, 1990. 351 с
- Анучин В.А. Географический фактор в развитии общества. М.: Мысль, 1982. 334 с.
- Бакланов П.Я. Контактные географические структуры и их функции в Северо-Восточной Азии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2000. № 1. С. 31–39.
- Бичурин Н.Я. (отец Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.-Л.: изд. АН СССР, 1950. 333 с.
- Верисоцкая Е.В. Идеология японского экспансионизма в Азии в конце XIX – начале XX веков. Ч. II. М.: Наука, 1990. 337 с.
- Воробьев М.В. Древняя Япония. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. 182 с.
- Гумилёв Л.Н. История народа хунну. Т. I. М.: Ди-Дик, 1998. 448 с.
- Деревянко Е.И. Очерки военного дела племён Приамурья. Новосибирск: Наука, 1987. 225 с.
- Жекулин В.С. Историческая география. Предмет и методы. Л.: Наука, 1982. 224 с.
- История и культура Японии / Отв. ред. В.М. Алпатов. М.: изд. Ин-та Востоковедения РАН, 2002. 288 с.
- История Китая / Под ред. А.В. Меликсетова. М.: изд. МГУ, 2002. 736 с.

- История Кореи. Т. I. М.: Наука, 1974. 470 с.
- Кузнецов В.С. Нурхаци. Новосибирск: Наука, 1985. 189 с.
- Ленин В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Издание 5-е. Т. XXVII. М.: Изд-во политич. литературы, 1969. С. 299–426.
- Магидович И.П., Магидович В.И. Очерки по истории географических открытий. Т. II. М.: Просвещение, 1983. 399 с.
- Майков Л.Н. Рассказ Нартова о Петре Великом // Записки Академии наук. Т. LXVII. Приложение № 6. 1891. С. 99.
- Маркс К. Русская торговля в Китае / Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. XII. М.: Госуд. изд-во политич. литературы, 1958. С. 157–160.
- Мелихов Г.В. Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII век). М.: Наука, 1974. 246 с.
- Мировая экономика и международные отношения / Под ред. А.С. Булатова. М.: Кнорус. 2017. 916 с.
- Морган Л. Древнее общество. Л.: изд. ИИНС, 1934. 350 с.
- Мясников В.С. Договорными статьями утвердили. Хабаровск: ХКИ, 1997. 543 с.
- Тарле Е.В. Крымская война. Т. II. М.-Л.: изд. АН СССР, 1950. 655 с.
- Тойнби А. Постыжение истории. М.: Айрис-Пресс, 2010. 640 с.
- Уткин А.И. Американская империя. М.: ЭКСМО, 2003. 736 с.
- Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003. 603 с.
- Шан Юэ. Очерки истории Китая. М.: ИПЛ, 1959. 576 с.
- Шведов В.Г. Первый геополитический кризис в Северо-Восточной Азии: причины, ход, результаты // Геосистемы в Северо-Восточной Азии: территориальная организация и динамика. Отв. ред. П.Я. Бакланов. – Владивосток: изд. ТИГ ДВО РАН, 2017. С. 60–65.
- Шведов В.Г. Формирование государственной территории США – исторический политико-географический обзор. Ч. I. Биробиджан: изд. ПГУ, 2013. 107 с.
- Hopkirk P. The Great Game: On Secret Service in High Asia. Oxford: Oxford University Press, 2001. 562 p.
- Linduff K. Step Culture and Rise of Chinese Civilization // Antiquity. 1995. V. 69. № 262. P. 133–145.
- Li Liu. The Chinese Neolithic: Trajectories to Early States. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 330 p.

Трансформация пространства России в контексте формирования «Большой Евразии»: важнейшие факторы и векторы

© 2019 г. А.Г. Дружинин

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;
Балтийский федеральный университет имени И. Канта, Калининград, Россия

Transformation of Russia's space in the context of the formation of 'Greater Eurasia': the most important factors and vectors

A.G. Druzhinin

Southern Federal University, Rostov on Don, Russia;
Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad, Russia
alexdr9@mail.ru

The article focuses on the socio-geographical aspects of the current problems associated with the Eurasian space being large-scaled transforming, while changing the positioning of Russia and its regions in it. The study considers in detail the factors and milestones of the evolution of the 'Eurasian idea', and also emphasizes the conjugation between the post-Soviet geopolitical and geo-economic dynamics and the formation of the geo-concept of 'Greater Eurasia'. The article shows that the 'Greater Eurasia' (understood as a plurality of non-static and actually intersecting 'Eurasian spaces') generates for Russia (including the territorial organization of Russian society) not only new opportunities, but also problematic situations, challenges, including further 'peripheryization' of the vast part of the Russian space.

Key words: *'Greater Eurasia', Russia, transformation of space.*

Статья фокусирует внимание на общественно-географических аспектах актуальнейшей проблематики масштабной трансформации евразийского пространства, изменения позиционирования в нём России и её регионов. Подробно рассмотрены факторы и вехи эволюции «евразийской идеи»; акцентирована сопряжённость постсоветской геополитической и геоэкономической динамики со становлением геоконцепта «Большой Евразии». Показано, что «Большая Евразия» (понимаемая как множественность нестатичных и фактически взаимопересекающихся «евразийских пространств») порождает для России (в том числе и для территориальной организации российского общества) не только новые возможности, но и проблемные ситуации, вызовы, включая дальнейшую «периферизацию» подавляющей части российского пространства.

Ключевые слова: *«Большая Евразия», Россия, трансформация пространства.*

Введение

Геоконцепт «Большой Евразии» культивируется в российском научном дискурсе с рубежа 2015–2016 годов (Бордачёв, 2015; Ефременко 2016; Караганов, 2016 и др.), последовательно обретая (в том числе и в

связи с манифестацией «большого Евразийского партнёрства» в выступлении Президента Российской Федерации 17 июня 2016 г. на Международном экономическом форуме в Санкт-Петербурге) ипостась, пожалуй, ключевой (и наиболее «модной») категории современной российской геоэкономики и геополитики. Симптоматично, что к ноябрю 2018 г. национальная библиографическая база E-library вмещала уже более 55 тыс. публикаций с соответствующим словосочетанием. Столь стремительное и широкомасштабное «укоренение» в общественном сознании нового (радикально видоизменившегося) инварианта «евразийской идеи» парадоксальным образом сочетается с сохраняющейся «размытостью» концептуального контура «Большой Евразии», с вариативностью, зыбкостью представлений о месте и роли в данном интеграционном формате собственно Российской Федерации, её регионов. На фоне перманентного, заметно возросшего в последние годы (Мироненко 1997; Лавров, 2000; Гладкий, 2006; Каганский, 2007; Замятин, 2009; Дружинин, 2013; Безруков, 2015; Шупер, 2016 и др.) интереса к «евразийской тематике» со стороны представителей географической науки явственно ощущается также дефицит системных представлений о сопряжённости становления «Большой Евразии» с архитектурой российского пространства, с базовыми векторами его постсоветской трансформации.

Данная статья, обобщая нарабатываемые уже практически четверть века концептуально-теоретические подходы автора в осмыслении евразийских векторов постсоветского развития нашей страны (Дружинин, Суций, 1994; Дружинин, 1996 и др.), являет попытку акцентировать внимание на общественно-географических детерминантах, форматах и следствиях геоэкономических, геополитических и геокультурных изменений в современной Евразии; основной фокус, при этом, сделан преимущественно на Российской Федерации, на узловых компонентах её регионально-хозяйственной структуры.

О феномене «Большой Евразии»

Феномен «Большой Евразии» – многомерен, динамичен, противоречив, масштабен. Хотя соответствующий геоконцепт и генерирован именно в нашей стране, ориентирован на её геоэкономические и геополитические реалии, базируется на российской интеллектуальной традиции – системными факторами и проявлениями своего пространственно-временного бытия «Большая Евразия», разумеется, не сводима ни собственно к Рос-

сии, к Российской Федерации, ни к текущим, конъюнктурным особенностям и проблемным моментам её евразийского позиционирования.

Хронологически – это, вне сомнения, явление *исторической долговременности* (*longue durée* по терминологии Ф. Броделя (Бродель, 2007)), чьи фундаментальные предпосылки спонтанно и, казалось бы, вне заметной связи между собой складывались на пространстве материка Евразия практически всю вторую половину прошлого столетия. Имеется в виду и создание (по итогам второй мировой войны) возглавляемой СССР военно-политической и экономической группировки (обширнейшей по площади, временами охватывавшей до 64% территории евразийского материка), и провозглашение Китайской Народной Республики (1949 г.), и относящийся к тому же периоду «лавинообразный» распад ранее доминировавших в южной и юго-восточной Азии колониальных империй. Фактором долгосрочных евразийских трансформаций были также евроинтеграционные процессы, равно как и резко проявившийся в большинстве европейских государств (а с начала 1970-х годов и во многих регионах СССР (Народонаселение..., 1978)) демографический переход, спровоцировавший кардинальные видоизменения сложившихся ранее геодемографических пропорций, в результате чего, в частности, за 1950–2015 гг. доля «Европы» (куда статистики ООН относят и Россию) в совокупном населении евразийского материка сократилась фактически вдвое (с 27 до 14%), инициируя соответствующие экономические и этнокультурные «сдвиги».

Особо мощный, зримый импульс пролонгированный (и до определённого рубежа – неявный) процесс становления «Большой Евразии» (в её рельефно просматриваемых ныне форматах) получил с конца 1980-х – начала 1990-х годов в связи с активизацией глобализационных процессов и, одновременно – распадом Советского Союза, существенно лимитировавшим геостратегические возможности России (оставившей за своими новообразованными границами 24% территории бывлой сверхдержавы, треть её экономического и почти половину демографического потенциала), запустившим процесс «сжатия» сферы русской культуры и де-факто превратившим постсоветское пространство в подобие «Великой шахматной доски» (согласно известной метафоре З. Бжезинского (Бжезинский, 1998)), на которой свою активность стали проявлять всё новые и новые (как эндогенные, так и внешние) «фигуры».

Яркий пример трендового (с русле становления «Большой Евразии»), имплантированного в постсоветский контекст геополитического

и геоэкономического «возвышения» ранее в целом пребывавшего на «вторых ролях» государства являет, в частности, Турецкая Республика, чей демографический потенциал за столетие (с 1923 г.) возрос с 12,5 до 81 млн человек, т.е. в 6,4 раза (характерно, что на территории современной России за аналогичный период имел место лишь двукратный рост). Исчезновение с политической карты мира СССР не только запустило механизмы постепенного «нивелирования» геостратегических позиций России и Турецкой Республики (к 1991 г. турецкая экономика по своей «массе» более чем в пять раз уступала советской; аналогичным образом соотносилась между собой и численность населения двух стран; при этом, если ориентироваться на современные тенденции, выравнивание экономического и, отчасти, демографического потенциала двух стран вполне достижимо уже к середине XXI столетия (Дружинин, 2017а)), но и широко «открыло» для последней постсоветское пространство, позволив приступить к практическому выстраиванию (в русле идей туранизма и заветов Мустафы Кемаля (Anlı Çeçen, 1998)) собственного «евразийского» вектора геоэкономики и геополитики. Нарращивая потенциал геостратегического влияния, Турецкая Республика активно выстраивала (частично, например в случае ОЧЭС – с участием России, но в большинстве ситуаций – вне партнёрства с нашей страной) форматы и инфраструктуру межстранового, межрегионального взаимодействия, прежде всего в пределах «Турецкого мира – Türk Dünyası». Одновременно, в базовых установках турецкого государства происходила смена националистической ориентации на исламистскую (Надеин-Раевский, 2013); во внешней же политике при этом проявился явственный неосманистский крен (наиболее рельефно – с приходом во власть А. Давутоглу с его теоретически чётко оформленной позицией (Давутоглу, 2010)).

Ещё более существенным моментом пролонгированного формирования «Большой Евразии» стало инициированное множеством факторов стремительное расширение пространства европейской интеграции (концептуализированное в том числе и в формате ранее активно культивируемой в нашей стране идеи «Большой Европы» (Большая Европа, 2014)). Именно с начала 1990-х годов (и особенно, с 2004 г., периода, образно характеризуемого некоторыми авторами как «Большой взрыв ЕС» (Кацусигэ Кобаяси, 2017)) на пространствах значительной части Евразии приверженность «общеевропейским ценностям» стала восприниматься как некий императив, лицензия на власть и «символ веры», а само понятие «Европа» усилило своё ценностное, статусное звучание

и, распространившись не только на страны Балтии, но и на Молдову, Украину, Беларусь, стало (избирательно, конъюнктурно) применяться также по отношению к ряду государств Закавказья и Ближнего Востока.

Утверждая свою доминанту в Евразии, «расползающаяся» Европа сама всё в возрастающей мере явила «евразийские» черты (Дугин, 2014), и эта её метаморфоза, разумеется, – не только результат последних двух с половиной десятилетий (в том числе и активнейшей миграционной динамики), но и (отчасти) итог «советского периода» в развитии ряда центрально- и восточно-европейских государств, следствие более глубоких пластов геокультурной истории. Европейско-евроазиатское «междумирье», в итоге, оказалось не только ещё более разнородным, «размытым», но и захватило обширные массивы евразийского материка, «вклинилось» в его сердцевинные территории. В этой связи, характеризуя меняющийся геополитический контекст, автор ещё десятилетие назад констатировал становление «многополюсной Мега-Евразии», объединяемой параллельно разворачивающимися экспансиями разномасштабных «центров силы», включая и доминирующую – евроатлантическую («западную») (Дружинин, 2009). Процесс этот подкреплялся глобализацией, последовательно генерирующей (для грядущего полномасштабного становления «Большой Евразии») институционально-территориальные форматы, поведенческие стереотипы, ценностные ориентиры и мотивацию (включая и неизбежную контрреакцию, воплощаемую в широко укоренённую на обширной периферии евразийского пространства идеологему многополюсности, многовекторного развития).

Безусловным апофеозом долгосрочных спонтанно-скоординированных устремлений реализовать «евроцентрированную» («вестернизированную») модель организации евразийского пространства стал разворачивающийся с весны 2014 г. украинский кризис, как справедливо полагают – ускоривший «разворот» России на Восток (Шпангер, 2016), но не явившейся, впрочем, основополагающей его причиной. Этот кризис причудливым образом (!) хронологически совпал с достигнутым экономическим паритетом (ВВП по ППС) между США и Китайской Народной Республикой, а также с провозглашённым последней в 2013 г. мегапроектом «Один пояс – один путь», рассматриваемым как новый интеллектуальный горизонт экономической глобализации (Liu, 2015) и чётко высветившим стратегическую установку Китая *переформатировать глобальную экономику и войти в ядро мировой системы* (Чубаров, Калашников, 2018).

Таблица 1. Топ-20 крупнейших (по численности населения) государств Евразии: демографическая и экономическая компаративистика (2018 г.)*

Государства	Численность населения, млн чел.	Плотность населения чел./км ²	ВВП (ППС), млрд долл. США	Плотность экономики** тыс. долл./км ²	Рост ВВП за 2017 год, %	Число деторождений на 1 женщину, ед.
Китай	1349	148	23160	2485	6,9	1,60
Индия	1282	431	9459	3181	6,7	2,43
Индонезия	260	144	3233	1784	5,1	2,11
Пакистан	205	266	1057	1371	5,3	2,62
Бангладеш	158	1213	687	5277	7,1	2,17
Россия	146	9	4018	245	1,5	1,61
Япония	126	346	5429	14894	1,7	1,41
Филиппины	104	349	876	2937	6,7	3,02
Египет	97	97	1201	1206	4,2	3,47
Вьетнам	96	310	647	2087	6,8	1,81
Иран	82	53	1645	1074	4,3	1,97
Турция	81	105	2173	2823	7,0	2,01
Германия	80	229	4171	11962	2,5	1,45
Таиланд	68	133	1234	2415	3,9	1,52
Франция	67	105	2836	4428	1,8	2,07
Великобритания	66	273	2914	12045	1,8	1,88
Италия	62	211	2311	7856	1,5	1,44
Мьянма	55	85	238	502	6,7	2,17
Южная Корея	51	526	2039	20934	3,1	1,95
Испания	49	98	1747	3501	3,1	1,5

*По данным: <https://www.cia.gov/library/publications/resources/the-world-factbook/geos/xx.html>

**ВВП по ППС на площадь государства (без площади находящихся в юрисдикции государства морских акваторий)

Именно благодаря «фактору Китая», чья доля в мировом ВВП (по официальному обменному курсу) возросла за 1992–2015 гг. с 1,8 до 15%, у Евразии появилась новая общекоонтинентальная геоэкономическая доминанта и реальная интеграционная альтернатива (всё более уравновешивающая «западоцентрированные» векторы глобализации и параллельно высвечивающая маломощность, зыбкость, лимитированность как тюрко-, так и россиеориентированных евразийских форматов). Сам же евразийский материк, демонстрируя устойчиво нарастающую (подкрепляемую страновыми особенностями демографической и экономической динамики, табл. 1) полицентричность

(наличие множественности «евразийских региональных держав») – зримое укрепил позиции в планетарном масштабе.

Показательно, в частности, что если в 2000 г. на долю совокупности всех евразийских стран приходилось 62% глобального ВВП (по официальному обменному курсу), то в 2015 г. – почти 64% (суммарный ВВП государств Евразии по ППС, при этом, эквивалентен 69% от общемирового показателя (Дружинин, 2017б). Катализируя новые интеграционные процессы и стимулируя («переформатируя») трансконтинентальные товаропотоки, подобная динамика порождает не только нарастающий дефицит базовых ресурсов (сопровождающийся обостряющейся, зачастую латентной борьбой за территории, сферы влияния), но и, кстати, инициирует дальнейший рост интереса к доминированию на континенте глобалистских сил, к «сдерживанию» ведущих евразийских геополитических и геоэкономических акторов (включая и Россию). Тем не менее, предсказанный отдельными аналитиками загодя (Шупер, 2008) «тектонический сдвиг» и в Евразии, и в мировом масштабе – де факто уже состоялся: геоэкономика перестала быть прерогативой Запада (Гленн Диден, 2017), а на фоне обозначившегося перехода от англо-американского к азиатскому мирохозяйственному укладу (Глазьев, 2015) сам материк, геополитическое положение которого тоже кардинально видоизменилось (Гаджиев, 2017) – всё заметнее перерождается в усиливающийся центр многостороннего сотрудничества (Кацусигэ Кобаяси, 2017).

В итоге, возникшее с распадом СССР преимущественное доминирование на евразийском пространстве единой центрo-периферийной системы явило свою транзитивность, стало замещаться вновь проявившимся фактическим многообразием зачастую альтернативных интеграционных форматов. Их пульсирующая активность и возрастающая конкуренция инициировали дезинтеграционные процессы, сепаратизм, ревизию внешнеполитических доктрин (включая переход к практике «проектных альянсов», когда меняется сама природа союзничества в международных отношениях (Силаев, Сушенцов, 2017), трансформацию идентичностей, экономический протекционизм, национализм. Но именно в данном усложняющемся (характеризуемой нарастающей турбулентностью) контексте, когда Китай начал свой «марш на Запад» (Yun Sun, 2013) и, почти синхронно, вызревала, воплощаясь в геоидеологию, в управленческие решения, идея «поворота на восток» в России (Караганов, Макаров, 2015; Караганов, 2016) – всё чётче стал проявляться масштабный, сложный, неясный, незавершённый, **пространственный**

контур «Большой Евразии», не вписывающийся ни в «материковый» физико-географический формат, ни в десятилетиями культивируемые, укоренённые в пласты российского сознания и всё менее адекватные современным реалиям представления о «евразийском пространстве».

Согласно традиционному «евразийству» (учению, воплощённому в трудах четырёх поколений своих идеологов, начиная с Н.Н. Алексеева, Г.В. Вернадского, Л.П. Карсавина, П.Н. Савицкого, Н.С. Трубецкого и др.), «Евразия» – это особая (целостная в природно-географическом, историко-культурном, политическом и хозяйственном отношениях и не тождественная ни Европе, ни Азии) часть евразийского материка, своего рода «срединный континент», границы которого совпадали с границами Российской Империи (Савицкий, 1997). Подобного рода «Евразию», безусловно, задавал, культивировал российский политико-территориальный контур; его системоформирующее воздействие проецировалось на многовековые социокультурные интеграционные процессы (Л.Н. Гумилёв в этой связи акцентировал даже наличие особого суперэтнуса (Гумилёв, 1989)). Наблюдая их постсоветскую инерцию (постепенно иссякающую, деформируемую и корректируемую новыми геостратегическими импульсами и проектами), автор предложил многомерное (по «принципу матрёшки»), структурированное видение современной евразийской реальности, вмещающее не только «Сердцевинную Евразию»¹, но и более широкие интегрирующие евразийское пространство контуры: «Собственно Евразию»², а также постепенно формируемую современной геополитической и геоэкономической динамикой трансцивилизационную (русско-тюркско-арабо-персидскую, православно-исламскую) «Расширенную Евразию»³. «Большая Евразия» для данной триады, с одной стороны – «вмещающая», объединяющая мегаструктура, с другой – пространственный таксон иного рода, поскольку одновременно являет признаки «территориальности» и «надтерриториальности», транстерриториальности (правы авторы, полагающие, что «Большая Евразия» не сводится к представлениям о

¹ Включающую Абхазию, Азербайджан, Армению, Белоруссию, Грузию, Казахстан, Киргизию, Молдову, Россию, Таджикистан, Туркмению, Узбекистан, Украину (без её западных регионов) и Южную Осетию.

² Помимо государств «Сердцевинной Евразии», включает Албанию, Болгарию, Боснию и Герцеговину, Грецию, Кипр, Македонию, Румынию, Сербию, Черногорию.

³ Включает, помимо государств «Собственно Евразии», Афганистан, Бахрейн, Египет, Йемен, Израиль, Иорданию, Ирак, Иран, Катар, Кувейт, Латвию, Ливан, Литву, Монголию, ОАЭ, Оман, Пакистан, Турцию, Саудовскую Аравию, Сирию, Эстонию.

«хартленде», а пространственный фактор не может считаться единственной детерминантой происходящих преобразований (Ефременко, 2016)) и в этой связи выступает не столько «ареально-площадным», сколько линейно-сетеузловым (по терминологии И.М. Маергойза (1986)) общественно-географическим объектом, выстраиваемым как бы «поверх» ранее сложившейся социально-экономической и политико-территориальной «мозаики» евразийского материка.

Традиционно, в силу интеллектуальной инерции Россия в «Большой Евразии» всё ещё воспринимается некоторыми (Бляхер, 2018) как её «место сборки», а российско-китайские взаимодействия (вышедшие на авансцену под воздействием конъюнктуры, ситуации, когда по выражению Т.В. Бордачёва обе державы «особо нуждаются в солидных и дружественных внешних опорах» (Бордачёв, 2016)) – как её доминантный «скреп». Однако в реалиях Российская Федерация по итогам 2017 года обеспечивает лишь 2,2% от всего совокупного китайского импорта и, в свою очередь, «принимает» чуть менее 1,9% глобального экспорта товаров из Китайской Народной Республики; подобная геоэкономическая «связка» существенно уступает, к примеру, широкомасштабным взаимодействиям КНР со странами ЕС (на одну лишь Германию приходится 5,3% китайского импорта и 3,1% экспорта). Отмечу также что стремительный, во многих ситуациях существенно опережающий среднемировые темпы экономический и демографический рост во многих ведущих евразийских государствах зримо контрастирует с российскими реалиями. Ещё три десятилетия назад на РСФСР приходилось порядка 5,5% мирового ВВП (Никитченко, 2016); ныне, на современную Россию, – около 3%. «Сжатие» экономического пространства страны дополняется её демографическим «опустыниванием» (за 1900–2010 гг. доля России, в её современных территориальных «рамках», в мировом населении снизилась с 4,5 до 2%; к 2050 г. данный показатель, согласно авторским расчётам, не превысит 1,7%. Именно в этом неблагоприятном контексте (усугубляемом низкой эффективностью современной российской политико-экономической системы) и наблюдается складывание «Большой Евразии», инициируемое разнородными, в огромной массе случаев противоречащими друг другу интересами глобальных и региональных «центров силы» (государств, аффилированных с ними ведущих бизнес-структур, крупнейших городов). В этом плане оформившаяся в России, в условиях обозначившегося радикального пересмотра её базовых гео-

стратегических приоритетов и ориентиров идея «Большой Евразии» (изначально «россиецентрированная», нацеленная на достижение общеевразийского экономического и политического позитива (Дынкин и др., 2018) и акцентирующая приоритет «сопряженности» китайско-российских интеграционных инициатив) заметно контрастирует (и диссонирует) с собственно *евразийской реальностью*, многомерной и «многослойной» (не сводимой, в частности, лишь к России и Китаю (Иноземцев, 2018)) выстраиваемой в жесткой борьбе блоковых, страновых и корпоративных интересов, полной неопределенности, противоречий, «разломов», рисков.

Формируемая перманентно «донастраивающимся» геополитическим балансом и конъюнктурными (столь же недолговечными) геоэкономическими «скрепами», «Большая Евразия» проявляет себя как совместное геоисторическое наследие евразийских государств, как территориально очерченное бывшее, современное и, даже, перспективное взаимопересечение их геоэкономических и геополитических интересов. Она конструируется трансграничными транспортно-логистическими коридорами, регионами, рынками, потоками, организуется взаимодействием сетей и иерархий «архипелагов» крупнейших городов-метрополий (общенациональных и региональных центров), выкристаллизовывается ареалами расселения диаспор и локалитетами с интенсивным этнокультурным замещением. «Большая Евразия» – это, иначе, пролонгированная, переменчивая по своим векторам и многообразная по проявлениям мегатрансформация (геополитическая, геоэкономическая, геокультурная) мегаконтинента. Она формируется (в том числе и ментально) не «взамен» традиционно пестуемой отечественной научной мыслью «Евразии», не в качестве её контрверсии, а лишь как новый «пласт» полимасштабной и архисложной евразийской реальности.

Россия в формирующейся «Большой Евразии»: новые возможности и новые вызовы (общественно-географические аспекты)

Современное положение России в Евразии – двойственно, противоречиво. В российской юрисдикции ныне около 31% площади материка («дикая природа» занимает, при этом, более 10 млн км², или почти 59% территории страны (Бочарников, 2016)), но лишь 2,7% его населения; базирующаяся на богатейшем природно-ресурсном потенциале (первое место в мире по запасам природного газа, древе-

сины, каменного угля, железных руд, второе – по нефти, третье – по площади пашни (Нефёдова, 2006)) российская экономика (в рейтинге евразийских держав – четвёртая), структурно деформированная (почти 65% объёма российского экспорта в настоящее время приходится на топливно-энергетические товары, 10,1% – на металлы и 5,2% – на сельскохозяйственное сырьё, в первую очередь зерно), по многим направлениям утратившая технологическое лидерство (технико-экономический разрыв между Россией и такими высокоразвитыми странами как Германия и Франция, как полагают, достигает 50 лет (Поляков, 2006)) – в пространственном отношении являет архипелаг полупериферии (Нефёдова, 2008), «утопающий» в своей же собственной периферии (из 85 регионов РФ 63 имеют душевой ВВП, уступающий среднемировому, в том числе в 14 уровень экономического развития ещё как минимум вдвое ниже). Сохраняя облик «страны-гиганта» (Трейвиш, 2009) со всё ещё масштабным (частично растраченным в постсоветский период) геоисторическим наследием и вновь усилившимся в последнее десятилетие военно-стратегическим влиянием (по оценке С. Караганова *Россия де-факто – крупнейший поставщик безопасности в мире* (Караганов, 2018), Российская Федерация выступает не только одним из субъектов, но и, фактически, важнейшим субареалом охвативших Евразию «больших» геополитических, геоэкономических и геокультурных трансформаций.

Будучи страной «многососедской» (Трейвиш, 2009), соприкасающейся с сопредельными евразийскими государствами «разными частями своего огромного неоднородного тела» (Гранберг, 2000, с. 311), Россия пребывает ныне в высокой (всё возрастающей) степени зависимости от экономической динамики других ведущих не только европейских, но и азиатских государств, от доступности их целевых (для наших хозяйствующих субъектов) рынков. По последним данным Федеральной таможенной службы (за январь–сентябрь 2018 г.) на долю государств материка Евразия приходится порядка 94% совокупного внешнеторгового оборота Российской Федерации (30,6% – непосредственно на страны, имеющие общую с Россией сухопутную границу). Характерно при этом, что транспортёмкость хозяйства России выше, чем в Северной Америке, Японии и Западной Европе соответственно в 4; 13,3 и 17 раз (Социально-экономическая география, 2001); на преодоление «транспортной зависимости» (Потоцкая, 2017) России и перманентное (пока достаточно успешное (Radvani, 2017)) совершен-

ствование транспортно-географического положения ориентирована подавляющая часть её крупнейших инфраструктурных проектов.

Ситуация усложнена тем, что практически в унисон геоэкономической ритмике Евразии и трансформации её геополитической архитектуры наша страна последние три десятилетия вынуждена непрерывно видоизменять, пересматривать, «донастраивать» свои внешнеэкономические приоритеты и, соответственно, узлы и «коридоры» межстранового взаимодействия. Так, в частности, неуклонно (хотя и нелинейно, с разными скоростями) идёт процесс ослабления «присутствия» России в постсоветских государствах – фактически, уход (отчасти и «вытеснение») её из традиционно понимаемого «евразийского пространства». Если к началу постсоветского периода на долю стран «ближнего зарубежья» приходилось 57% внешнеторгового оборота России (70% экспорта и 47% импорта (Трейвиш, 2000)), то сейчас лишь 13,6% (доминантой данного процесса с 2014 г. выступает кризис на Украине и деградация хозяйственных связей РФ с этой страной, где, одновременно, усиливается присутствие ЕС (Дружинин, 2018а)).

На фоне некоторых позитивных эффектов в рамках «стартовавшего» 1 января 2015 г. Евразийского экономического союза (на объединившиеся в этом формате государства приходится лишь 3,4% ВВП Евразии) Россия существенно уступает Китаю (Минакир, 2017) на потребительских и инвестиционных рынках тюркоязычных государств Центральной Азии и Южного Кавказа, в последние годы, кстати, демонстрирующих опережающую экономическую динамику (доля стран Центральной Азии и Азербайджана в общем ВВП СНГ по номиналу увеличилась с 10,5% в 2005 г. до 19,2% в 2015 г., по паритету покупательной способности – с 12 до 18,4% соответственно (Вардомский, 2017б)). На этом фоне к середине «нулевых» годов своего апогея достигла (в дальнейшем устойчиво снижаясь) степень хозяйственной взаимозависимости РФ и ЕС (если, к примеру, в 2008 г. почти 54% внешнеторгового оборота России приходилось на страны Евросоюза, то в 2014 г. – 49,5%, а в первой половине 2019 г. – 43,2%); в последнее десятилетие столь же трендово возрастает интерес российского бизнеса к сотрудничеству с Китаем (за 2008–2018 гг. доля этой страны во внешнеторговом обороте РФ возросла с 7,8 до 15,9%), с иными сложившимися (и формирующимися) евразийскими геоэкономическими доминантами.

Геоэкономически «западный вектор», разумеется, остаётся для России важнейшим (и в обозримой перспективе, как полагают (Блакисруд

и др., 2018), сохранит своё значение), но сложившаяся в постсоветский период превалирующая «вестернизированность» (Вардомский и др., 2014) российской экономики, в итоге, постепенно, по мере выстраивания форматов «Большой Евразии», замещается на многовекторные взаимодействия и соответствующую им полизависимость (Дружинин, 2014), предоставляющую Российской Федерации столь необходимую ей сейчас (в фазе острого геополитического противостояния) бóльшую «свободу манёвра» и, одновременно, создающую предпосылки для возрастания столь же многовекторного «давления» на Россию (миграционного, финансово-торгового, военно-политического, культурно-конфессионального), причём практически по всему периметру её рубежей.

Меняющийся евразийский контекст пролонгирует спрос на основные товары российского экспорта (энергоносители, лес, металлы, вооружение, технологии «мирного атома», в перспективе – пресная вода и др.), воспроизводит значение нашей страны как приоритетной (для всей Евразии) ресурсной, экологической и транзитной территории, как условие (и по многим аспектам гаранта) её геополитической стабильности. Но в этих трансформационных паневразийских процессах *Россия постепенно* (но неуклонно) *усугубляет своё отставание* (демографическое и социально-экономическое) от всех основных множатся числом «центров силы»; сглаживаются и бывшие (ранее весьма существенные в пользу Российской Федерации) центрально-периферийные градиенты в её взаимодействии с рядом ключевых постсоветских государств (например, Казахстаном, Узбекистаном). Попытки последних выстроить равноудалённые связи со своими евразийскими соседями (и в этой связи – несколько дистанцироваться от России), равно как и реанимировать, сформировать, укоренить, тиражировать свою национальную идентичность (показательна в этом отношении недавняя статья Н. Назарбаева «Семь граней Великой Степи» (Назарбаев, 2018), апеллирующая напрямую к туранизму, к особой роли Казахстана как прародины тюрков – «*Қара шаңырақ*»), – не только множат всё более опоясывающие Российскую Федерацию рубежи геополитического противостояния, но и создают предпосылки для последующего формирования устойчивых ареалов «иноэтнокультурного влияния» непосредственно на территории нашей де факто многонациональной и очень сложной по регионально-этнической структуре страны.

Будучи инкорпорируемой в «Большую Евразию» (фрагментированную, асимметричную по хозяйственно-технологическим, куль-

турным, политическим возможностям и амбициям своих страновых и региональных компонент), Россия неизбежно испытает на себе присущие евразийскому пространству эффекты эскалации многополюсности, полномасштабных проявлений культурного и иного регионализма, всё более широкого распространения феномена поллизависимых («двойная», «тройная» и более периферия) территорий. Этому благоприятствуют не только меняющийся геоэкономический «ландшафт» Евразии, но и демографические, этноконфессиональные процессы и пропорции. Для России и её евразийской перспективы (включая как взаимодействия с ближайшими соседями, так и систему региональных отношений внутри страны) весьма существенен, в частности, всё более зримый (и самостоятельный) выход на авансцену тюркских этносов и государств, соответствующие структурные этнодемографические изменения.

В Российской империи к концу XIX в. (согласно переписи населения 1897 г.) тюркские языки были родными для 13,9 млн человек, т.е. для 11% всего населения. Весь последующий период «тюркская демографическая составляющая» стабильно увеличивалась. К моменту распада СССР в его пределах проживало (по переписи 1989 г.) 49,7 млн представителей тюркоязычных этносов (17,4% всего населения); 11,6 млн из них, при этом, были сконцентрированы на территории современной России (по переписи 2010 г. – 12,6 млн человек). Если бы Советский Союз (гипотетически) существовал и поныне, в нём (к 2017 г.) насчитывалось бы не менее 70 млн тюркского населения, т.е. порядка 24% от всего возможного (если ориентироваться на суммарную современную численность населения постсоветских стран) демографического потенциала. При этом уже сейчас в пространстве «Большой Евразии» русский этнический компонент (суммарно – порядка 123 млн чел.) зримо уступает «россыпи» тюркоязычных этносов (не менее 160 млн (Encyclopedia, 2008)); в перспективе данная пропорция (равно как и сопоставимый демографический «вес» России и её южных соседей) будет продолжать видоизменяться. Если в 2015 г. соотношение численности населения Российской Федерации и семи преимущественно тюркских по этнолингвистической структуре государств её «южного подбрюшья» (табл. 2) составляло 1:1,48, то по прогнозу ООН в 2050 г. – 1:2,02.

Негативные (для России) структурные (экономические и демографические) изменения в пространстве Евразии сочетаются с пролон-

Таблица 2. Изменение соотношения численности населения в России и некоторых сопредельных государствах Евразии (по прогнозу ООН; Россия = 100)*

Государства	2015 г.	2030 г.	2050 г.
Россия	100	100	100
Азербайджан	6,7	7,5	8,2
Афганистан	23,5	30,1	46,6
Казахстан	12,3	14,4	17,3
Киргизия	4,0	5,0	6,1
Туркмения	3,9	4,8	6,0
Турция	54,3	62,9	72,0
Узбекистан	21,5	26,1	46,6

*Составлено автором по <https://population.un.org>.

гированными конфессиональными подвижками, характеризуемыми, прежде всего, расширением сферы влияния Исламской Уммы, наиболее ощутимым в западной Азии, приближенной к основным селитебным и инфраструктурным узлам и полосам Российской Федерации (к 1910 г. мусульмане составляли более 75% её населения, столетие спустя их «вес» вырос на 13 процентных пунктов (Горохов, 2012)). Выраженная доминанта «мусульманской составляющей» прироста демографического потенциала характерна, впрочем, и для всей Евразии (Дружинин, 2009). Складывающийся контекст, с одной стороны, создаёт мотивацию для как можно большей диверсификации (и пространственному «удлинению», выходу за традиционные ареалы транснациональных, трансграничных контактов) культурных, политических и экономических связей нашей страны, с вовлечением в них максимально возможного числа евразийских государств (относящихся к самым разным этническим и конфессиональным сообществам). С другой, реалии «Большой Евразии» инициируют пересмотр сложившихся ранее (в ином геополитическом и геокультурном контексте) представлений о позиционировании России, русской культуры, характере её взаимодействия с другими этнокультурными системами (с необходимым, *в последнее время лишь обозначившимся* (Туровский, 2011) *отходом от панславизма и панортодоксии*), о российском регионализме. Последний, замечу, уже нельзя адекватно воспринимать, игнорируя, в частности, этнокультурную и конфессиональную специфику Северного Кавказа (на этот макрорегион приходится, в частности 67% общероссийской квоты на Хадж), либо наличие многочисленных (12) «тюркских» ре-

гионов (23,9% территории Российской Федерации и 12,6% её населения). Новые реалии, характеризующиеся превращением не только в целом евразийского пространства, но и собственно самой Россию в арену активизирующейся геокультурной, цивилизационной конкуренции одновременно продуцирует у части россиян «островное» мировоззрение (Цымбурский, 2007), самоощущение «одиночества полукровки» (Сурков, 2018), всё более замыкающегося в сжимающихся (наподобие шагреновой кожи) границах «Русского мира» (по определению Патриарха Кирилла – пространства смыслов, духовных символов и особого социально-культурного развития (Кирилл, 2015)).

Кстати, размышляя о стране и её грядущей судьбе, В.Л. Цымбурский ещё два десятилетия назад уподобил Россию «евразийской Атлантиде», пребывающей в полукольце Великого Лимитрофа и рискующей потонуть в его поднимающемся приливе (Цымбурский, 1997). «Большая Евразия», как видится, предоставляет нам, россиянам, шанс оказаться органичной частью этого «прилива» и, следовательно – остаться «на плаву». При этом нельзя игнорировать значимое обстоятельство: ко второй половине XX столетия, когда, казалось бы, наше государство пребывало на «пике» своего глобального влияния (Суций, Дружинин, 1994), начал проявляться судьбоносный для страны геостратегический «разворот»: *переход от освоения Евразии к освоению Евразией*. Выстраиваемое «большое евразийское партнёрство», полагаю, катализирует, рельефнее высветит данную мегатенденцию, когда само сохранение России (как значимой в масштабе материка территориальной социально-экономической структуры) будет напрямую связано с её фундаментальным, многоаспектным (характер связей с другими, в том числе и сопредельными государствами, этнокультурные характеристики, центр-периферийное устройство страны и её региональная политика), созвучным логике и трендам формирования «Большой Евразии» изменением.

Проходя через ритмику геоэкономической и геополитической конъюнктуры и, соответственно, по терминологии выдающегося теоретика географии Девида Харви (Harvey, 1972), сталкиваясь с «закреплением» («фиксацией») пространства и, на этой основе, всё новым и новым его «производством» – наша страна устойчиво несёт издержки (лежащие, в конечном итоге, на государственный бюджет, на домохозяйства, сопровождаемые деградацией «человеческого капитала», социальной инфраструктуры, систем расселения) на «доформирование»,

«доразвитие» своей ориентированной на внешнюю коммуникацию магистральной инфраструктуры, на столь необходимое (в заметно возросшей геополитической турбулентности) военно-силовое, экономическое и гуманитарное присутствие на евразийском пространстве. В итоге в формирующейся «Большой Евразии» всё более *вырисовываются перспективы «срединно-периферийного» позиционирования России*, ситуации, когда важнейшие для неё целевые рынки, сервисно-технологические центры, продуценты моды и стиля (в том числе интеллектуального, поведенческого), аттрактивные (для состоятельных страт) селитебно-рекреационные территории оказываются вне российской юрисдикции, вся социально-экономическая система обретает гипертрафированную «экстравертность», а каналы коммуникации с экзогенными хозяйственными системами превращаются узловой, жизненно необходимый компонент территориальной организации страны. При этом для Российской Федерации (и выстраиваемого нашей страной собственного «евразийского проекта») существуют риски не только оказаться на периферии «большой» евразийской интеграции, но и в существенной мере «раствориться» в «Большой Евразии», в её фрагментированном (в культурном, этноконфессиональном отношении) и асимметричном (экономически и социально-демографически) пространстве. В этой связи сложно не согласиться с точкой зрения, что «Россия может оказаться в числе бенефициаров становления Большой Евразии. В то же время существует вероятность оказаться в этом процессе основным магнитом рисков и угроз» (Ефременко, 2016).

Фактическая стагнация российской экономики (с 2008 г. согласно данным Всемирного банка она практически «топчется на месте») и обусловленный этим морально-психологический фон (равно как и маргинализация значительных страт населения, набирающее силу их отчуждение от собственности, власти, подлинных культурных ценностей, среды своего обитания, а в итоге – и самой страны), усугубляемый «информационными войнами» и дополняемый выстроенными трансграничными взаимосвязями – создаёт предпосылки для роста привлекательности альтернативных (русской) культурно-цивилизационных моделей (процесс этот фокусируется в тех или иных регионах, причём отнюдь не только «этнических»). Множащиеся числом и разнящиеся своей хронологией, интенсивностью, потенциалом идущие извне импульсы по «поглощению» и перереформатированию российского пространства, его отдельных региональных сегментов (всё чётче вос-

принимаемых в качестве объектов империалистического подчинения и манипулирования (Бузгалин и др., 2016), вступая в «конфликт интересов» (конфликт обостряющийся, поскольку, как полагают (Иноземцев, 2018), мир начала XXI в. начал вновь «инстинктивно» стремиться к биполярности), уравнивают, «гасят» друг друга. Но они же и генерируют пока гипотетическую возможность хозяйственного, инфраструктурного и культурно-ментального «растаскивания» страны, вплоть до её фактической дезинтеграции (при эскалации неблагоприятных факторов). «Многососедское» и (по ключевым социально-экономическим аспектам) всё более периферийное положение России, активно (и по многим направлениям) вовлекаемой в евразийские интеграционные процессы, становится, при этом, фактором её не только внешних коммуникаций, но и внутреннего, территориального развития.

Основные тренды эволюции российского пространства в контексте формирования «Большой Евразии»

Мегапроцесс формирования «Большой Евразии» неизбежно проецируется на российское пространство, сопровождается его реструктурированием, видоизменением базовых характеристик. В числе важнейших трендов, в частности – фундаментальные изменения в имманентной России «континентально-океанической дихотомии» (ярко проиллюстрированной Л.А. Безруковым (2008)) в региональном развитии, сопровождаемые внешне парадоксальным (казалось бы, идущим вразрез и с логикой трансконтинентальной интеграции, и с основополагающими постулатами «евразийцев» о приоритете внутриконтинентальных обменов) дальнейшим «сдвигом» социально-экономической активности «к морю» (талассоаттрактивностью), своего рода «маринизацией» страны.

Специфика России такова, что её пролонгированное, уже почти пятивековое (Дружинин, 2017в) «продвижение» к Мировому океану (и его побережьям) сочеталось с освоением обширнейших континентальных пространств и развитием организующих, удерживающих их общенациональных центров, включая важнейший из них – московский (Дружинин, 2018б). На этом фоне логичным образом культивировалось, сохранялось превалирующее восприятие России как «океана суши» (Савицкий, 1997), пространства преимущественно «континентального» (Бернштейн-Коган, 1930), своими основными селитебными центрами

удалённого от морских побережий (Лаппо, 2012). Характерно, что и в современной Российской Федерации, «открытой» для глобальных обменов и весьма зависимой от морехозяйственной активности (через морские порты проходит около 60% внешнеторгового грузооборота страны (Транспортная стратегия, 2008)), 62 её региона (концентрирующие 75,8% демографического потенциала и генерирующие 76,1% совокупного ВРП) лишены непосредственного «выхода к морю», а средняя плотность населения в оставшихся 23 её субъектах – более чем втрое уступает общему по стране показателю (Дружинин, 2016б).

Россия в целом, равно как и исторически сопряжённые с ней иные компоненты евразийского пространства – действительно, преимущественно «континентальны». Но общематериковая специфика – иная (ещё столетие назад Х. Маккиндер симптоматично и точно именовал Евразию «Мировым Островом» (Mackinder, 1919)): абсолютное большинство (29 из 30) крупнейших по «размеру» экономик (с учётом ВВП по ППС) государств Евразии по своим позиционно-локализационным характеристикам – «приморские». Именно в приморских зонах евразийского материка (фактических и потенциальных интеграторах «Большой Евразии») функционирует значимая часть ведущих глобальных (альфа-) городов мира (21 из 49; в целом по Евразии, включая сопредельные острова, к данной категории относят 34 мегаполиса (The World..., 2016)). Из 40 крупнейших (с грузооборотом более 100 млн т) морских портов – 27 также «евразийские» (11 из них – в юрисдикции КНР).

Характерно также, что благодаря чётко выраженным в «Большой Евразии» эффектам экономической и селитебной талассоаттрактивности, наличию развитой портовой инфраструктуры, а также явного приоритета морского транспорта (его доля в глобальных международных торговых перевозках оценивается от 80% (Мироненко, Сорокин, 2008) до 90% (Deborah Cowen, 2009)) – именно последний выступает ныне важнейшим фактором (и способом) реализации трансконтинентальных интеграционных стратегий, включая их приоритетный вектор – обеспечение устойчивой коммуникации между Китаем и странами Евросоюза. В 2016 г. лишь 1% совокупного объёма торговли между Китаем и Европой осуществлялся по железной дороге (2% общей стоимости торговли) (Фарделла, Проуди, 2018). По оценкам, в 2050 г. по железнодорожным путям между ЕС и Азией будет перевозиться от 0,5 до 1 млн из 20 млн контейнеров, т.е. всего 2,5–5% от общего объёма поставок (Transcontinental..., 2010). В этих условиях «один пояс» (повторяя древние

Таблица 3. Динамика грузооборота портов России по морским бассейнам*

Бассейны	2013 г.		2014 г.		2015 г.		2016 г.		2017 г.	
	млн т	%	млн т	%	млн т	%	млн т	%	млн т	%
Балтийский, в т.ч.	215,8	36,7	223,4	35,8	230,7	34,1	236,6	33,0	247,5	31,4
Арктический	46,2	7,8	35,0	5,6	35,4	5,2	49,7	7,0	74,2	9,4
Азово-Черноморский	174,4	29,6	194,5	31,2	232,9	34,4	244,0	33,8	269,5	34,2
Каспийский	7,8	1,3	7,9	1,3	6,7	1,0	6,1	0,8	3,9	0,5
Дальневосточный	144,8	24,6	162,5	26,1	171,0	25,3	185,5	25,7	191,7	24,5
Россия всего	589,0	100,0	623,4	100,0	676,7	100,0	721,9	100,0	786,8	100,0

*Составлено по данным Ассоциации морских торговых портов России.

пути китайских мореходов (Guo, 1994) и в стратегической перспективе останется безусловной транспортно-логистической (и геоэкономической) доминантой (в настоящее время маршрут Европа – Дальний Восток аккумулирует 42% мировой торговли (Mediterranean..., 2017). Иные же, «сухопутные», в том числе и транссибирские маршруты (на которые, как не без основания полагают (Минакир, 2017), сейчас возлагаются чрезмерно завышенные ожидания) – вероятнее всего окажутся на периферии «большой евразийской интеграции», будут выполнять второстепенные, локальные транспортные задачи, служа не столько собственно геоэкономическим, сколько геополитическим (политическим) целям.

Фиксируемые мегатенденции дальнейшего «сдвига к морю» проявятся в пролонгированном аквально-территориальном комплексообразовании практически по всему периметру российских границ. Наибольшую активность данных процессов уместно ожидать на Балтике. Именно там в последние полтора десятилетия воссоздан важнейший для России «коридор развития» (Межевич, 2016), проецирующий свои импульсы не только на Санкт-Петербургский приморский регион и Калининградскую агломерацию, но и на территориальную структуру всего северо-запада страны). Иной «полюс роста» – Причерноморье, в условиях порождённого общеевразийскими трендами «нового центрального положения средиземноморского бассейна» (Фарделла, Проди, 2018) обретший лидерство по объёму устойчиво растущих морских грузоперевозок Российской Федерации (табл. 3). Имеются перспективы «сдвига к морю» и в регионе Японского моря и, конечно же, на обширных, манящих своим ресурсным потенциалом пространствах Арктики (КНР симптоматично позиционирует себя в качестве «околоарктического» государства (Джеффри Ф. Коллинз, 2017)).

Наряду с дальнейшим «стягиванием» населения и хозяйственной активности в приморские зоны России (симптоматично, что за 1989–2016 гг. суммарная численность населения приморских городов Российской Федерации возросла на 6,2%, или на 794 тыс. человек, достигнув величины почти в 13,7 млн чел. (Дружинин, 2017в)) фактор «Большой Евразии», полагаю, приведёт к выстраиванию ещё более жёсткой и устойчивой инфраструктурно-экономической «связки» между отдельными (активно вовлекаемыми в генерирование транснациональных цепочек добавленной стоимости) сегментами побережья и внутриконтинентальными территориями (включая и сопредельные с нашей страной постсоветские государства Центральной Азии; характерно, при этом, что в целом же по материк собственному выхода к океаническим пространствам лишены 24 страны, чей суммарный ВВП по ситуации на 2017 г. достигал 3,5 трлн долл. США, что, впрочем, эквивалентно лишь менее 4% от всего концентрируемого в Евразии экономического потенциала). В этой связи можно ожидать как роста трансграничных взаимодействий по периметру сухопутной части российско-казахстанской границы (рассматриваемой Л.Б. Вардомским в качестве одного из потенциальных ядер евразийской интеграции (Вардомский, 2017а)), так и активизации морехозяйственной деятельности (в том числе транспортно-логистической, с использованием пока лишь в минимальной степени реализуемого потенциала российских портов) на Каспии.

Встроенная в евразийский контекст дальнейшая «маринизация» России потребует осуществления гигантских инфраструктурных проектов («от Балтики до Тихого океана» (Шупер, 2016)). Соответствующие шаги, кстати, в целом хорошо прописаны в действующей с 2008 г. «Транспортной стратегии Российской Федерации на период до 2030 года». С рубежа 2014 г. в их ряду самостоятельной значимой геостратегической задачей (имеющей, при этом, свои экономические резоны, эффекты) становится и снижение транспортной изолированности эксклавной Калининградской области (симптоматично, что данный аспект чётко прописан в новой версии «Морской доктрины» Российской Федерации, предусматривающей, в частности, развитие паромной линии из Калининграда в направлении Усть-Луги и Санкт-Петербурга), и реконструкция морехозяйственного комплекса Крыма, и придание большей устойчивости сообщению между материком и одной из экономических доминант Тихоокеанской России – о. Саха-

лин. По мере инкорпорирования в структуры «Большой Евразии» российских приморских регионов (процесс этот окажется нелинеен, будет жёстко лимитирован ресурсными, институциональными и иными обстоятельствами как внутреннего, так и экзогенного генезиса) чётче оформятся их обновлённые геоэкономические и геополитические профили (в конкретных ситуациях они могут быть совмещены, взаимодополнять друг друга): «регионы-шлюзовые камеры», «регионы-бастионы», «регионы-мосты», «регионы-опорные базы геостратегической активности». Наиболее же важным (и знаковым) долгосрочным эффектом «большой» евразийской интеграции в идеале способна стать реиндустриализация части приморских центров, ситуация, когда в дополнении к ориентированным на экспорт сырья «хинтерландным» транспортно-логистическим узлам (кластерам) в приморской зоне станут развиваться реальные (генерирующие валовую добавленную стоимость) индустриально-портовые комплексы.

С мотивированными общеевразийской динамикой трендами «маринизации» российского пространства напрямую стыкуется и архиважный, традиционный для России вопрос изменения базовых социально-экономических пропорций в пользу восточных регионов страны. Их соседство с ныне основным центром мирохозяйственной динамики и активности (в 2017 г. на Китай пришлось треть прироста глобального ВВП; при сохраняющейся экономической ритмике к рубежу 2029–2030 гг. душевой ВВП в КНР и РФ с высокой долей вероятности сравняется, что неизбежно создаст полноформатные предпосылки для многообразных социокультурных и иных трансформаций в сопредельных со «срединным государством» регионах Сибири и российского Дальнего Востока), равно как и всё более усугубляемые (перманентно акцентируемые экспертным сообществом (Тулохонов, 2012; Тихоокеанская Россия, 2012)) порубежные российско-китайские контрасты – предопределило (начиная с конца «нулевых» годов (Fiona Hill and Bobo Lo, 2013)) череду резонансных, акцентирующих «восточный вектор» в международной и региональной политике страны решений (создание в 2012 г. Министерства по развитию Дальнего Востока, принятие в 2013 г. государственной программы «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 года» и др.) с пока неявными, слабо просматриваемыми в ряде регионов позитивными эффектами.

Статистика свидетельствует (табл. 4): в 4 из 11 субъектов ДФО среднедушевые денежные доходы населения не «догоняют» до россий-

Таблица 4. Соотношение среднедушевых денежных доходов населения и душевого объёма вводимого жилья в регионах Дальневосточного федерального округа со средними показателями по России*

Субъект Федерации	Среднедушевые денежные доходы			Душевой ввод жилья		
	2010 г.	2014 г.	2016 г.	2010 г.	2014 г.	2016 г.
Республика Саха	1,22	1,23	1,27	0,77	0,86	1,18
Камчатский край	1,42	1,33	1,26	0,44	0,48	0,44
Приморский край	0,91	1,02	1,06	0,67	0,60	0,47
Хабаровский край	1,19	1,14	1,22	0,57	0,57	0,50
Амурская область	0,76	0,96	0,96	0,49	0,74	0,50
Магаданская область	1,47	1,65	1,65	0,25	0,15	0,07
Сахалинская область	1,62	1,61	1,61	0,99	1,08	1,25
Еврейская АО	0,81	0,79	0,77	0,73	1,07	0,84
Чукотский АО	2,01	2,06	2,08	0,02	0,06	0,09
Республика Бурятия**	0,75	0,80	0,82	0,68	0,73	0,63
Забайкальский край**	0,75	0,74	0,74	0,60	0,56	0,49

*Составлено по данным Росстата. **В составе Дальневосточного федерального округа с 3 ноября 2018 г.

ского уровня; в пяти опережающая динамика доходов в 2010–2016 гг. сочеталась с устойчивой деградацией жилищного строительства, иллюстрирующей «вахтовый» характер заселения (для многих в России «междудомье» стало нормой (Между домом, 2016)), а также сохраняющиеся превалирующие установки части местных жителей на миграцию в западные (европейские) регионы страны (в целом за последние шесть лет население ДВО сократилось на 117 тыс. чел., или на 1,4%; миграционный отток, при этом, повсеместен; интенсивность его высокая, сопоставимая лишь с Мурманской, Архангельской областями и отдельными территориями Северного Кавказа). Пролонгированные «чемоданные настроения» характерны, кстати, и для целого ряда регионов Сибири (Иркутская, Омская области, Алтайский край, Тыва) – не менее значимого (чем российский Дальний Восток) ресурсно-операционного пространства формирования «Большой Евразии» (в сумме с Якутией концентрирующего 2/3 экспортного потенциала страны и обеспечивающего 43,5% доходов федерального бюджета (Безруков, 2018)).

Территориальная социально-экономическая динамика, разумеется, весьма инерционна (Артоболевский и др., 2009); констатируя это, важно осознавать несоизмеримость ресурсного обеспечения «разворота на восток» в российской региональной политике масштабам сибирских и

дальневосточных территорий (на «дальневосточную» ФЦП за десятилетие предполагается выделить из федерального бюджета, в частности, 536 млрд. руб., в то время как на аналогичную программу по развитию Крыма – 827 млрд. руб.) «багажу» накопленных (в том числе и уже за постсоветский период) инфраструктурных, структурных и иных проблем. Существенно и иное: на фоне отдельных крупных инфраструктурных проектов, реализуемых (и декларируемых) в азиатской части страны (на Сахалине, в Приморье, в Якутии и др.) основные интересы Российской Федерации (и её ведущих корпораций) по-прежнему ориентированы на запад (Блакисруд и др., 2018), на столичные агломерации. Показательно, что если в 2010 г. регионы ДФО и СФО (в их современном составе) по данным Росстата получили 9,5 и 9,9% всех (по России) инвестиций в основной капитал, то в 2016 г. – лишь 7,5 и 8,8% соответственно.

Сохраняющийся тренд периферизации основного массива территорий Сибири и Тихоокеанской России всё более явно сочетается с созвучным становлению «Большой Евразии» трендом интернационализации («островной», секторальной) их хозяйственного освоения. Характерно, в этой связи, что в последние три–четыре года именно российский Дальний Восток (благодаря, в первую очередь, энергетическим проектам на Сахалине) превратился в приоритетного получателя прямых иностранных инвестиций (согласно Росстату в 2016 г. их сальдо по ДФО составило 32% от соответствующего общероссийского показателя, а рост за 2011–2016 гг. оказался более чем десятикратным). Если учесть при этом продолжающееся с 2010 г. медленное, но стабильное увеличение объёма китайских прямых инвестиций (Vakulchuk, 2018), можно предположить, что процесс вовлечения восточных регионов страны (и её Арктической зоны) в транснациональные воспроизводственные «цепочки» (на фоне дальнейшей «съёживающейся концентрации» населения в немногие крупные городские центры, равно как и его «перетока» в европейские регионы, а также сохраняющейся дистанции между локалитетами крупной корпоративной экономики и социально-экономической повседневностью основной массы местных жителей, возрастающей полиэтничности «полюсов роста») – практически безальтернативен.

Создавая бюджетно-финансовые и иные условия для инкорпорирования ДФО и СФО в «большие евразийские партнёрства», очень важно адекватно учитывать, оценивать, понимать текущие (и грядущие) «затраты–выгоды» от «восточного вектора» как для региональных общностей, так и России в целом. Тем более что «сдвиг на вос-

ток» пока более декларативен, нормативен, чем реален; в фактических своих пространственных проявлениях он сфокусирован на немногие селитебно-хозяйственные центры и в этой связи лишь усугубляет дистанцию между последними и иными, продолжающими экономически деградировать, теряя население, территориями. Ему объективно противостоит многовековая инерция российского пространства со «смещённым» на запад («европоцентричным») (Вардомский, 2017а)) хозяйственным и селитебным каркасом, с порубежными (на «разломе» системы «Россия–Запад», вновь активизировавшимися, вплотную приблизившимися к историческому ядру и основным осям страны) территориями, где, кстати, системные риски геополитического и геоэкономического переформатирования евразийского пространства, равно как и «завершения эпического путешествия России на Запад» (Сурков, 2018) – могут оказаться наиболее ощутимыми. Последнее связано не только с усугубляющимся (в том числе и в связи с новыми «северо-восточными приоритетами») дефицитом финансово-инвестиционных ресурсов, но и с присущим российскому порубежью (возросшему после 2014 г.) «стрессом соседства» (по терминологии М.П. Крылова (2010)), сочетающемуся с инерцией культуры (уже оформившихся её региональных вестернизированных вариантов, наподобие «балтийской идентичности» (Клемешев и др., 2017)), подкрепляемой заметно возросшим в последние два–три года информационным, идеологическим воздействием со стороны западных соседей и партнёров.

Дальнейшее становление «Большой Евразии», видоизменение её геоэкономической и геополитической архитектоники напрямую скажется и на иерархии, сопряжённости, динамике крупнейших городских поселений страны, активизирует (частично видоизменив) имманентные современной России центростремительные векторы.

Инкорпорирование российского пространства в «Большую Евразию» (обретающую всё более выраженные многополюсные контуры) сопряжено не только с «доформированием», укреплением уже оформившихся ведущих городов-метрополий, но и с возрастанием между ними конкуренции как в рамках общеевразийских урбанистических сетей (продуцируемых финансовыми, информационными и людскими потоками), так и за превалирующее влияние в странах и регионах, выступающих в качестве «двойной периферии».

Пространство нашей страны исторически моноцентрично; в постсоветских реалиях роль её мега-центра (в масштабе России как не без

основания полагают (Sassen, 1991) лишь Москва способна выступать в ипостаси реального глобального города) ещё более возросла. Однако параллельно, с ещё более убедительной динамикой, укрепляют свои позиции сопредельные общеевразийские доминанты. Характерный (и наиболее знаковый, значимый) пример – меняющиеся экономические пропорции между Московским регионом (Москва + Московская область) и турецким столичным регионом Мармара (концентрирующим 37% ВРП Турецкой Республики (La Turquie..., 2008)). Если десятилетие назад соотношение приходящегося на них ВВП по расчётам автора составляло 1,67 к 1,0 в пользу российской метрополии (Дружинин, 2009), то в настоящее время – 1,3 к 1,0 (симптоматично, что уже сейчас по такому важному индикатору как пассажиропоток аэропортов, две столицы практически сравнялись). При пролонгации характерных для последнего десятилетия темпов экономической динамики к рубежу 2030 г. Москва и Стамбул неизбежно обретут геоэкономический паритет со сложно предсказуемыми для геополитической и геокультурной архитектуры целого ряда территорий Евразии (Причерноморье, Кавказ, Центральная Азия) последствиями.

Москва в видоизменяющемся интеграционно-дизинтеграционными трендами евразийском пространстве – не только общероссийский «скреп», но и крупнейший в общероссийском масштабе «город-посредник» (в том числе и «город-иностранец» (Трейвиш, 2009)). Разворачивающийся в последние десятилетия в Евразии демографический, экономический (и, соответственно, геокультурный) «сдвиг» (в пространственном отношении – совокупность «сдвигов», когда одни территории по инерции «дрейфуют» на Запад, другие пребывают на цивилизационно-экономическом «распутье», иные обретают восточный либо южный векторы) не только усиливает системоформирующее значение российской столицы, но и распространяет миссию «посредничества» на иные (зачастую несопоставимые по своему масштабу и функционалу) субцентры: Санкт-Петербург и Калининград (на Балтике), Грозный и Махачкалу (на Кавказе, на Среднем Востоке), Казань и Уфу (в степной, тюркской Евразии), Владивосток (в Восточной Азии, в Азиатско-Тихоокеанском регионе). Логика «большой» евразийской интеграции-конкуренции требует, с одной стороны, дальнейшего укрепления потенциала Московской агломерации, в том числе и за счёт более тесной координации городов и регионов всего исторического мегаядра России (в 500-километровом радиусе от Москвы сконцентрированы 22 региона с почти

32% населения страны; этот столетиями формировавшийся, в огромной мере ориентированный на столичный мегалополис компактный «сгусток» городских поселений и хозяйственной активности – не только узловой элемент российского пространства, но и важнейший фактор его устойчивости, равно как и геоэкономической конкурентоспособности (Дружинин, 2018б)), с другой – предотвращения дальнейшего социально-экономического «опустынивания» порубежных российских пространств за счёт поддержки хотя бы крупных региональных центров (по мере активизации транснациональных контактов испытывающих, кстати, всё возрастающее не только экономическое, но и культурное влияние сопредельных с Россией «центров силы»).

Заключение

«Большая Евразия» – это не просто укореняющийся в научном дискурсе конъюнктурный вербальный конструкт, либо геополитически мотивированная модная идея, но и особый формат (и масштаб) стремительно меняющейся евразийской реальности, требующий как всестороннего осмысления, концептуализации, так и «донастройки», конструирования. Познавая архитектуру «Большой Евразии», отслеживая и анализируя её тренды, учитывая их влияние на компоненты российского пространства и, соответственно, в ещё большей (чем ранее) мере осознавая евразийскую сущность и судьбу России, настоятельную для неё необходимость (адаптируясь к трансконтинентальным инновациям) прочерчивать, выстраивать (концептуально, политически, инвестиционными решениями и экономическими альянсами) «собственный» евразийский проект, – очень важно чётко понимать, что «самое дорогое строительство – это строительство воздушных замков» (Шупер, 2008, с. 8). Формирующаяся «Большая Евразия» сулит Российской Федерации не только новые геостратегические возможности, но и фундаментальные риски, инициирует очередной «виток» её общественно-географических метаморфоз, требует ресурсной и интеллектуальной сверхмобилизации.

Исследование выполнено в рамках гранта РНФ «Евразийские векторы морехозяйственной активности России: региональные экономические проекции» 19-18-00005 и РФФИ 18-010-00015 «Модели, эффекты, стратегии и механизмы включения западного порубежья

России в систему «горизонтальных» межрегиональных экономических связей в контексте формирования «Большой Евразии».

Литература

- Артоболевский С.С., Бабурин В.Л., Бакланов П.Я., Касимов Н.С., Колосов В.А., Котляков В.М., Люри Д.И., Тишков А.А.* Стратегии пространственного развития Российской Федерации: географические ресурсы и ограничения // Изв. РАН. Сер. геогр. 2009. № 3. С. 8–17.
- Безруков Л.А.* Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. 369 с.
- Безруков Л.А.* Экономико-географическая концепция евразийства и её развитие на современном этапе // Социально-экономическая география. Вест. АРГО. 2015. № 4. С. 12–24.
- Безруков Л.А.* Институциональный фактор межрегиональных диспропорций в России (на примере Сибири) // Региональные исследования. 2018. № 2. С. 79–80.
- Бернштейн-Коган С.В.* Очерки географии транспорта. Госиздат: Москва–Ленинград, 1930. 348 с.
- Бжезинский З.* Великая шахматная доска. (Господство Америки и его геостратегические императивы). М.: Международные отношения, 1998. 256 с.
- Блаккисруд Х., Рове Э.У., Вакульчук Р.* Дальневосточные инициативы России во времена геополитических потрясений // Валдайские записки. № 92. Август, 2018. 11 с.
- Бляхер Л.* Фронтир будущего // Россия в глобальной политике. 2018. № 5. [Электронное издание] <https://www.globalaffairs.ru/number/Frontir-budushego-19738> (Дата доступа – 18.11.2018)
- Большая Европа. Идеи, реальность, перспективы / Под ред. Ал.А. Громыко и В.П. Фёдорова.* М.: Весь Мир, 2014. 704 с.
- Бордачёв Т.* Новое евразийство // Россия в глобальной политике. 2015. № 5. [Электронное издание] <https://www.globalaffairs.ru/number/Novoe-evraziistvo-17754> (Дата доступа – 23.11.2018).
- Бордачёв Т.* Россия и Китай в Большой Евразии: большая игра с позитивной суммой // Валдайские записки № 50. Июнь, 2016. 15 с.
- Бочарников В.Н.* Геопространство «дикой природы» России // Социально-экономическая география. Вест. АРГО. 2016. С. 165–174.

- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности. М.: Весь мир. 2007. 551 с.
- Бузгалин А.В., Колганов А.И., Барашикова О.В. Россия: новая империалистическая держава? // Полис. Политические исследования. 2016. № 1. С. 74–87.
- Вардомский Л.Б. Государственная идентичность и пространственное развитие России: опыт столетия или уроки русских революций // ЭКО. Всероссийский экономический журнал. 2017а. № 12. С. 33–50.
- Вардомский Л.Б. Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // Пространственная экономика. 2017б. № 4. С. 23–40.
- Вардомский Л.Б., Лобанов М.М., Пылин А.Г. Вопросы регионализации белорусско-российско-украинского приграничья // Регионализация внешнеэкономических связей России и соседних стран. М., 2014. С. 148–159.
- Гаджиев К. Большие трещины на «Великой шахматной доске» // Мировая экономика и международные отношения. 2017. Т. 61. № 1. С. 29–42.
- Гладкий Ю.Н. Россия в лабиринтах географической судьбы. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юрид. центр Пресс», 2006. 846 с.
- Глазьев С. КНР как новый глобальный лидер // Доклад Изборскому клубу. 2015. [Электронное издание] <https://izborsk-club.ru/7581> (Дата доступа – 20.11.2018).
- Гленн Дизен. Россия, Китай и «баланс зависимости» в Большой Евразии // Валдайские записки № 63. Март, 2017. 12 с.
- Горохов С.А. Трансформация цивилизационного и конфессионального пространства мира в XX–начале XXI в. // Изв. РАН. Сер. геогр. 2012. № 6. С. 107–116.
- Гранберг А.Г. Основы региональной экономики. М.: Госуд. ун-т «Высшая школа экономики», 2000. 400 с.
- Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Мысль, 1989. 839 с.
- Давутоглу А. Внешняя политика Турции и России // Россия в глобальной политике. 2010. Т. 8. № 1. С. 60–70.
- Джеффри Ф. Коллинз. Арктика в период геополитических перемен: оценки и рекомендации // Валдайские записки № 75. Сентябрь, 2017. 15 с.
- Дружинин А.Г., Суций С.Я. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону: СКНЦВШ, 1994. 575 с.
- Дружинин А.Г. Русский регионализм: явление в контексте геоэтнокультурогенеза // Научная мысль Кавказа. 1996. № 1. С. 5–18.

- Дружинин А.Г. Глобальное позиционирование Юга России: факторы, особенности, стратегии. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2009. 288 с.
- Дружинин А.Г. Новая концептуализация Евразии: взгляд географа-обществоведа // Социально-экономическая география. Вест. Ассоциации российских географов-обществоведов. 2013. № 2. С. 25–36.
- Дружинин А.Г. Полизаисомость в центрo-периферийной стратификации территориальной организации общества: основы концепции // Социально-экономическая география. Вест. Ассоциации российских географов-обществоведов. 2014. № 3. С. 29–40.
- Дружинин А.Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2016а. 228 с.
- Дружинин А.Г. «Морская составляющая» российской общественной географии: традиции и новации // Изв. РАН. Сер. геогр. 2016б. № 6. С. 7–16.
- Дружинин А.Г. Российско-турецкие отношения в постсоветском евразийском контексте: экономические факторы, тренды, перспективы // Научная мысль Кавказа. 2017а. № 4. С. 5–12.
- Дружинин А.Г. Геоэкономические взаимозависимости и геополитические альянсы в современном евразийском пространстве // Социально-экономическая география. Вест. АРГО. 2017б. № 6. С. 24–38.
- Дружинин А.Г. Талассоаттрактивность населения в современной России: общественно-географическая экспликация // Балтийский регион. 2017в. Т. 9. № 2. С. 28–43.
- Дружинин А.Г. Эволюция российско-украинских отношений в постсоветский период: геоэкономический аспект // Географический вестник. 2018а. № 2. С. 28–39.
- Дружинин А.Г. Пролонгация «москвоцентричности» российского пространства: pro et contra // Полис. Политические исследования. 2018б. № 5. С. 29–42.
- Дугин А.Г. Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 256 с.
- Дынкин А., Телегина Е., Халова Г. Роль Евразийского экономического союза в формировании Большой Евразии // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 4. С. 5–24.
- Ефременко Д. Рождение Большой Евразии // Россия в глобальной политике. 2016. № 6. [Электронное издание] <https://www.globalaffairs.ru/number/Rozhdenie-Bolshoi-Evrazii-18478> (Дата доступа – 23.11.2018).

- Замятин Д.Н. Геократия. Евразия как образ, символ и проект российской цивилизации // Политические исследования. 2009. № 1. С. 71–90.
- Иноземцев В. Возвращение «Больших стратегий» [Электронное издание] <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vozvrashchenie-bolshikh-strategiy/> (Дата доступа – 9 ноября 2018 г.)
- Каганский В.Л. «Евразийская мнимость» // Россия как цивилизация: Устойчивое и изменчивое. Отв. ред. И.Г. Яковенко. Научный совет РАН «История мировой культуры». М.: Наука, 2007. С. 531–590.
- Караганов С. С Востока на Запад или Большая Евразия // Российская газета. Федеральный выпуск № 7109 (241). 24.10.2016.
- Караганов С. Мир на вырост // Россия в глобальной политике. 2018. № 1. [Электронное издание] <http://www.globalaffairs.ru/number/Mir-na-vyrost-19357> (Дата доступа – 22.03.2018).
- Караганов С., Макаров И. Поворот на восток: итоги и задачи // Российская газета [Электронное издание] <http://svop.ru/main/14175/> (Дата доступа – 06.02.2015)
- Кацусигэ Кобаяси. Кто хозяин либерального мирового порядка? Трансформация Евразии и новая парадигма международных отношений // Валдайские записки № 77. Ноябрь, 2017. 10 с. URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/24153/> (Дата доступа – 19.01.2019).
- Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о Русском мире. М.: ВРНС, 2015. 45 с.
- Клемешев А.П., Корнеевец В.С., Пальмовский Т., Студжиницки Т., Федоров Г.М. Подходы к определению понятия «Балтийский регион» // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 4. С. 7–28.
- Крылов М.П. Региональная идентичность в Европейской России. М.: Новый хронограф, 2010. 240 с.
- Лавров С.Б. Лев Гумилев. Судьба и идеи. М.: Сварог и К., 2000. 156 с.
- Лапто Г.М. Города России. Взгляд географа. М.: Новый хронограф, 2012. 504 с.
- Маергойз И.М. Территориальная структура хозяйства. Новосибирск: Наука, 1986. 236 с.
- Между домом... и домом. Возвратная пространственная мобильность населения России / Под ред. Т.Г. Нефедовой, К.В. Аверкиевой, А.Г. Махровой. М.: Новый хронограф, 2016. 504 с.
- Межевич Н.М. Пространство российского Северо-запада: некоторые аспекты эволюции геоэкономического положения // Социально-экономическая география. 2016. № 5. С. 93–109.

- Минакир П.А.* В поисках пространственной гармонизации // Пространственная экономика. 2017. № 2. С. 7–15.
- Мироненко Н.С.* Геополитическая концепция евразийства // Вест. МГУ. Сер. 5. География. 1997. № 6. С. 53–65.
- Мироненко Н.С., Сорокин М.Ю.* Общественно-географические проблемы освоения Мирового океана // Общественно-географические проблемы освоения пространства и ресурсов Мирового океана. М., 2008. С. 87–95.
- Надеин-Раевский В.* Внешняя политика Турции: ветры перемен // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 2. С. 84–92.
- Назарбаев Н.* Семь граней Великой степи [Электронное издание] http://www.akorda.kz/ru/events/akorda_news/press_conferences/statya-glavy-gosudarstva-sem-granei-velikoi-stepi (Дата доступа – 22.11.2018).
- Народонаселение стран мира. Справочник / Под ред. Б.Ц. Урланиса. М.: Статистика. 1978. 527 с.
- Нефёдова Т.* Увидеть Россию // Отечественные записки. 2006. № 5. С. 76–89.
- Нефёдова Т.Г.* Российская периферия как социально-экономический феномен // Региональные исследования. 2008. № 5. С. 21–32.
- Никитченко А.* Великая держава или сырьевой придаток – нужна ли России высокая самооценка? [Электронное издание] <http://regnum.ru/news/economy/2087555.html> (Дата доступа – 2.03.2016)
- Савицкий П.Н.* Континент-Океан (Россия и мировой рынок) // Континент-Евразия. М.: Аграф, 1997. С. 398–418.
- Поляков В.* Сырьевая ориентация российского экспорта // Мировая экономика и международные отношения. 2006. № 1. С. 112–120.
- Потоцкая Т.И.* Трансформация территориальной организации трубопроводного транспорта России в постсоветский период под влиянием геополитического фактора // Социально-экономическая география. Вест. АРГО, 2017. С. 50–63.
- Силаев Н., Сушенцов А.* Союзники России и геополитический фронт в Евразии. Валдайская записка № 66. Апрель, 2017. [Электронное издание] URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/16328/> (Дата доступа – 23.11.2018)
- Социально-экономическая география зарубежных стран. М.: Дрофа, 2001. 560 с.
- Сурков В.* Одиночество полукровки (14+) // Россия в глобальной политике. 2018. № 2. <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Odinochestvo-polukrovki-14-19477> (Дата доступа – 22.03.2018).

- Суций С.Я., Дружинин А.Г. Очерки географии русской культуры. Ростов-на-Дону. Изд-во СКНЦВШ, 1994. 576 с.
- Тихоокеанская Россия. Страницы прошлого, настоящего, будущего / Под ред. А.П. Бакланова. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.
- Транспортная стратегия Российской Федерации на период до 2030 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 22 ноября 2008 г. № 1734-р) ГАРАНТ.РУ: [Электронное издание] <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/94460/#ixzz4lMjht0DM> (Дата доступа – 22.03.2018)
- Трейвиш А.И. Остров Россия на пороге XXI века как часть мировой экономики // Геополитическое положение России: представления и реальность / Под ред. В.А. Колосова. М., 2000. С. 56–71.
- Трейвиш А.И. Город, район, страна и мир. Развитие России глазами страноведа. М.: Новый хронограф. 2009. 372 с.
- Тулохонов А.К. О географии в современном обществе, или уроки практической географии. Улан-Удэ.: НоваПринт, 2012. 228 с.
- Туровский Р. Ф. Субнациональные регионы в глобальной политике (на примере России) // Полис. Политические исследования. 2011. № 2. С. 99–117.
- Фарделла Э., Проди Д. «Один пояс, один путь» и его влияние на Европу // Валдайские записки № 82. Март, 2018. 11 с.
- Чубаров И., Калашиников Д. «Один пояс – один путь»: глобализация по-китайски // Мировая экономика и международные отношения. 2018. Т. 62. № 1. С. 25–33.
- Шпангер Ханс-Йоахим. Поворот России на восток, поворот Китая на запад: взаимодействие и конфликты на Шёлковом пути // Валдайские записки № 47. Май, 2016. 26 с.
- Цымбурский В.Л. Остров Россия. Геополитические и хронополитические работы. 1993–2007. М., 2007. 237 с.
- Цымбурский В.Л. «От великого острова Русии...» к прасимволу российской цивилизации // Полис. Политические исследования. 1997. № 6. С. 34–56.
- Шупер В.А. Россия в глобализированном мире: альтернативы развития // Вопросы философии. 2008. № 12. С. 3–21.
- Шупер В.А. Евразийское будущее России в свете чередования интеграционных и дезинтеграционных циклов // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 4. С. 7–17.
- Anıl Çeçen. Atatürk ve Avrasya // Avrasya Uygarlığın Yeni Yolu, Kızıllema Yayıncılık, İstanbul, 1998. S. 125–126.

- Deborah Cowen, Neil Smith.* After Geopolitics? From the Geopolitical Social to Geoeconomics // *Antipode*. 2009. V. 41. № 1. P. 33–48.
- Encyclopedia of the Peoples of Asia and Oceania*. 2008. V. 1. 826 p.
- Fiona Hill and Bobo Lo.* Putin's pivot: why Russia is looking East // *Foreign Affairs*, 31 July 2013; *Timofey Bordachev and Yevgeniy Kanaev.* Russia's new strategy in Asia // *Russia in Global Affairs*. 2014. № 3.
- Harvey D.* Revolutionary and counter revolutionary theory in geography and the problem of ghetto formation // *Antipode*. 1972. V. 4. № 2. P. 1–13.
- Guo L.X.* Distribution of ports in China // *Acta Geographica Sinica*. 1994. V. 49. № 5. P. 385–393.
- La Turquie au Carrefour de enjeux stratégiques et varia* // *Revue tiers monde*. 2008. № 194. P. 280–291.
- Liu W.D.* Scientific understanding of the Belt and Road Initiative of China and related research themes. *Progress in Geography*. 2015. V. 35. № 5. P. 538–544.
- Mackinder H.J.* *Democratic Ideals and Reality*. London, 1919. 125 p.
- Mediterranean Observatory*. 2017. URL: <http://www.sr-m.it/>
- Radanyi J.* Quand Vladimir Poutine se fait géographe... // *Hérodote. Géopolitique de la Russie*. 2017. № 166–167. P. 113–132.
- Sassen S.* *The Global City*. Princeton: Princeton University Press, 1991, 238 pp.
- The World According to GaWC 2016*. <https://www.lboro.ac.uk/gawc/world2016t.html> (Дата доступа – 10.11.2018).
- Transcontinental Infrastructure Needs to 2030 / 2050. France's Gateway Ports and Inland Connections. Meeting with Meeddm Officials, Paris, 7 May 2010. Final Report.* OECD. International Futures Programme. URL: <https://www.Oecd.Org/Futures/Infrastructureto2030/48368193.pdf>
- Vakulchuk R.* Russia's new Asian tilt: how much does economy matter? // *Russia's turn to the East: domestic policymaking and regional cooperation*. Eds. Helge Blakkisrud and Elana Wilson Rowe. 139 Palgrave Pivot, 2018. P. 139–57. <https://www.palgrave.com/us/book/9783319697895>.
- Yun Sun.* March West: China's Response to the U.S. Rebalancing. January 31, 2013. P. 23–45.

Между Европой и Азией: о некоторых региональных особенностях участия России в формирующейся Большой Евразии

© 2019 г. Л.Б. Вардомский

Институт экономики РАН, Москва, Россия

Between Europe and Asia: some of the regional peculiarities of Russia's participation in the forming Greater Eurasia

L.B. Vardomskiy

Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

e-mail: wardom@yandex.ru

The concept of “Greater Eurasia” denotes a certain area of international cooperation on the Eurasian continent, and filling it with specific projects and creating international institutions for this depends on the will and interests of the participating countries. Russia occupies a position close to the center in this space, which means that it has a wide range of neighboring countries and the shortest land routes connecting the countries of this part of the world pass through it. The article discusses changes in the geographical structure in which the share of the PRC is continuously growing. At the same time, the share of Eurasian countries in foreign trade of Russia steadily holds about 90%. Russia and its partners in the EAEU are located between the EU and China, the volume of trade between them in 2018 amounted to about 700 billion dollars. Mutual positions of the participating countries leads to an increase in the transit potential with an agreed transport and customs policy of Belarus, Kazakhstan and Russia, as well as other post-Soviet countries, since transcontinental transport corridors pass through them. Intercontinental transit has become an important factor in Eurasian integration. It was the result of the joint efforts of the EAEU countries, which made it possible to enter the world market for transcontinental transport with a common transport and logistics product and to make greater use of the potential of the transit position. Occupying a vast territory in Eurasia, Russia through economic partnerships can fasten different countries of the continent using the position and economic potential of their regions. So far this is mainly through Central Russia. At the same time, when transitioning to the practical implementation of the “Greater Eurasian Partnership” concept, one should fully take into account the specifics of individual Russian regions in the context of both their development and their role in strengthening the economic connectivity of the Greater Eurasian Partnership countries.

Keywords: *development strategies, economic partnerships, Eurasian integration, Greater Eurasia, Russia, Siberia, transcontinental transit.*

Понятие «Большая Евразия» обозначает некий ареал международного сотрудничества на евразийском материке, а наполнение его конкретными

проектами и создание для этого международных институтов зависит от воли и интересов стран-участниц. Россия занимает на этом пространстве положение близкое к центральному. Это означает, что она имеет широкий круг стран-соседей и через неё проходят наиболее короткие сухопутные пути, связующие страны этой части света. В статье рассматриваются изменения в географической структуре, в которой непрерывно растёт доля КНР. При этом доля стран Евразии во внешней торговле России устойчиво держится около 90%. Россия и её партнёры по ЕАЭС располагаются между ЕС и КНР, объём торговли между ними в 2018 г. составил около 700 млрд долларов. Взаимоположения стран-участниц обуславливает рост транзитного потенциала при согласованной транспортной и таможенной политике Беларуси, Казахстана и России, а также и других постсоветских стран, поскольку через них проходят трансконтинентальные транспортные коридоры. Межконтинентальный транзит стал важным фактором евразийской интеграции. Это результат совместных усилий стран ЕАЭС, что позволило выйти на мировой рынок трансконтинентальных перевозок с общим транспортно-логистическим продуктом и шире использовать потенциал транзитного положения. Занимая громадную территорию в Евразии, Россия через экономические партнерства может скреплять разные страны материка, используя положение и экономический потенциал своих регионов. Пока это происходит в основном через Центральную Россию. В то же время при переходе к практической реализации концепции «Большого евразийского партнёрства» следует в полной мере учитывать специфику отдельных российских регионов в контексте как их развития, так и роли в укреплении экономической связанности стран Большого евразийского партнерства.

Ключевые слова: *Большая Евразия, Евразийская интеграция, Россия, Сибирь, стратегии развития, трансконтинентальный транзит, экономические партнерства.*

Идее Большой Евразии или Большого евразийского партнёрства (БЕАП) всего несколько лет. В России она активно обсуждается с 2016 г. При этом, судя по появившимся публикациям, выявились различия в подходах к пространственному содержанию этой идеи. В максимальном варианте это, по мнению Ю. Яковца и Е. Растворцева, географическая Евразия плюс примыкающие к ней страны Северной Африки (Яковец, Растворцев, 2017), в ограниченном варианте – это территории ЕАЭС, ШОС, АСЕАН и некоторые другие заинтересованные страны.

В настоящее время формирование Большой Евразии связано с китайским мегапроектом «Новый шелковый путь» или «Один пояс – один путь», в котором выразили готовность участвовать около 60 государств. Этот глобальный проект составляют множество частных проектов, реализуемых заинтересованными странами при финансовой поддержке банков и фондов с участием КНР.

В России сотрудничество в рамках Большой Евразии понимается как экономическое партнёрство, регуляторную базу которого предстоит ещё только установить. Вполне возможно, в качестве ядра будет выступать ЕАЭС, к которому через формат Зон свободной торговли разных модификаций будут подключаться заинтересованные страны.

Определённый вклад в регионализацию Большой Евразии вносит деятельность учреждённого в 1996 г. Форума Азия–Европа (ASEM), в который входят 51 страна Европы и Азии, среди которых Россия и Казахстан. Годом спустя, в 1997 г. был учреждён Фонд Европа–Азия (ASEF), призванный содействовать сотрудничеству стран Азии и Европы.

В сентябре 2018 г. была принята общая концепция Евросоюза в отношении развития сотрудничества в Евразии – «Связывая Европу и Азию» («Connecting Europe and Asia - Building blocks for an EU Strategy»)¹. При этом сама связанность (*connectivity*) в европейском понимании должна быть устойчивой, всеобъемлющей и основываться на международных правилах. Европейский Союз планирует взаимодействовать со своими восточными соседями и азиатскими партнёрами по трём основным направлениям: 1) через развитие приоритетных транспортных коридоров, цифровых сетей и энергетическое сотрудничество; 2) путём установления партнёрских отношений на основе общепринятых правил и стандартов, обеспечивающих лучшее управление потоками товаров, людей, капитала и услуг; 3) устранения инвестиционных ограничений².

Таким образом, понятие «Большой Евразии» обозначает некий ареал международного сотрудничества на евразийском материке, а наполнение его конкретными проектами и создание для этого международных институтов будет зависеть от воли и интересов стран-участниц. Но в любом случае Россия занимает на пространстве Большой Евразии положение близкое к центральному, а это означает, что она имеет широкий круг соседей по материкам и через неё проходят самые короткие сухопутные пути, связующих страны этой части света.

При оценке возможных вариантов развития БЕАП с точки зрения интересов и возможностей России следует учитывать ряд гео-

¹ Joint Communication to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee, the Committee of the Regions and the European Investment Bank “Connecting Europe and Asia - Building blocks for an EU Strategy”. Brussels, 19.9.2018 // https://eeas.europa.eu/headquarters/headquarters-homepage/50708/connecting-europe-and-asia-building-blocks-eu-strategy_en

² Там же. С. 2–3.

экономических обстоятельств. *Первое* связано с тем, что развитие России долгое время происходило в условиях внешнеэкономической закрытости, но при исторически сложившейся европоцентричной организации расселения и экономики. При этом производственная база экспорта страны, основу которой составляют минеральные ресурсы, размещается преимущественно во внутриматериковых регионах. Это оказало сильное историческое влияние на формирование транспортной сети, связующей Россию с внешним миром, на соотношение географических векторов её внешнеэкономических связей и на её пространственное развитие, на что обращали внимание многие учёные, среди которых хотел бы выделить А.Б. Савченко и Л.А. Безрукова. Об этом писал и автор этой статьи (Вардомский, 2016).

Взаимодействие пространства России и глобального пространства, включая пространство виртуальной пока «Большой Евразии», происходит через соответствующие государственные и межгосударственные институты и отражается во внешней политике, либерализации внешнеэкономической деятельности, валютной политике, политике внешних заимствований, приграничном сотрудничестве и т.п. Важным инструментом взаимодействия российского и глобального пространства выступают ТНК, взаимные потоки капиталов, а среди них – прямые иностранные инвестиции. Среди комплексных инструментов взаимодействия пространства России и окружающих её внешних пространств следует назвать интеграционные объединения разного типа, в которых участвует или сможет участвовать Россия. Среди них особое место занимает Евразийский экономический союз.

Во-вторых, занимая центральное положение в Евразии, Россия одновременно является и внутриконтинентальным государством. Мировой опыт показывает, что для внутриконтинентальных стран удалённость от морей и зависимость от международного и внутреннего транзита для сообщения с внешними рынками оборачивается тем, что они из-за повышенных транспортных издержек в полной мере не могут использовать внешнеторговые связи для целей развития национальной экономики (Лисоволик, 2017). Проблемы экономического развития внутриконтинентальных развивающихся стран, к которым относятся семь новых государств Центральной Азии и Южного Кавказа, были отражены в Алматинской Программе действий принятой в 2003 г. по итогам Международной министерской конференции ООН с участием развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, раз-

вивающихся стран-транзитёров, стран-доноров и представителей международных учреждений.

В соответствии с рекомендациями ООН транзитно-зависящие внутриматериковые страны должны по возможности диверсифицировать варианты сообщений с мировым рынком, чтобы страны-транзитёры конкурировали за их грузы и пассажиров. Этим они понижают для себя транзитные риски и тарифы. Чем больше вариантов сообщения с внешними рынками, в том числе и транзитных, тем меньше уязвима страна в части доступа к внешним рынкам, тем шире возможности использования внешнеэкономических связей для целей развития. В этой связи следует отметить, что большую часть пространства России занимают сибирские регионы, удалённые от открытого моря на 2000 и более километров (Безруков, 2018), развивающиеся в условиях дистанционной изолированности от внешних рынков. По оценке Л.А. Безрукова, в транспортно-географическом отношении Сибирь более континентальна, чем лишённые выхода к морю государства Центральной Азии и Монголия.

В-третьих, регионы России сильно различаются по включённости в международные экономические отношения, которые, в свою очередь, по разному влияют на их развитие (Савченко., 2014). В частности, экспортные производства и производства, ориентированные на внутренний рынок, но широко использующие импортируемые материалы и компоненты, быстрее развиваются в тех частях страны, которые удобно расположены, с одной стороны, относительно внешних источников инвестиций, технологий, комплектующих и материалов, а, с другой – внутреннего рынка. В практическом плане важность внешних факторов в пространственном развитии России иллюстрируют развитие инфраструктуры, обслуживающей международные связи, освоение минеральных ресурсов на основе привлечения иностранных капиталов и технологий, например, добыча нефти и газа на шельфе Охотского моря, реализация проекта «Ямал СПГ», создание новых центров автостроения на основе промышленной сборки из импортных узлов и компонентов и т.п.

В экономической науке доказана взаимосвязь между внешнеэкономической деятельностью и пространственным развитием. В частности влияние внешней торговли на экономическое развитие регионов России подтверждено эконометрическим исследованием (Коргун, Кумо, 2015). Важность внешней торговли для развития Северокавказ-

ского федерального округа в своих исследованиях показал Н.С. Гичиев (2016). К такому же выводу на материалах Сибирского федерального округа пришли А.П. Кириенко и Е.О. Завьялова (2014).

В то же время эконометрическое исследование М.Ю. Малкиной показало, что вклад прямых иностранных инвестиций в рост региональной экономики невелик. Также невелико их влияние на сокращение межрегиональных различий, что объясняется высокой концентрацией прямых иностранных инвестиций в небольшом числе российских регионов (Малкина, 2017). К такому же выводу пришла и О.В. Кузнецова, анализируя привлекательность восточных регионов России для иностранных инвесторов (Кузнецова..., 2018).

В настоящей работе акцент делается на особенностях участия России во внешнеэкономических связях с Китаем, ЕС и ЕАЭС в контексте формирования Большой Евразии и включённости в эти векторы международных отношений Сибири, лежащей в географическом центре и одновременно в наиболее континентальной части России.

Динамика торговых связей по ведущим географическим векторам

Во внешнеторговых связях России с начала 2000-х годов устойчиво увеличивается доля Китая. Это наиболее динамичный компонент международных экономических отношений России, что тесно связано с ростом веса Китая в мировой торговле. Если в 2001 г. на его долю приходилось 4,2% мировой торговли, то в 2008 г. – 8,2%, а в 2017 г. уже 11,8%. Одновременно происходил стремительный рост доли этой страны в мировой экономике. Если в 2000 г. на Китай пришлось 3,6% мирового ВВП по номиналу, то в 2017 г. она достигла 15,2%. Для сравнения доля ЕС, другого соседнего с Россией мегацентра мировой экономики в 2017 г. равнялась 21,5%. В мировом ВВП, исчисленном по паритету покупательной способности, доля КНР немного превышала долю ЕС, соответственно 18,2 и 16,6%.³

Другая причина увеличения веса Китая во внешнеэкономических связях России связана с геополитическими факторами. Во второй половине 2000-х годов, после того как выявились принципиальные различия России и ЕС в подходах к созданию общего экономического пространства от Лиссабона до Владивостока, в России стали уделять больше внимания

³ Данные Мирового банка.

Таблица 1. Доли главных партнеров – соседей
во внешней торговле России за 2008–2018 гг., %

Годы	ЕС (28 стран)		Китай		ЕАЭС (5 стран)	
	экспорт	импорт	экспорт	импорт	экспорт	импорт
2008	56,7	43,7	4,5	13,0	8,2	6,7
2010	53,9	42,1	5,1	17,0	7,8	6,5
2012	52,9	42,4	6,8	16,6	8,3	7,7
2014	52,1	41,4	7,5	17,8	7,4	7,0
2016	45,7	38,4	9,8	20,9	9,3	7,9
2017	44,6	38,2	10,9	21,1	9,4	7,8
2018	45,5	37,5	12,5	21,9	8,4	7,7

Источник: Федеральная таможенная служба Российской Федерации. URL: http://customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=125&Itemid=1976

восточному вектору торгово-экономических связей. Тенденцию на ускоренное развитие внешнеэкономических связей России и Китая заметно усилил геополитический конфликт с коллективным Западом после государственного переворота на Украине и последовавших за ним событий.

Третья причина обусловлена двумя первыми, но она имеет и самостоятельное значение, поскольку в России стал реализовываться курс на устойчивое развитие дальневосточных регионов с целью прекращения депопуляции Сибири и Дальнего Востока, достижения более гармоничного развития российского пространства.

За период 2008–2018 гг. распределение торговых потоков по главным направлениям довольно сильно изменилось. Доля ЕС в российском экспорте и импорте после мирового кризиса 2008–2009 гг. стала сокращаться с ускорением после 2013 г. и стабилизацией в 2017–2018 гг. Доля КНР непрерывно росла как в экспорте, так и в импорте. На этом фоне доля в торговле РФ партнёров по ЕАЭС была довольно стабильна и колебалась в пределах 7–9% (табл. 1). При этом доля этих стран в общем объеме торговли со странами СНГ за этот период увеличилась с половины до 70%.

Главные изменения в географии внешней торговли России в дальнейшем будут связаны с соотношением в ней ЕС и КНР. Несмотря на произошедшую переориентацию внешних товаропотоков на Китай, РФ и ЕС связывают значительно более интенсивные, торгово-экономические отношения (табл. 2).

Лидирующая роль ЕС во внешнеэкономических связях России и весомая роль России во внешнеэкономических связях ЕС при отсутствии формальных взаимных торговых преференций объясняется активной

Таблица 2. Соотношение ЕС и КНР
во внешнеторговых связях РФ в 2013–2017 гг.

Показатели, млрд долларов	Европейский союз			Китай		
	2013	2016	2018	2013	2016	2018
Экспорт,	283,4	130,5	204,9	35,6	28,0	56,1
Импорт	134,2	69,9	89,3	51,6	38,1	52,2
Оборот	417,6	200,4	294,2	87,2	66,1	108,3
<i>Доля в обороте, в %</i>	<i>48,4</i>	<i>42,3</i>	<i>42,8</i>	<i>10,5</i>	<i>14,0</i>	<i>15,7</i>
Коэффициент торгово-экономической связанности	2,06	1,13	1,64	0,73	0,53	0,74

Источники: Федеральная таможенная служба Российской Федерации. URL: http://customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=125&Itemid=1976; Всемирная торговая организация – https://www.wto.org/english/res_e/statis_e/statis_e.htm; ВТО, Мировой банк – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locale=ru&locations=RU>

интеграцией «снизу» в период рыночной трансформации, быстрым развитием во взаимных отношениях горизонтальных связей на корпоративном уровне в виде производственных и сбытовых сетей, трансевропейских цепочек добавленной стоимости. Однако, как показывает опыт последнего времени, эти отношения не защищены от геополитического противоборства. Используя с 2014 г. механизмы санкций в геополитической борьбе и идя на крупные экономические потери, стороны пытаются экономически ослабить друга, что сказывается на объёмах взаимных связей. За 2013–2016 гг. они сократились более чем вдвое. Впрочем, этот спад был обусловлен не только геополитическими причинами, но и резким падением мировых цен на углеводороды. В 2017 г. благодаря повышению цен на нефть и газ европейско-российский товарооборот вырос почти на 24% и примерно на столько же в 2018 г.

Иначе шло развитие торгово-экономических связей РФ и Китая. В историческом плане они были крайне ограничены из-за взаимной удалённости и неразвитой инфраструктуры. Успешно развивавшиеся в послевоенный период советско-китайские экономические связи в результате идеологических разногласий были прерваны в конце 1950-х годов и заморожены на 30 лет. В конце 1970-х годов Китай начал глубокие экономические реформы на основе «инвестиционно-экспортной» модели развития, осуществлявшейся путём создания специальных экономических зон с широкими преференциями для иностранных инвесторов (Портяков, 2017).

Иностранных инвесторов привлекала низкая стоимость рабочей силы и невысокая стоимость морских перевозок. Прозекспортная индустрия

стриализация Китая опиралась на рынки особых территорий Гонконга и Тайваня, соседних Японии, Южной Кореи, Австралии, а также США, Германии, Великобритании и бизнес-поддержку мировой китайской диаспоры. К моменту нормализации отношений с РФ в начале 1990-х годов Китай сильно продвинулся по пути модернизации экономики и начал широкую экспансию в мировую экономику. Россия же испытала грандиозный трансформационный спад, лишилась многих высокотехнологичных производств, в результате чего усилилась её топливно-сырьевая специализация в мировой экономике. Формирование новых российско-китайских отношений происходило уже в условиях, когда Китай превратился в «мировую фабрику», а Россия укрепила свою глобальную функцию поставщика на мировой рынок топлива и сырья.

В 2001 г. страны подписали Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве. Летом 2005 г. было завершено юридическое оформление границы между двумя государствами. Это стало основой формирования широкой институциональной базы сотрудничества в виде двусторонних документов, программ, организаций. В рамках всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия складывается система российско-китайских соглашений на корпоративном уровне, прежде всего в сфере энергетики. На основе этих соглашений был построен нефтепровод Восточная Сибирь – Тихий океан с ответвлением от Сковородино на внутренние районы Китая. Сейчас вдоль трассы нефтепровода завершается строительство газопровода «Сила Сибири», по которому в конце 2019 г. газ начнёт поступать в Китай. В результате этого экспорт России в КНР в начале 2020-х годов существенно возрастет.

Двусторонний формат сотрудничества дополняется взаимодействием в рамках ШОС, инициированного КНР мегапроекта «Один пояс – один путь», по линии ЕАЭС – КНР. Примечательно, что расширение и углубление институциональной основы взаимного сотрудничества пришлось на период обострения геополитических противоречий между РФ и Западом и между КНР и США. Совпадающие геополитические интересы образует серьёзную движущую силу в их стратегическом партнёрстве. Но одновременно возрастает значение экономических мотивов. Китай стремится диверсифицировать рынки сбыта своих товаров, источники получения топлива и сырья, пути сообщения с внешними рынками и поставщиками топлива и сырья. Россия хотела бы создать альтернативные рынки для товаров своего экспорта и создать коммуникации для их доставки. Важная задача России заключается в наращива-

нии несырьевого экспорта, и громадный китайский рынок может этому поспособствовать. И Россия, и Китай стоят перед необходимостью сбалансировать национальное экономическое пространство, используя потенциал взаимного экономического сотрудничества, подтянуть отстающие периферийные территории к среднестрановому уровню.

Однако быстрое развёртывание институтов экономического сотрудничества происходит при запаздывании создания соответствующей инфраструктуры, обеспечивающей взаимных связи, и сложностях корректировки внутреннего нормативного регулирования, в котором сильна инерция традиций протекционизма. Кроме того, взаимные связи сдерживает различная бизнес-культура и отсутствие должного коммерческого доверия. (Иванов, 2017). На практическое воплощение проектов сотрудничества отрицательно влияет и санкционная активность Запада, отпугивающая китайских инвесторов и сужающая финансовые возможности российских компаний, а также несовпадающие экономические интересы, обусловленные особенностями национальных стратегий развития. За 2013–2016 гг. товарооборот стран сократился, но значительно меньше, чем с ЕС – на 24%. Но в 2017–2018 гг. он на такой же процент ежегодно увеличивался.

Торговля между РФ и КНР, так же как и РФ и ЕС построена на основе модели обмена топлива, сырья, материалов на готовые изделия с высокой добавленной стоимостью. Разница в том, что у РФ с КНР складывается отрицательный торговый баланс, а с ЕС – он устойчиво положительный. Это объясняется различиями в объёмах российского экспорта углеводородов. В ЕС он многократно больше, чем в КНР. В 2017 г. в ЕС из РФ было поставлено 177 млн т нефти и 194 млрд м³ природного газа. В КНР же было экспортировано около 53 млн т нефти. В части же импорта Китай предлагает схожий ассортимент товаров, что и Европа, но с более выгодным для российских потребителей соотношением цена/качество.

Отраслевая структура инвестиции КНР в РФ в целом повторяет товарную структуру российского экспорта в Китай. В них преобладает нефтяная и газовая промышленность и нефтехимия, добыча металлургического сырья, а также лесная промышленность. Возрастают вложения в производство сельскохозяйственной продукции. Однако в накопленных прямых инвестициях России доля КНР пока не превышает 5%. Инвестиции из стран ЕС не только многократно больше по объёму, но и значительно более диверсифицированы по отраслям.

По связанности экономики с РФ КНР также заметно уступает ЕС (см. табл. 2). Для её измерения использовался коэффициент торгово-экономической связанности (КТЭС), в котором объём взаимной торговли соотносится с суммарным ВВП России и её партнёров (в номинальном виде). Полученная величина умножается на 100. За 2013–2018 гг. теснота торговых связей экономик РФ и ЕС, РФ и КНР сократилась, что означает более медленный рост торгового оборота по сравнению с суммарным ВВП или в случае с ЕС более сильное падение торговли в сравнении с падением суммарного ВВП. Но если для КТЭС РФ и КНР характерно плавное снижение, то КТЭС РФ и ЕС совершил резкое падение в 2013–2016 гг., что явилось отражением совместного влияния геополитики и сложившейся модели товарообмена.

В 2017–2018 гг. КТЭС с ЕС и КНР увеличился в связи с быстрым ростом торговли. Но у КНР этот показатель рос быстрее и достиг уровня 2013 г., чего не скажешь о ЕС. Тем не менее, КТЭС РФ и ЕС в 2 раза превышает КТЭС РФ с КНР.

Геополитическое партнёрство КНР и РФ не в состоянии преодолеть сдерживающее действие слабой инфраструктуры, сложившейся модели товарообмена и разных бизнес-культур, а также в пространственных пропорциях экономики, сложившихся в странах: в РФ 70% экономики расположено в европейской части страны, а в Китае примерно столько же в его приморской и центральной частях (Самбурова, 2014). Это означает, что наиболее сильные в экономическом плане регионы КНР и РФ разделяют 8–10 тыс. км внутриконтинентального евразийского пространства.

Евразийский союз к настоящему времени превратился в ядро экономического сотрудничества на постсоветском пространстве. Внутренний товарооборот в абсолютном выражении значительно меньше, чем торговля с ЕС и КНР: 67 млрд долларов в 2013 г., 41,4 млрд дол. в 2016 г., 53,1 млрд дол. в 2017 г. и 59,7 млрд в 2018 г⁴. Но КТЭС РФ и стран ЕАЭС значительно выше, соответственно: 2,56, 2,76, 2,92 и 3,00. При этом он увеличивался, несмотря на значительные перепады во взаимной торговле. Это объясняется значительным падением ВВП при его пересчёте в доллары, в связи со значительным падением курса рубля в 2014–2016 гг. Более высокий КТЭС объясняется также унасле-

⁴ Внутренний товарооборот ЕАЭС исчислен как сумма взаимного экспорта стран-участниц.

дованными от советского времени торгово-экономическими связями, которые по-прежнему составляют основу взаимного товарооборота.

Рынок стран ЕАЭС и СНГ для России важен с точки зрения экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью, а также импорта рабочей силы. Нарастание внешней торговли России и с её партнёрами по ЕАЭС зависит от наращивания производственной кооперации на новой технологической основе и взаимных инвестиций, которые всё ещё невелики. Пока внутренняя связанность стран ЕАЭС, на мой взгляд, недостаточна для превращения этого интеграционного объединения в привлекательный центр Большого евразийского партнерства. Однако в этом контексте обнадеживающими выглядят совместные усилия стран ЕАЭС по обслуживанию трансконтинентального контейнерного транзита.

Активизация транспортного сотрудничества

При разных подходах и идеях к проекту «Большая Евразия», основу его конструкции будут составлять *трансматериковые коммуникации или коридоры*, а также *коридоры регионального характера (субконтинентальные)*, связывающие отдельные регионы России с прилегающими странами. В этом отношении важным позитивным итогом евразийской интеграции стало уверенное продвижение в направлении создания общего рынка транспортных услуг (ОРТУ). Центральное место в формировании ОРТУ занимает Россия, которая располагает разнообразными, действующими и потенциальными транзитными маршрутами. В основе её транзитного потенциала – соседство с ЕС, а также с Белоруссией и Украиной – на западе, Китаем, Монголией, Японией и Южной Кореей – на востоке, странами Центральной Азии – на юге, выход к морям трёх океанов. Всего на соседей, с которыми РФ связана сухопутными коммуникациями, приходится более половины мировой торговли и более 2/5 мирового ВВП.

Россия и её партнёры по ЕАЭС располагаются между ЕС и КНР, объём торговли между которыми в 2018 г. составил около 700 млрд долларов. Взаимоположения стран-участниц обуславливает рост транзитного потенциала при согласованной транспортной и таможенной политике Беларуси, Казахстана и России, а также и других постсоветских стран, поскольку через них проходят трансконтинентальные транспортные коридоры.

С 2012 г. происходит активное включение ЕАЭС в обслуживание трансконтинентального контейнерного транзита на направлении КНР – ЕС по Транссибу и Северному коридору Трансазиатской железнодорожной магистрали. Развитие транзитных трансконтинентальных контейнерных перевозок по этому направлению совпало с обострением геополитических противоречий России с Западом и началом реализации Китаем мегапроекта «Один пояс – один путь». В немалой степени этому способствовал и запуск проекта Единого экономического пространства в рамках ЕврАзЭС и началось формирование Общего транспортного пространства будущих стран ЕАЭС. Евразийская интеграция в результате постепенного снятия межгосударственных барьеров на пути товаров и услуг существенно повысила конкурентоспособность трансматерикового варианта перевозок между КНР и ЕС, которые в свою очередь стали важным фактором транспортной интеграции стран ЕАЭС. *Трансконтинентальный транзит* отличается наибольшей протяжённостью, предъявляет особые требования к скорости и качеству перевозки, требует логистического обслуживания высокого уровня, контроля движения грузов по маршруту в непрерывном режиме.

Интересы стран ЕАЭС в развитии трансконтинентального транзита связаны с тем, что он стимулирует модернизацию национального транспорта и логистики. Это улучшает условия их участия во внешней торговле, что особенно важно при внутриматериковом положении большей части пространства евразийской интеграции, способствует товарной диверсификации экспорта, улучшает транспортные возможности развития национальной экономики. Современные транспортно-логистические системы способствуют наращиванию несырьевого товарного экспорта из ЕАЭС в КНР и другие страны.

Интерес КНР к евразийскому транзиту связан с возможностью быстрой доставки продукции (готовых изделий и комплектующих) на рынок Европы и стран Западной Азии. При этом около 97% объёмов взаимных поставок между Европой и Китаем обслуживается морским транспортом, а остальное примерно поровну приходится на авиационный и железнодорожный транспорт⁵.

Более быстрый и надёжный способ доставки товаров на внешние рынки по суше позволяет повысить конкурентоспособность китай-

⁵ Большая часть китайской торговли приходится на Германию (38%), Нидерланды (16%), Францию (12%), страны Прибалтики и Южной Европы.

ских товаров, укрепить их позиции на внешних рынках⁶. В связи с этим грузоперевозки по сухопутной части Шёлкового пути входят в числе приоритетных направлений развития для КНР, несмотря на то, что объёмы сухопутных грузоперевозок пока несопоставимы с перевозками по морю.

Скоростной контейнерный транспорт создаёт предпосылки для развития Западного Китая, преодоления его внутриматериковости, поскольку многие районы Синьцзян-Уйгурского автономного района находятся на максимальной удалённости от океанов. На значительном расстоянии от моря находятся и многие крупные промышленные города центральной части страны. В воссоздании «Шёлкового пути» просматривается стремление КНР максимально дифференцировать варианты сообщения с мировыми рынками для обеспечения геополитической устойчивости своей экономики и улучшить условия развития городов и регионов, удалённых от моря. Дифференциация сообщений в свою очередь повышает конкурентность этого сегмента транспортно-логистического рынка. Для КНР развитие скоростных трансконтинентальных перевозок – способ внедрения своих технологий на транспорте постсоветских стран и увеличения производственной загрузки профильных отраслей экономики. Создание трансконтинентальных транспортных коридоров укрепило позиции Китая в торговой войне с США. Евразийский транзит стал одним из направлений сопряжения проектов ЕАЭС и Экономического пояса Шёлкового пути (ЭПП), что частично сняло обеспокоенность РФ по поводу быстрого развития экономических отношений Китая со странами ЕАЭС.

Перевозки между Китаем и Европой осуществляются как по Транссибу, так и по Северному коридору ТСЖ. При этом казахстанский вариант как более короткий (примерно на 1 тыс. км) и с большим пробегом по китайским железным дорогам (около половины всего маршрута) оказался более востребованным для главных поставщиков товаров, расположенных в центральной части Китая (города Чунцин, Сиань, Ухань, Чэнду и т.д.), на европейский рынок. К казахстанскому маршруту тяготеет также большая часть торгового потока между

⁶ Сокращение срока доставки контейнера до 16 суток против 40 при стоимости груза в контейнере 100 тыс. долл. может обеспечить дополнительную прибыль в 329 долл. США в пересчёте на один контейнер за счёт экономии процентных платежей (Раровский, 2017, с. 124).

КНР и странами Центральной Азии и значительная часть торговли с европейской частью РФ. Только пятая часть российско-китайского товарооборота приходится на ближние к Китаю регионы России. Более 70% товарооборота приходится на европейские регионы, удалённые от ближайшего пункта пропуска на российско-китайской границе на 4–6 тыс. км. На Москву в 2017 г. по данным Федеральной таможенной службы (ФТС), пришлось около 45% общего товарооборота РФ и КНР, но основная его часть происходит пока по морю.

К транзиту по Транссибу с точки зрения общей протяжённости пути в Европу тяготеют в основном северные и северо-восточные регионы КНР. Выход к ним обеспечивают четыре пограничных пункта пропуска Гродеково и Махалино в Приморском крае, Забайкальск в Забайкальском крае и Наушки в Республике Бурятия, а также морские порты на Дальнем Востоке, в которых имеются контейнерные терминалы.

Перелом транзитных контейнерных перевозок в пользу казахстанского варианта произошёл в 2015 г. В 2014 г. основная часть транзита на направлении КНР – ЕС – КНР шла через Забайкальск, а уже в 2016 г. 2/3 объёма контейнерных железнодорожных перевозок выполнялась через казахстанские пограничные пункты пропуска (Раровский, 2017).

Рост доли сухопутных маршрутов в транзите грузов из Китая в Европу в 2017 г. вырос до 2%, при этом 70% этих перевозок пришлось на трансказахстанский маршрут⁷. Спрос компаний КНР на трансматериковый транзит стимулируется субсидиями из провинциальных и городских бюджетов. Однако по мере роста объёма железнодорожных перевозок и их ускорения, а также сдвига экономики КНР на запад, значение субсидий для привлечения транзита будет сокращаться. Следует отметить, что КНР оказывает весьма значимую поддержку и своему морскому транспорту, стимулируя конкуренцию разных видов транспорта для обслуживания своей внешней торговли⁸.

Тем не менее развитие межконтинентального транзита – важный фактор евразийской интеграции. Он стал результатом совместных усилий стран ЕАЭС, что позволило выйти на мировой рынок транс-

⁷ Пресс-служба АО «НК «Қазақстан темір жолы». Инвестиционные возможности транспортно-логистических объектов Казахстана презентованы в Шанхае. 12.04.2018. URL: <https://www.railways.kz/ru/news/azastanny-kliktiklogistikaly-nysandaryn-investitsiyalau-mmkindigi-shankhayda-tanystyryldy> (дата обращения: 24.04.2018)

⁸ Analysis of selected measures promoting the construction and operation of greener ships / OECD. 2017. P. 21–22.

континентальных перевозок с общим транспортно-логистическим продуктом и шире использовать потенциал транзитного положения. Центральной платформой реализации транзитного потенциала ЕАЭС стала «Объединённая транспортно-логистическая компания Евразийский железнодорожный альянс» (ОТЛК ЕРА), созданная в 2014 г. с участием российских, казахстанских и белорусских железных дорог и организующая движение контейнерных поездов на маршруте Достык – Брест. В 2017 г. на компанию приходилось 64% всех широтных контейнерных перевозок⁹. В 2018 г. перевезла более 280 тыс. контейнеров ДФЭ (в 2015 г. – 100 тыс.), организуя движение более 2500 контейнерных поездов между 52 городами Европы и Китая¹⁰. В 2025 г. их объём может достигнуть 1 млн ДФЭ¹¹.

ОТЛК ЕРА – пример связи интеграции и инноваций, сопряжения ЕАЭС и концепции «Пояс и путь», взаимосвязи внешних и внутренних условий развития национальной экономики. Её деятельность создаёт предпосылки для углубления интеграции на новой технологической, в том числе и цифровой основе, поскольку благодаря внедрению электронных «пломб» и единого электронного перевозочного документа по всему маршруту перевозки происходит заметное ускорение таможенного оформления транзитных контейнерных поездов. Высокотехнологичные транзитные сообщения позволяют странам ЕАЭС расширять их коммуникации с мировым рынком и одновременно наращивать экспорт транспортных услуг. Совместная деятельность по наращиванию трансконтинентального транзита, безусловно, будет способствовать формированию к 2025 г. общего рынка транспортных услуг ЕАЭС.

Таким образом, повышение роли России в трансконтинентальных перевозках стало следствием как политической и экономической трансформации постсоветского пространства, так и усиления полицентричности мировой экономики и её трансрегионализации. Рост транзитного потенциала рассматриваемых стран был обусловлен со-

⁹ Новые горизонты. Годовой отчет РЖД. ОАО РЖД, 2018. С. 63.

¹⁰ Президент ОТЛК ЕРА выступил на итоговом заседании технико-экономического совета Белорусской железной дороги 6 февраля 2019 г. URL: <https://utlc.com/news/president-otlk-era-vystupil-na-itogovom-zasedanii/>

¹¹ Плетнев С. 2018. ОТЛК ЕРА ставит задачу выйти на объём транзита в миллион контейнеров. Первые лица. 18.05.2018. URL: http://www.gudok.ru/first_person/?ID=1418615 (дата обращения 20.06.18)

вокупным влиянием национальных интересов, евразийской интеграции и быстро растущим внешним спросом на транзитные перевозки. В этой связи транспортные новостройки стран ЕАЭС и его постсоветских соседей повышают не только их транзитный потенциал, но и всего постсоветского пространства. Под влиянием внешнего транзитного спроса повышается транспортно-логистическая связанность всего постсоветского пространства и в этом смысле она противодействует дезинтеграционным процессам (Вардомский, Тураева, 2018)

Повышение транспортно-логистического уровня национально-го транспорта стран ЕАЭС создаёт предпосылки для формирования сети зон свободной торговли ЕАЭС и заинтересованных стран. Тем самым вокруг ядра в виде ЕАЭС будет формироваться более широкий интеграционный контур (Винокуров, 2017). Первые зоны свободной торговли с Вьетнамом и Ираном уже запущены. В мае 2018 г. было подписано соглашение между ЕАЭС и КНР о торгово-экономическом сотрудничестве, рассчитанное на углубление взаимодействия в различных сферах экономики.

Перспективы трансконтинентального транзита в решающей мере зависят от развития взаимной торговли стран Евразии¹², от того, как на ней скажутся торговые войны США с ЕС, КНР и другими странами. С технической стороны, главным ограничителем для динамичного наращиванию перевозок становится недостаточная пропускная способность пограничных пунктов пропуска на границах ЕАЭС с ЕС и Китаем, связанная с существующими различиями в ширине железнодорожной колеи. Для преодоления этого предлагается расширить контейнерный транзит через Калининградскую область, а также через порты Балтийского моря России и её соседей.

Прогнозные оценки исходят из того, что трансконтинентальный транзит может к 2025 г. занять около 5% от общего объёма контейнеров, перемещаемых между Востоком и Западом Евразии¹³.

Бурное развитие трансконтинентального транзита и выдвигаемые странами международные транспортные проекты свидетельствуют о

¹² Важную составляющую потенциала трансатлантического транзита составляет взаимная торговля ЕС и Японии (в 2018 г. товарооборот более 160 млрд дол.) и Южной Кореи – более 120 млрд дол.

¹³ Президент ОТЛК ЕРА выступил на итоговом заседании технико-экономического совета Белорусской железной дороги. 06.02.2019. URL: <https://utlc.com/news/prezident-otlk-era-vystupil-na-itogovom-zasedanii/>

возможности формирования евразийского транспортного партнёрства с участием КНР, ЕС, ЕАЭС, СНГ и ряда других стран материка. Это то, на что нацелена идея «Один пояс – один путь». Впрочем, не исключено, что возможное транспортное партнёрство – начальная стадия пока аморфной идеи «Большой Евразии», поскольку страны-участницы заинтересованы в устранении технических и институциональных «швов» на трансматериковых коммуникациях, в создание единой сети скоростных и высокоскоростных дорог и тем самым в улучшении общеэкономических условий своего развития.

О современной и потенциальной роли сибирского региона в Большой Евразии

Занимая громадную территорию в Евразии, Россия через экономические партнёрства может скреплять разные страны материка, используя положение и экономический потенциал своих регионов. Сегодня ведущее место во внешнеэкономических связях страны занимает Центральный федеральный округ. В 2018 г. на Центральное таможенное управление ФТС РФ (ЦТУ) пришлось более половины экспорта и около 63% импорта России. Десять лет назад эти доли составляли, соответственно, 43 и 59%. Речь идёт, разумеется, о таможенном оформлении товаров, а не о реальном местонахождении их производства и потреблении. Но поскольку товары продают и покупают в основном не прямые производители или потребители, а разнообразные посредники, то высокая доля Центральной России во многом объясняется растущей концентрацией торгово-посреднических и логистических компаний в Москве и Московской области, на которые приходится около 90% внешней торговли, оформляемой в ЦТУ.

В экспорте РФ доля ЦТУ немного ниже, чем в импорте, но при этом немного выше доля европейского вектора внешней торговли России. Так, в 2018 г. через ЦТУ прошло 64% экспорта в Германию и 65% импорта из неё, для КНР эти показатели составили 54 и 64%, для ЕАЭС – 53 и 63%. Иными словами, сегодня главный центр внешнеторговых связей России со странами Евразии находится в Центральной России, а точнее в Московском регионе, что подчёркивает европоцентричность и столичноцентричность российской экономики.

Сибирский же регион, к которому мы относим Тюменскую область, ХМАО, ЯНАО и регионы Сибирского федерального округа

(в изменённом в конце 2018 г. составе) занимает центральное в географическом смысле положение в России и на центральной меридиональной оси Большой Евразии. Но это положение – пока «спящий ресурс» развития этого региона. Но зато вполне реальна его функция «сырьевой кладовой» России и всего материка.

В 2018 г. из Сибири, по данным ФТС, было вывезено товаров на 65,8 млрд дол., основу которых составляли нефть и нефтепродукты, природный газ, лесные товары, руды и концентраты, чёрные и цветные металлы, продукция основной и органической химии – всё с невысокой добавленной стоимостью. В реальности стоимость экспортной продукции, произведённой в макрорегионе, была значительно больше, поскольку ФТС ведёт учёт вывозимой продукции, проходящей оформление в соответствующих ее территориальных подразделениях.

Импорт в регион составил в 2018 г. 11,8 млрд дол., что также не совсем соответствует реальному потреблению импортной продукции, чем это зарегистрировано в территориальных таможенных органах. Если руководствоваться данными региональных таможенных органов, то положительное сальдо внешней торговли региона составило 54 млрд дол. или примерно четверть от суммарного положительного сальдо РФ.

Особенности географии внешнеторговых связей этого региона связаны со структурой его экономики. Он является источником топлива и сырья для стран Европы и Северо-Восточной Азии. При этом Тюменская область с округами ориентируется в основном на европейский рынок, Иркутская область – на восточные, преимущественно китайский рынок. Остальные имеют смешанную географию. В регионе создана логистика для экспорта сырья, но не для качественной транспортировки готовых изделий. Будучи сырьевой базой России и многих стран мира, она постепенно отстаёт в развитии (Басарева, Михеева..., 2017), поскольку в регионе концентрируются начальные, низкодоходные звенья производственно-технологических цепочек добавленной стоимости. Кроме того, развитие сдерживают упоминавшееся выше внутриматериковое положение региона, удалённость от внешних рынков и недостаточно развитая транспортно-логистическая система.

В экспорте сибирского региона на страны ЕАЭС в 2018 г. пришлось около 5%, а в импорте – 7,7%. На мой взгляд, это немного, учитывая широкое соседство региона с Казахстаном. Доля КНР в экспорте региона составляла 18,8%, а в импорте – 25,6%. Доля ЕС находилась на среднероссийском уровне.

Ограниченная по объёму торговля Сибири со странами ЕАЭС объясняется не только удалённостью Беларуси и Армении. Во многом это связано с тем, что свобода трансграничного движения товаров, людей, капиталов и услуг пока слабо используется компаниями стран-участниц (Вардомский, 2017). Медленное развитие взаимной торговли связано с тем, что действие институтов, обеспечивающих взаимную либерализацию сотрудничества, блокируется внутренними регулятивными мерами или, иными словами, сохраняющимся явным или скрытым национальным протекционизмом. Кроме того, торговлю сдерживает низкое качество обслуживающего её транспорта и логистики.

Учитывая имеющиеся ресурсы и географическое положение, регион может играть значительно бóльшую роль в евразийской интеграции, модернизации экономики Центральной Азии и соседних с ней стран. Крупные городские центры региона: Барнаул, Иркутск, Красноярск, Новосибирск, Омск, Тюмень имеют необходимые предпосылки для превращения в фокусы новой комплементарности Сибири, Центральной Азии, Западного Китая и Монголии. Идея формирования международного региона «Сибирь – Центральная Азия» была выдвинута в начале 2000-х годов. Но тогда она опережала своё время. Сейчас в условиях ЕАЭС к этой идее следует вернуться, поскольку сильно вырос экономический потенциал Центральной Азии и её роль как евразийского транспортного моста.

В целом же без должного и очевидного эффекта евразийской интеграции трудно говорить об успешной реализации идеи «Большой Евразии».

В экономическом развитии сибирских регионов России ориентация на внешний спрос должна сочетаться с наращиванием внутреннего спроса. И в этом контексте создание международных транспортных коридоров (трансконтинентальных и субконтинентальных) одновременно повысит взаимную транспортную доступность российских регионов. Как показывает опыт Китая, конкурентному партнёрству регионов, их всестороннему взаимодействию, приводящему к «углублению» внутреннего рынка товаров, услуг, труда и капиталов, способствует организация разветвлённой системы скоростного внутреннего сообщения. При его наличии могут формироваться линейные агломерации, генерирующие эффекты пространственной концентрации экономики. Проекты по созданию скоростных и высокоскоростных маршрутов в России начнут активно реализовываться в 2020–2030 гг.

К сожалению, в списке проектов практически нет сибирских маршрутов и международных маршрутов, связывающих страны ЕАЭС¹⁴.

Для того чтобы евразийская интеграция стала весомым фактором развития зауральских регионов, нужны новые производства и новые товары взаимной торговли. Поэтому не стоит откладывать переход к проектному принципу развития ЕАЭС. Соответствующая работа начинается, но она должна проводиться более активно на уровне и стран-участниц, и Евразийской экономической комиссии. В настоящее время реализуемые в странах национальные проекты выполняются в однотипных производствах и приводят к конкуренции на общем рынке, которая нередко оборачивается использованием разного рода нетарифных методов ограничения импорта из стран-партнёров. Задача же заключается в формировании новой специализации экономик на внутриотраслевой основе с образованием трансграничных цепочек добавленной стоимости.

Усиление проектной составляющей должно иметь и региональное измерение. Пока в интеграционных процессах доминируют национальный уровень и уровень субъектов хозяйствования без увязки интеграции с решением проблем развития регионов стран-членов ЕАЭС. Координация стратегий стран для формирования специализации в рамках новой индустриализации должна подкрепляться координацией стратегий развития регионов, прежде всего приграничных. В рамках такой координации необходимо создавать особые зоны и территории опережающего развития в сибирских и уральских регионах России, в смежных областях Казахстана при ориентации на рынки ЕАЭС и всей Центральной Азии с прилегающими районами Китая, Монголии, Афганистана и Ирана, которым нужны товары разной технологической сложности, эффективные в сочетании с дешёвой рабочей силой. При этом следует учитывать, что страны Центральной Азии и Монголия развиваются довольно высокими темпами, в Китае происходит сдвиг экономики на Запад, в России на северо-восток в связи с освоением месторождений углеводородов в арктических регионах. Тем самым улучшается геоэкономическое положение Сибири и укрепляются её позиции как тыловой базы развития российского Дальнего Востока.

¹⁴ Инновационный дайджест РЖД [Электронный источник]. – Режим доступа: http://www.rzd-expo.ru/innovation/high_speed_traffic_and_infrastructure/prospects_for_the_development_of_high_speed_movement_in_russia.php.

Таким образом, при переходе к практической реализации концепции «Большого евразийского партнерства» следует в полной мере учитывать специфику отдельных российских регионов в контексте как их развития, так и роли в укреплении экономической связанности стран партнерства.

Литература

- Басарева В.Г., Михеева Н.Н.* Сибирский федеральный округ: что мешает экономическому росту // Регион: экономика и социология. 2017. № 2 (94). С. 104–125.
- Безруков Л.А.* Географический смысл «Большой Евразии» // География и прир. ресурсы. 2018. № 4. С. 5–14.
- Вардомский Л.Б.* Об азиатском векторе трансформации экономического пространства России // Вопросы географии. № 141. Проблемы регионально развития России. М.: Издат. дом «Кодекс», 2016. С. 539–555.
- Вардомский Л.Б.* Постсоветская интеграция и экономический рост нового приграничья России в 2005–2015 гг. // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 23–40.
- Вардомский Л.Б., Тураева М.О.* Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов. Научный доклад. Институт экономики РАН, 2018. 66 с.
- Винокуров Е.Ю.* (Ред.) Евразийский экономический союз. СПб.: ЕАБР, Центр интеграционных исследований, 2017. С. 157–162.
- Гичиев Н.С.* Взаимодействие экономического роста с экзогенными условиями пространственного развития внешней торговли макро-региона // Региональные проблемы преобразования экономики. 2016. № 10. С. 83–91.
- Иванов И.С.* (ред.) Российско-китайский диалог: модель 2017 г. Доклад № 33. Российский совет по международным делам, ИДВ РАН, Институт международных исследований Фуданьского университета. М., 2017. С. 30, 38, 40.
- Кириенко А.П., Завьялова Е.О.* Влияние масштабов и структуры внешней торговли на социально-экономическое развитие (сравнительный анализ на примере Сибирского федерального округа) // Изв. Иркутской гос. экономической академии. 2014. № 3 (95). С. 27–35.

- Кузнецова О.В. «Восточный вектор» инвестиционных связей России // МЭиМО. 2018. № 2. С. 47–56.
- Коргун И.А., Кумо К. Внешняя торговля и экономическое развитие российских регионов в 2000–2012 гг. // Вест. Санкт-Петербургского ун-та. 2015. Сер. 5. Вып. 2. С. 47–71.
- Лисоволик Я.Д. Евразийский экономический союз и АСЕАН: оценка взаимодополняемости // Международные процессы. 2017. Т. 15. № 3. С. 46–54.
- Малкина М.Ю. Влияние прямых иностранных инвестиций на различия регионов РФ по уровню производства и динамику межрегионального неравенства // Пространственная экономика. 2017. № 4. С. 59–80.
- Портяков В.Я. Шэньчженьский камертон. М.: ИД «Форум». 2017. С. 3, 85–101.
- Раровский П.Е. Пути повышения эффективности экспорта транспортных услуг на транссибирском контейнерном маршруте // Российский внешнеэкономический вестник. 2017. № 1. С. 119, 124.
- Савченко А.Б. Территориальное развитие России как ведущего экспортера на глобальных сырьевых рынках. М.: Дело, 2014. 276 с.
- Самбурова Е.Н. Региональные диспропорции современного развития региональной экономики Китая // Вест. МГУ. Сер. 5. География. 2014. № 4. С. 49–55.
- Яковец А.В., Растворцев Е.Е. Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений. Научный доклад. М.: МИСК, 2017. 63 с.

УДК 332.1, 913

Этапы освоения геопространства и изменение стратегического выбора России в Евразии

© 2019 г. А.Б. Савченко, Е.А. Воробьева

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия

Stages of geospace developing and change of strategic choice of Russia in Eurasia

A.B. Savchenko, E.A. Vorob'eva

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

savchenko_alex@mail.ru; maura@inbox.ru

Application of new types of energy for transportation of people and goods, has changed and is still changing their volume, speed and trajectory, i.e. space-time characteristics of geospace, set stages of its developing. At the first, pre-machinery stage, these characteristics were determined by the space-time concentrations of muscular and wind energy; at the second, machine stage, by heat and electrical energies, and the use of muscular energy is subordinated to them. Now the way of geospace developing is changing again, its third, digital stage begins – to the priority is the coverage of real space by cyberspace, when geospace characteristics are determined by the density of data networks used to control the flows of energy, goods, people. At every stage of geospace developing, Russia invariably faced the problem of strategic choice in Eurasia: either to strengthen its presence in Asia, or to prefer other strategic directions as priority ones. Three times the choice was made in favor of Asia, demonstrating the historical trend. At the pre-machinery stage – in favor of the North of Asia, when Russia once and for all became a European-Pacific power. In the transition from the pre-machinery to the machine stage, the choice was made in favor of the Central Asia and, indirectly, the Far East instead of Alaska. The transition from the machine phase to the digital choice is made in favor of Greater Asia as a whole - with clearly distinguished several strategic directions, activities for which have a distinct specificity – instead of the United States and their Anglo-Saxon allies with very significant differentiation of activity in the EU. The main reasons for the strategic choice at each stage were structural and economic, determined by the needs of mastering the appropriate technological order and inclusion in diverse global markets, the geopolitics was usually only their background.

Key words: *geospace, global markets, Russia, strategic choice, technological orders, waves of colonization.*

Появление новых видов энергии, используемой на транспорте и расходуемой на перемещения людей и грузов, изменяло и изменяет их объёмы, скорости и траектории, т.е. пространственно-временные свойства геопространства в ходе его освоения. На первом, домашнем этапе эти свойства

определялись пространственно-временными концентрациями мускульной и ветровой энергии; на втором, машинном этапе – тепловой и электрической, а применение мускульной энергии, оказывается подчинённой им. Сейчас способ освоения геопространства опять меняется, наступает его третий, цифровой этап – в приоритете охват реального пространства киберпространством, когда свойства геопространства определяются плотностью сетевых потоков данных, используемых для управления потоками энергии, грузов, людей. На каждом этапе освоения геопространства Россия неизменно сталкивалась с проблемой стратегического выбора: либо усиливать присутствие в Азии, либо предпочесть иные стратегические направления в качестве приоритетных. Трижды выбор совершался в пользу Азии, демонстрируя исторический тренд: на домашнем этапе – в пользу Севера Азии, когда Россия раз и навсегда стала европейско-тихоокеанской державой. При переходе от домашнего этапа к машинному выбор был сделан в пользу Средней и Центральной Азии и, косвенно, Дальнего Востока взамен Аляски. При переходе от машинного этапа к цифровому выбор делается в пользу Большой Азии в целом – с чётко выделяющимися несколькими стратегическими направлениями, активности по которым обладают чёткой спецификой, – взамен США и их англосаксонских союзников при весьма значительной дифференциации активности в ЕС. Главные причины стратегического выбора на каждом этапе были структурно-экономическими, обусловленными потребностями освоения соответствующего технологического уклада и включения в те или иные глобальные рынки; геополитика обычно была только их фоном.

Ключевые слова: *волны освоения, геопространство, глобальные рынки, Россия, стратегический выбор, технологическиеклады.*

Этапы освоения геопространства

Шкалу исторического времени эволюции геопространства в самых общих чертах задаёт появление новых видов энергии, используемой на транспорте и расходуемой на перемещения людей и грузов, что изменяло и изменяет их объёмы, скорости и траектории, т.е. пространственно-временные свойства геопространства в ходе его освоения. Здесь можно выделить три основных этапа: на первом, домашнем этапе пространственно-временные свойства определялись пространственно-временными концентрациями мускульной энергии, а также ветровой; на втором, машинном этапе – тепловой и электрической, а применение мускульной энергии оказывается подчинённой им; наконец, на третьем, цифровом этапе пространственно-временные свойства геопространства определяются пространственно-временными концентрациями данных, определяющих пространственно-времен-

ные концентрации собственно энергии, данных, используемых для управления этими процессами (Савченко, 1977, 1988).

Каждый из подобных эпохальных этапов освоения геопространства характеризуется весьма специфическими пространственно-временными свойствами, часто лишь с трудом приспособляющимися друг к другу. Достаточно вспомнить трудности массовой автомобилизации фрагментов густой сети городов Западной Европы, сформировавшихся в своих основных морфологических чертах ещё в средневековье, в эпоху мускульных усилий, а не моторов. Разрешение этих трудностей потребовало глубоких изменений планировки таких городов (см. например, Рейхов, 1964).

Появление новых видов и форм энергии, расходуемой на перемещение, позволяющих резко наращивать её пространственно-временные концентрации, а, значит, резко повышать объёмы и скорости перемещений в системах расселения и их фрагментах, задаёт основные «придержки» их возможного роста (потенциального, не обязательно реализуемого). Так, если после 700 лет своего существования, к началу 1860-х годов Москва едва насчитывала 400 тыс. жителей, то за 50 пореформенных лет, сопровождавшихся бурным железнодорожным строительством (когда к Николаевской железной дороге, построенной в 1851 г., добавилось ещё девять железнодорожных направлений), население города увеличилось более чем в 3,5 раза, достигнув к 1910 г. 1,5 млн человек. С 1905 г. в Москве на трамвае была введена электротяга, трамвайная сеть бурно росла, обеспечивая возможность дальнейшего роста населения города, превысившего в 1917 г. двухмиллионный рубеж.

Если с началом машинного этапа, эпохи «угля и стали» способ освоения пространства определялся возможностями перевозки грузов и людей (железные дороги, судоходство), то с наступлением эпохи электричества и нефти решающим становилась близость к концентрированным источникам производства электроэнергии. Развитие городов также следовало этим принципам освоения пространства: на первом этапе они росли и процветали на железнодорожных и водных магистралях (особенно в местах их пересечений), на втором – у крупных источников электроэнергии (не случайно Мосэнерго была крупнейшей региональной энергосистемой СССР, а критичным фактором начала промышленной добычи нефти в Западной Сибири и сопровождавшего её роста городов был запуск Сургутской ГРЭС).

Сейчас способ освоения пространства опять меняется, наступает его цифровой этап – в приоритете возможности работы с информаци-

ей, охват реального пространства киберпространством. Комплексную проработку машинного и цифрового этапов освоения геопространства даёт Дж. Рифкин (2016), американский учёный, активно работающий в Европейском Союзе и консультирующий глав ряда ведущих европейских государств, включая А. Меркель. Он выделяет три промышленные (однако, как представляется, скорее инфраструктурные, а не промышленные – А.С.) революции, которые происходят, когда «в одной точке» сходятся одновременные изменения технологий в коммуникациях, энергетике и на транспорте. Первая: телеграф – (дешёвый) уголь – паровой двигатель; вторая: централизованные средства связи (телефон, радио, телевидение) – (дешёвая) нефть – двигатель внутреннего сгорания; платформа третьей промышленной революции (т.е. третий, цифровой этап освоения геопространства) строится прежде всего на интернете и дигитализации. Коммуникативный интернет достиг зрелости уже на финальном этапе второй промышленной революции, под которой подвёл черту глобальный кризис 2008 года. Теперь он сопрягается с цифровым интернетом возобновимой энергетики и цифровой системой GPS, которые скоро дополнят интернет самоуправляемого беспилотного транспорта и самоуправляемой логистики.

В той же логике «схождения в одной точке» или «соединения воедино», но теперь уже в рамках только одной – коммуникационной – составляющей цифровой трансформации экономики или «третьей промышленной революции» сложилось и организационно-технологическое ядро, инструмент реализации третьего, цифрового этапа освоения геопространства – «цифровая индустрия» – конвергенция трёх групп отраслей: «вычислительных средств» (аппаратные и программные средства), «телекоммуникаций (систем связи)» (интернет, теле-радио, спутник, мобильная телефония, кабель) и «контента (информационного наполнения)» (базы данных, медиа, развлечения). Составляющие технологического треугольника цифровой индустрии и созданной ею новой информационной – теперь уже цифровой – среды неуклонно повышают их технологическую и коммерческую взаимозависимость, тесно сращиваются в единый сектор экономики. Технологические, организационные и экономические предпосылки формирования «цифровой индустрии» были сформированы ещё в «аналоговую эру» как «новая информационная индустрия», включавшая, по сути, те же составляющие, но на ином технологическом уровне. Если в период становления (до середины 1990-х годов) в качестве движущей силы интеграции домини-

Таблица 1. Темп удешевления ряда цифровых технологий

Технология	Стоимость эквивалентной функциональности	Темп удешевления
Дроны	2007: \$100 000 2016: \$100	1000 раз за 9 лет
3D-печать	2007: \$40 000 2014: \$100	400 раз за 7 лет
Датчики (3D LIDAR Sensors)	2009: \$20 000 2014: \$79	250 раз за 5 лет
Солнечная энергетика	1984: \$30 за квт/ч 2014: \$0,16 за квт/ч	200 раз за 20 лет
Промышленные роботы	2008: \$500 000 2013: \$22 000	23 раза за 5 лет

Источник: И. Пичугин, руководитель отдела развития инновационной деятельности МФТИ <http://www.globalaffairs.ru/number/Bez-posrednikov-19355>

ривала вычислительная техника, то после наступления «эры интернета» ведущая роль перешла к средствам коммуникации и информационному наполнению, так как именно они стимулируют долговременный интерес потребителя и в решающей мере способствуют росту объёмов сбыта всей новой информационной индустрии (Tapscott, 1995; Тапскотт, 1999).

Некоторое представление о темпах наступления третьего этапа освоения геопространства, возможностей распространения цифровых технологий при его освоении даёт табл. 1.

Набирает популярность и концепция «четвёртой промышленной революции», которая была избрана главной темой форума в Давосе 2016 г. (Шваб, 2016). В «Четвёртой промышленной революции» К. Шваба к трём стадиям «Третьей промышленной революции» Дж. Рифкина, последней из которых выступает фаза Интернета, цифровой экономики и перехода на этой основе на массовое использование воспроизводимых энергоресурсов, добавлена четвёртая стадия «синтеза» физического, цифрового и биологического «миров». По сути это та же технологическая основа третьего этапа, цифрового освоения геопространства, акцент в трактовке которой сделан на возможностях синтеза в рамках третьего этапа (сильно модифицированных) технологических элементов первого и второго этапов.

Место России в Евразии по итогам первого и второго этапов освоения геопространства

Обсуждать место России в Евразии следует в каком-то содержательном контексте, задающем «систему координат» определения этого «места». Учитывая размеры самой Евразии, это может быть только глобальная система координат. В нашем случае – глобализация, становление и развитие глобальных рынков, системы межконтинентальной торговли.

Мир оказался охвачен постоянно развивающейся системой межконтинентальных обменов ещё на первом этапе освоения геопространства – новые, революционные для своего времени способы использования ветровой энергии позволили сделать это, создав океанский флот и возможность поддерживать регулярные трансокеанские связи. Можно более-менее точно указать время, место и организатора того технологического прорыва. Это произошло в первой половине XV в., на крайнем юго-западе Португалии в замке Сагреш, где принц, а затем король Энрике, прозванный Мореплавателем, собрал со всего доступного ему света сведущих людей, чтобы решить три взаимосвязанные задачи – разработку корабля, способного не меньше года находиться в открытом море и при этом нести какой-то дополнительный груз и(ли) десант; точное определение долготы и, наконец, разработку практичного способа удержания штурвала по компасу в режиме реального времени (Вернадский, 1977, 1981; Бродель, 1992; Соломонов и др., 2012). Все эти задачи были успешно решены и в результате европейцы совершили в XV–XVII вв. Великие географические открытия, начал формироваться мировой рынок, где всё более весомое место стали занимать межконтинентальные рынки (Бродель, 1992, 2007).

С начала XVI в. главенствующую роль в международных отношениях стали играть западноевропейские морские державы – последовательно Португалия, Голландия и Англия, которые выступали лидерами соответствующих этапов глобализации, имели межконтинентальные интересы и устанавливали жёсткий контроль над основными морскими коммуникациями вокруг Африки, в Индийском океане и вдоль тихоокеанского побережья Восточной Азии, добивались контроля над колониями или зависимыми азиатскими странами как важнейшими рынками. В случае Голландии и Англии это касалось ещё и торговых и финансовых институтов – Ост-Индских (и других подобных) компаний, товарных, а позднее фондовых бирж и банков. К середине XVIII в. Англия стала основной «владычицей морей» и окончательно утвердилась в Индии (Бродель, 1992, 2007, 2008).

Используя благоприятную конъюнктуру глобального рынка мехов, геополитические и другие условия овладения солидной ресурсной базой, Россия в XVII в. сформировала основной массив своей территории и опорный каркас расселения за Уралом, стала евроазиатской и тихоокеанской державой, элементом каркаса макротерриториальной структуры мировой экономики. Был сделан гигантский шаг её тер-

риториального развития, на который влияла глобальная экономика. Успехи освоения Севера и Арктики тогда были такими, что впечатляют и сегодня: когда за первые полвека были преодолены 4 тыс. км по прямой от Урала до Тихого океана (Охотск основан в 1647 г., на 56 лет раньше Петербурга). Таким образом, на первом этапе освоения геопространства произошёл первый стратегический выбор России в Евразии – выбор в пользу Севера Азии. Ещё раз подчеркнём выбор, совершённый благодаря или вследствие активного включения в глобальные экономические связи.

Территориальный массив Сибири, которым страна «приросла» в XVI–XVIII вв., остался её прочной и преобладающей по площади частью. Волны освоения (вплоть до «углеводородной» XX–XXI вв.) сменяли друг друга не слишком быстро, и каждая из них проходила по громадной территории в меру разведки её богатств, обеспечения доступа к ним и вывоза более грузоёмкой, чем прежде, продукции. Каждое из столетий, начиная с XVII в., вносило что-то своё в развитие Северных и Арктических территорий России. Важнейшую роль в развитии России эти территории сыграли в XVII и во второй половине XX – начале XXI вв., когда от экспорта, соответственно, пушнины и углеводородов, по сути, зависел бюджет государства. Освоение в целом носило исторически и географически волнообразный характер, будучи тесно связанным с добычей и экспортом ресурсов, определявших специализацию России на глобальных рынках соответствующей эпохи. Это были пушнина и отчасти металлы в XVII–XVIII вв., золото и лес в XIX в., то же золото, цветные металлы, алмазы, различные виды топлива, от угля до природного газа, в XX в., как показано на рис. 1, а–г (Савченко, 2013).

Долговременная динамика территориального развития России под воздействием участия в глобальных рынках сырья имела в своих самых существенных чертах импульсно-волновой характер. Вхождение на каждый новый рынок рождало в стране волны освоения – фронтальную или ряд концентрических. Они последовательно двигались в общем направлении с запада на восток в течение примерно векового периода, треть которого составляла кульминационная фаза, когда создавались важнейшие объекты и охватывались наибольшие территории, как показано в таблицах 2–6.

Кульминационная фаза движения волн территориального развития, когда создавались важнейшие объекты и охватывались наибольшие

Таблица 2. Характеристики «меховой» волны территориального развития России в XVII и в XVIII вв.

Аспект	Характеристика
Форма	Фронтальная
Ареал распространения	В XVII в.: бассейны рек Обь, Енисей, Лена, Индигирка, Яна, Колыма, Анадырь, Амур; в XVIII в.: острова северной части Тихого океана
Длительность	80 лет в XVII в.: 1600-е – 1680-е годы, плюс 50 лет в XVIII в.: 1740-е – 1780-е годы
Кульминационная фаза перестройки организационно-территориальной структуры	1637 г. – учреждение Сибирского Приказа
Кульминационная фаза перестройки территориальной структуры хозяйства	1630-е – 1650-е годы (30 лет) – основание острогов от Лены до Тихого океана

Таблица 3. Характеристики «корабельной» волны территориального развития России в XVIII в.

Аспект	Характеристика
Форма	Концентрическая очаговая
Ареал распространения	В XVIII в.: Северо-Запад, Нечерноземный Центр, Урал; в XX в.: Южный Урал, Кузбасс, Северо-Запад
Длительность	80 лет в XVIII в.: 1700-е – 1770-е годы, плюс 10 лет в XX в.: 1930-е годы
Кульминационная фаза перестройки организационно-территориальной структуры	1710-е годы (10 лет) – учреждение коллегий и губернская реформа
Кульминационная фаза перестройки территориальной структуры хозяйства	1700-е – 1720-е годы (30 лет) – основание главных мануфактур

Таблица 4. Характеристики «хлебной» волны территориального развития России в XIX – первой трети XX вв.

Аспект	Характеристика
Форма	Фронтальная
Ареал распространения	Черноземный Центр, Юг, Среднее и Нижнее Поволжье, юг Западной Сибири
Длительность	Более 110 лет в XIX и начале XX вв.: 1800-е – 1913-е годы
Кульминационная фаза перестройки организационно-территориальной структуры	1800-е – 1810-е годы (ок. 20 лет) – учреждение министерств; локальный максимум – 1892 г.: Комитет по строительству Сибирской железной дороги
Кульминационная фаза перестройки территориальной структуры хозяйства	1800-е – 1830-е годы (40 лет); локальный максимум – 1900–1913 годы (около 10 лет)

территории, занимала около трети примерно векового цикла жизни волны. Кульминационная фаза трансформации организационно-территориальной структуры, посредника между движущими силами и сдви-

Таблица 5. Характеристики «золотой» волны территориального развития России в XIX – первой половине XX вв.

Аспект	Характеристика
Форма	Фронтальная
Ареал распространения	В XIX в.: бассейны Енисея, Лены, Амура, Анадыря; в XX в.: бассейн Колымы
Длительность	100 лет в XIX – начале XX вв.: 1810-е – 1900-е годы, 40 лет в XX в.: 1920-е – 1950-е годы
Кульминационная фаза перестройки организационно-территориальной структуры	1800-е – 1810-е годы (около 20 лет) – учреждение министерств; локальный максимум – 1930 г. спецтрест «Дальстрой»
Кульминационная фаза перестройки территориальной структуры хозяйства	1840-е – 1870-е годы (до 40 лет); локальный максимум – с 1930-х годы (более 10 лет)

Таблица 6. Характеристики «нефтяной» волны территориального развития России в XX в.

Аспект	Характеристика
Форма	Смешанная: очагово- и фронтально-концентрическая
Ареал распространения	Северный Кавказ, Поволжье, Зап. Урал, Зап. Сибирь, Север ЕТС, Сахалин
Длительность	110 лет в конце XIX – XX вв.: 1890-е – 2000-е годы
Кульминационная фаза перестройки организационно-территориальной структуры	1939 г. – система промышленных наркоматов (с 1946 г. министерств)
Кульминационная фаза перестройки территориальной структуры хозяйства	1950-е – 1970-е годы (примерно 30 лет): освоение главных бассейнов

гами в территориальной структуре хозяйства, обычно опережала кульминационную фазу продвижения данной волны освоения. Примерно через полвека после кульминационной фазы следовал менее мощный и продолжительный локальный максимум, который продолжал на новом технологическом и организационном уровне прежнюю волну территориального развития как некое её эхо. Для меховой волны это был морской промысел, для «корабельной» и «золотой» – индустриальные технологии металлургии, лесной и горной промышленности, а для «хлебной» – капиталистические формы организации.

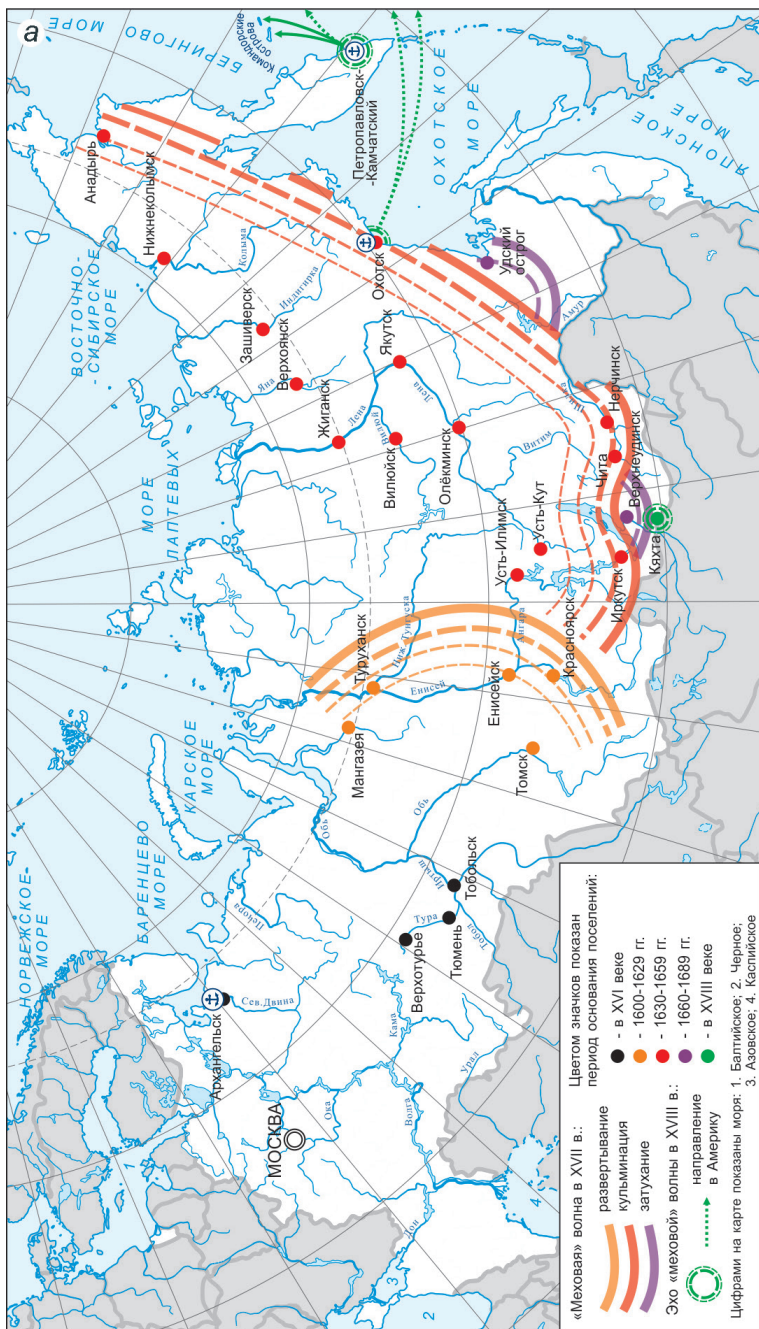
Центр тяжести территории страны шаг за шагом удалялся от центра её населения, плотность которого оставалась невысокой. Процесс всё же не мог продолжаться бесконечно. Местоположение центра территории российского государства менялось с начала XIX в. не очень сильно; с тех пор сохраняется его отрыв от центра населения на 2,5–2,6 тыс. км (рис. 2).

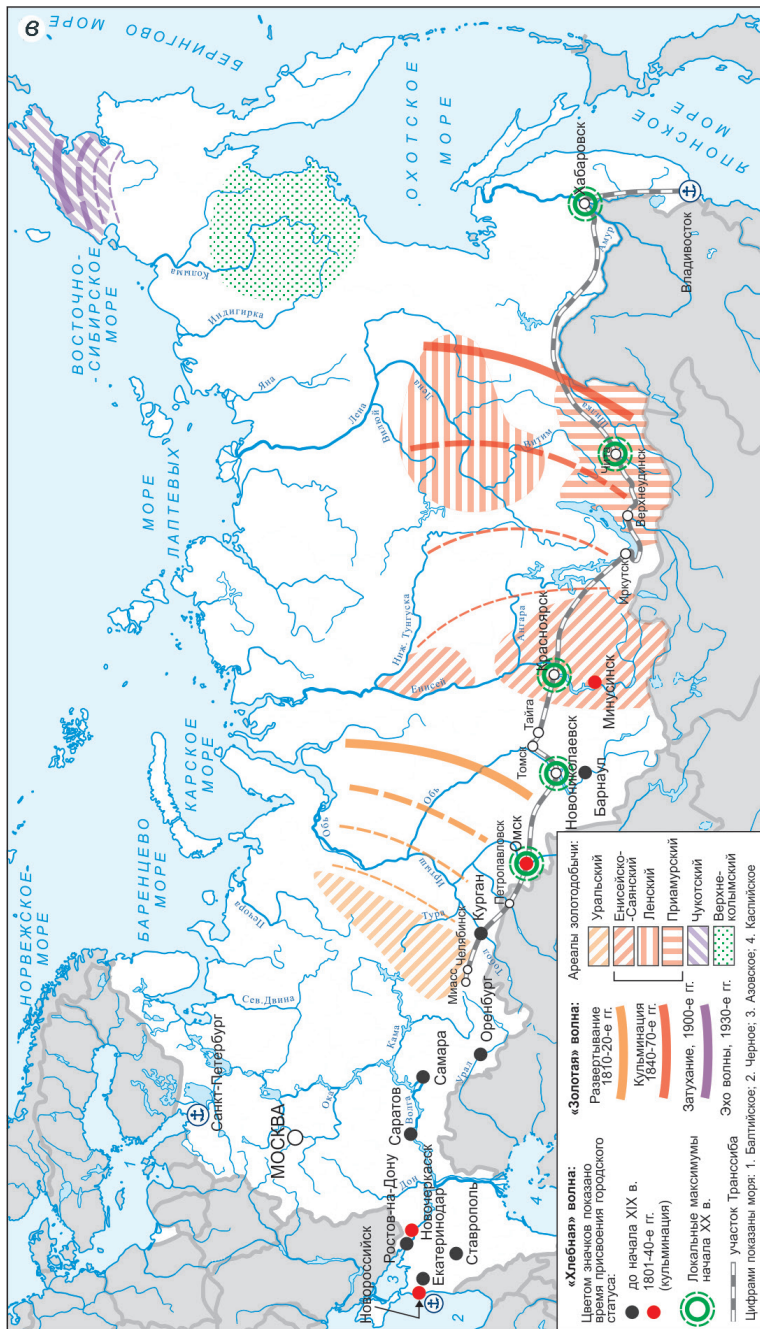
Начавшее на первом этапе освоения геопространства неуклонное укрепление позиций России в Северной Азии послужило надёжной базой её последующих евразийского стратегического выбора, происходившего и на втором, и на третьем этапах освоения геопространства по мере эволюции мировой геополитической ситуации и развития глобализации мировой экономики.

Историческое британско-российское соперничество за доминирование в Евразии, – «большая игра» XIX века – сводилось к конкуренции за получение инструментов влияния на неё – из центра в качестве сухопутной державы или с периферии в качестве державы морской. Началась она в самом начале XIX в., когда российский император Павел I (создавший, напомним, в 1799 г. Русско-Американскую торговую компанию и сформировавший одновременно Охотскую военную флотилию на Тихом океане) решил присоединиться к континентальной блокаде Наполеона и задумал сухопутный поход в Индию. Эти решения стоили императору в 1801 г. жизни, а потомки главного организатора того дворцового переворота графа Палена до сих пор живут на «туманном Альбионе». Соперничество только усилилось во второй половине XIX в. – для России это было начало второго, машинного этапа освоения геопространства, время бурного железнодорожного строительства. Великобритания нанесла тогда поражение Китаю в ходе развязанных ею Опиумных войн, обрекла Китай на «столетие унижений» и установила своё привилегированное военно-экономическое присутствие вдоль восточного побережья Евразии.

Россия сделала тогда в ответ свой второй стратегический выбор в Евразии и продала в 1867 г. США более 1,5 миллионов квадратных километров «снега и льда» Аляски ради высвобождения ресурсов для быстрого продвижения в Среднюю и Центральную Азию и окончательного закрепления на Дальнем Востоке. Усиление присутствия в соседних регионах Азии давало конкретные, «осязаемые» выгоды (хлопок, необходимый растущей промышленности, золото и нефть, помноженные на геополитические перспективы выхода к Персии, Индии и Китаю). В 1870-е – 1900-е годы в России ознаменовались бумом железнодорожного строительства. К 1916 г. трансконтинентальная железная дорога связала Санкт-Петербург и Москву и даже только что основанный на Баренцевом море незамерзающий Мурманск с Владивостоком на Тихом океане.

Продолжение второго этапа освоения геопространства России в советский период XX в. задавалось курсом на экономическую автаркию – сначала в рамках «отдельно взятой страны», а после второй

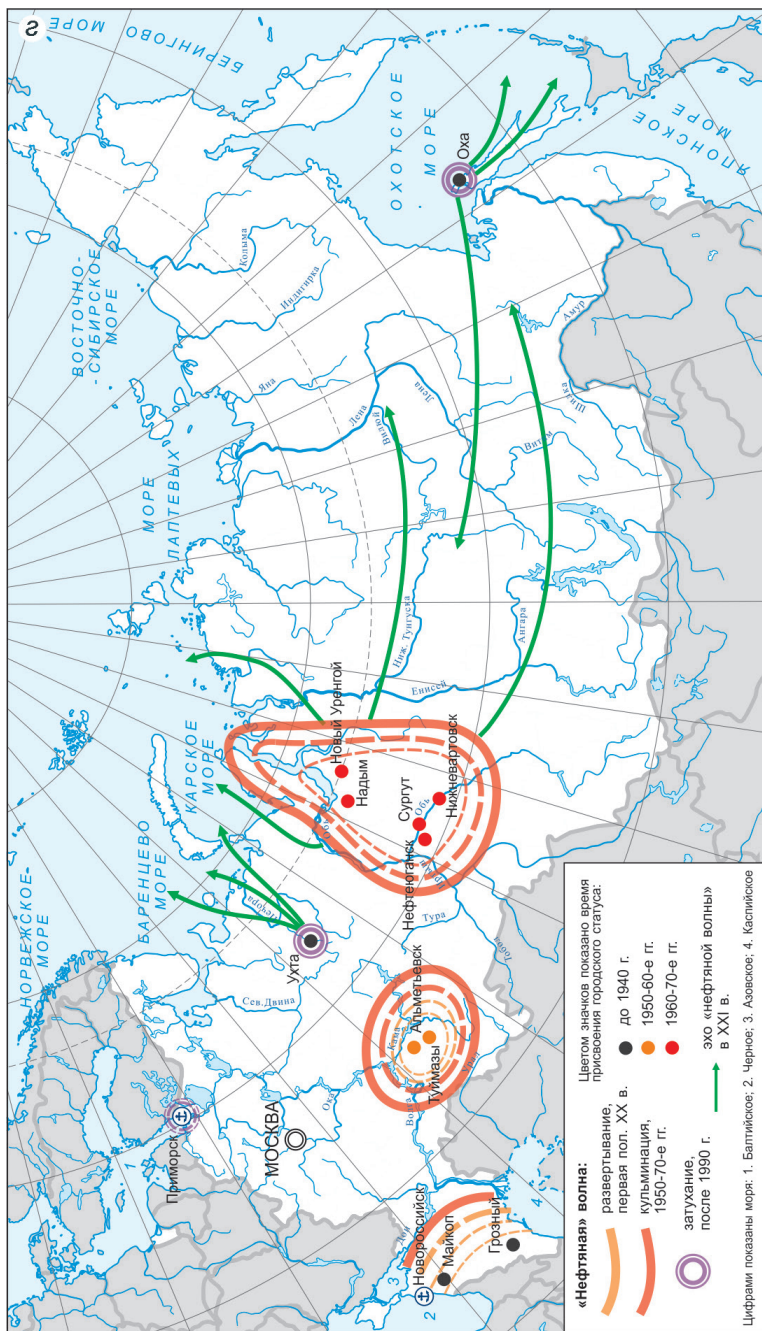

Рис. 1. Волны территориального развития России: « меховая » волна в XVIII в. (а), « корабельная » волна в XVIII в. (б), « золотая и хлебная » волны в XIX – начале XX вв. (в), « нефтяная » волна в XX в. (г)

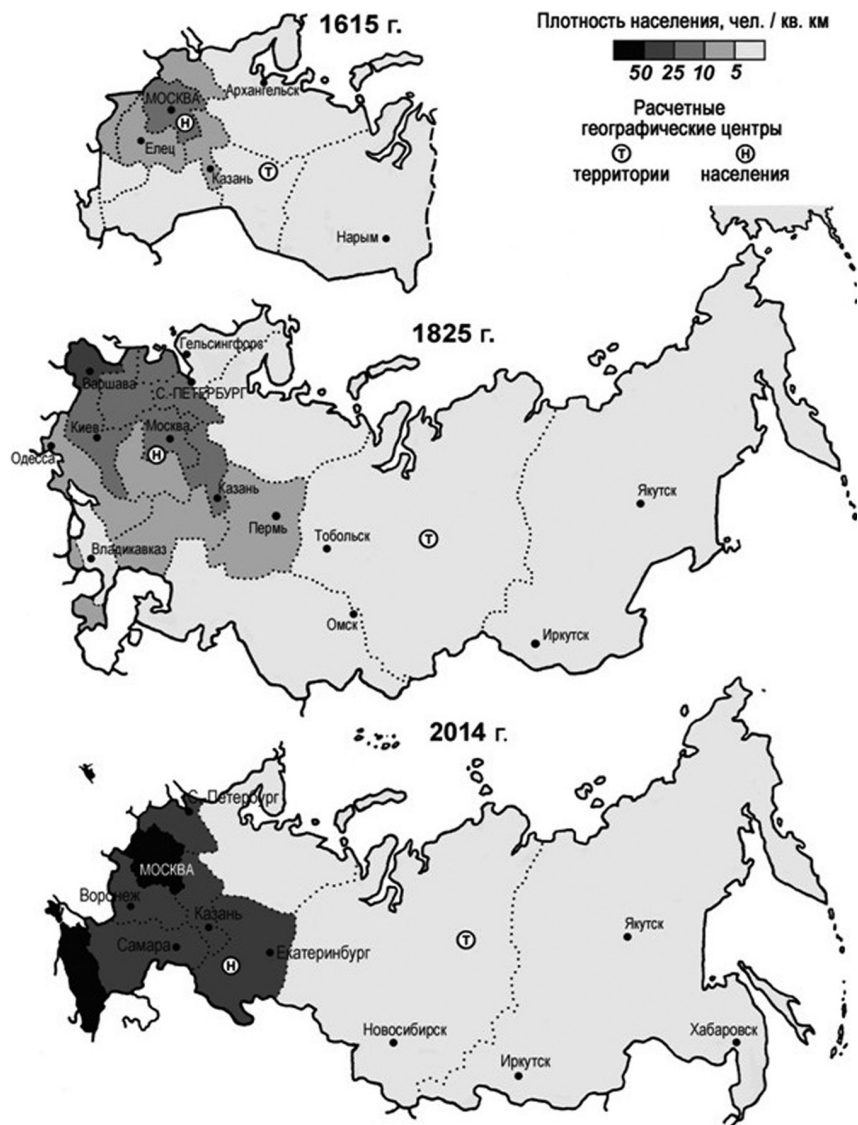

Рис. 2. Плотность населения частей Российского государства в 1615–2014 гг. и центры тяжести его территории и населения (Савченко, Тревиш, 2014)

мировой войны в рамках «мировой социалистической системы», но без полного отказа от участия в глобальном разделении труда. СССР форсировал развитие внутреннего, прежде всего межрайонного раз-

деления труда взамен международного в ситуации ослабления внешнеэкономических связей. После второй мировой войны эту политику распространили на сферу международного разделения труда в рамках СЭВа. Он строился как пространство бартерно-клирингового обмена с ценообразованием, только «учитывающим» цены мирового рынка. Характерно, что этот опыт изменения своей активности в Евразии в направлении Восточной и Центральной Европы, не подкреплённый реальным освоением глобальных рынков, а обусловленный главным образом геополитическими мотивами, устойчивых результатов не дал. Складывалась парадоксальная ситуация, когда все участники того искусственно сложенного интеграционного объединения имели основания обоснованно считать себя чем-то недовольными. Для СССР такая интеграция экономически была явно невыгодна. А после возвращения в глобальную рыночную экономику России к тому же не просто пришлось начинать «с низкого старта», а ещё и перестраивать весьма дорогостоящую инфраструктуру нефтегазового экспорта.

Становление третьего этапа освоения геопространства и новый стратегический выбор России в Евразии

Главная особенность нынешнего этапа глобализации состоит в том, что в результате распространения новой системы производства материальных ценностей, опирающейся на знания и высокие технологии, глобальным изменениям подверглись буквально все стороны современной жизни. Более того, на переходе к XXI в., революционные изменения произошли в самой природе власти – кардинально меняется баланс её основных источников, главных средств её достижения и сохранения на всех уровнях. Теперь знание стало источником самой гибкой, эффективной и высококачественной власти, такой, которая позволяет добиваться целей с минимальными затратами ресурсов. В качестве источника власти знание перестало быть приложением к насилию и богатству, а стало необходимым компонентом и средством их максимального усиления. В триаде источников власти – насилие, богатство, знание – именно знание и контроль над ним занимает в настоящее время лидирующие позиции (Тоффлер, 2001).

Изменение традиционного баланса эффективности источников власти неизбежно приводит к перераспределению власти между их держателями. Результатом этого революционного изменения природы

власти стала и будет ещё долго оставаться постоянная ревизия завоеваний всех прошлых революций – перераспределение власти между (макро)регионами, государствами, корпорациями, организованными социальными группами и внутри них. А это, в свою очередь, имеет и будет впредь иметь следствием нарастание неопределённости и нестабильности сразу на всех уровнях – от глобального до межличностного – и во всех сферах жизни: не только в сферах экономики, политики, обороны и науки, но и в фундаментальных основах воспроизводства человека и способов восприятия и познания им мира.

Цифровые технологии оказались наиболее доступным, мобильным и дешёвым генератором и драйвером изменений. Так, 25 лет назад не существовало ни одной из следующих крупнейших глобальных компаний: Uber – крупнейший пассажирский автоперевозчик не владел ни одной автомашиной; Airbnb – самая крупная площадка для аренды частного жилья не имел собственной недвижимости; Amazon – крупнейший ритейлер не имел собственных (физических) магазинов; Facebook – крупнейшая медиа-компания не производит медиа-контент. Все эти компании обеспечивают глобальное сетевое (т.е. через интернет) соединение непредставимых ранее количеств первичных производителей и конечных потребителей и экспоненциальный рост скоростей, объёмов, а также удобства соответствующих транзакций. Иными словами, они предоставляют возможности значительного роста скоростей, объёмов, а также удобства перемещений людей, товаров, услуг. Это и есть содержание третьего этапа освоения геопространства, когда природно-временная концентрация данных начинает влиять на перемещение вещества, когда уровень освоения киберпространства начинает определять способы и формы освоения геопространства.

Здесь надо иметь в виду, что перечисленные компании составляют только «верхушку айсберга» (хотя и очень весомую) глобальной цифровой индустрии – во-первых, подобные услуги оказываются множеством других игроков в самых разных отраслях: финансах, логистике, туристической индустрии, инжиниринге, медицине, госуслугах и т.д.; во-вторых, перечисленные компании, конечно, крупнейшие в мире, но у них нет недостатка в «агрессивных последователях», находящихся с ними в сложных отношениях «конкуренции-кооперации», во всяком случае, в макрорегиональных секторах интернета. В России, т.е. в секторе рунета, назовём такие примеры как, соответственно, Яндекс-такси, ЦИАН, Юла, Вконтакте. Именно широкое сетевое – распределённое

и скоординированное – взаимодействие контрагентов любого рода и в любых пространственных масштабах составляет суть третьего этапа освоения геопространства. Чёткая координация распределённых усилий в режиме реального времени способна обеспечивать гораздо большие конечные объёмы и скорости потоков людей, товаров, услуг, финансов по сравнению с их точечной концентрацией.

Переход к третьему этапу освоения геопространства сопряжён с коренной сменой технологического уклада, с цифровой трансформацией экономики, источником рисков и возможностей, с нарастанием многообразия рисков и уровня негативных последствий их реализации. Можно выделить минимум девять типов рисков неадекватной адаптации к темпам и масштабам цифровой трансформации (на фоне прочих глобальных изменений):

- технические – «техно-, цифрозависимость» = ревизия надёжности;
- политические – «отстать навсегда» = ревизия власти;
- экономические – «чемпионская экономика» = ревизия эффективности;
- коммерческие – «второй попытки» не будет = ревизия возможностей;
- юридические – «вы чьих будете?» = ревизия статусов;
- социальные – «структурная безработица» = ревизия перспектив;
- когнитивные – «ИИ наступает» = ревизия креативности;
- ментальные – «безвозвратная виртуальность» = ревизия гуманности;
- биологические – «грядёт И-эволюция» = ревизия натуральности.

Глобальный кризис 2008 г. ознаменовал окончание полувековой эпохи глобального роста, основанного на расширении рынков и распространении накатанных бизнес-моделей из традиционных экономических центров по всему остальному миру. Ей на смену пришли нестабильность как норма, смещение центров экономического развития и рождение нового мирового порядка через региональные кризисы, взрывообразное обострение конкуренции, всеобщую борьбу за снижение расходов и производительность. Параллельно стремительный технологический прогресс приводит к радикальному изменению бизнес-моделей. Идёт постоянное проникновение цифровых технологий практически во все традиционные отрасли, такие как транспорт, торговля, логистика, сфера услуг, ЖКХ, строительство, сельское хозяйство и формирование в них «новой продуктивности».

Формирование «цифровой индустрии» как организационно-технологического ядра цифровой трансформации мировой экономики создало технические и организационные возможности дальнейшего

развития глобальных инфраструктур, институтов и инструментов мировых рынков, позволяющих совершать всё расширяющееся количество хозяйственных операций в глобальном масштабе и в режиме реального времени, часто круглосуточно. Сложился самоподдерживающийся процесс, когда цифровая индустрия, решающим образом влияя на эффективность экономики в целом и материального производства в частности, может устойчиво развиваться только как явление глобальное. В то же время каждый шаг её развития, в свою очередь, стимулирует процесс глобализации мировой экономики, усиливает уровень глобализации инфраструктур, институтов и инструментов мировых рынков, модифицирует рыночное поведение участников глобализации, активизирует глобальные трансформационные процессы, воздействует на трансформационные процессы регионального и национального уровня, способствует углублению трансформаций мировой экономики как основного результата её глобализации.

Казалось бы, разрыв между группами развитых и развивающихся стран Евразии сокращается, но если рассматривать последние не группой, а по отдельности, оказывается, что основная доля реального роста приходится на Китай, а также некоторые зависимые от его роста страны. Странам Восточной Европы отчасти помогает членство в ЕС. В других случаях сокращение разрыва в 2000-х годах было обусловлено бумом на сырьевом рынке, который приподнял многие развивающиеся экономики, в том числе Россию (из пятёрки БРИКС – также Бразилию и ЮАР). Но сырьевой суперцикл закончился в середине 2010-х годов и рассчитывать на него в процессе догоняющего развития больше не приходится. Из той же пятёрки крупнейших развивающихся экономик на первый взгляд приличный рост в последние годы показывают несырьевые Индия и Китай, но реально – только Китай. На текущем этапе глобализации роботизация, автоматизация приводят к сокращению потребности в рабочей силе в промышленности. Транснациональные компании всё чаще заменяют ручной труд роботизацией и начинают переводить производство назад в развитые страны, ближе к конечному потребителю (решоринг), часто свёртывая производство в трудоизбыточных азиатских странах. Наряду с этим глобализация торговли и открытость мировых рынков товаров привели к тому, что промышленные предприятия многих развивающихся стран оказались не в состоянии конкурировать с дешёвым китайским импортом (китайская экспортно-ориентированная промышленность пользуется массой

Таблица 7. Использование золота в электронике (тонн)*

Страна	1990 г.	1995 г.	2000 г.
Япония	66		106
США	66	76	106
СССР, СНГ	64	18	13
Южная Корея	4	11	64
Тайвань, Сингапур, Гонконг	4	10	14
Всего в мире	216	209	283

*Современный рынок золота, 2004, с. 51.

конкурентных преимуществ – огромными госсубсидиями, эффектом масштаба производства, развитой транспортной логистикой).

Россия в ходе «шоковых рыночных реформ» во многом потеряла для цифровой трансформации 1990-е годы, став преимущественно объектом экспансии профильных транснациональных компаний. Масштабы этих потерь могут быть косвенно оценены из данных табл. 7.

Из этой таблицы следует, что падение производства в электронике России опережало средний уровень падения производства в промышленности – на фоне резкого роста производства лидеров рынка и выхода на лидирующие позиции нового глобального игрока. Заметим также что, кроме США, все остальные страны списка – азиатские: Япония и «малые азиатские тигры».

За двухтысячные годы ситуация существенно выровнялась сначала благодаря усилиям российских частных компаний «большой тройки» мобильной связи и компаний сегмента рунет, к которым позже присоединились мощные игроки с государственным участием – Росатом, Ростелеком, Ростех и Сбербанк. Государство также предпринимает активные шаги по систематизации цифровой трансформации экономики. Сюда относятся (в хронологическом порядке): Национальная технологическая инициатива, запущенная в 2015–2016 гг.; Госпрограмма «Цифровая экономика Российской Федерации» утверждённая в 2017 г.; широко представлена цифровая проблематика в Национальных проектах, развёртываемых в соответствии с указом президента России № 204 от 7 мая 2018 г. – не только в профильном («Цифровая экономика»), но также в ряде «отраслевых», в том числе в имеющих непосредственное отношение к освоению геопространства: «Безопасные и качественные автодороги», «Комплексный план расширения и модернизации магистральной инфраструктуры».

Исследование Мирового Банка по методике, специально разработанной для этой цели Digital Economy Country Assessment (DECA), проведённое по заказу Минсвязи РФ в рамках разработки Госпрограммы «Цифровая экономика Российской Федерации», показывает, что в настоящее время Россия в целом вписываясь в мировые цифровые тренды и находится на переходе от второй к третьей волне цифровой трансформации, т.е., освоив в основном онлайн-формы и облачные вычисления, ныне активно осваивает предиктивную (или интеллектуальную) аналитику больших данных, технологии искусственного интеллекта, робототехники, интернета вещей и т.д. Важно, что наряду с государством в развитие цифровых технологий активно инвестирует и бизнес (например, крупнейшие банки и телекоммуникационные компании – в технологии больших данных и искусственного интеллекта, а ряд производственных компаний – в робототехнику и интернет вещей).

Важнейшие изменения, вызываемые цифровой трансформацией экономики в пространственной организации общества, в освоении геопространства и подготавливающие реализацию новой роли России в Евразии можно свести к следующим взаимосвязанным направлениям.

1. Нарастающие изменения на рынках основных видов ресурсов – природных, трудовых, материальных (включая финансовые), организационных. Наиболее очевидны в настоящее время перспективы организационных ресурсов – интеллектуальной обработки (очень) больших массивов данных и возможностей мониторинга и управления, в том числе транспортными и логистическими потоками, а также предоставления всё большего ассортимента услуг в режиме реального времени; в ближайшей перспективе – массированное вовлечение в оборот и рост доли в ВВП возобновимых природных ресурсов («зелёная экономика»), а также структурные изменения на рынке труда – замещение многих массовых в настоящее время профессий, связанных с рутинными операциями.

2. Изменения взаимодействия и способов реализации основных процессов пространственной организации: централизации – децентрализации, а также поляризации – интеграции. Становится возможным гармонизировать процессы роста агломераций, особенно, «первых среди вторых», что необходимо для роста производительности и эффективности (см., например, Дмитриев и др., 2018), с одной стороны, и обезлюдения (вследствие этого) значительных территорий с дру-

гой, а также обеспечить предоставление всё более широкого набора функций и услуг на всей территории страны по единым стандартам.

3. Изменение приоритетов и критериев размещения различных видов и сфер деятельности. Цифровая трансформация позволяет снимать ограничения в пространственной доступности всё более широкого набора функций и параллельно расширяет возможности для (их) пространственной концентрации в составе различных сетей. Самое широкое сетевое – распределенное и скоординированное – взаимодействие распределённых усилий в режиме реального времени способно обеспечивать большие конечные объёмы и скорости потоков людей, товаров, услуг, финансов, повышение реальной производительности и эффективности, чем их узкая концентрация в единичных территориальных образованиях или мегапроектах.

4. Изменение содержания понятия «географического положения» стран, (макро)регионов и континентов – на третьем этапе освоения геопространства это не только традиционное экономико- и политико-географическое положение, оно с необходимостью дополняется также положением в киберпространстве (прежде всего – сетевом) и положением в околоземном (по крайней мере) космическом пространстве, жизненно необходимым в том числе и для того, чтобы поддерживать положение в глобальном киберпространстве. Это касается спутниковой связи и телевидения, систем глобального позиционирования (GPS, ГЛОНАСС, соответствующих разработок Европейского Союза, Китая, Индии) и навигации, различных видов мониторинга (в том числе метеорологического и климатического, экологического и геологоразведочного, ну и, конечно, ряда специальных). Здесь у России выигрышные позиции: так, из приведённых в табл. 7 стран необходимыми технологиями, инфраструктурой и спутниковыми группировками помимо США обладает только Россия.

Новый этап освоения геопространства на базе цифровых технологий и цифровой трансформации экономики открывает перед Россией возможность играть новую роль в Евразии – роль сетевого интегратора Большой Евразии, активно используя уникальную ситуацию, сложившуюся для неё к настоящему времени. В Азии практически у всех значимых азиатских государств отношения с Россией лучше, чем друг с другом. Это стало возможным по ряду причин. После развала СССР Россия свернула своё военное присутствие в Азии, либо как в Сирии, осуществляет это в миротворческих целях. Сегодня там её воспринимают как прагматическую страну, для которой важна экономика, а не

идеология, которая готова сотрудничать со всеми и не претендует на то, чтобы навязывать свои правила игры, и которая придерживается буквы международного права в интересах стабильности.

Стратегическая альтернатива современной России такова: либо пребывать на окраине как Европы, так и Азии, либо выступать континентальной державой, способной быть связующим мостом (точнее, целой сетью мостов) между разными частями континента, интенсифицировать извлечение выгод не только из своих размеров и традиционно понимаемого географического положения, но и из нарабатанного кредита доверия с азиатскими странами и своего растущего научно-технического и политического потенциала, обеспечивая развитие экономических, политических и культурных связей со странами огромного евразийского континента. На это объективно существует огромный запрос: на долю Евразии приходится большая часть мирового населения, полезных ископаемых и ВВП, при этом слабо развиты трансконтинентальные экономические связи, инфраструктура и механизмы сотрудничества. Современные цифровые технологии позволяют создать сухопутную конкурентоспособную альтернативу морскому варианту трансконтинентальных связей, а кроме того, предложить альтернативный южному северный вариант морского транспортного коридора Европа – Азия. Всё это – реальные возможности для России.

Новый евразийский выбор должен быть нацелен на избирательную евразийскую интеграцию, чтобы сделать Россию её «мягкой» и сетевой движущей силой путём создания жизнеспособных партнёрств с евразийскими державами, двигаясь в направлении сбалансированной и многополярной Большой Евразии, части устойчивого многополярного мира. Китай представляется главным партнёром России в формировании Большой Евразии в силу его потенциала и готовности оспаривать систему международных отношений, во главе которой стоят США. Стратегическое партнёрство между Китаем и Россией необходимо для любого формата Большой Евразии. В последние годы Китай и Россия (а также Индия и Иран) стали главными противниками однополярного мира, наращивая свои золотовалютные резервы, внедряя использование региональных валют и создавая новые финансовые и экономические институты, такие как БРИКС, Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) и Евразийский экономический союз (ЕЭС). После поддержанного Западом переворота на Украине и последовавших взаимных санкций экономическая интеграция Китая с Россией усилилась.

С позиций сетевой интеграции России необходима диверсификация партнёрств в Евразии. ЕЭС является важным инструментом России для укрепления коллективных переговорных позиций и восстановления симметрии в отношениях как с Китаем, так и с Европейским Союзом. Общая таможенная зона, стандарты и законодательство внутри ЕЭС упрощают доступ к региону и его рынку, а главное – увеличивают привлекательность данного региона для транзита, поскольку имеется лишь одна таможенная зона между Китаем и ЕС.

Южная Корея и Япония больше других заинтересованы в том, чтобы участвовать в энергетических и транспортных проектах России на Дальнего Востоке. Так, на Восточном экономическом форуме в сентябре 2016 г. во Владивостоке было подписано несколько экономических соглашений с Сеулом. Сотрудничеству способствует тот факт, что собственная концепция Южной Кореи в отношении Евразийской интеграции пересекается с планами России, и корейское предложение подписать Соглашение о свободной торговле (ССТ) с Евразийским экономическим союзом (ЕЭС) служит позитивным сигналом. Кроме того, в декабре 2016 г. было подписано соглашение с Японией о совместном экономическом развитии Южных Курильских островов. Китай не только не препятствует реализации планов России по развитию Дальнего Востока, но и стал участником проектов модернизации южных российских тихоокеанских портов, видя в этом возможность улучшить конкурентоспособность северо-восточных провинций Хэйлуцзян и Цзилинь, лишённых выхода к морю. Как известно, президент России пригласил индийского лидера стать в 2019 г. главным гостем Восточного экономического форума во Владивостоке.

Решение расширить ШОС за счёт включения Индии и Пакистана, а в будущем, возможно, и Ирана, пропорционально снижает доминирование Китая в этой организации. Данная модель основана на том же принципе, что и Банк развития БРИКС, который представляет собой объединение сравнительно сильных игроков во главе с Китаем. В 2015 г. подписано соглашение о гармонизации ЕЭС и проекта «Шёлкового пути» (известного также как инициатива «Один пояс, один путь») в рамках ШОС. Далее последовала организация Россией одновременной встречи стран-участниц ЕЭС, ШОС и БРИКС в Уфе.

Признание конструктивной роли России в сирийском урегулировании (когда, в частности, была продемонстрирована мощь её цифровых технологий) способствовало укреплению российских позиций в Передней Азии и на Среднем Востоке, с такими разными странами как

Турция, Израиль, Иран, Саудовская Аравия, Катар (причём радиально с каждой на основе каждый раз особой группы интересов).

Экономическое сотрудничество с Западом Евразии должно помогать России в её стремлении диверсифицировать свои международные связи и уменьшить её исключительную зависимость от какого-то одного региона континента, одновременно увеличивая своё влияние в качестве транспортного коридора и надёжного поставщика энергоносителей. Вместе с тем, хотя ЕС является главным экономическим партнёром России – именно из этого региона наша страна получает основную часть своей экспортной выручки, – среди торговых партнёров ЕС Россия занимает скромное шестое место, уступая не только Китаю, но и Швейцарии или Норвегии. Сложилась явная экономическая зависимость России от теряющего позиции на мировых рынках, в том числе «цифровых», Европейского Союза, который объективно заинтересован в сохранении преимущественно сырьевой ориентации российской экономики. В силу весьма различного экономического и научно-технического потенциала стран ЕС, прежде всего, «старой» и «новой» Европы, резко различается и потенциал сотрудничества с этими странами.

Экономики Большой Азии со значительным потенциалом роста, хотя часто и со многими его проблемами, напротив, часто нуждаются в тех составляющих российского экономического потенциала, которые плохо «идут» в Европейском Союзе. Речь о высокотехнологичной продукции – не только о российском вооружении, которое успешно поставляется во многие азиатские страны, но также и о сложном технологическом оборудовании со значительной «цифровой» составляющей, включая АЭС и другие объекты энергетики, а также высокотехнологичные услуги, включая вывод на околоземную орбиту или комплексные геофизические изыскания, наконец, совместные высокотехнологичные проекты, включая ИТ-стартапы. Российский хай-тек здесь оказывается вполне конкурентоспособным в условиях более свободных от протекционистских барьеров по сравнению с рынками Европейского Союза.

Всё здесь изложенное позволяет утверждать, что для России на начинающемся третьем этапе освоения геопространства нет альтернативы евразийскому выбору, нацеленному на избирательную и сетевую евразийскую интеграцию путём создания жизнеспособных партнёрств со многими евразийскими державами, и движению в направлении сбалансированной и многополярной Большой Евразии как части устойчивого многополярного мира.

Краткие выводы

На каждом этапе освоения геопространства Россия неизменно сталкивалась с проблемой стратегического выбора в Евразии: либо усиливать присутствие в Азии, либо предпочесть иные стратегические направления в качестве приоритетных. Трижды выбор совершался в пользу Азии, демонстрируя исторический тренд. На домашнем этапе – в пользу Севера Азии, когда Россия раз и навсегда «приросла Сибирью», став европейско-тихоокеанской державой. При переходе от домашнего этапа освоения геопространства к машинному выбор был сделан в пользу Средней и Центральной Азии и, косвенно, Дальнего Востока взамен Аляски. При переходе от машинного этапа к цифровому выбор делается в пользу Большой Азии в целом – с чётко выделяющимися несколькими стратегическими направлениями, активность на которых обладают чёткой спецификой – взамен США и их англосаксонских союзников при весьма значительной дифференциации активности в Европейском Союзе.

При каждом из трёх этапов освоения геопространства налицо выраженный геополитический фон, который, казалось бы, и был мотивом соответствующего стратегического выбора. Однако при более глубоком анализе главные причины стратегического выбора оказываются структурно-экономическими, обусловленными необходимостью освоения соответствующего технологического уклада и включения в те или иные глобальные рынки.

Литература

- Бродель Ф. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 3.* М.: Прогресс, 1992. 679 с.
- Бродель Ф. *Игры обмена. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. Т. 2.* М.: Весь мир, 2007. 672 с.
- Бродель Ф. *Грамматика цивилизаций.* – М.: Весь мир, 2008. 552 с.
- Вернадский В.И. *Избранные труды по истории науки.* М.: Наука, 1981. 359 с.
- Вернадский В.И. *Размышления натуралиста. Научная мысль как планетное явление.* М.: Наука, 1977. 191 с.
- Дмитриев М.Э., Чистяков П.А., Ромашина А.А. *Роль пространственной политики в ускорении экономического роста // Общественные науки и современность.* 2018. № 5. С. 31–47.

- Рейхов Х. Автомобильное движение и планировка городов. М.: Стройиздат, 1964. 80 с.
- Рифкин Дж. Третья промышленная революция. Как горизонтальные взаимодействия меняют энергетику, экономику и мир в целом. М.: «Альпина нон-фикшн», 2016. 312 с.
- Савченко А.Б. Пространственно-временные концентрации энергии как мера инфраструктуры // Вопросы географии промышленности СССР и зарубежных стран. М.: Московский филиал ГО СССР, 1977. С. 15–18.
- Савченко А.Б. Пространственно-временная парадигма социальной географии в свете современной трансформации предмета географии // Пространственно-временной анализ системы расселения Московского столичного региона. М.: Ин-т географии АН СССР, 1988. С. 190–204.
- Савченко А.Б. Территориальное развитие России как ведущего экспортера на глобальных сырьевых рынках // Изв. РАН. Сер. геогр. 2013. № 2. С. 7–18.
- Савченко А.Б., Тревиш А.И. Внешняя торговля, ресурсы Сибири и их роль в формировании Российской государственной территории // Проблемы региональной экологии. 2014. № 4. С. 174–179.
- Соломонов Б.В., Кузнецов Н.А., Золотарев А.Н. Сто великих кораблей. М.: Вече, 2012. 432 с.
- Современный рынок золота / Ред. В.И. Букато, М.Х. Лapidус. М.: Финансы и статистика, 2004. 320 с.
- Танскотт Д. Электронно-цифровое общество. М., «Рефл-бук», 1999. 403 с.
- Тоффлер Э. Метаморфозы власти (знание, богатство и сила на пороге XXI века). М.: Издательство АСТ, 2001. 358 с.
- Шваб К. Четвертая промышленная революция. М.: «ЭКСМО», 2016. 288 с.
- Tapscott D. The Digital Economy: Promise and Peril in the Age of Networked Intelligence. New-York – London: McGraw-Hill, 1995. 342 p.

УДК 911

Тихоокеанская Россия в геополитических структурах Восточной Евразии

© 2019 г. П.Я. Бакланов, М.Т. Романов

Тихоокеанский институт географии Дальневосточного отделения РАН,
Владивосток, Россия

Pacific Russia in the geopolitical structures of Eastern Eurasia

P.Ya. Baklanov, M.T. Romanov

Pacific Institute of Geography, Far East Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia

pbaklanov@tigdvo.ru; romanov@tigdvo.ru

Pacific Russia is considered as a large macro-region of Russia, including the territory of the Far Eastern Federal Okrug (with the exception of Buryatia Republic and Zabaikalskiy Krai) and the adjacent Arctic and Pacific 200-mile maritime economic zone. An assessment of the geopolitical position of Pacific Russia in Eastern Eurasia is being conducted. The following components of the geopolitical position of Pacific Russia are identified namely: the proximity of the macroregion to the northeastern regions of China and other countries of Eastern Eurasia; comparison of the geopolitical potentials of neighboring countries, including those expressed in the form of internal geopolitical triangles and the outer quadrilateral, and presence of geopolitical tensions and problems. An existence of a huge belt of transboundary basins of the Pacific marginal seas - from the Chukchi and Bering, to the Philippine one is the most important specificity of the geopolitical situation of the countries and regions of Eastern Eurasia. This transboundary occurrence creates an objective basis to develop the sustainable international cooperation in Eastern Eurasia.

Key words: *contact functions, cross-border interactions, geopolitical potential, Pacific Russia, transport corridors.*

Тихоокеанская Россия рассматривается как крупный макрорегион России, включающий территорию Дальневосточного федерального округа (за исключением Республики Бурятия и Забайкальского края) и прилегающую к ней арктическую и тихоокеанскую 200-мильную морскую экономическую зону. Проводится оценка геополитического положения Тихоокеанской России в Восточной Евразии. В качестве составляющих геополитического положения Тихоокеанской России выделяются: соседство макрорегиона с северо-восточными регионами Китая и другими странами Восточной Евразии; сопоставление геополитического потенциала соседних стран, в том числе – выраженного в виде внутренних геополитических треугольников и внешнего четырёхугольника, наличие зон геополитической напряжённости и проблем. Важнейшая специфика геополитического положения стран и регионов Восточной Евразии заключается в огромном поясе трансграничных бассейнов тихоокеанских морей – от Чукотского и Берингова до Филиппинского.

Подобная трансграничность создаёт объективную основу для развития устойчивого международного сотрудничества в Восточной Евразии.

Ключевые слова: *геополитический потенциал, контактные функции, Тихоокеанская Россия, транспортные коридоры, трансграничность.*

Введение

Большой северо-восточный сегмент Евразии занимают восточные районы России. В условиях становления рыночных отношений с 1990-х годов стало существенно усиливаться их экономико-географическое тяготение к Тихому океану: его природным ресурсам, транспортно-транзитному потенциалу и большому рыночному пространству развивающихся притихоокеанских стран. Это проявилось в значительной активизации восточного направления грузоперевозок по Транссибирской и Байкало-Амурской железнодорожным магистралям в связи с ростом внешнеэкономических связей всех восточных районов России, в том числе и Якутии, со странами Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР). Кроме того, в 2006–2010 гг. был построен крупнейший магистральный нефтепровод: Восточная Сибирь – Тихий океан от г. Тайшет (Иркутская область) до морского нефтеперегрузочного терминала в бухте Козьмино (вблизи г. Находка Приморского края) с ответвлением из Амурской области в Китай. По этому нефтепроводу стало экспортироваться около 50 млн тонн в год сибирской нефти в Китай и другие страны АТР (Японию, Республику Корея, США и др.). В настоящее время строится крупнейший магистральный газопровод «Сила Сибири». По нему в восточном направлении будет перекачиваться газ из Восточной Сибири и юго-западной Якутии.

В последние годы были разработаны и приняты правительством РФ Стратегия¹ развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2025 г. и Государственная Программа² социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона до 2020 г. В настоящее время разрабатывается Национальная Программа развития этого региона до 2030 г. В этих правительственных документах вместе с Дальневосточным федеральным округом охватывается и Байкаль-

¹ Стратегия социально-экономического развития Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2025 г. / Распоряжение Российской Федерации от 28 февраля 2009 г., № 2094-р, М., 2009.

² Государственная Программа Российской Федерации «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона», утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 марта 2013 г., № 466-р.

ский регион, включая Забайкальский край, Республику Бурятию и Иркутскую область³. Тем самым отмечается устойчивый рост ориентации их внешнеэкономических связей на рынки стран АТР.

В программах предусматривается активное развитие в дальневосточных районах морехозяйственного сектора экономики как приоритетного в виде кластеров предприятий, добывающих и перерабатывающих различные морские природные ресурсы региона, в том числе биологические, нефтегазовые и другие, с их преимущественной ориентацией на экспорт. Намечается развитие морского судостроения. В связи с этим значительно возрастает роль тихоокеанской 200-мильной морской экономической зоны России, площадь которой достигает 5,5 млн км². Таким образом, с одной стороны усиливается ориентация Дальневосточного региона к Тихому океану, его ресурсам и транспортному потенциалу, а с другой – долгосрочные перспективы этого региона уже не могут сколько-нибудь полно оцениваться без охвата 200-мильной морской экономической зоны.

Тихоокеанская Россия и Восточная Евразия

Как показывают научные исследования – все эти тенденции имеют долгосрочный характер, что и даёт основание называть этот макрорегион России с его 200-мильной морской экономической зоной Тихоокеанской Россией⁴. (Бакланов, Романов, 2009; Синтез научно-технических... , 2011; Тихоокеанская Россия... , 2012; Ларин, 2013; Тихоокеанская Россия... 2017 и др.). В этом названии не только отражается конкретное географическое расположение региона, но и подчёркивается, во-первых, усиливающаяся тяготение макрорегиона к Тихому океану, его ресурсам и к странам АТР, а, во-вторых – возрастающая роль специфического геоэкономического и геополитического положения в долгосрочном развитии этого крупного и, по существу, аква-территориального макрорегиона страны.

Таким образом, Тихоокеанская Россия это – во-первых, огромный северо-восточный сегмент Евразии, а во-вторых, прилегающие к нему акватории арктических и тихоокеанских морей, а также некоторые океанические акватории.

³ В соответствии с Указом Президента РФ от 3.11.2018, № 632 в состав Дальневосточного Федерального округа включены Республика Бурятия и Забайкальский край.

⁴ Известно, что название региона – Дальний Восток – формировалось в процессе его освоения, которое в целом шло из центральных районов России. Для этих районов и его жителей новые восточные районы, действительно были далёкими, дальними.

Важнейшая особенность географического положения территории Тихоокеанской России – её широкий выход к морям Северного Ледовитого и Тихого океанов. В этой связи в регионе, который рассматривается нами в границах Дальневосточного федерального округа до 2018 г., можно выделить три типа территорий:

1) субъекты Российской Федерации, непосредственно выходящие к восточным морям и Тихому океану: Чукотский автономный округ, Хабаровский, Приморский и Камчатский края, Магаданская и Сахалинская области;

2) Республика Саха (Якутия), северным побережьем выходящая к морям Северного Ледовитого океана. Благодаря этому Якутия через Северный морской путь также связана с Тихим океаном и его морями;

3) субъекты, не являющиеся приморскими: Амурская область и Еврейская автономная область. Хотя, через крупную судоходную реку Амур и они связаны с восточными морями и Тихим океаном (рис. 1).

По схожим признакам можно выделить и такой макрорегион как Восточная Евразия в целом – в виде Тихоокеанской России, северо-восточных и восточных районов Китая и других стран Евразии, выходящих и тяготеющих к окраинным морям и Тихому океану (рис. 2).

Некоторые субъекты Тихоокеанской России по занимаемой площади сопоставимы с площадью отдельных стран Восточной Евразии. Хотя последние, будучи намного более населёнными и освоенными по сравнению с Тихоокеанской Россией, обладают и намного более ёмким и привлекательным рыночным пространством. Развивающиеся в последние годы интеграционные процессы, в том числе на основе большой общности в географическом положении и пространственных сопряжений отдельных стран и районов Восточной Евразии, позволяют рассматривать этот регион как специфическую часть Евразии в целом. Основные общие черты географического положения этого региона так или иначе проявляются и в геополитическом положении отдельных его частей, в том числе Тихоокеанской России.

Составляющие геополитического положения Тихоокеанской России и Восточной Евразии

В более полном и строгом виде геополитическое положение может оцениваться для страны в целом (Колосов, Мироненко, 2002). При этом под геополитическим положением страны понимается её поло-

ческое положение крупного региона как его положение в более крупных геополитических структурах, образуемых территориями и акваториями ряда соседних стран.

Так, для Тихоокеанской России в целом как части России соседними (1-го, 2-го и иных порядков) служат, во-первых, северо-восточные районы Китая, а во-вторых – другие страны Восточной Евразии. Для этих стран характерны очень большие различия, контрасты в их политических системах: от стран с конституционной монархией (Япония, Таиланд, Лаос, Малайзия) и президентской республикой (Россия, Республика Корея, Филиппины, Индонезия), до стран с социалистической ориентацией (Китай, Вьетнам) и – с достаточно жёстким коммунистическим режимом (КНДР).

Обобщённо можно оценить и совокупный геополитический потенциал Тихоокеанской России и регионов и стран Восточной Евразии. Под геополитическим потенциалом с определённой степенью условности понимается некоторая суммарная геополитическая «мощь», «сила» страны, складывающаяся из

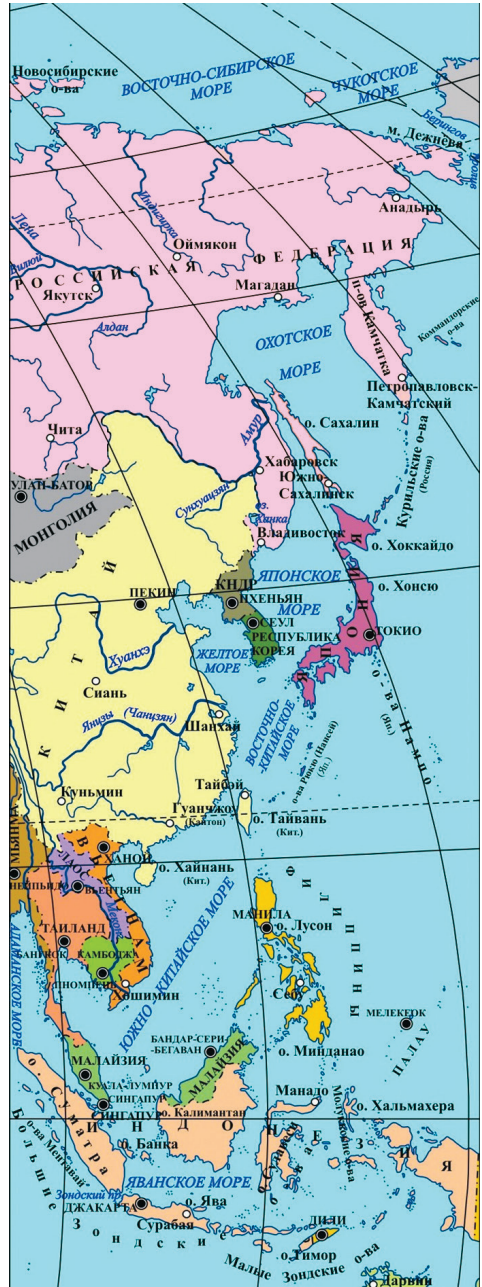

Рис. 2. Регионы и страны Восточной Евразии

суммы оценок: территории с её природно-ресурсным потенциалом, численности населения, величины экономики в виде валового внутреннего продукта и оборонного потенциала – обобщённо – в виде военного бюджета страны. Представляется, что важным элементом геополитического потенциала служит протяжённость морской береговой линии.

По нашим оценкам совокупный геополитический потенциал соседних с Тихоокеанской Россией регионов и стран Восточной Евразии существенно выше, чем у российского региона. Из стран Восточной Евразии большим геополитическим потенциалом обладают Россия и Китай в целом, но они в Восточную Евразию входят лишь частично, своими регионами: Дальневосточным – Россия и восточными – Китай. При этом если в Китае восточные регионы наиболее развиты, то в России Дальневосточный регион менее освоен и развит в социально-экономическом отношении, хотя здесь сосредоточен значительный природно-ресурсный потенциал. Заключительными составляющими геополитического потенциала обладают Республика Корея и КНДР. В перспективе при возможном мирном объединении этих двух корейских стран их совокупный геополитический потенциал станет сопоставимым с геополитическим потенциалом крупных стран Западной Европы. В Восточной Евразии роль объединённой Кореи существенно возрастает (табл. 1).

Обобщённые оценки геополитического положения Восточной Евразии в целом можно свести к следующему. Основные черты геополитического положения этого региона определяют Россия и Китай, восточные районы которых непосредственно входят в Восточную Евразию. У России и Китая существенно различные политические системы. Важнейшая составляющая геополитического положения региона – непосредственное соседство с ним США, а также стран Океании и Австралии, политические системы которых также различаются. Восточная Евразия имеет значительный геополитический потенциал. Тем не менее он намного меньше в сравнении с суммарным геополитическим потенциалом стран-соседей, а также регионов России и Китая, не входящих в Восточную Евразию. Здесь, по существу, стык самых крупных стран мира – США, Китая и России, с их весьма большими и возрастающими геополитическими потенциалами. В этой связи весьма специфическую геополитическую роль играет Япония. Территориально будучи частью Восточной Евразии, она в экономическом и военно-политическом отношении имеет наиболее тесные и значительные связи с США. В этой «связке» Японию можно рассматривать одновременно и в качестве внешнего геополитического фактора Восточной Евразии.

Таблица 1. Основные характеристики элементов геополитического потенциала стран и регионов Восточной Евразии (по данным за 2017 г.)

Регионы	Площадь, тыс. км ²	Численность населения, тыс. чел	ВВП, млрд долл	Протяжённость береговой линии, км	Военные расходы, млрд долл.
1 Тихоокеанская Россия	6 169,3	6 183	60,7	59883	66,3*
2 Восточные районы Китая	2 207,3	770 327	14 361	30 017	228,0*
3 Япония	377,8	126 824	5 443	29 020	45,4
4 КНДР	120,5	28 491	66,7	4 009	Нет данных
5 Республика Корея	100,2	53 733	2 035	12 478	39,2
6 Тайвань	36,0	24 827	1189	2 007	9,8
7 Сингапур	0,78	5 470	528	268	9,7
8 Таиланд	514,0	71 037	1 236	7 066	5,7
9 Лаос	236,8	7 007	49,2	0	Нет данных
10 Камбоджа	181,0	24 827	64,3	1 127	0,5
11 Вьетнам	329,6	93 402	649	11 409	4,6
12 Филиппины	299,8	107 143	877	33 900	3,9
13 Палау	0,5	22	0,3	1 519	Нет данных
14 Малайзия	329,8	41 700	993	9 323	4,5
15 Индонезия	1 904,5	269 479	3 250	95 181	7,6
16 Папуа-Новая Гвинея	463,8	7 776	28,9	20 197	Нет данных
17 Восточный Тимор	14,9	1 212	6,8	706	Нет данных
Итого	13 286,6	1 639 460	30 837,9	318110 км	425,2
Средне значение по стране, региону	445	102 080	1 923	18712	27

*Указаны военные расходы страны в целом.

Составлено с использованием данных: Института мировых ресурсов (World Resources Institute) «Протяжённость береговых линий» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_длине_береговой_линии), измерения производились при масштабе 1:250 000; Материалов из Википедии «Список стран... по населению» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_населению), «Список ... по ВВП (ППС)» // [www.wikiwand.com/ru/Список_стран_по_ВВП_\(ППС\)](http://www.wikiwand.com/ru/Список_стран_по_ВВП_(ППС))), «Список ... по площади»; https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_государств_и_зависимых_территорий_по_площади), «Список стран по военным расходам за 2016 год, по данным SIPRI» (https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_военным_расходам).

Если представить страны, составляющие основу геополитического потенциала Восточной Евразии в виде треугольника: Россия – Китай – Япония, а в виде четырёхугольника – страны, формирующие внешний геополитический потенциал стран-соседей, то их соотношение можно отобразить в виде рис. 3.

Стороны геополитического треугольника и четырёхугольника можно представить в виде специфических геополитических осей, отражающих

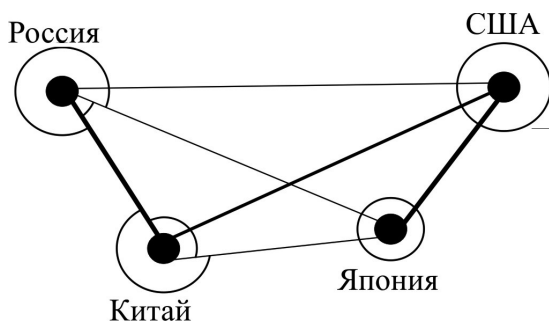

Рис. 3. Внутренний геополитический треугольник и внешний четырёхугольник для Восточной Евразии

то или иное взаимодействие стран в геополитической сфере. Геополитическими осями могут становиться и диагонали четырёхугольника. В Восточной Евразии внутренние геополитические оси – стороны треугольника и внешние – стороны четырёхугольника и его диагонали во многом определяют международную обстановку в регионе и её перспективы. В настоящее время существенны и значимы Россия – Китай и США – Япония, но в последнее время большую роль начинает играть ось Китай – США.

С точки зрения наличия геополитических интересов к Тихоокеанской России, к её территории, прежде всего с точки зрения природно-ресурсного потенциала – они, видимо, обширнее, значительнее и выраженнее у регионов и стран Восточной Евразии – соседей 1-го и 2-го порядков: у районов Китая, Японии, Республики Корея, а также – со стороны США.

Для Восточной Евразии характерно наличие ряда зон международной напряжённости и геополитических проблем – как той или иной неурегулированности отдельных участков государственных границ – наземных и морских, в том числе оставшейся после второй мировой войны. Так, здесь существует определённая неурегулированность границ, различия позиций и связанная с этим геополитическая напряжённость между КНДР и Республикой Корея, между КНР и Тайванем, а также ряд геополитических проблем по принадлежности отдельных тихоокеанских островов (табл. 2).

Важнейшая черта геополитического положения Тихоокеанской России заключается в том, что большая её часть – это зона глобальных контактных географических структур (Бакланов, 2000 и др.). Во-первых, это стык, контакт Северо-Востока Евразии с Тихим и Северным Ледовитым океанами, порождающий различные взаимосвязи между сушей и мо-

Таблица 2. Основные зоны геополитической напряжённости в Восточной Евразии*

Районы, зоны геополитической напряжённости	Предмет геополитической напряжённости	Стороны (страны), между которыми имеется геополитическая напряжённость
1. Восточная часть арктического шельфа России	Разграничение арктического шельфа	Россия – США
2. Южно-Курильские острова	Претензии Японии на эти острова	Япония – Россия
3. Зона о. Такешима – Токдо	Принадлежность острова Такешима – Токдо	Япония – Республика Корея
4. Зона островов Сенкаку	Принадлежность островов Сенкаку.	Япония – Китай – Тайвань
5. Зона о. Тайвань	Китай считает остров Тайвань своей территорией.	Китай – Тайвань
6. Зона островов Спратли	Принадлежность островов Спратли	Китай – Малайзия – Филиппины – Вьетнам – Бруней
7. Зона Парасельских островов	Принадлежность островов	Китай – Вьетнам
8. Акватория Японского моря	Название моря (в Республике Корея и КНДР это море называют Восточным)	Республика Корея, КНДР, Япония

Источник: Все спорные территории мира. Геополитика // www.geopolitics.ru/Karta-sajta/spisok-spornyx-territorij/

рем в природно-экологической, природно-ресурсной и экономической сферах; во-вторых, именно здесь Россия непосредственно соседствует с крупнейшими странами мира: США, Китаем, Японией. В подобных контактных структурах сгущаются государственные границы – как сухопутные, так и морские, что при прочих равных условиях усложняет геополитические отношения (Колосов, 2018). Контактные структуры служат основой формирования здесь разнообразных контактных функций, в том числе – освоения разнообразных природных ресурсов морей и океана на основе прибрежных опорных баз, их комплексирования с природными ресурсами суши, а также внешнеэкономических взаимодействий через стыки наземных и морских транспортных систем.

Глобализирующиеся функции рыночных взаимодействий реализуются через трансконтинентальные (трансевроазиатские) транспортные коридоры, начальные звенья которых действуют в Тихоокеанской России: Транссибирская железнодорожная магистраль с выходящими на неё Байкало-Амурской и Китайской восточной железными дорогами. После коренной модернизации важнейшим международным транспортным коридором станет Транскорейская железнодорожная магистраль. В перспективе всё большее значение будет приобретать Северный морской путь. К его использованию проявляют большой интерес многие страны Восточной Евразии, прежде всего – Китай,

Япония, Республика Корея. При этом в виде подходов к Северному морскому пути из этих стран будут всё активнее использоваться тихоокеанские морские пути, в том числе через морскую зону Тихоокеанской России. Всё это расширяет зону влияния Восточной Евразии и усиливает её связи с Северной и Западной Евразией.

Выполнение макрорегионом контактных функций на глобальном уровне выходит за пределы сухопутных и морских государственных границ, формирует обширные трансграничные зоны экономического и ресурсно-экологического влияния, порождая геополитические интересы, а иногда и проблемы (Трансграничный регион..., 2010; Borders and transborders processes..., 2013).

Важнейшая специфическая черта геополитического положения макрорегиона заключается в том, что Тихоокеанская Россия – это зона крупных трансграничных регионов – целостных в природно-ресурсном и природно-экологическом отношении географических систем, пересекаемых государственными границами (Бакланов, Ганзей, 2008; Трансграничный регион..., 2010 и др.). Это бассейны Чукотского, Берингова, Охотского и Японского морей, а также бассейны рек Амура, Уссури, Туманной и крупного озера Ханки. Практически все бассейны дальневосточных морей от Чукотского до Японского, будучи целостными морскими геосистемами (экосистемами), трансграничны, т.е. через них проходят государственные границы – как сухопутные, так и морские (рис. 4).

Как показывают наши исследования, в трансграничных регионах, несмотря на их разделение государственными границами, остаются тесно взаимосвязанными природные ресурсы и процессы (морские течения, миграции рыб, речной сток, нефтегазоносные структуры морского дна, циркуляция атмосферы и т.п.). При этом качественно-количественные изменения отдельных ресурсосодержащих компонентов или окружающей среды в одном месте трансграничного региона, как правило, передаются в другие его части, в том числе расположенные в других странах. Поэтому наиболее полная оценка природно-ресурсного потенциала во всём трансграничном регионе, а также организация устойчивого, эффективного природопользования возможны только в пределах всего трансграничного пространства. Важно также и то, что поддержание на высоком уровне экологического состояния морей и их побережий, морских экосистем – задача, которая может эффективно решаться лишь при постоянном взаимодействии приморских стран, выходящих к одному морю. С этой целью необходима

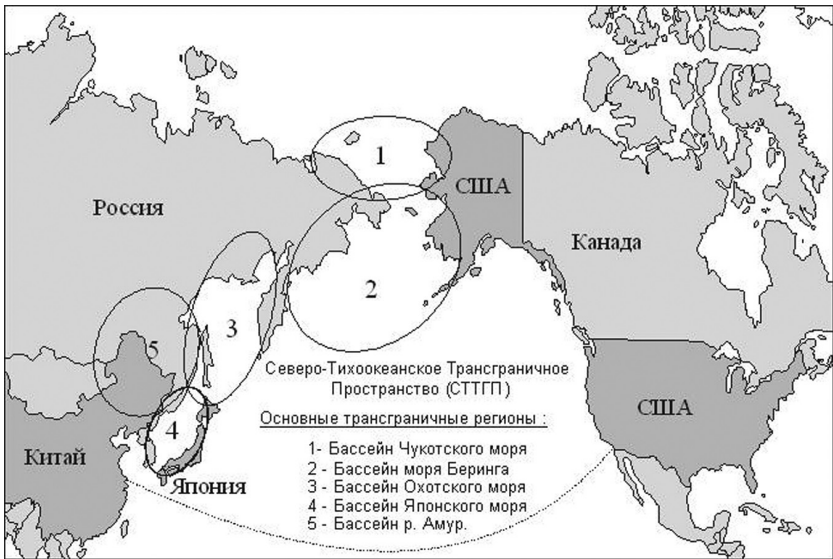

Рис. 4. Основные трансграничные регионы в Северо-Тихоокеанском трансграничном пространстве

разработка долгосрочной договорной основы между государствами, части которых входят в единые трансграничные регионы с организацией последующего международного мониторинга.

Трансграничность морских бассейнов в конечном счёте обуславливает и то, что все морские акватории таких бассейнов по мере их освоения становятся зоной пересечения геополитических интересов практически всех выходящих к морскому побережью стран (Бакланов, Ганзей, 2008; Бакланов, Романов, 2010; Геополитический потенциал..., 2010; Трансграничный регион..., 2010; Тихоокеанская Россия..., 2012 и др.). Например, акватория Японского моря является зоной пересечения геополитических интересов России, Японии, Республики Корея и КНДР. В известной мере, здесь пересекаются геополитические интересы и Китая, так как он также имеет часть своей территории в этом трансграничном регионе – в бассейне р. Туманной. Кроме того, КНР заинтересована в использовании морских путей Японского моря. Акватория Охотского моря служит в большей мере зоной российских геополитических интересов и в меньшей – японских. Акватория Чукотского и Берингова морей – зона пересечения российских и американских геополитических интересов.

Макрорегион Тихоокеанская Россия в целом одновременно входит в Тихоокеанское трансграничное пространство (прежде всего – в Северотихоокеанское). Таким образом, Тихоокеанская Россия и прежде всего её морские акватории трансграничных регионов – это зоны пересечения геополитических интересов ведущих стран мира, особенно тихоокеанских морских держав с их мощными военными и гражданскими флотами. На основании исторического опыта можно утверждать, что между приморскими странами, выходящими к зонам Мирового океана, возможны не только пересечения геополитических интересов, но и различные конфликтные ситуации, иногда приводящие к геополитической напряжённости и проблемам.

Подобная трансграничность характерна для всей Восточной Евразии. Здесь трансграничными являются бассейны практически всех морей: Жёлтого, Восточно-Китайского, Южно-Китайского, Филиппинского. Это закладывает объективную основу пересечения геополитических интересов многих стран в зонах этих морей.

Тихоокеанская Россия как часть Российской Федерации входит в ряд важных политико-экономических группировок Евразии, в том числе Восточной, а также выходящих за её пределы (табл. 3). Основная цель, на которую ориентируются страны этих группировок, – развитие международного сотрудничества в экономической сфере и сфере международной безопасности. Тихоокеанская Россия как часть страны в разных группировках играет разную роль. Например, большую – в АТЭС и АСЭАН, меньшую – в ШОС. Но, несомненно, Тихоокеанская Россия занимает важное место в геополитических структурах Восточной Евразии (Азиатско-Тихоокеанское..., 2010). В последнее время (на рубеже XX и XXI вв.) здесь стала формироваться ещё одна группировка – Северо-Восточная Азия, включая российский Дальний Восток, северо-восточные районы Китая, страны Корейского полуострова и Японию. Большая общность в географическом положении этих стран и регионов, большой и разнообразный интеграционный потенциал делают эту группировку весьма перспективной.

Заключение

Таким образом, Тихоокеанская Россия как часть крупнейшей страны – Российской Федерации, через широкий выход к морям и Тихому океану, через контактные структуры и функции вступает в различ-

Таблица 3. Основные группировки, включающие страны и регионы Восточной Евразии*

Название группировки	Страны, входящие в них	Основная цель формирования и деятельности группировки
Форум «Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество» (АТЭС)	В состав организации входят 14 стран Восточной Евразии: Китай, Россия, Япония, Вьетнам, Индонезия, Бруней, Малайзия, Сингапур, Таиланд, Филиппины, Вьетнам, Республика Корея, Гонконг (КНР), Папуа-Новая Гвинея, а также 7 других притихоокеанских стран: США, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Мексика, Чили, Перу.	Повышение экономического роста и процветания в регионе, укрепление азиатско-тихоокеанского сообщества на основе облегчения условий региональной торговли и либерализации капиталовложений.
Ассоциация стран юго-восточной Азии (АСЕАН)	Страны-члены АСЕАН: Бруней, Вьетнам, Индонезия, Камбоджа, Лаос, Малайзия, Мьянма, Сингапур, Таиланд, Филиппины. Партнеры АСЕАН по диалогу - Россия, Австралия, Индия, Китай, Новая Зеландия, Республика Корея, США и Япония.	Стимулирование конструктивных диалога и консультаций по вопросам политики и безопасности; создание доверительных отношений и превентивной дипломатии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Россия является «Партнёром по диалогу»
Восточноазиатский саммит (ВАС) как основная площадка для диалога лидеров стран АСЕАН	Страны-члены и партнёры АСЕАН. Организационные функции выполняет Секретариат АСЕАН.	Рассмотрение широкого круга актуальных для региона политических и экономических вопросов, представляющих общий интерес.
Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)	Страны-члены ШОС: Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Индия и Пакистан.	Укрепление стабильности и безопасности на пространстве, объединяющем эти государства, развитие экономического сотрудничества, энергетического партнерства, научного и культурного взаимодействия.
Северо-Восточная Азия (СВА). Находится в стадии становления	Северо-восточные районы Китая, Дальневосточные районы России, Япония, Республика Корея, КНДР	Предполагается решать вопросы укрепления международного доверия и сотрудничества, содействия интеграционным процессам в регионе Японского моря.

Составлено с использованием: Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество..., 2010.

ные геополитические отношения с соседними регионами зарубежных стран и отдельными странами. Большой круг геополитических отношений, формирующий геополитическое положение Тихоокеанской России, замыкается в Восточной Евразии. Однако большое влияние на геополитическое положение региона оказывает и складывающиеся взаимоотношения России и Китая с Соединёнными Штатами Америки. Кроме того, Тихоокеанская Россия как часть Российской Федерации входит в ряд политико-экономических группировок, сложившихся как в Евразии, так и в АТР. Важными звеньями геополити-

тических структур в Восточной Евразии служат сочетания крупных аква-территориальных трансграничных регионов. Представляется, что в перспективе их геополитические функции будут возрастать; будут усиливаться и их сопряжения и взаимодействия.

Трансграничность как специфическая составляющая геополитического положения Тихоокеанской России служит важным фактором регионального развития. В то же время она закладывает объективные предпосылки устойчивого международного сотрудничества в Восточной Евразии в целом.

Статья подготовлена в рамках проекта № 18-05-04 Программы ДВО РАН «Дальний Восток».

Литература

- Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество: вчера, сегодня, завтра. Владивосток: Изд-во Дальневост. федерального ун-та, 2010. 568 с.
- Бакланов П.Я. Географические и геополитические факторы регионального развития // Вопросы географии № 141. Проблемы регионального развития России. М.: Издат. дом «Кодекс», 2016. С. 166–175.
- Бакланов П.Я. Контактные географические структуры и их функции в северо-Восточной Азии // Изв. РАН. Сер. геогр. 2000. № 1. С. 31–39.
- Бакланов П.Я. О категориях современной геополитики // Изв. РАН. Сер. геогр. 2003. № 2. С. 7–16.
- Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.
- Бакланов П.Я., Романов М.Т. Экономико-географическое и геополитическое положение Тихоокеанского региона России. Владивосток: Дальнаука, 2009. 168 с.
- Геополитический потенциал трансграничного сотрудничества стран Азиатско-Тихоокеанского региона (коллектив авторов). Владивосток: Дальнаука, Изд-во ВГУЭС, 2010. 626 с.
- Колосов В.А., Мироненко Н.С. Геополитика и геополитическая география. М.: Аспект-Пресс, 2002, 479 с.

- Колосов В.А. Горизонты исследования российского пограничья // Региональные исследования. 2018. № 3 (61). С. 5–8.
- Ларин В.Л. Тихоокеанская Россия как объект и субъект российской и международной политики // Вест. Дальневосточного отделения РАН. 2013. № 1. С. 4–9.
- Синтез научно-технических и экономических прогнозов: Тихоокеанская Россия – 2050 / Под ред. П.А. Минакира, В.С. Сергиенко. Владивосток: Дальнаука, 2011. 912 с.
- Тихоокеанская Россия в интеграционном пространстве Северной Пацифики в начале XXI века. Опыт и потенциал регионального и приграничного воздействия / Под ред. В.Л. Ларина. Владивосток, ИИАЭ ДВО РАН, 2017. 386 с.
- Тихоокеанская Россия: страницы прошлого, настоящего, будущего / Отв. ред. П.Я. Бакланов. Владивосток: Дальнаука, 2012. 406 с.
- Трансграничный регион: понятие, сущность, форма / Отв. ред. П.Я. Бакланов, М.Ю. Шинковский. Владивосток: Дальнаука, 2010. 276 с.
- Borders and transborder processes in Eurasia / Ed. S.V. Sevastianov, P. Richardson, A.A. Kireev. Vladivostok: Dalnauka, 2013. 250 p.

Дальний Восток и интеграция в Азию: настройка взаимосвязанности

© 2019 г. А.Б. Лихачева, Г.М. Калачигин

Центр комплексных европейских и международных исследований
НИУ ВШЭ, Москва, Россия

The Russian Far East and integration in Asia: tuning of connectivity

A.B. Likhacheva, G.M. Kalachigin

Center for Comprehensive European and International Studies, HSE, Moscow, Russia
alikhacheva@hse.ru; gkalachigin@hse.ru

Russian policy of Pivot to Asia has been institutionalized through the establishment of specialized Ministry for the development of the Far East and Arctic, a series of laws and normative acts, development of the Far East was declared by President Vladimir Putin as a “national priority for the whole 21st century”. However a principal element of the Pivot and advanced development of the region, i.e. active integration of the Far East into trade and economic ties of the Asia-Pacific region (APR) is still far from reaching its potential. The authors analyze foreign trade of the Far East as one of key indicators of successful integration of the region in Asia and come to a conclusion that there are no substantial differences with average Russian indicators. The latter represents clear evidence that existing potential of the Far East hasn't been realized yet. At the same time the authors provide a wide list of recommendations and suggestions on successful integration of the Far East in Asia both through institutional solutions, i.e. soft infrastructure and particular hard infrastructure projects able to considerably improve physical connectivity between Far Eastern producers and Asian markets.

Key words: *Asia-Pacific region, Far East, infrastructure, integration, regional trade.*

Российская политика «Поворота на Восток» институционализована через работу профильного Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики, серии специальных законов и нормативных решений, развитие Дальнего Востока было заявлено Президентом В.Путиным в 2013 г. в качестве «национального приоритета Российской Федерации на весь XXI век». Однако важнейший элемент «поворота» и опережающего развития, активная интеграция Дальнего Востока в торгово-экономические связи в АТР пока явно не вышла на свои потенциальные параметры. Авторы рассматривают внешнюю торговлю региона как один из ключевых показателей, отражающих успешность интеграции Дальнего Востока в Азию, и констатируют отсутствие существенных различий со среднероссийскими показателями, свидетельствующее о недоиспользовании существующего потенциала. В то же время предлагается широкий спектр предложений по обеспечению успешной интеграции Дальнего Востока в Азию как в области институциональных решений, т.е. «мягкой» инфраструктуры, так и в области конкретных «жестких»

инфраструктурных проектов, способных качественно облегчит физическую доступность азиатских рынков для дальневосточных товаров.

Ключевые слова: *Азиатско-Тихоокеанский Регион (АТР), Дальний Восток, интеграция, инфраструктура, региональная торговля.*

Введение

Последние несколько лет российский Дальний Восток позиционируется как «окно в Азию». Действительно, развитие этого региона декларируется как «национальный приоритет государства на весь XXI век». И уже в 2017 г. Министерство по развитию Дальнего Востока (ныне Министерство по развитию Дальнего Востока и Арктики) отчиталось об итогах 2017 г., превышающих среднесоюзные: прирост промышленного производства зафиксирован на уровне 2,2% (по России в среднем – 1%), прирост сельскохозяйственного производства – 8,8% (на 6,4% выше, чем в среднем по России), прирост инвестиций оказался почти в 4 раза выше, чем в среднем по стране (17,1% против 4,4%), а строительство выросло на 9,2%, в то время как по России снизилось на 1,4%. В то же время по данным ФТС прирост стоимости экспорта и импорта уступает среднероссийским показателям: импорт вырос на 8,6% (по России на 24,8%), а экспорт – на 19,3% (по России на 25,3%).

На Восточном экономическом форуме в 2018 г. было объявлено о поручении разработать Национальную программу развития Дальнего Востока России на период до 2025 г. с перспективой до 2035 г.¹. Это в очередной раз подтверждает намерения российских властей обеспечить устойчиво опережающий рост региона в ближайшие десятилетия.

В то же время структура внешней торговли региона близка к общероссийской, что свидетельствует о недостаточном использовании географических преимуществ Дальнего Востока перед другими регионами России

Динамика и структура внешней торговли Дальнего Востока

В стоимостных показателях можно отметить прирост экспорта с территории Дальнего Востока в 2017 г. относительно 2016 г. практически на 20%, а в 2018 г. на 26,8% относительно 2017 г. (в большинстве

¹ Дальний Восток получит Национальную программу развития // Министерство Российской Федерации по развитию Дальнего Востока. Режим доступа: <https://minvr.ru/press-center/news/18680/>.

Таблица 1. Структура экспорта Российской Федерации и Дальнего Востока в 2016–2018 гг.

Коды ТН ВЭД	Товарная группа	Доля в Российской Федерации, %			Доля на Дальнем Востоке, %		
		2016	2017	2018	2016	2017	2018
01-24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё (кроме текстильного)	6	5,8	5,5	14,1	12,9	13,3
25-26	Минеральные продукты	1	1,2	1,1	3,2	2,9	2,6
27	Топливо-энергетические товары	58,2	59,3	63,8	49	51,8	58,4
28-40	Продукция химической промышленности, каучук	7,3	6,7	6,1	0,2	0,2	0,2
41-43	Кожевенное сырьё, пушнина и изделия из них	0,1	0,1	0,1	<0,1	<0,1	<0,1
44-49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	3,4	3,3	3,1	4,9	4,7	4,0
50-67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	0,3	0,3	0,3	<0,1	<0,1	<0,1
71	Драгоценные камни, металлы и изделия из них	3,1	3,1	2,2	21,8	17,8	14,3
72-83	Металлы и изделия из них	10,1	10,4	9,8	1,6	1,3	1,9
84-85	Машины, оборудование	3,8	3,6	3,1	0,4	0,4	0,3
86-89	Транспортные средства	2,1	1,9	1,6	2,8	1,5	0,5
90-92	Технические инструменты и аппаратура	0,5	0,5	0,4	0,2	0,1	0,1
68-70, 94-97, 99	Другие товары	4	3,9	2,9	1,8	6,3	4,4

Составлено авторами на основе данных ФТС.

своём за счёт роста экспорта топливно-энергетических, других и продовольственных товаров). В то же время импорт в 2017 г. вырос лишь на 8,5% (во многом благодаря росту импорта машин и оборудования, продовольственных товаров и текстильной продукции) и остался практически неизменным в 2018 г. В то же время прирост экспорта и импорта Российской Федерации в 2017 г. оказался практически идентичным – 25,3 и 24,8%, однако в 2018 г. такая тенденция не продолжилась и прирост составил 25,8 и 4,6% соответственно. Таким образом, можно констатировать, что Дальний Восток ныне подтверждает роль экспортоориентированного региона.

Проведённый анализ показал, что в 2016 г. практически половина (49%) экспорта Дальнего Востока (табл. 1) приходилась на топливно-энергетические товары, что, тем не менее, почти на 10% меньше общероссийского показателя (58,2%). Если в 2017 г. данные показатели увеличились на 2,8 и 1,1% соответственно, то в 2018 г. экспорт топливно-энергетических товаров с территории Дальнего Востока увеличился на 6,6%. Такой рост можно объяснить существенным увеличением цен на нефть в рассматриваемый период: к примеру, в 2017 г. средняя

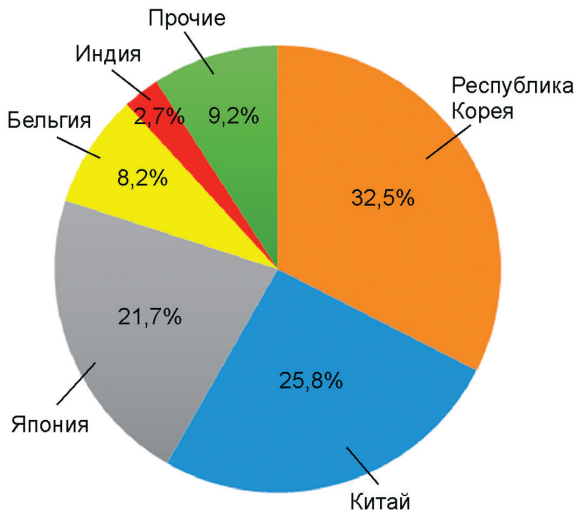

Рис. 1. Географическая структура экспорта Дальнего Востока в 2018 г. Составлено авторами на основе данных ФТС.

цена нефти марки Urals выросла на 26,6%². Это подтверждает значительный потенциал Дальнего Востока по опережающей диверсификации внешней торговли – одного из приоритетов развития региона. Важной составляющей дальневосточного экспорта служат драгоценные камни, металлы и изделия из них, занимая около 15–20% всего экспорта региона, что заметно выделяется на фоне общероссийского показателя. Зафиксировано также снижение доли древесины и целлюлозно-бумажных изделий в экспорте Дальнего Востока.

Одним из наиболее перспективных направлений экспорта Дальнего Востока считается продовольственная продукция, общая доля которой в региональном экспорте 2016–2018 гг. колеблется в пределах 13–14%. Из них 89% всего продовольственного экспорта Дальнего Востока приходится на рыбу и прочих водных беспозвоночных. Экспорт всех видов злаков за два года вырос на 21,8 млн долл. США (с 18,6 до 44,2), что по-прежнему составляет чуть более 1% от всей экспортированной регионом продовольственной продукции.

Почти треть территориальной структуры экспорта Дальнего Востока (рис. 1) приходится на поставки в Республику Корея (32,5%). Прибли-

² Цена нефти марки Urals за 2017 год выросла на 26,6% // ИА «ТАСС». Режим доступа: <http://tass.ru/ekonomika/4861722>.

Таблица 2. Структура импорта Российской Федерации и Дальнего Востока в 2016–2018 гг.

Коды ТН ВЭД	Товарная группа	Доля в Российской Федерации, %			Доля на Дальнем Востоке, %		
		2016	2017	2018	2016	2017	2018
01-24	Продовольственные товары и сельскохозяйственное сырьё (кроме текстильного)	13,7	12,7	12,4	14,4	15,2	14,2
25-26	Минеральные продукты	0,9	1,0	1,1	0,1	0,6	0,6
27	Топливо-энергетические товары	0,8	0,9	1,0	1,3	1,5	1,6
28-40	Продукция химической промышленности, каучук	18,6	17,7	18,3	9,3	9,4	10,6
41-43	Кожевенное сырьё, пушнина и изделия из них	0,4	0,5	0,5	0,3	0,2	0,3
44-49	Древесина и целлюлозно-бумажные изделия	1,9	1,6	1,6	1,4	1,4	1,4
50-67	Текстиль, текстильные изделия и обувь	6,0	6,0	6,2	3,9	4,5	5,2
71	Драгоценные камни, металлы и изделия из них	0,2	0,3	0,3	0,2	<0,1	0,6
72-83	Металлы и изделия из них	6,3	6,9	7,2	10,2	8,7	9,3
84-85	Машины, оборудование	31,3	31,7	30,9	34,5	35,0	35,3
86-89	Транспортные средства	10,2	11,2	10,9	14,6	14,2	10,5
90-92	Технические инструменты и аппаратура	3,0	2,9	3,0	1,7	2,1	1,6
68-70, 94-97, 99	Другие товары	6,7	6,7	6,5	8,1	7,1	8,7

Составлено авторами на основе данных ФТС.

зительно одинаковы доли поставок в Китай (25,8%) и Японию (21,7%). Высокая доля географически отдалённой Бельгии объясняется тем, что более половины всего экспорта драгоценных металлов, камней и изделий из них реализуется через Антверпен, алмазную столицу Европы. Топ-5 импортёров дальневосточной продукции замыкает Индия с 2,7%. За 2018 г. свою долю нарастила Республика Корея и Китай, а поставки в прочие страны уменьшились почти на 5% (с 13,9 до 9,2).

Анализ товарной структуры импорта Дальнего Востока позволил сделать вывод о схожести с общероссийской (табл. 2). В 2018 г. около половины (45,8%) импорта занимает высокотехнологичная продукция: машины, оборудование и транспортные средства. Дальний Восток также импортирует продовольственные товары (14,2%) – в основном это мясо, овощи, фрукты и орехи. Из продукции химической промышленности наиболее значимый импорт приходится на пластмассы (4,3%), каучук, резину и их субпродукты (2,8%). Таким образом, в настоящее время Дальний Восток в большинстве своём импортирует то, что не производится на его территории или то, на что спрос превышает предложение на внутреннем рынке.

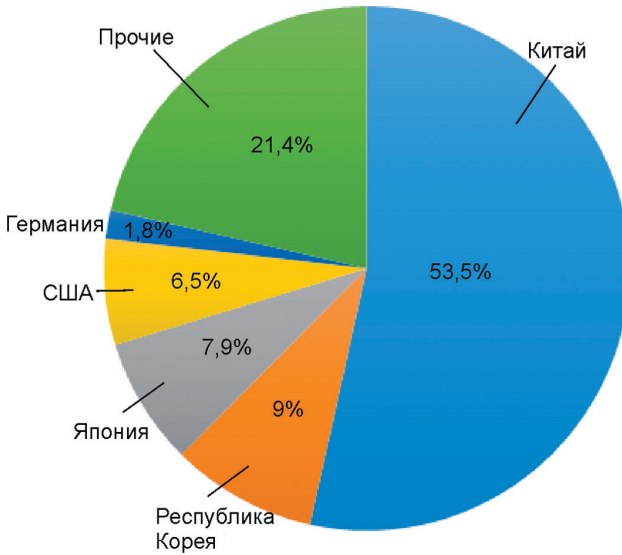

Рис. 2. Географическая структура импорта Дальнего Востока в 2018 г.

Географическая структура импорта Дальнего Востока (рис. 2) не так разнообразна, как структура экспорта. За два года значительно увеличилась доля импорта из Китая (с 39,6 до 53,5%), выросла доля японской продукции (с 7,3 до 7,9%), уменьшаются корейские (с 11 до 9%). Также Германия вытеснила Бразилию из топ-5 экспортёров на Дальний Восток, при этом поставив всего около 1,8% от общей стоимости импорта. В то же время в результате нового витка антироссийских санкций в 2017 г. более чем вдвое снизилась доля американской продукции (с 12,6 до 5,8%) с небольшим отскоком до 6,5% в 2018 г., а также уменьшилась доля прочих стран (в основном, европейских).

Механизмы вовлечения Дальнего Востока в азиатский регион

Можно выделить две главные сферы, которые способны усилить экономическую взаимосвязь между Дальним Востоком и азиатскими странами: институциональную и инфраструктурную.

Опора на институты. Сегодня наиболее перспективные отрасли дальневосточной экономики одновременно и наиболее сложные для использования их при входе на рынки большинства стран Азии. В первую очередь, это сельское хозяйство (злаки, мясо, рыба и продукция из

них), пищевая, химическая и целлюлозно-бумажная промышленность. В этой связи вопрос регулирования на рынках стран АТР доступа продукции приоритетных отраслей дальневосточной экономики сегодня становится одним из ключевых с точки зрения и обеспечения конкурентоспособности дальневосточного экспорта, и результативности всего комплекса мер по интеграции Дальнего Востока в рынок АТР.

Такая относительно перспективная продукция дальневосточного экспорта как лесоматериалы, драгоценные камни и металлы в гораздо большей степени открыты для экспорта в страны Азии. Тарифы по ним зачастую обнулены или очень низки, процедуры сертификации максимально упрощены. Поэтому главным приоритетом для Дальнего Востока в случае сырьевых товаров и драгоценных камней служит не экспорт как таковой, а повышение степени переработки продукции для экспорта, что требует привлечения инвестиций в региональные производства и создания эффективного механизма экспортных гарантий.

По обоим направлениям максимальную поддержку можно обеспечить только в интенсивном диалоге с Евразийской экономической комиссией, национальными ведомствами и их иностранными аналогами, а также при задействовании дополнительных каналов поддержки: Российского экспортного центра, деловых советов, бизнес-форумов, муниципальных органов власти.

Независимо от текущих отраслевых приоритетов долгосрочный приоритет Министерства по развитию Дальнего Востока РФ (далее – Министерство) в отношениях со странами АТР – это гармонизация нетарифных барьеров в регионе. Достижение этой стратегической цели возможно также только в интенсивном диалоге с Евразийской экономической комиссией, поскольку главным агентом для согласования торговых режимов с участием России в долгосрочном плане будет именно эта Комиссия. Такая гармонизация позволит значительно расширить экспортные возможности, снизить издержки входа на рынок, позволит дальневосточным производителям трансформировать региональный рынок: от рынка, на котором правила диктует покупатель – к рынку, где важнейшее регулятивное воздействие оказывает продавец. Тем более что большинство перспективных экспортных товаров Дальнего Востока относится к категории товаров, характеризующихся растущим спросом и, в то же время, удорожанием в странах Азии ресурсов, необходимых для их производства. При этом отдельные механизмы возможной поддержки Европейской экономической

комиссией дальневосточных приоритетных отраслей и проектов изменяются в зависимости от страны-партнера и уровня переговоров.

В рамках институционального взаимодействия можно выделить следующее:

а) Россия как член ЕАЭС уже подписала соглашение о зоне свободной торговли с Вьетнамом (действует с 5.10.2016)³ и временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли с Исламской Республикой Иран⁴;

б) подписано торгово-экономическое соглашение между Союзом и Китайской Народной Республикой⁵, которое не является преференциальным, однако имеет определённые позитивные моменты, способствующие выходу российских производителей на китайский рынок;

в) в рамках ЕАЭС на разных этапах находятся переговоры о заключении соглашений с Индией, Сингапуром, Сербией, Египтом и Израилем;

г) на этом треке, а также на национальных и региональных треках всё ещё существует обширное пространство для маневра в части укрепления позиций дальневосточных экспортеров.

Конкретные дальнейшие меры, которые могли бы оказать положительное влияние на торговые связи между дальним Востоком и азиатскими странами, включают следующее:

1) инициирование создания постоянных каналов взаимодействия с профильными регулирующими инстанциями в странах Азии при проведении разъяснительных мероприятий для дальневосточных экспортёров с последующим переводом этой работы на уровень региональных властей и бизнес-ассоциаций. Особенно это может быть полезно для экспортёров сельскохозяйственной и пищевой продукции, отраслей, сильно зависящих от санитарного регулирования;

2) создание эффективной платформы для уточнения тарифных и особенно нетарифных барьеров в режиме «по запросу» от экспортё-

³ Вступило в силу соглашение о зоне свободной торговли между Евразийским экономическим союзом и Вьетнамом // Евразийская экономическая комиссия. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/06-10-2016-1.aspx>.

⁴ Подписано Временное соглашение, ведущее к образованию зоны свободной торговли между ЕАЭС и Ираном // Евразийская экономическая комиссия. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-1.aspx>.

⁵ Подписано Соглашение о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и КНР // Евразийская экономическая комиссия. Режим доступа: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/17-05-2018-5.aspx>.

ров. Учитывая глубокий уровень детализации, доступный для анализа нетарифных барьеров, для обеспечения эффективной поддержки экспортеров будет более эффективным предоставление им консультационной поддержки «по запросу» через максимально удобный интерфейс, а не систематизация всех видов нетарифных барьеров в единую базу;

3) создание платформы с примерами «лучших практик» / «Успешных экспортных решений» с подробным поэтапным описанием прохождения сертификации, перевода и оформления упаковки, брендинга упаковки и маркировки и пр.;

4) аккумулирование жалоб экспортёров на нетарифные барьеры для включения данных сюжетов в переговоры Евразийской экономической комиссии с данными странами; для обсуждения на двусторонних треках через Минэкономразвития;

5) поддержка отраслевых и маркетинговых исследований в интересах дальневосточных экспортёров, нацеленных на адаптацию к нетарифным барьерам в странах Азии;

6) распространение информации о возможностях государственной поддержки экспорта через Российский экспортный центр, институты экспортного финансирования, двусторонние фонды и диалоги, диалоги бизнеса при межправительственных комиссиях и пр. (российско-китайский, российско-японский, Россия–АСЕАН и пр.);

7) создание базы контактов доверенных торговых посредников: лицензированных таможенных брокеров, консультантов по сертификации и пр. для дальневосточных экспортёров. Без подобных услуг экспорт на большинство азиатских рынков затруднён или законодательно запрещён (как в Корее по лицензированным таможенным брокерам).

8) включение вопросов снижения/устранения нетарифных барьеров в диалог с инвесторами из стран Азии для задействования ресурсов национального лоббирования.

Весьма важен межведомственный диалог как инструмент укрепления дальневосточной позиции на азиатских рынках. Кроме того, наряду с активным сотрудничеством с Евразийской экономической комиссией и деловыми платформами, необходимо усилить взаимодействие и с рядом национальных ведомств. Важно координировать усилия с Министерством экономического развития РФ в особенности по линии реализации экспортного потенциала дальневосточных

производителей, привлечению инвестиций и определения запросной позиции с последующим совместным продвижением её в ЕЭК.

Для системного преодоления нетарифных барьеров по фитосанитарным критериям дальневосточными экспортёрами необходимо создание специализированных международных групп Министерства в партнёрстве с Минсельхозом РФ, поскольку именно подчиненное ему ведомство, Россельхознадзор, выступает гарантом для третьих стран в отношении соблюдения фитосанитарных норм и стандартов.

С высокой долей вероятности можно ожидать, что такой формат двусторонних комиссий будет эффективным только при ведущей роли Министерства по развитию Дальнего Востока, однако самостоятельно, без поддержки Минсельхоза, значительных уступок от китайской, корейской и японской стороны дальневосточным экспортёрам добиться вряд ли удастся.

Это особенно важно в контексте тарифных ограничений, где наиболее уязвима злаковая продукция, однако основные направления поставок на данный момент – это страны, с которыми в среднесрочной перспективе не планируется заключение зоны свободной торговли (за исключением Республики Корея, в которой даже при ЗСТ большинство знаков подпадают в категорию чувствительных).

Более того, в Китае и Республике Корея действует запрет на импорт отдельных видов знаков и используются квоты. Все рассматриваемые страны характеризуются специфическими особенностями в сфере таможенного контроля. Высокими нетарифными барьерами для дальневосточных товаров отличаются также рынки мяса, рыбы и ракообразных. Это и нетарифные барьеры, преимущественно по фитосанитарным критериям (запрет на импорт российского мяса в КНР, специальная процедура разрешения на импорт сельхозпродукции в Корею), и квоты (на рыбу и мясо – в Японии), и требования по маркировке и сертификации (во всех странах) и пр.

Важный вектор продвижения интересов Дальнего Востока – взаимодействие по линии сотрудничества с профильными иностранными ведомствами. Особое значение имеет налаживание контактов со структурами приграничных районов; в первую очередь речь идёт о муниципальных властях в Китае, которые имеют выход как на представителей бизнеса, так и на местные экспертно-аналитические центры.

Безусловно, необходимо поддерживать тесные контакты с иностранными министерствами (Министерством торговли, промышлен-

ности и энергетики Республики Корея, Министерством коммерции КНР, Министерством торговли и промышленности Индии, подобными структурами в странах АСЕАН) для трансляции информации об экономических процессах на Дальнем Востоке и получения актуальной информации о регулировании торговли для экспортеров.

Ставка на инфраструктуру. Низкий уровень развития транспортной инфраструктуры часто и справедливо называют одним из главных препятствий ускоренному развитию Сибири и Дальнего Востока. Удалённость территории от основных центров экономической активности, низкий уровень транспортной связанности крупнейших городов востока России, нехватка экспортных транспортных артерий и слабая интеграция транспортной инфраструктуры региона в логистическую сеть стран АТР представляют огромные сложности для реализации новой модели развития региона, нацеленной на привлечение частных инвестиций и экспорт продукции в страны Азии⁶.

Плотность автомобильных дорог общего пользования с твёрдым покрытием и железных дорог общего пользования в Сибирском федеральном округе соответственно в 1,6 и 2,0 раза, а в Дальневосточном – в 6,5 и 3,6 раза ниже, чем в среднем по России. В ряде субъектов федерации (Чукотский автономный округ, Камчатский край, Магаданская область) железные дороги и вовсе отсутствуют. Сеть аэродромов, которая была относительно широкой в СССР, в настоящее время существенно сократилась. Общее количество аэропортов в Сибирском и Дальневосточном федеральных округах составляет 114, что существенно меньше, чем на одной лишь Аляске. Прямые рейсы между многими крупными сибирскими и дальневосточными городами отсутствуют.

Проблема состоит не только в неразвитости транспортной сети Сибири и Дальнего Востока, но и в высокой стоимости транспортных услуг. Тарифы на железнодорожные перевозки в России – одни из самых высоких в мире. Стоимость авиасообщения в России также завышена. Перелёт из Красноярска или Иркутска во Владивосток дороже, иногда в разы, рейсов аналогичной дальности из Москвы в страны Европейского Союза. А в случае отсутствия прямых рейсов между городами возникает необходимость перелёта через Москву, что ещё больше увеличивает сто-

⁶ Likhacheva A., Makarov I., Pestich A. Building a Common Eurasian Infrastructure: Agenda for the Eurasian Economic Union // International Organizations Research Journ. 2018. V. 15. № 3.

имость маршрута⁷. В то время как для среднего американца стоимость среднего внутринационального рейса составляет около 5% месячного дохода, для среднего россиянина она превышает месячный доход⁸.

Высокие тарифы и необходимость преодоления больших расстояний приводят к тому, что доля транспортных издержек в цене производимой за Уралом продукции крайне высока: для угля и цемента она доходит до 30%, для щебня – до 60%, для зерна – до 80%. Для примера, в Иркутской области прибыль предприятий алюминиевой, целлюлозно-бумажной и химической промышленности из-за высоких транспортных издержек в несколько раз ниже потенциальных значений⁹.

Сегодня сотрудничество в развитии инфраструктуры – крайне важный компонент для наращивания взаимосвязанности как в Азии, так и в мире в целом. За последние 10 лет азиатские страны инициировали или оказывали поддержку нескольким широкомасштабным инфраструктурным проектам в регионе.

Китай запустил многообещающую инициативу «Один пояс – один путь» (ОПОП) как часть стратегии внутреннего развития, на которой сейчас во многом базируется внешнеэкономическая политика страны. Россия может использовать эту инициативу в качестве механизма по модернизации и продвижению Северного морского пути и реновации Транссибирской магистрали, что объективно относят к важнейшим аспектам стратегического развития страны.

АСЕАН имеет существенный опыт межправительственного сотрудничества и сумела преуспеть в развитии инфраструктуры благодаря «Дорожной карте по наращиванию взаимосвязанности» и Экономическому сообществу АСЕАН. Кроме того, АСЕАН и её партнёры по АСЕАН+ инициировали переговоры о свободной торговле в рамках Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (РВЭП). Корея официально запустила корейскую Евразийскую инициативу.

Основная инфраструктурная идея данного проекта связана со смыканием Транскорейской железной дороги с Транссибом. Вторая, более позд-

⁷ Кокошин А.А. Вопросы долгосрочного развития Восточной Сибири и российского Дальнего Востока в контексте глобальной политической и экономической динамики. М.: ЛЕНАНД, 2012.

⁸ Иноземцев В.Л., Зубов В.М. Сибирское благословение. М.: Аргатак-медиа, 2013.

⁹ Россия: восточный вектор. Предложения к стратегии развития Сибири и Дальнего Востока. Аналитический доклад / Под ред. В.С. Ефимова, В.А. Крюкова. Красноярск: Сибирский федеральный ун-т, 2014.

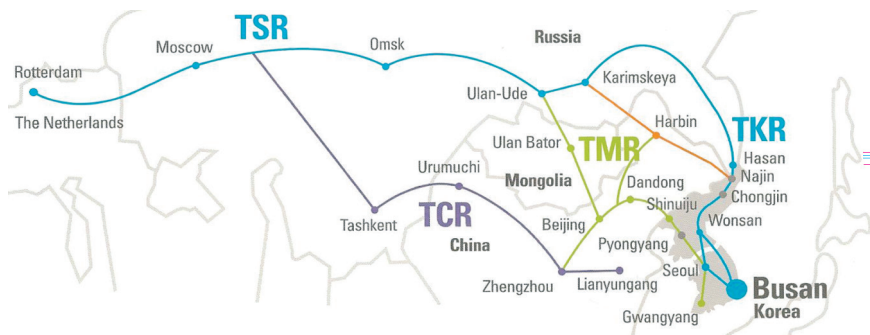

Рис. 3. Корейская евразийская инициатива – версия с транскорейской железной дорогой

Рис. 4. Корейская евразийская инициатива в обход КНДР

няя вариация, идущая в обход КНДР, – Евразийский экспресс дружбы, предполагает морскую перевозку до российских и китайских портов, и далее, через китайские железные дороги и Транссиб – в Европу. Первый состав по этому маршруту был отправлен 14 июня 2015 г. Однако говорить о выходе проекта на заметные мощности пока не приходится (рис. 3 и 4).

Индия начала позиционировать себя как Евразийская держава и предложила вернуться к идее мультимодального транспортного коридора Север – Юг через Евразийский торговый путь.

В долгосрочной перспективе, перед Дальним Востоком встанет ряд вопросов, связанных непосредственно с развитием инфраструк-

туры и наращиванием экспорта в страны АТР: а) критическая загруженность Транссиба, и связанная с этим в перспективе конкуренция между сибирским и дальневосточным экспортом; б) потенциально высокая конкуренция с Казахстаном по ряду экспортных позиций, что в условиях интенсивного наращивания казахстано-китайской инфраструктуры может негативно повлиять на Дальний Восток; в) проблемы российско-китайского управления в бассейне Амура.

Все эти вызовы не позволяют найти эффективные решения в рамках исключительно региональных переговоров: в первом случае необходим как минимум федеральный уровень, помноженный на диалог с Казахстаном в связи с увеличением транзитных потоков через Транссиб и освоением новых путей экспорта; во втором – это проблема конкуренции внутри ЕАЭС и гармонизации нетарифных барьеров в отношении стран-членов ЕАЭС со стороны Китая; в третьем – это проблема китайского подхода к управлению международными водными бассейнами.

Однако пока предметные шаги в области создания новой инфраструктуры, способные оказать положительное влияние на интеграцию Дальнего Востока в азиатско-тихоокеанский регион, предпринимает только китайская сторона. Среди многочисленных проектов в рамках ОПОП можно выделить ряд инициатив, интересных для России и Дальнего Востока.

Трансграничные транспортные проекты Китая и России могут сыграть важную роль в развитии Дальнего Востока. В 2013 г. были открыты дороги и мосты, связывающие материковую часть Хабаровского края с Большим уссурийским островом и Китаем, а в 2015 г. начато строительство железнодорожного моста через р. Амур, соединяющего Еврейскую автономную область и китайскую провинцию Хэйлунцзян.

Благодаря китайской поддержке был запущен процесс развития транспортных коридоров в Приморье. Проект включает в себя действующий транспортный коридор "Приморье-1", который соединяет пограничную железнодорожную станцию Суйфэньхэ с контейнерным терминалом порта Восточный и составляет 500 км, в то время как расстояние от Суйфэньхэ до ближайшего китайского порта Далянь составляет примерно 1300 км. В коридоре есть доступ к автомагистрали между Уссурийском и Пограничным, и порты Находка и Владивосток. Его конечная цель – возможность отгрузки китайских контейнеров в Северо-Восточную Азию и США.

Второй коридор, "Приморье-2", соединяет Цзилинь с портами Славянка, Зарубино и Посьет. Для порта Зарубино будут построены четыре терминала по конкретным товарам, запуск которых ожидался

в 2018 г. При изучении использования портов ожидается, что примерно 60% грузопотока будет приходиться на Китай, 30% – на экспорт российских товаров в Азиатско-Тихоокеанский регион и 10% – на торговлю между Россией и другими внешнеторговыми партнерами¹⁰.

Несмотря на то, что запуск терминалов откладывается, целесообразно отметить, что ООО «Морской порт в бухте Троицы» (единственный действующий международный морской порт в поселке Зарубино) в 2018 г. отчитался о рекордном перевале генеральных грузов в размере 352 тыс. т, что в 1,76 раза больше показателя 2017 г.¹¹. Отдельно обратим внимание, что жёсткое разделение институциональных и инфраструктурных мер поддержки экспорта противоречит логике современных тенденций в торговле.

Пример проекта зернового терминала в порту Зарубино в этом отношении показателен: при сохраняющемся запрете на импорт дальневосточной пшеницы в КНР из всех регионов Дальнего Востока кроме Амурской области, нестабильных фитосанитарных нормах в Индии и заградительных пошлинах и карантинном допуске пшеницы в Корею оценка перспектив загрузки порта без учёта институциональной поддержки (как в рамках переговоров и соглашений о ЗСТ, так и прочих консультациях и обменах информацией) будет нерепрезентативна.

В рамках предложений по третьему коридору предполагается, что "Приморье-3" будет простираться от Китая до Владивостока и окажется существенно более коротким маршрутом, чем другие предлагаемые коридоры. Одно из существенных преимуществ этого коридора заключается в том, что он будет выступать не только в качестве хаба для транзита китайских товаров, но и хаба для европейских товаров, а также шлюза для Северного морского пути. Однако реализовать его сложно, так как в планируемом грузообороте преобладают контейнерные грузы и зерно, которые сложно перевезти через Северный морской путь из-за отсутствия надлежащей инфраструктуры и климатических условий Арктики.

Также отдельного внимания заслуживает Амурский проект как один из стратегически значимых. Амурский транспортный пояс, *программа комплексного освоения Амура как транспортно-логистической артерии* может решить сразу несколько задач: разгрузить Транс-

¹⁰ Развитие транспортных связей Приморского края с Китаем // Транспортно-логистическая компания «Райдо-Глобал». Режим доступа: <https://raido-global.ru/news/20532.html>.

¹¹ «Морской порт в бухте Троицы» установил рекорд по перевалке грузов в 2018 г. // Морской порт в бухте Троица. Режим доступа: http://seaport-troitsa.ru/news/morskoy_port_v_bukhte_troitsy_ustanovil_rekord_po_perevalke_gruzov_v_2018_godu/.

сибирскую магистраль и облегчить доступ экспортных товаров из России на внешние рынки в сезон навигации, наладить элементы эффективного российско-китайского управления рекой, закрепить выгодный России и постоянно оспариваемый Китаем статус Амура как «свободного от плотин». По предварительным оценкам, проект комплексного развития Амура как транспортной артерии может практически продублировать БАМ по мощности перевозок. Организация такого крупного проекта помимо конкретных транспортно-логистических задач, может создать и значительный репутационный капитал.

С учётом уникального биоразнообразия Амура важность реки для поддержания всех экосистем региона, статуса самой протяжённой речной границы в мире и значительного дисбаланса в управлении рекой с российской и китайской стороны разработка такого проекта требует полноценного межправительственного и межведомственного диалога, привлечения средств международных институтов развития, в частности Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, применения принципов стратегической экологической оценки ООН (ратифицирована и Россией, и Китаем) и пр. Более того, без такого мегапроекта можно ожидать, что добиться более конструктивного подхода с китайской стороны по вопросам обмена информацией, регулярных мониторингов, противодействия стихийным бедствиям на реке в обозримом будущем не удастся.

Как показывает опыт китайских соседей, расположенных в бассейне р. Меконг (Лаоса, Камбоджи, Таиланда, Вьетнама, Мьянмы), опыт Индии в отношении Брахмапутры, Казахстана – по Иртышу, без погружения Китая в более широкие переговорные форматы добиться необходимого прогресса в регулировании амурского бассейна не удастся. Принимая во внимание схожие проблемы между Китаем, Казахстаном и Россией по Иртышу, перевод амурской проблемы на евразийский уровень представляется перспективным, хотя и столкнётся с сопротивлением со стороны Китая, предпочитающего «заматывать» неудобные вопросы на уровне двусторонних бассейновых комиссий.

Приграничное сотрудничество. На территории современного Дальнего Востока уже существуют приграничные зоны экономического сотрудничества, например, с Китаем (Хэйхэ-Благовещенск, Суйфэньхэ-Пограничный, Маньчжурия-Забайкальск и Хунчун-Зарубино). Однако созданы они были достаточно давно и поэтому целесообразно рассмотреть возможность обновления или замены данных зон, как это было ранее сделано посредством создания территорий опережающего развития.

Целью новых «территорий опережающего приграничного развития» должно стать увеличение инвестиционного, торгово-экономического сотрудничества, а также туристических потоков за счет обновления инфраструктуры. Опыт АСЕАН показывает, что один из наиболее эффективных направлений по увеличению экспорта товаров с высокой добавленной стоимостью в КНР заключается в создании совместных приграничных зон торгово-экономического сотрудничества, запуске индустриальных и технопарков, создании экономических коридоров роста и специальных экономических зон.

В этой связи инициатива, объявленная вице-премьером Ю.П. Трутневым в феврале 2018 г. о создании трансграничной территории опережающего развития (ТТОР) в районе пунктов пропусков Пограничный— Суйфэньхэ с зоной свободной торговли может стать успешным катализатором российского экспорта. В этом отношении целесообразно расширить подобную практику на создание аутлетов премиальных товаров, аксессуаров, косметики и т.д. в приграничных городах, популярных у китайских туристов, таких как Благовещенск и Владивосток

Перспективен запуск на территории Дальнего Востока специальной программы по привлечению китайских туристов по аналогии с вьетнамской Zero Dollar tours. Она подразумевает бесплатное проживание и питание китайских туристов на территории принимающей стороны. При этом обязательное условие – это закупки сувенирной и иной продукции в определённых магазинах, предназначенных исключительно для посещения китайскими туристами. Наибольшим потенциалом для организации подобного вида туризма обладают самые популярные туристические маршруты на Дальнем Востоке – Амурская область, Приморский и Хабаровский края.

В случае с Вьетнамом и Малайзией значительная доля экспортируемой в КНР высокотехнологичной и промышленной продукции производится на совместных предприятиях на территории инновационных комплексов или за счёт привлечения китайских инвестиций, технологий и оборудования. Учитывая увеличение числа ТОРов на Дальнем Востоке, а также их специализацию, перспективу имеет создание совместных предприятий в рамках ТОРов, ориентированных на экспорт водоёмкой продукции в Китай, таких как «Михайловский», «Белогорск» и «Николаевск», а также совместных промышленных кластеров в рамках приграничных зон торгово-экономического сотрудничества.

Один из механизмов наращивания экономической активности в приграничных зонах – размещение кластеров сборочных предприятий для последующего экспорта товаров в третьи страны. Стоит рассмотреть возможность создания малых приграничных зон для проведения «экспериментов» с точки зрения применяемых мер поддержки и преференций.

В этом отношении опыт Малайзии может иметь практическую значимость для России и, в частности, для Дальнего Востока. С конца 2000-х годов в России активизировалась государственная научно-техническая политика, пристальное внимание стало уделяться вопросу стимулирования инноваций. Однако в российских реалиях инновации обходят стороной сырьевой сектор. Возможности Дальнего Востока заключаются именно в качественном повышении эффективности использования его ресурсного потенциала. Он должен служить ядром для развития высокотехнологичных отраслей, а не просто генерировать прибыли компаний и создавать рабочие места.

Заключение

Дальневосточный регион должен превратиться в территорию инновационного развития отраслей, связанных с природными ресурсами: от энергетики и металлургии до сельского хозяйства и туризма. Тем более что на Дальнем Востоке созданы территории опережающего развития (ТОРы), ориентированы на добычу газа и нефти (ТОР «Южная Якутия», «Свободный» и «Нефтехимический»). Кроме того, по данным Федеральной таможенной службы РФ, топливно-энергетические товары составляют 49% совокупного экспорта Дальнего Востока.

Другой основополагающий инструмент – инвестирование в инфраструктуру, которое целесообразно осуществлять с банками развития, например, Азиатским банком инфраструктурных инвестиций или Новым банком БРИКС. Такие проекты будут способствовать улучшению транспортной доступности, скорости перемещения и, как следствие, наращиванию физической взаимосвязанности в приграничных регионах.

В то же время на переговорах о создании и/или обновлении приграничных зон целесообразно учитывать экологические последствия создания новых производств на территории Дальнего Востока. Нельзя допустить переноса китайских «грязных» производств, которые повлекут за собой больший ущерб по сравнению с выгодами.

Евразийская континентальная интеграция в экономико-географическом измерении: предпосылки, трудности, новые возможности

© 2019 г. Л.А. Безруков

Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения РАН,
Иркутск, Россия

Eurasian continental integration in the economic and geographical dimension: prerequisites, difficulties, new opportunities

L.A. Bezrukov

Sochava Institute of Geography, Siberian Branch of RAS, Irkutsk, Russia

labezrukov@yandex.ru

The tendency for the progressive establishment of a broad integration association of a continental scale, «Greater Eurasia», on the basis of the Eurasian Economic Union and the Shanghai Cooperation Organization is highlighted. The general prerequisites and difficulties of creating Eurasian continental integration are considered. Theoretical views on a role of intracontinental Eurasia in the world were covered. The general geographical feature of the countries classified as Greater Eurasia – unique ultracontinental position of their deep territories, located at the maximum distance from the economical sea routes and major world markets – is explored. Using the example of the countries of Central Asia, Siberia, Russia and the western regions of China, the negative influence of the ultracontinental factor, which manifests itself in an increase in transportation costs, which, in turn, poses serious barriers to economic growth and foreign trade, is shown. The accelerated creation of international transport corridors of latitudinal and meridional orientation as a potentially powerful means of closer economic consolidation and interdependent economic development of the deep territories of Greater Eurasia is proposed. New opportunities for development of Siberia are named.

Key words: *economic interaction, Eurasian continental integration, Greater Eurasia, international transport corridors, transportation costs, ultracontinental zones.*

Отмечена тенденция поступательного формирования на основе Евразийского экономического союза и Шанхайской организации сотрудничества широкого интеграционного объединения континентального масштаба – Большой Евразии. Рассмотрены общие предпосылки и трудности создания евразийской континентальной интеграции. Освещены теоретические взгляды на роль внутриконтинентальной Евразии в мире. Раскрыта общая географическая особенность отнесённых к Большой Евразии стран – уникальное ультраконтинентальное положение их глубинных территорий, находящихся на максимальном в мире удалении от экономических морских

путей и основных мировых рынков. На примере стран Центральной Азии, Российской Сибири и западных регионов Китая показано негативное влияние фактора ультраконтинентальности, проявляющееся в повышении уровня транспортных издержек, что ставит серьёзные барьеры росту экономики и внешнеторговой деятельности. Потенциально мощным средством более тесной хозяйственной консолидации и взаимообусловленного экономического развития глубинных территорий Большой Евразии предложено считать ускоренное создание международных транспортных коридоров широтной и меридиональной ориентации. Названы открывающиеся перед Сибирью в связи с этим новые возможности развития.

Ключевые слова: *Большая Евразия, евразийская континентальная интеграция, международные транспортные коридоры, транспортные издержки, ультраконтинентальные зоны, хозяйственное взаимодействие.*

Введение в проблему

В последние годы усилилось стремление к евразийской интеграции, что в первую очередь проявляется в расширении круга участников двух крупных объединений – Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС). В связи с этим возник новый термин «Большая Евразия», который ввели в научный оборот эксперты Валдайского клуба Т.В. Бордачев и С.А. Караганов (К Великому океану..., 2016, 2017). На высшем уровне идея широкой евразийской общности была выдвинута в 2016 г. президентами России В.В. Путиным и Казахстана Н.А. Назарбаевым на Петербургском международном экономическом форуме. Озвучивая эту идею, В.В. Путин заявил о возможности формирования «большого Евразийского партнёрства», или «Большой Евразии» с участием партнёров по ЕАЭС, Китая, Индии, Пакистана, Ирана, стран Центральной Азии, других заинтересованных государств континента (Обухова, Скоробогатый, 2016). На первоначальном этапе ведущую роль в реализации этого проекта призваны сыграть тандем Россия–Китай, тенденции поворота России на восток, а Китая на запад, сопряжения ЕАЭС и экономического пояса «Великого Шёлкового пути».

Тема евразийской интеграции имеет значительный задел в теоретическом обосновании. Следует назвать в первую очередь оригинальную систему идей классического евразийства, возникших в 1920-е годы в среде русской эмиграции. В основе этой мощной научной школы лежит «евразийская идея» России как особого типа срединной цивилизации, объединяющей в своих рамках народы материковой Евразии, которые

связаны общностью исторической судьбы, природных условий и языка, сложившимся взаимозависимым хозяйственным комплексом, многовековыми традициями единого государства и наднациональной социально-культурной идентичностью (Савицкий, 1997; Трубецкой, 1999).

Вместе с тем необходимо уточнить, что доктрина классического евразийства понимала под Евразией территорию главным образом в границах Российской империи–СССР, тогда как в настоящее время идеи евразийства приобретают конкретное практическое воплощение в более широкой «евразийской континентальной» интеграции (Винокуров, Либман, 2013), которая охватывает целый ряд соседних с постсоветским пространством стран. Такая трансформация объединительных процессов оценивается весьма неоднозначно. Если американский политический деятель З. Бжезинский (1999) считал создание «антигегемонистской» коалиции с участием России, Китая и Ирана потенциально самым опасным сценарием развития событий для США, то российский неоевразиец А.Г. Дугин (2014), наоборот, выступает за стратегию формирования на материке такого единого «большого пространства», которое способно стать одним из полюсов многополярного мира, а геополитики И.Ф. Кефели и Д.И. Кузнецов (2018) рассматривают Большую Евразию непосредственно как проект создания устойчивого полицентричного мира.

Значительный вклад в обоснование современных концептуальных представлений о Большой Евразии внесли доклады и обзоры Валдайского клуба (К Великому..., 2016, 2017; Возвышение..., 2018) и Евразийского банка развития (Международные..., 2009; Винокуров и др., 2018). По рассматриваемой междисциплинарной теме продуктивно работает целый ряд российских исследователей – географов, экономистов, историков, культурологов и политологов. Только из экономико-географических и близких к ним экономических работ последних лет по данной теме следует отметить следующие (Колосов, 2012; Винокуров, Либман, 2013; Романов, 2014; Вардомский, 2015, 2018; Дружинин, 2016, 2017; Безруков, 2016, 2018; Шупер, 2016, 2018; Лисоволик, Сутырин, 2017; Бобрик, 2017; Потоцкая, 2018; Вардомский, Тураева, 2018; Винокуров и др., 2018; и др.).

Тем не менее многие вопросы создания Большой Евразии должным образом пока не проработаны. К ним прежде всего относятся вопросы состава и границ большого Евразийского партнёрства, предпосылок и трудностей объединения столь разных стран, пределов (глубины) их экономической и политической интеграции, выбора конкретных про-

ектов создания глобальной транспортной инфраструктуры, возникающих при этом новых возможностей и др. Остановимся далее в основном лишь на одной из проблем формирования Большой Евразии, имеющей географический характер. Дело в том, что сохраняющаяся зависимость развития экономики и международной торговли от географического положения соответствующих стран и районов в целом крайне слабо осознаётся современными экономистами, географами и политологами, что профессионально подмечено в отдельных работах (Haushmann, 2001; Хекимоглу, 2005). Речь пойдет главным образом о влиянии внутриконтинентального положения обширных глубинных территорий материка, удалённых на огромные расстояния от экономичных морских путей, на процессы евразийской интеграции и современного экономического развития, а также о путях преодоления этих трудностей на основе строительства международных транспортных коридоров и укрепления хозяйственных связей в рамках складывающегося партнерства.

Общие предпосылки и трудности создания Большой Евразии

Для предметного разговора о Большой Евразии требуется её чёткая географическая делимитация. Однако какого-либо однозначного представления об этом понятии (геоконцепте) пока ещё не сложилось, и большинство исследователей непростою вопрос его состава и границ старается обходить стороной. Диапазон имеющихся мнений очень широк: от масштаба постсоветского пространства до территориальных рамок всего евразийского континента, даже с включением части африканского (Яковец, Растворцев, 2017). Профессионально и с высокой степенью детализации подошёл к делимитации Евразии А.Г. Дружинин (2016, 2017), идентифицировав в её структуре четыре последовательно интегрируемых друг в друга пространства – «Сердцевинную Евразию», «Собственно Евразию», «Расширенную Евразию», «Большую Евразию». Последний геоконцепт интегрирует все страны, регионы и геокультурные системы, локализованные в пределах материка Евразия. Это, бесспорно, верный подход, устремлённый в будущее.

В обозримой же перспективе целесообразно, скорее всего, ориентироваться на сложившуюся международную обстановку резкого охлаждения отношений России со странами Европейского Союза (ЕС), США и их союзниками, причём, согласно прогнозу (Возвышение..., 2018), эти отношения будут враждебными или почти враждебными на ближайшие

10–15 лет. Активизация давления Запада и объявление с 2014 г. экономических и политических санкций угрожает национальной безопасности России, что обуславливает разворот значительной части её международных хозяйственных связей в восточном направлении и укрепление союзнических отношений в ближнем окружении. Усиливается также негативная реакция Запада на успехи экономики Китая (развязанная США торговая «война» с КНР). Как можно видеть, институализация Большой Евразии на первоначальном этапе своего формирования исходит в значительной мере из необходимости объединения усилий для противостояния вызовам «коллективного» Запада. Исходя из такого прагматичного политико-экономического понимания сущности нового блока, основу большого Евразийского партнёрства в настоящее время образуют, по нашему мнению, страны-участники ЕАЭС (Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия) и ШОС (Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан, Индия и Пакистан), страны-наблюдатели ШОС (Иран, Монголия, Белоруссия, Афганистан), а также Туркменистан как органичная часть Центральной Азии (рисунок).

В будущем возможно и желательно присоединение к блоку новых стран – как азиатских, так и европейских. В первую очередь речь может идти о Турции как одной из важнейших составных частей Большой Евразии (но пока она входит в блок НАТО), Азербайджане, Вьетнаме, Сербии, обеих странах Корейского полуострова и многих других.

Большая Евразия даже в таком ограниченном только ЕАЭС и ШОС первоначальном составе представляет собой крупнейший по площади массив материка (70,5% его территории), где в совокупности расположено 14 стран. В итоге на планете постепенно вырисовывается новое мощное образование. Большая Евразия уже сейчас превосходит Западную и Восточную Европу (без стран СНГ) и Северную Америку (интеграционное объединение в составе США, Канады и Мексики) по площади территории соответственно в 6,9 и 1,8 раза, по численности населения – в 6,1 и 6,8 раза, по валовому внутреннему продукту, оцениваемому по паритету покупательной способности (ВВП по ППС), – в 1,8 и 1,7 раза (таблица). Благодаря огромному природно-ресурсному и демографическому потенциалу, ожидаемому росту экономических возможностей и уровня жизни населения, здесь в перспективе может сложиться крупнейший в мире рынок товаров, услуг, капиталов и рабочей силы.

Тем не менее путь выстраивания столь глобального объединения будет явно непростым. По мнению экспертов (Винокуров, Либман,

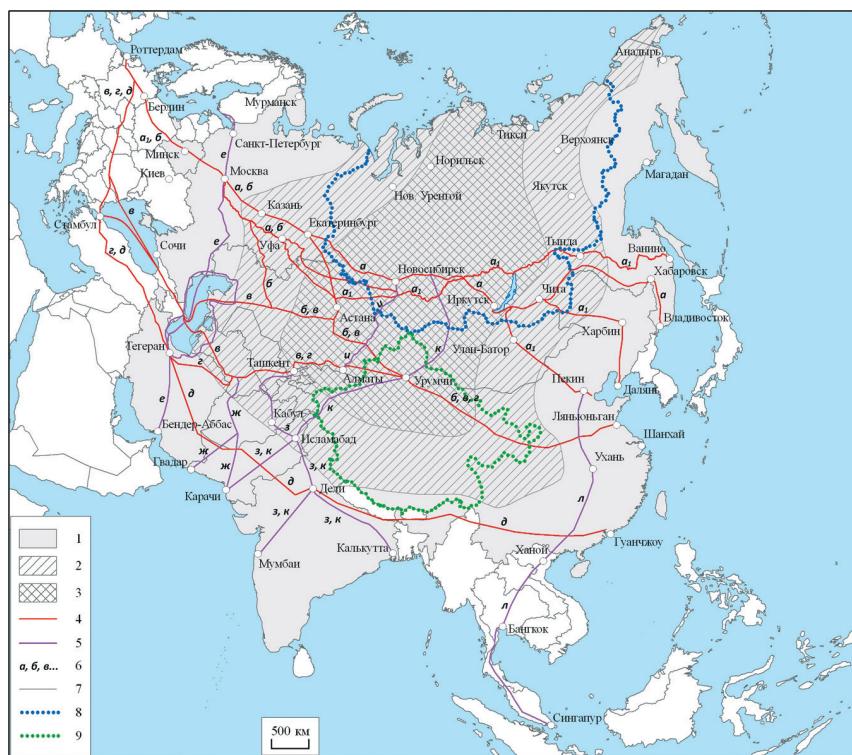

Рисунок. Ультраконтинентальные зоны и международные транспортные коридоры Большой Евразии

1 – страны Большой Евразии. Ультраконтинентальные зоны (удалённость от морских путей, тыс. км): 2 – 1–2, 3 – более 2. Основные направления международных транспортных коридоров: 4 – широтные, 5 – меридиональные. 6 – основные коридоры (маршруты) с альтернативными участками: а – главный ход Транссиба, а₁ – ответвления и выходы Транссиба, б – Северный ход Шелкового пути, в – ТРАСЕКА (Европа–Кавказ–Азия), г – Южный ход Шёлкового пути, д – Южноазиатский, е – «Север–Юг», ж – Трансафганский юго-западный, з – Трансафганский северо-восточный, и – Туркестано-Сибирский (ТуркСиб), к – Сибирско-Индийский, л – Восточноазиатский. Границы: 7 – государственные, 8 – Сибири, 9 – ультраконтинентальных регионов Китая

2013), углубление международного сотрудничества в рамках Евразийского партнёрства сдерживает наличие очень крупных государств с ёмкими внутренними рынками (Китай, Индия, Россия), разнородность стран и их политических систем, слабость инфраструктурных связей, обусловленная исторической разобщённостью и длительными периодами автаркии СССР и Китая, отчасти Индии. Необходимо отметить

Таблица. Основные показатели регионов мира и их ведущих стран

№	Регион мира / страна	Территория		Население (2017 г.)		ВВП по ППС (2016 г.)		Экспорт (2016 г.)	
		млн км ²	%	млн чел.	%	трлн долл. США	%	трлн долл. США	%
1.	Большая Евразия	38,9	28,9	3297,2	43,8	37,5	31,0	3,2	15,4
	В том числе:								
	Китай	9,6	7,1	1389,5	18,5	21,4	17,7	2,2	10,6
	Россия	17,1	12,7	146,8	2,0	3,6	3,0	0,33	1,6
2.	Западная и Восточная Европа (без стран СНГ)	5,7	4,2	539,9	7,2	21,4	17,7	7,9	37,8
	В том числе:								
	Германия	0,36	0,3	82,5	1,1	4,0	3,3	1,6	7,7
3.	Северная Америка (НАФТА)	21,4	15,9	485,4	6,4	22,5	18,6	3,1	14,9
	В том числе:								
	США	9,5	7,1	325,7	4,3	18,6	15,4	2,2	10,7
	Мир	134,6	100	7528	100	120,7	100	20,8	100

Источник: Список стран по населению, эл. ресурс; Список стран по ВВП (ППС), эл. ресурс; Экспорт товаров и услуг мира, 1970–2016, эл. ресурс.

также острые противоречия и конфликты между самими участниками проекта. Кроме того, хозяйственные связи и экономическое развитие большинства стран рассматриваемого блока сильнейшим образом затрудняет их неблагоприятное внутриконтинентальное положение в глубине евразийского материка, что будет раскрыто ниже.

Целесообразность реализации проекта «Большая Евразия» определяется целой совокупностью предпосылок, причин и факторов. Непосредственными причинами выступают политические и связанные с ними геоэкономические мотивы, поскольку в условиях глобализации человечества в международных отношениях продолжает нарастать соперничество за обладание природными ресурсами, территорией, новейшими технологиями, высоким статусом в миросистемной иерархии. Современные международные тенденции говорят о продолжении геополитического и военно-стратегического противостояния между Россией, союзными ей странами СНГ, а также Китаем, с одной стороны, державами Запада, – с другой. Континентальное положение России и санкции западных стран серьёзно осложняют её интеграцию в мировое хозяйство, заставляют формировать собственную систему евразийских альянсов, активизировать усилия в восточном направлении, укреплять здесь всесторонние связи со своими соседями. Можно сказать, что недружественная и даже всё более агрессивная политика

США и «коллективного» Запада подталкивает «незападные» («неатлантические») страны, прежде всего Россию и Китай, друг к другу.

Большое значение имеют впечатляющие итоги экономического роста отдельных стран Восточной и Южной Азии, особенно Китая (первое место в мире по объёму ВВП по ППС) и Индии (третье место). Вполне естественно в связи с этим стремление привести свой политический «вес» в соответствие с экономическим, однако подъём «азиатских гигантов» наталкивается на существование гегемонистского, по сути однополярного мира, «отцентрированного» под интересы доминирующей сверхдержавы – США. Крупнейшие растущие или восстанавливающиеся евразийские страны – Китай, Индия и Россия – могут стать несущей конструкцией нового многополярного мира, альтернативного нынешней, практически однополярной западной системе глобализации.

Важная часть как предпосылок, так и трудностей евразийской континентальной интеграции носит транспортно-экономический характер. До самого последнего времени за морским транспортом сохраняется ведущая роль в обеспечении мирохозяйственных связей, что определяется практически неограниченной пропускной способностью морских путей и самой большой грузоподъёмностью подвижного состава при низкой себестоимости перевозок. В силу дешевизны морского транспорта общемировой исторический тренд в расселении человечества и размещении хозяйства – неуклонное тяготение к побережьям тёплых морей и океанов, особенно усилившееся в минувшем XX столетии. О важности наличия морских путей для роста крупнейших городов и городских агломераций красноречиво говорит тот факт, что основная масса городских центров с людностью свыше 3 млн жителей располагалась в 2000 г. непосредственно на морских побережьях и в ближайшей к ним 200-километровой приморской зоне: на долю этой зоны приходилось 78,6% городов-мультимиллионеров мира и около 81% их населения (Безруков, 2008). На евразийском континенте весьма показательное сосредоточение городов-мультимиллионеров в приморской зоне Западной Европы, Восточной и Южной Азии, тогда как обширные внутриматериковые пространства Северной и Центральной Азии до сих пор лишены крупнейших организующих центров и остаются периферийными в расселенческом отношении. Преимущественно в приморской зоне сформировалось три главных звена мирового хозяйства (мировая «триада») – Западная Европа, США и Япония, которые представляют собой ядра соответствующих ключе-

вых мировых рынков – Западноевропейского, Североамериканского и Восточноазиатского. В то же время глубинные районы Евразии имеют периферийное удалённое положение от этих ключевых рынков, крайне слабо связаны между собой и отличаются в большинстве случаев сравнительно низким уровнем экономического развития.

Вместе с тем коренные перемены на сухопутном транспорте во второй половине XX – начале XXI вв. («контейнерная революция» и др.) привели к рационализации и удешевлению технологий транспортных операций, сокращению сроков доставки и улучшению сохранности грузов, что также благотворно сказалось на конечной цене перевозимой продукции (Могилевкин, 2010). В итоге стал более заметен такой крупный недостаток морского транспорта, как относительно низкая скорость перемещения грузов по сравнению, например, с железнодорожным, а тем более с автомобильным и воздушным видами сообщения. К тому же морской транспорт подошёл сейчас к естественным пределам в дальнейшем росте размера судов, являющемся ключевым фактором снижения себестоимости перевозок (ограничения на проход каналов и проливов, заходов в порты и т.д.). Возможности уменьшения современного «разрыва» в экономической эффективности между морским и сухопутным транспортом будут определяться, очевидно, темпами прогрессивных сдвигов на последнем, прежде всего темпами магистральной и сверхмагистральной железных дорог.

К началу XXI в. железные дороги стали обретать своё «второе дыхание» в совместных транспортных структурах, кооперируя свою работу с автомобильным, морским и другими видами транспорта. Повышается уровень технической оснащённости, растёт доля специализированных контейнерных перевозок, внедряются наиболее совершенные логистические схемы, включая интермодальные. Большим прорывом следует считать строительство и эксплуатацию скоростных (160–200 км/ч) и высокоскоростных (250–350 км/ч) железнодорожных пассажирских магистралей (Лapidус, Лapidус, 2015).

С учётом происходящих изменений в коммуникационной сфере огромные перспективы имеют планы создания международных транспортных коридоров, в том числе через всю Евразию. Если ранее транзитные железнодорожные перевозки между Восточной Азией и Западной Европой выполнял только один Транссиб – главная магистраль России, то с ростом технических и экономических возможностей реализуется на практике создание других альтернативных

железнодорожных сообщений через весь материк. Строительство системы международных железнодорожных коридоров широтной и меридиональной ориентации способно стать мощным средством более тесной хозяйственной консолидации и развития прилегающих глубинных территорий Большой Евразии.

Евразийской континентальной интеграции благоприятствуют также обычно упускаемые из виду предпосылки и факторы расселенческо-демографического и экологического плана. Учитывая определённую перенаселённость отдельных районов планеты и попытки закрепления человечества в малопригодных для проживания Арктике, Антарктике и Мировом океане, обладание огромными территориями во внутренней части Евразии, многие из которых ещё относительно слабо освоены, даёт соответствующим странам в перспективе очень большие преимущества. Так, территория российских Сибири и Дальнего Востока имеет в своем южном широтном поясе огромный потенциал для дальнейшего расселения населения, размещения и развития производств. Именно здесь доступны в больших количествах такие всё более дефицитные для многих стран и регионов планеты «иммобильные» ключевые ресурсы человечества, как пресная вода и земля («жизненное пространство»). Обширные малонаселённые территории представлены в странах Центральной Азии, на западе Китая, в Иране, Афганистане и Пакистане – интенсификация их освоения может стать важным элементом общей хозяйственной кооперации евразийских стран. Следует к тому же подчеркнуть, что в Северной и Центральной Евразии сохранились наибольшие на планете площади ненарушенных земель.

Теоретические взгляды на роль внутриконтинентальной Евразии в мире

Внутриконтинентальное положение евразийского массива суши, с одной стороны, затрудняет хозяйственные связи и экономический рост, а с другой – выступает потенциально мощной объединяющей чертой смежных обширных районов России, Китая, Казахстана, Монголии, Афганистана, стран Центральной Азии, отчасти Ирана, Индии и Пакистана. Проблема наличия на земном шаре такого единственного громадного сверхудалённого от морей пространства и вытекающих отсюда политических и экономических следствий всегда вызывала закономерный интерес у представителей геополитики и экономической географии.

В глобальной геополитической модели, построенной ещё в 1904 г. преимущественно на военно-стратегическом фундаменте классиком геополитики британским географом Х.Дж. Маккиндером (1997), планетарное пространство иерархизируется вокруг «осевого (сердцевинного) региона» через систему концентрических кругов мирового уровня – «хартленд» как осевой ареал (или «сердце мира»), являющийся средоточием континентальных масс Евразии, «внутренний или окраинный полумесяц» (береговые зоны евразийского континента), «внешний или островной полумесяц» (Британия, обе Америки, южная часть Африки, Япония, Австралия и Океания). Под хартлендом при этом понимается недоступная судам морских держав значительная часть евразийского континента от Балтики и Каспия до Северо-Восточной Сибири включительно (в основном территория Российской империи). Считая хартленд потенциальным мировым центром власти, или «географической осью истории», Х.Дж. Маккиндер предполагал, что со строительством железных дорог через всю Евразию эра мирового господства морских держав сменится на превосходство сухопутного хартленда, где появится новая сверхдержава. Отсюда в духе англосаксонского геополитического мышления следовал геостратегический вывод: морским державам необходимо усилить контроль над внешним и внутренним полумесяцами, блокировать хартленду как выходы к тёплым морям, так и возможности его союза с ключевыми странами внутреннего полумесяца.

С позиций сегодняшнего дня ясно, что теория Х.Дж. Маккиндера оправдалась лишь частично: если в пределах хартленда в течение XX в. новая сверхдержава в лице СССР действительно возникла (правда, прекратив своё существование в начале 1990-х гг.), то железнодорожный транспорт так и не смог составить реальной конкуренции морским путям при перевозке грузов на большие расстояния. Кстати, это можно считать одной из основных причин, не позволивших в нужной степени реализовать огромный потенциал хартленда, хотя всё же в условиях СССР произошёл мощный рост индустрии и заметный «сдвиг производительных сил на восток» в самые глубинные районы Евразии. Согласно нашим расчётам на основе многочисленных источников (Безруков, 2008), выявлена тенденция увеличения за прошедший век разрыва между стоимостью перевозок по суше и по морю в развитых странах мира в среднем в 1,5–3 раза. Несмотря на колоссальные успехи, достигнутые за последние 100 лет сухопутным транспортом, прогрессивные

сдвиги в морском транспорте происходили более быстрыми темпами. Ведущим их фактором выступало резкое увеличение грузоподъёмности судов и масштабов перевозок (особенно во второй половине XX в.), позволившее кардинально снизить себестоимость морских перевозок и коррелируемых с нею фрахтовых ставок. Как отмечает Л. Хекимоглу (2005), в начале текущего XXI в. ни один вид транспорта не может предложить перевозку товаров, по экономической эффективности хотя бы приближающуюся к морской, в связи с чем сухопутные перевозки служат лишь подспорьем для морских, поскольку на последние приходится около 90% грузов, отправляемых в разные части света.

В указанном вопросе модель Х.Дж. Маккиндера в 1940-е годы скорректировал американский географ Н.Дж. Спикмен (Спайкмен), который учёл в своей доктрине определённые недостатки в транспортно-экономическом плане глубинного внутриконтинентального положения «хартленда». Ключевой зоной мира он более правомерно считал не «хартленд», а жизнеспособный и активный «римленд» – приморское окаймление Евразии, соответствующее по местоположению «внутреннему полумесяцу» Маккиндера (Дугин, 1997). По мнению Н.Дж. Спикмена, полный контроль над римлендом со стороны морских держав и прежде всего США приведёт к окончательной победе над сухопутными державами хартленда, которые будут стиснуты со стороны моря «кольцом анаконды». Интересно отметить, что известный американский географ С. Коэн, продолживший развитие идей Маккиндера, в новой модели геополитического районирования мира 1994 г. к евразийской континентальной сфере впервые отнёс не только Россию и другие страны СНГ, но и Китай.

Особое значение для определения места внутриконтинентальной Евразии в мировом хозяйстве принадлежит оригинальной экономико-географической концепции евразийства, выдвинутой в 1920-х годах русским географом и геополитиком в эмиграции П.Н. Савицким (1997). В этой доктрине решающая роль в дуализме приморских и сухопутных стран отводится резким различиям в экономической эффективности морских и сухопутных перевозок, что обуславливает значительные транспортно-экономические трудности континентальных стран и внутриконтинентальных районов (особенно в глубинной части евразийского материка). Если приморские страны и районы благодаря минимальным затратам на перевозку товаров пользуются всеми преимуществами мирового рынка, то внутриконтинентальные

продавцы и покупатели для участия в мировом обмене вынуждены затрачивать дополнительные усилия по доставке к морю своей продукции и перевозке внутрь материка товаров, полученных с мирового рынка. Поэтому вхождение в мировой рыночный обмен внутриконтинентальных стран и районов связано с возникновением огромных транспортных издержек, способных отбросить эти страны и районы на периферию мирохозяйственной системы. Концепция П.Н. Савицкого имеет не наступательную (военную), а скорее адаптивную, экономическую (мирную) направленность, оставаясь тем не менее по глубине проработки проблемы дуализма «Суши» и «Моря» более авангардной и непротиворечивой, чем теории классической западной геополитики.

Дальнейшим развитием и конкретизацией экономико-географической доктрины евразийства можно считать разработанную нами (Безруков, 2008) концепцию «континентально-океанической дихотомии», которая также исходит из коренных различий в эффективности сухопутных и морских перевозок – более затратных первых и экономичных вторых, с одной стороны, и особенностей макроразноличия стран и районов относительно моря, – с другой. Суть концепции заключается в следующем: имеющаяся между континентальными и океаническими (приморскими) странами принципиальная разница в размерах транспортных издержек и транспортноёмкости национальных хозяйств лежит в основе механизма постоянного «перелива» массы прибавочного продукта (доходов) от континентальных стран к океаническим (приморским), что определяет в итоге глубокие различия в эффективности национальных хозяйств данных типов стран, общем уровне их социально-экономического развития, особенностях территориальной организации общества, специфике взаимодействия с внешним миром. Указанный механизм перераспределения доходов, возникающий на основе неравенства транспортных издержек двух типов стран и действующий в процессе международного разделения труда, является, по нашему мнению, одним из ведущих среди всей совокупности механизмов, формирующих мирохозяйственные центрально-периферические отношения с воспроизводством и закреплением мирового и регионального неравенства. К числу основных закономерностей образования и структурирования мирового хозяйства в системе континентально-океанической поляризации отнесены доминирующая роль океанических стран и приморских зон в формировании современного мирового рынка и ценообразовании на нём, воз-

никновение негативных последствий для экономик России и других соседних стран Евразии при их активном участии в мирохозяйственной системе, основанной на принципах относительно независимых от расстояний океанических связей и обменов.

Транспортно-географическая континентальность стран Большой Евразии

Фактор внутриконтинентального положения и гигантских сухопутных расстояний, определяющий повышенный уровень транспортных затрат, имеет, как правило, неблагоприятное влияние на экономику, затрудняя её участие в международном и межрайонном разделении труда. Однако до сих пор нет чёткого понимания того, можно ли в настоящее время положение относительно Мирового океана считать одним из важных политико- и экономико-географических факторов дифференциации стран мира? Чтобы разобраться в существе вопроса, необходимо вначале адекватно идентифицировать страны относительно моря на основе определённых методических принципов.

Наиболее простым и наглядным принципом подразделения стран по положению относительно Мирового океана может служить наличие или отсутствие прямого выхода к нему. Исходя из этого, все государства мира подразделяются на две группы – внутриконтинентальные (лишённые выхода к морю) и выходящие к морю. Большинство стран Большой Евразии – 9 из 14 – не имеет выхода к Мировому океану (Армения, Афганистан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Монголия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан).

В то же время подавляющая часть наиболее глубинных территорий Евразии принадлежит странам, имеющим выход к открытому морю, – России и Китаю, которые из-за значительной удалённости от побережий многих своих районов теряют часть выгод от использования морского транспорта. Как известно, те страны и районы, которые могут широко пользоваться преимуществами морского транспорта, отличаются минимальным уровнем транспортных издержек, а страны и районы, применяющие в основном сухопутный транспорт, – максимальным.

В рамках нашей концепции континентально-океанической дихотомии (Безруков, 2008) предложена специальная методика количественной оценки положения стран (районов) относительно Мирового океана. В её основе лежит определение степени «транспортно-геогра-

фической континентальности» (ТГК) стран (районов) как меры удалённости основной части их демографического потенциала от морских путей с круглогодичной навигацией. Суть предлагаемой методики заключается, во-первых, в определении распределения населения данной страны (района) на различных фиксированных расстояниях от моря; во-вторых, в последующем расчёте степени ТГК, интегрирующей численные доли зон удалённости от моря. В «приморские» зоны вошли полосы, расположенные в пределах 50 км от побережья и в 50–200 км от него; в «континентальные» – полосы, отстоящие от моря на 200–500 км и 500–1000 км; в «ультраконтинентальные» – территории, находящиеся от побережий на 1000–2000 км и более 2000 км.

Сравнивая нашу картосхему ультраконтинентальных зон Евразии (см. рисунок) со схемой геополитического деления мира Х.Дж. Маккиндера (1997), нельзя не отметить некоторый параллелизм, хотя бы только картографический или формально-логический. Прежде всего можно вести речь о совпадении в общих чертах контуров указанных ультраконтинентальных зон и такого центрального элемента схемы Маккиндера, как «хартленд». Вместе с тем, хотя обе сравниваемые схемы членения мира «сконструированы» по признакам континентально-океанической дихотомии, причины этой дихотомии каждый из авторов видит свои – отсюда и принципиальные различия самих схем. Модель Х.Дж. Маккиндера, основанная преимущественно на военно-стратегическом фундаменте, иерархизирует планетарное пространство вокруг находящегося в Евразии «осевого региона» («хартленда») через систему концентрических кругов мирового уровня. Модель же транспортно-географической континентальности, построенная на объективных экономико-географических основаниях, дифференцирует территории отдельных материков и островов Земли на зоны разной удалённости от моря – «приморские», «континентальные» и «ультраконтинентальные».

Степень ТГК стран (районов) определялась по их демографическому потенциалу в баллах по такой схеме, которая предусматривает снижение фактических удельных весов численности населения в зонах по мере их приближения к морю прямо пропорционально среднему расстоянию каждой зоны от побережья. Значения степени ТГК располагаются в интервале от 1 до 100 баллов. Чем больше показатель степени континентальности страны или района, тем неблагоприятнее их положение относительно морских путей. По степени ТГК стран и

районов установлено шесть градаций (в баллах): очень высокая (60,1–100), высокая (35,1–60), повышенная (20,1–35), умеренная (10,1–20), низкая (5,1–10), очень низкая (1,0–5).

По этой методике с использованием данных о численности населения определены показатели степени ТГК стран Большой Евразии. Согласно результатам расчётов (Безруков, 2008, 2018), очень высокую степень континентальности имеют Киргизия, Казахстан и Монголия; высокую – Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан, Афганистан и Россия; повышенную – Пакистан и Иран; умеренную – Белоруссия, Китай, Индия и Армения. Поскольку значительная часть демографического потенциала стран Евразийского партнёрства сосредоточена в континентальных и ультраконтинентальных районах, ни одна из них не обладает очень низкой и низкой степенью ТГК, что, например, характерно для типичных приморских стран – Японии, Великобритании, Франции, Италии, Австралии, Турции, а также для Германии и Бразилии. В ультраконтинентальные зоны в России входят Сибирь, Урал и частично Поволжье; в Китае – Синьцзян-Уйгурский автономный район (СУАР), Тибетский автономный район, Ганьсу и Цинхай, частично Нинся-Хуэйский автономный район, Шэньси и Сычуань; территории Казахстана, Монголии и стран Центральной Азии – почти полностью; в Афганистане, Индии и Пакистане – значительные площади.

В самом неблагоприятном положении в мире относительно круглогодичных морских путей находится ядро ультраконтинентальных зон Евразии (свыше 2 тыс. км от моря) площадью около 9 млн км². Основная часть этого ядра – чуть более 60% – приходится на Россию (Сибирь), доли Китая (западные регионы) и Казахстана составляют по 15–17%, Монголии – 6%, Киргизии – 1%. Евразийское ядро ультраконтинентальных территорий по своим размерам почти в 2 раза превышает аналогичное антарктическое и в 9 раз – небольшое североамериканское, причём на других материках подобные ядра отсутствуют.

Таким образом, количественная оценка подтвердила, что по размерам территорий, удалённых от морских путей, Большой Евразии нет равных в мире. Степень транспортно-географической континентальности ряда её стран и районов близка к максимально возможной, а подавляющая часть государств лишена выхода к Мировому океану. Такое глубинное ультраконтинентальное положение ставит перед соответствующими странами и районами серьёзные барьеры экономическому развитию и хозяйственному взаимодействию с внешним миром.

Трудности развития ультраконтинентальных зон Евразии

Вхождение в мировой рыночный обмен ультраконтинентальных зон Евразии связано с возникновением значительных транспортных издержек как при экспорте, так и при импорте товаров. При взаимодействии с мировым рынком внутриконтинентальные производители и экспортёры ввиду необходимости компенсации собственных повышенных транспортных издержек получают намного меньшие доходы по сравнению с приморскими производителями и экспортёрами. Однако только в этом случае товары из внутриконтинентальной страны (района) могут конкурировать в ценовом отношении с товарами из приморской страны (района). При импорте же товаров с мирового рынка они обойдутся для внутриконтинентальных потребителей по ценам, существенно превышающим цены приморских потребителей. Таким образом, глубокие различия в степени континентальности формируют ощутимую разницу в ценах на товары и доходах соответствующих производителей и потребителей. Постоянно действующий механизм «перелива» доходов от континентальных стран к океаническим (в процессе международного разделения труда) и отчасти от глубинных районов к приморским (в процессе межрайонного разделения труда) ведёт в общем случае к замедлению экономического роста и снижению уровня жизни населения внутриконтинентальных стран и ультраконтинентальных зон по сравнению с приморскими.

Сдерживающее влияние фактора ультраконтинентальности на рост экономики и активность международных хозяйственных связей раскроем на примерах Центральной Азии, Сибири и западных регионов Китая. Если для стран Центральной Азии это влияние отягощается ещё отсутствием прямого выхода к морю, то особенности действия данного фактора на глубинные районы самых крупных и неоднородных стран Евразии – России и Китая – проявляются в возникновении и закреплении соответствующих межрегиональных социально-экономических диспропорций и асимметрий континентально-океанического характера.

Рассмотрение внутриконтинентальных государств на мировом уровне показало, что совместное действие факторов удалённости от моря и отсутствия прямого выхода к нему увеличивает в среднем на 50% стоимость перевозок грузов для таких развивающихся стран по сравнению с развивающимися странами с выходом к морю (Radelet, Sachs, 1998). Страны без выхода к морю в целом отличаются от сово-

купности других государств мира относительно низкими экономическими показателями. Роль 32 «классических» внутриконтинентальных стран (без государств Западной и Центральной Европы) в мировой экономике и международной торговле незначительна: по нашим подсчётам (Безруков, 2018), при доле в численности населения земного шара, равной 6,7%, их вклад в общемировой ВВП составляет всего 1,4%, в международную торговлю – 1,2%. Получение свободного доступа к морю остаётся для них одной из важнейших внешнеполитических задач, а проблема международных транзитных перевозок по-прежнему связана с определёнными затруднениями (Radelet, Sachs, 1998; Annovazzi-Jakab, 2003; Collier, 2007).

Страны Центральной Азии – Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан – почти полностью расположены в ультраконтинентальных зонах, а их столицы удалены по железным дорогам от российских портов Балтийского и Чёрного морей более чем на 3,5 тыс. км, иранских портов Персидского залива – более чем на 2,5 тыс. км (за исключением Ашхабада). Кроме протяжённых сухопутных расстояний, сильное удорожающее и замедляющее воздействие на перевозки оказывает необходимость пересечения государственных границ, уплаты таможенных сборов, сборов за транзит по территории соседних стран и неофициальных платежей, оформления многочисленных сопроводительных документов и т.д. (Grigoriou, 2007; White, 2010). Неудивительно, что центральноазиатские страны имеют одни из самых худших в мире показателей стоимости и времени, требуемых для экспорта и импорта грузов в контейнерах к морским портам (занимают места в последней десятке из 183 оцениваемых государств) (White, 2010).

Особенность конфигурации их транспортных магистралей – ориентация с советских времён в северном направлении (на Россию), тогда как связи в южном (на Иран и Афганистан) и отчасти восточном (на Китай) направлениях развиты пока ещё слабо. Это связано также с наличием вдоль южной и восточной границ макрорегиона труднопроходимых горных хребтов – Гиндукуша, Памира, Тянь-Шаня и Алтая. Имеет значение и чисто техническая проблема: разница в ширине железнодорожной колеи постсоветского пространства (с Монголией) и всех других стран. Большую негативную роль играют напряжённость политических отношений между самими центральноазиатскими странами, вплоть до транспортной блокады соседей, несогласованность их транспортных проектов и пр. (Борисова, 2015).

Перечисленные транспортно-экономические проблемы, особенно большая удалённость от ключевых мировых рынков и определённая внутриконтинентальная изоляция, сильнее всего сказываются на ухудшении социально-экономического состояния стран Центральной Азии. Правда, благодаря приближенности Казахстана к российскому рынку и значительным масштабам нефтегазового экспорта Казахстана и Туркмении, их ВВП по ППС на душу населения имеют средние значения. В то же время лишённые этих преимуществ Узбекистан, Киргизия и Таджикистан входят в число самых бедных стран мира, приближаясь по душевому ВВП по ППС к странам Тропической Африки.

Вполне обоснованным выглядит поэтому пессимистический тезис Л. Хекимоглу (2005) о том, что из-за больших сухопутных расстояний непомерная стоимость транспортировки продукции на мировые рынки обуславливает экономическую неэффективность производства и экспорта многих товаров стран Центральной Азии. Однако не столь бесспорна вторая часть этого тезиса, утверждающая отсутствие надежды на преодоление давления неблагоприятного географического фактора внутриконтинентальности и улучшение ситуации в обозримом будущем. Перспективы нет в условиях сложившегося международного разделения труда, тогда как в рамках евразийской континентальной интеграции ситуация способна постепенно измениться к лучшему.

В транспортно-географическом отношении Сибирь (с Тюменской областью на западе и Республикой Саха (Якутией) на востоке) даже более континентальна, чем лишённые выхода к морю государства Центральной и Восточной Азии – Казахстан и Монголия. Подавляющая часть территории Сибири находится от океанов и морей с круглогодичной навигацией на расстоянии свыше 2 тыс. км, т.е. в «ядре» ультраконтинентальных зон. Удалённость большинства сибирских региональных центров от основных морских портов России (Санкт-Петербурга, Новороссийска, Владивостока–Находки и др.) составляет по кратчайшим железнодорожным направлениям 3–4 тыс. км и более. В то же время Сибирь – это крупнейший индустриальный макрорегион экспортно-сырьевой специализации: её удельный вес в отправлении грузов трубопроводным транспортом превышает три четверти общероссийской величины, железнодорожным – свыше трети. Ни в каких других больших странах не приходится иметь дело с такими дальними и одновременно массовыми перевозками по суше.

Из необходимости постоянного расходования прибавочного продукта на компенсацию повышенных транспортных издержек и адаптации к ним вытекает значительная часть общеэкономических трудностей сибирских регионов. В советский период удорожающее влияние фактора их удалённого внутриконтинентального положения отчасти «сглаживалось» благодаря целенаправленной государственной политике по снижению транспортных тарифов, магистральной железнодородного транспорта, регулированию ценообразования в базовых отраслях хозяйства. На постсоветском этапе сильнейшее сокращение регулирующих и перераспределительных функций государства и замена внутренних хозяйственных связей более дальними международными резко обострили проблему «преодоления пространства», поставив сибирские регионы в транспортно-экономическом отношении в самые невыгодные в стране условия.

Доля транспортных издержек в конечной стоимости отдельных видов продукции Сибири достигает величин, небывалых для подавляющей части российских регионов и тем более других стран мира. Так, транспортные издержки в полной себестоимости экспортируемого сибирского алюминия доходят до 16%, что превышает аналогичный показатель зарубежных алюминиевых компаний в 3–5 раз, а транспортная составляющая в цене импортируемого глинозёма достигает 30–50%, тогда как у приморских западных конкурентов подобные затраты минимальны (Безруков, 2008). Ещё больше удельный вес транспортных издержек в стоимости ряда видов крупнотоннажной продукции, экспортируемой лесным, угольным и химическим комплексами, – иногда до 60–70% и выше (Безруков, 2008; Лопатина, Перечнева, 2016). По сравнению с транспортными издержками товаропроизводителей европейской части страны, аналогичные издержки товаропроизводителей наиболее глубинной части Сибири (Иркутская и Кемеровская области, Красноярский край и др.) при сбыте продукции будут как минимум в 1,5–2 раза выше, а прибыль намного ниже, что соответственно уменьшает налог на прибыль и бюджетные доходы (Безруков, 2008).

Высокая транспортная составляющая существенно снижает прибыльность и ценовую конкурентоспособность сибирской продукции на внутреннем и внешнем рынках. Из доходов предприятий-товаропроизводителей и предприятий, потребляющих ввозимую продукцию, из доходов населения и финансово-экономических систем сибирских регионов через оплату транспортных издержек «выкачивается»

очень значительная часть образующихся финансовых ресурсов, что, наряду с другими факторами, влечёт за собой сокращение бюджетных поступлений и снижение уровня жизни населения. Ультраконтинентальное положение Сибири остаётся в итоге важным препятствием к эффективному выходу на отдалённые ключевые мировые рынки и оказывает неблагоприятное воздействие на региональное социально-экономическое развитие.

Для Китая характерны очень резкие межрегиональные социально-экономические контрасты и диспропорции «континентально-приморского» генезиса. До сих пор огромные пространства западной части Китая остаются относительно малонаселёнными и слабо освоенными. По нашим подсчётам (Безруков, 2018), в четырёх ультраконтинентальных регионах (СУАР, Тибет, Ганьсу и Цинхай), занимающих 42,5% площади Китая, проживает 4,2% его населения, а плотность населения в 10 раз ниже средней по стране и в 39 раз ниже, чем в приморских регионах. Наибольшим расстоянием от морских путей отличается СУАР: на его территории (вблизи схождения границ Китая, Казахстана, России и Монголии) находится самая удалённая от моря точка суши на Земле (свыше 2,6 тыс. км), а расстояние по железным дорогам от Урумчи до ближайших портов на Жёлтом море (Ляньюньган, Циндао, Тяньцзинь и др.) превышает 3,5 тыс. км.

В то время как политика форсированного индустриального развития и наращивания экспортного потенциала принесла в последние десятилетия поистине феноменальные позитивные результаты в восточных приморских районах, которые обладают преимуществами широкомасштабного использования дешёвых морских путей, хозяйственное развитие западных ультраконтинентальных территорий по-прежнему сдерживается огромными сухопутными расстояниями и транспортными издержками (Сакс, 2011; Самбунова, 2014). По нашим подсчётам на основе (Красова и др., 2016), если суммарная доля выходящих к океану восьми провинций и трёх городов центрального подчинения в ВВП Китая в 2014 г. достигала 55,3%, в объёме прямых иностранных инвестиций – 81,0%, во внешнеторговом обороте – 85,0%, то доля четырёх ультраконтинентальных регионов в этих показателях составляла 2,8, 0,5 и 0,9% соответственно. Получается, что в расчёте на душу населения валовой региональный продукт ультраконтинентальных регионов ниже, чем приморских, в 2 раза, внешнеторговый оборот – в 10, объём прямых иностранных инвестиций – почти в 17 раз.

Отстающим западным регионам оказывают масштабную «шефскую экономическую помощь» более развитые восточные провинции и города, правительство Китая вкладывает крупные инвестиции в создание транспортной и энергетической инфраструктуры (Фартышев, 2013; Фролова, 2014). Несмотря на активную государственную политику выравнивания, разрыв в уровне жизни населения между приморскими и ультраконтинентальными регионами сокращается очень медленно (Самбунова, 2014). Отставание последних обостряет внутривластные проблемы Китая, выступает весомой дополнительной причиной разжигания в автономных районах (особенно в Тибете и Синьцзяне) сепаратизма на этнической почве (Фролова, 2014).

Таким образом, повышенный уровень транспортных издержек обуславливает значительную часть общеэкономических трудностей ультраконтинентальных стран и районов. Для сокращения удорожающего бремени дорогостоящих сухопутных перевозок требуется ориентация на хозяйственные связи главным образом со своими соседями, т.е. на ближние связи при определённом ограничении более затратных дальних, обеспечение в общих чертах самодостаточного развития и формирование ёмкого внутреннего рынка, прочное закрепление территориального разделения труда, организация хозяйства на районной основе и принципах экономического районирования, поддержание относительно низкого уровня транспортных тарифов и магистрализация транспорта, образование линейно-территориальных систем производительных сил вдоль важнейших транспортных магистралей и т.п. (Безруков, 2008).

Обоснование путей ослабления невыгодных последствий континентальности в общих чертах было выполнено почти 100 лет назад П.Н. Савицким (1997), который «краеугольным» камнем экономического развития внутриконтинентальных стран и районов считал расторжение в их пределах полноты господства принципов «океанического» мирового хозяйства, усиление хозяйственного взаимодействия смежных внутриматериковых областей и их взаимообусловленный подъём. Активное использование принципа «континентальных соседств» позволяет, с одной стороны, ограничив вхождение страны в мировой океанический обмен, отчасти устранить бремя континентальности и перспективу стать «задворками мирового хозяйства», а с другой, – избежать неотвратимой экономической примитивизации хозяйства, которая возможна в случае полной изоляции (автаркии) от внешнего мира.

Международные транспортные коридоры Евразии

Мощным средством евразийской континентальной интеграции следует считать создание международных транспортных коридоров, перевозки по которым будут намного дешевле, чем по остальной сети. Зоны их непосредственного влияния обладают наилучшим потенциалом хозяйственного развития и роста городских поселений, а расширение возможностей оптимизации хозяйственных связей позволяет уменьшить среднюю дальность перевозок и дополнительно снизить транспортные издержки. Следовательно, трансграничное экономическое взаимодействие на основе общей транспортно-коммуникационной инфраструктуры и дальнейшей магистральной транспорта способно принести очень большой результат. Основоположники районной школы советской экономической географии понимали под магистральной транспортной инфраструктурой строительство железнодорожных линий (сверхмагистралей) крупнейшего транссоюзного и межрайонного значения с особо мощными грузопотоками и с обеспечением дальних, массовых, скоростных и дешёвых перевозок (Колосовский, 1958).

Несмотря на большое внимание в последнее время к евразийским сухопутным транспортным коридорам, эта проблема в достаточной мере не проработана, что проявляется в отсутствии должной международной согласованности и координации по конкурирующим инициативам, проектам и маршрутам создания глобальной инфраструктуры. Многие предлагаемые маршруты накладываются друг на друга в весьма запутанных комбинациях. Отдельные коридоры уже работают на всём протяжении или частично, но большинство находится ещё в стадии проектов или только обсуждается.

По результатам анализа компетентных источников (Международные..., 2009; Резер и др., 2010; Транспорт..., 2011; Цветков и др., 2014; К Великому..., 2016; Цинь Юйцай и др., 2017; Винокуров и др., 2018; Вардомский, Тураева, 2018) выделено несколько перспективных международных железнодорожных коридоров широтной и меридиональной ориентации (см. рисунок). Не вдаваясь в анализ планов их создания, преимуществ и недостатков, укажем лишь на несколько актуальных вопросов, имеющих отношение к интересам России и особенно Сибири.

Во главу угла ставится обычно транзитная функция данных коридоров, прежде всего их возможности по обеспечению широтных транзитных перевозок между Восточной Азией и Западной Европой.

Однако акцент на сверхдальнем транзите, который будет означать преимущественно транспортировку китайских товаров, далеко не всегда представляется первостепенной задачей. Актуальнее вопрос снижения стоимости перевозок, что необходимо для экономического «приближения» ультраконтинентальных районов стран Большой Евразии друг к другу и к основным рынкам. Сооружаясь в интересах осуществления транзитных перевозок и выполняя эту функцию, коридоры должны стать поясами более тесной хозяйственной консолидации и развития прилегающих глубинных территорий.

При всей важности транзита между Восточной Азией и Западной Европой следует учитывать, что главную роль в нём сейчас играют морские пути (в основном через Суэцкий канал), обеспечивающие 97–98% соответствующих перевозок грузов (Международные..., 2009; Винокуров и др., 2018; Вардомский, Тураева, 2018). Причина этого заключается в преимуществе морского транспорта над более затратным сухопутным: общая стоимость транспортировки дальним морским путём из портов Китая в порты Западной Европы (35–45 суток) в 2–2,5 раза ниже более коротких (в среднем в 2 раза) сухопутных вариантов (15–20 суток) (Международные..., 2009; Кудияров, 2010; Лисоволик, Сутырин, 2017). Даже стоимость транспортировки контейнеров в расчёте на одно и то же расстояние остаётся в 4–5 раз дешевле по морю, чем по железной дороге, несмотря на явно «льготные» условия железнодорожных контейнерных перевозок (экономия затрат за счёт внедрения контейнерных поездов по определённым маршрутам и др.). При этом подавляющую часть транзитного грузопотока составляют «неконтейнеризируемые» насыпные и наливные грузы, для которых по сравнению с контейнерными грузами разница в стоимости перевозки по суше и по морю намного больше, в связи с чем в их поставках будет по-прежнему доминировать морской транспорт.

С организацией транзитных контейнерных перевозок по международным транспортным коридорам связывается получение Россией очень значительных доходов. Известны такие страны, как Нидерланды, Чехия, Словакия, Венгрия, Польша, Сингапур, Панама и др., где доходы от транзитных перевозок составляют в бюджете 12–18% и выше (Харламова, 2012). Однако в этом списке находятся, как правило, сравнительно небольшие страны. На проходящие через Россию коридоры может, конечно, перейти значительная часть транзитных контейнерных грузов, требующих скоростной перевозки – тем не ме-

нее можно согласиться с Г.И. Ханиным (2006) в том, что возможные размеры этих перевозок не настолько велики, чтобы доходы от них существенно сказались на экономике нашей крупной страны.

При анализе вариантов создания широтных коридоров возникают опасения относительно возникновения конкуренции между российским Транссибом и маршрутами китайского Шёлкового пути. Однако Южный ход Шёлкового пути объективно не может быть конкурентом Транссибу в транзитных перевозках вследствие пересечения границ слишком многих стран с различными техническими характеристиками железных дорог: по показателям стоимости и времени перевозок он в 1,7–1,8 раза уступает Транссибу (Международные..., 2009). Северный ход Шёлкового пути, с 2015 г. обогнавший Транссиб по объёму транзитных контейнерных перевозок из Китая в Западную Европу (в 2017 г. уже 70% всего объёма) (Вардомский, Тураева, 2018), идёт вовсе не в обход России, а тоже на значительном протяжении по её территории (Урал, Поволжье и Центр). Исходя из общей протяжённости трассы, Транссиб будет более конкурентоспособен, чем Северный ход Шёлкового пути, для транзитных грузов, выходящих не только из Кореи и Японии, но и из северо-восточной части Китая, включая Пекин и Тяньцзинь. Необходимо не противопоставление друг другу Транссиба и Шёлкового пути, а разработка рациональной логистической схемы их взаимодействия, учитывая дистанционное несовпадение основных грузоформирующих районов (Вардомский, 2015; Безруков, 2016). Если Россия в соответствии со своим географическим положением контролирует широтные транспортно-экономические связи северной части Евразии, то Китай – более южной её части.

Необоснованно мало внимания уделяется проектам и маршрутам международных евразийских коридоров меридиональной ориентации, хотя эту проблему правомерно поднимали эксперты Валдайского клуба (К Великому..., 2016, 2017). Строительство одних широтных магистралей приведёт к возникновению изолированных друг от друга транзитных коридоров, которые не смогут обеспечить эффективные перевозки грузов по всей территории. Создание меридиональных коридоров необходимо как для формирования оптимального опорного транспортного каркаса, так и в соответствии с логикой растущего хозяйственного взаимодействия евразийских стран. Своеобразным аналогом Большой Евразии в этом отношении может выступать Северная Америка, где провинции Канады теснее связаны короткими меридиональными пу-

тями с прилегающими с юга штатами США, чем между собой по более протяжённым широтным магистралям. Целесообразно обеспечить прямой выход ультраконтинентальных регионов России по меридиональным коридорам к ёмким рынкам Китая, Индии, Пакистана, Ирана и других стран. Например, с позиций интересов Сибири перспективно продолжение планируемой железной дороги Курагино–Кызыл в Монголию и Китай (Кудияров, 2017), в последующем – в Индию и Пакистан.

К прямым позитивным эффектам реализации рассматриваемых коридоров следует отнести коренное сокращение транспортных издержек и стоимости перевозок, что позволит во многом преодолеть удорожающее влияние фактора континентальности как одного из главных барьеров развития евразийских стран. Ещё более значимым ожидается косвенный эффект, который заключается в сильнейшем мультипликативном общеэкономическом и социальном воздействии международных коридоров на обширные полосы глубинных районов.

Оценка демографического потенциала ультраконтинентальных зон России, Китая и Казахстана, тяготеющих к двум транспортным коридорам – Транссибу и Северному ходу Шёлкового пути, показала следующее (Безруков, 2016). В соответствии с имеющимися рекомендациями (Сигалов, Ламин, 1988), в качестве зоны экономического влияния коридора на население и хозяйство приняты полосы шириной до 200 км в стороны от магистралей. В 20 ультраконтинентальных регионах России, тяготеющих к Транссибу, проживает около 43 млн чел. (30,1% населения страны); в ультраконтинентальных регионах Китая, прилегающей к Шёлковому пути, – 59 млн чел. (4,3%); в областях и городах Казахстана, тяготеющих к этому же пути, – чуть более 8 млн чел. (49,1%). Эти подсчёты показывают, что наибольшую относительную значимость с точки зрения получения мультипликативного социально-экономического эффекта рассматриваемые коридоры будут иметь для Казахстана и России, а не для Китая, хотя несомненно, что создание современной магистрали будет необходимой предпосылкой опережающего развития его отстающих западных районов.

Новые возможности Сибири в рамках Большой Евразии

В сложившейся международной обстановке для России не только возрастает значение восточного вектора хозяйственных связей, но и объективно усиливается общеэкономическая роль Сибири. С одной стороны, без широкого участия Сибири, в силу её значительного

природно-ресурсного и индустриального потенциала и близости к странам Восточной и Центральной Азии, невозможен ни полноценный разворот российской экономики на восток, ни поступательное формирование Большой Евразии. С другой стороны, активизация восточного вектора России и создание Большой Евразии объективно могут стать важным рычагом развития Сибири. Новые возможности для неё просматриваются в трёх направлениях.

Во-первых, для Сибири расширятся возможности использования принципа «континентальных соседств»: если ранее этот принцип действовал главным образом на внутрисибирском уровне, то теперь может применяться на более широком международном уровне для установления и усиления хозяйственного взаимодействия между смежными ультраконтинентальными районами стран Большой Евразии. Выход сибирских регионов по транспортным коридорам на ближние внутриматериковые рынки позволит резко сократить транспортные издержки, ограничив дорогостоящее подключение к ключевым мировым рынкам, где доминируют развитые приморские страны.

К примеру, расстояния экспортных перевозок по железным дорогам из центральной части Сибири (Кемеровская область) к основным отечественным морским портам исключительно велики: к портам на Балтийском море – 4,1 тыс. км, Чёрном – 4,6, Баренцевом – 5,0, Японском – 5,8 тыс. км. В то же время удалённость от столиц соседних стран существенно меньше: от Астаны – 1,5 тыс. км, Улан-Батора – 2,7, Ташкента – 2,9, Пекина – 4,0 тыс. км. При создании планируемых меридиональных транспортных коридоров расстояния от Кемеровской области до ультраконтинентальных городов Китая – Урумчи (2,2 тыс. км) и Ланьчжоу (3,8 тыс. км) – будут меньше, чем до отечественных морских портов, а до таких столиц, как Исламабад (3,9 тыс. км), Кабул (4,3 тыс. км) и Дели (4,6 тыс. км), вполне сопоставимы. Конкурентоспособность экспорта Сибири в страны Большой Евразии по сравнению с действующими вариантами его организации (через морские порты) будет намного выше именно благодаря экономии на транспортных издержках, поскольку исключаются дальнейшие дополнительные затраты по перевалке на суда доставленных в порты грузов, их протяжённой морской перевозке, последующей перевалке на сухопутный транспорт и перевозке по территории стран-импортёров.

Во-вторых, усиление международного взаимодействия в рамках Большой Евразии создаёт предпосылки к углублению переработки

сибирского сырья на месте путём организации высоких и конечных переделов, получения транспортабельных полуфабрикатов и готовой продукции с высокой добавленной стоимостью. Резервы сокращения транспортных издержек в зависимости от глубины переработки сырья очень велики: в первой половине 2000-х годов удельный вес транспортных издержек в России в конечных ценах полуфабрикатов составлял 10–30%, в ценах сырьевых видов продукции достигал даже 70–80%, тогда как в ценах готовых изделий не превышал 2–5% (Безруков, 2008). Углубление переработки сырья – это центральное направление модернизации базовых производств сибирской индустрии, при котором повышаются диверсифицированность и конкурентоспособность продукции, уменьшаются транспортные издержки, минимизируются потери добавленной стоимости.

При освоении новых рынков необходимо стремиться к паритетным условиям взаимодействия и организации эффективного разделения труда между Сибирью и странами Большой Евразии. С учётом естественных конкурентных преимуществ сибирских регионов, прежде всего их высокой обеспеченности топливно-энергетическими, минеральными и водными ресурсами, может быть выгодно размещение новых энергоёмких и водоёмких производств (К Великому..., 2016). Примером обоснования реализации этих преимуществ служит проект формирования в Восточной Сибири мощной промышленной базы общероссийского значения «Новый Ангарстрой», предусматривающий создание крупнейшего металлургического производства полного цикла (Никольский, 2017). Реализация данного проекта предполагает производство и экспорт массовой продукции с относительно высокой глубиной переработки сибирского сырья, что способно обеспечить внешнеторговое сотрудничество и интеграцию экономик России и Китая на взаимовыгодной основе (Никольский и др., 2018).

В-третьих, при создании международного транспортного коридора на базе Транссиба возникает возможность его кардинальной модернизации с помощью применения принципиально новых технических решений. Таким перспективным решением может стать сооружение магистрали в эстакадном (надземном) исполнении, что позволит добиться резкого увеличения пропускной способности, высокой скорости и безопасности движения, доходности и конкурентоспособности по сравнению с морским путём (Краснов, 2003). В результате в значительной мере будет устранено угнетающее влияние фактора уль-

траконтинентальности на эффективность хозяйственного комплекса Сибири, которая экономически «приблизится» к ведущим центрам страны и мира, в том числе к центрам стран Большой Евразии.

Заключение

Проблема создания Большой Евразии очень многогранна и важна, в связи с чем уровень её научных исследований обязан соответствовать масштабу выдвигаемых задач. Во-первых, нужен программно-целевой подход, определяющий интересы, возможности и ограничения России в деле выстраивания взаимодополнительных хозяйственных связей и осуществления крупных интеграционных проектов в рамках формирующегося блока. В такой стратегической проработке должно быть обязательно наличие следующих приоритетных разделов (направлений): промышленная политика, предусматривающая повышение в экспорте доли полуфабрикатов и конечной продукции, в том числе высокотехнологичной, а не сырья; транспортная политика по созданию конкурентоспособных транспортных коридоров и логистических узлов; региональная политика, которая нацеливала бы на взаимодействие со странами партнёрства не только один удалённый Дальний Восток, но и ультраконтинентальные индустриальные макрорегионы – Сибирь, Урал и Поволжье.

Во-вторых, более глубокое научное обоснование евразийской континентальной интеграции требует творческого использования содержательных геоэкономических и геополитических концепций и версий устройства человеческого общества в планетарном масштабе. В основе этих теоретических конструкций должны лежать фундаментальные представления о причинах дифференциации современного мирохозяйственного устройства, формирования системы центрo-периферических отношений глобального уровня и получения различными по географическому положению странами и регионами неодинаковых выгод от усиления процессов глобализации экономики. Так, исходя из нашей концепции континентально-океанической дихотомии, предпринята попытка доказательства того обстоятельства, что необходимость преодоления странами и районами Большой Евразии огромных сухопутных расстояний и повышенных транспортных издержек, с одной стороны, ставит перед ними серьёзные барьеры выхода на внешние рынки и хозяйственному развитию, а с другой –

выступает серьёзной объединяющей силой, которая заставляет искать собственные, во многом «нестандартные» по меркам развитых стран Запада политические и экономические пути в будущее.

Не следует, естественно, абсолютизировать значимость географических факторов, поскольку членов большого Евразийского партнёрства объединяют не только расположение в едином огромном массиве суши и обладание глубинными внутриматериковыми территориями, но и их общая «чужеродность» западной цивилизации. В отличие, например, от России, которая представляет собой ярко выраженный тип континентальной страны, Китай и Индию по географическому положению, конечно, затруднительно однозначно отнести к какому-либо одному типу – континентальному или океаническому. Тем не менее путь в «элитный клуб» океанических держав Запада закрыт и для России, и для этих азиатских «гигантов», тогда как развитие в рамках своего блока открывает принципиально иные, более широкие перспективы. Отсюда политико-географический смысл создания Большой Евразии видится в определённом альтернативном политическом объединении ряда евразийских стран с целью формирования такого крупнейшего международного региона, который способен противостоять давлению Запада, имея сопоставимые экономические и военные возможности и значительно превосходя его по мощи территориальной, ресурсной и демографической базы.

Поиск собственных путей экономического развития должен учитывать сохраняющуюся разницу коренных интересов континентальных и океанических (приморских) держав. Страны океанического типа отличаются от континентальных пониженным уровнем транспортёмкости хозяйства, они гораздо меньше зависят от дальности перевозок, интенсивно используют выгодные для себя процессы глобализации и транснационализации экономики. В интересах доминирующих в мире развитых приморских держав Запада, которые выступают обычно «единым фронтом» на принципах относительно независимого от расстояний океанического обмена, построены современные мировое хозяйство и мировой рынок. Между тем эти принципы по своей экономической сути зачастую неприемлемы для континентальных стран, вынужденных применять более затратные сухопутные виды сообщения. Сильная зависимость континентальных стран от расстояний перевозки и повышенных транспортных издержек требует постоянного сокращения их удорожающего бремени и диктует существенно иной (адаптивный) стиль хозяйственной деятельности и общения с внешним миром.

Экономико-географический смысл создания Большой Евразии состоит в строительстве долгосрочной и устойчивой континентальной евразийской интеграции посредством активизации международных хозяйственных связей и сооружения транспортных коридоров, что тем самым содействует преодолению транспортно-коммуникационных ограничений ультраконтинентальных стран и районов. Чем выше уровень их развития и теснее связи, тем меньше будет потребность вступления в невыгодный для них мировой океанический обмен. Естественно, что выход к Мировому океану и контакты с мировым рынком для глубинных областей Евразии не теряют своей значимости, но их будущие успехи всё в большей мере обуславливаются интенсивностью взаимодействия друг с другом, поскольку только так можно наиболее результативно ослабить негативное влияние недостатков географического положения.

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ и РГО (17-05-41057 РГО_a).

Литература

- Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академическое изд-во «Гео», 2008. 369 с.
- Безруков Л.А. Транссиб и Шелковый путь: глобальная инфраструктура и региональное развитие // ЭКО: Всероссийский экономич. журнал. 2016. № 7. С. 21–36.
- Безруков Л.А. Географический смысл создания «Большой Евразии» // География и прир. ресурсы. 2018. № 4. С. 5–14.
- Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. М.: Междунар. отношения, 1999. 256 с.
- Бобрин П.П. Проблемы и задачи центральноазиатского транзита // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. Вып. 62. С. 25–40.
- Борисова Е.А. Водные и энергетические ресурсы «Большой» Центральной Азии: Дефицит воды и ресурсы по его преодолению. М.: ЛЕНАНД, 2015. 236 с.
- Вардомский Л.Б. Транзитный потенциал Казахстана в контексте евразийской интеграции // ЭКО: Всероссийский экономич. журнал. 2015. № 8. С. 59–78.
- Вардомский Л.Б. Вопросы географии транзитных коммуникаций в странах ЕАЭС // Региональные исследования. 2018. № 2. С. 120–130.

- Вардомский Л.Б., Тураева М.О. Развитие транспортных коридоров постсоветского пространства в условиях современных геополитических и экономических вызовов (научный доклад). М.: Ин-т экономики РАН, 2018. 66 с.
- Винокуров Е.Ю., Либман А.М. Две евразийские интеграции // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 47–72.
- Винокуров Е.Ю., Лобырев В.Г., Тихомирова А.А., Цукарев Т.В. Транспортные коридоры Шелкового пути: потенциал роста грузопотоков через ЕАЭС. (Доклад ЦИИ ЕАБР № 49). СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2018. 74 с.
- Возвышение Римланда: новая политическая география и стратегическая культура / Бордачев Т.В., Кашин В.Б., Куприянов А.В., Лукьянов Ф.А., Суслов Д.В. М.: МДК «Валдай», 2018. 36 с.
- Дружинин А.Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2016. 228 с.
- Дружинин А.Г. Геоэкономические взаимозависимости и геополитические альянсы в современном евразийском пространстве // Социально-экономическая география: Вест. Ассоциации российских географов-обществоведов. 2017. № 6. С. 24–38.
- Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 1997. 608 с.
- Дугин А.Г. Евразийский реванш России. М.: Алгоритм, 2014. 256 с.
- К Великому океану – 4: Поворот на Восток. Предварительные итоги и новые задачи / Под ред. Т.В. Бордачева. М.: МДК «Валдай», 2016. 36 с.
- К Великому океану – 5: От поворота на Восток к Большой Евразии / Под ред. С.А. Караганова. М.: МДК «Валдай», 2017. 48 с.
- Кефели И.Ф., Кузнецов Д.И. Евразийский вектор глобальной геополитики. М.: Изд-во Юрайт, 2018. 274 с.
- Колосов В.А. Постсоветские границы: своеобразие, трансграничные взаимодействия и безопасность // Географическое положение и территориальные структуры: памяти И.М. Маергойза. М.: Новый хронограф, 2012. С. 601–630.
- Колосовский Н.Н. Основы экономического районирования. М.: Госполитиздат, 1958. 200 с.
- Краснов М.А. Поиск новых транспортных стратегий России // Транспортная стратегия России (план-проект). Новосибирск, 2003. С. 717–724.
- Красова Е.В., Цзинь Яньхун, Чжао Лихуа. Неравномерность социально-экономического развития регионов Китая как результат устойчи-

- вого развития китайской экономики // Вектор науки Тольяттинского гос. ун-та. Сер. Экономика и управление. 2016. № 2 (25). С. 42–49.
- Кудияров С. Битва за контейнер // Эксперт. 2010. № 44. С. 95–98. (Спец. приложение «Транспорт и логистика»).
- Кудияров С. Тува выходит на Транссиб // Эксперт. 2017. № 50. С. 26–27. (Спец. приложение «Инфраструктура»).
- Липидус Б.М., Липидус Л.В. Железнодорожный транспорт: философия будущего. М.: Прометей, 2015. 232 с.
- Лисоволик Я.Д., Сутырин В.В. География стран Евразийского экономического союза: от вызовов к возможностям. М.: МДК «Валдай», 2017. 18 с.
- Лопатина Т., Перечнева И. Оторвите груз от сердца // Эксперт. 2016. № 26. С. 68–76. (Спец. приложение «Рейтинг крупнейших транспортно-логистических компаний России»).
- Маккиндер Х.Дж. Географическая ось истории // Дугин А.Г. Основы геополитики. Геополитическое будущее России. М.: «Арктогея», 1997. С. 491–506.
- Международные транспортные коридоры ЕврАзЭС: быстрее, дешевле, больше. Отраслевой обзор. Алматы: Евразийский банк развития, 2009. 58 с.
- Могилевкин И.М. Глобальная инфраструктура: механизм движения в будущее. М.: Магистр, 2010. 317 с.
- Никольский А.Ф. «Новый Ангарстрой» как ключевой проект будущей индустриализации в России // География и прир. ресурсы. 2017. № 4. С. 143–153.
- Никольский А.Ф., Безруков Л.А., Шуплецов А.Ф. «Новый Ангарстрой» как проект несырьевой интеграции экономик России и Китая // Изв. Байкальск. гос. ун-та. 2018. Т. 28. № 3. С. 470–480.
- Обухова Е., Скоробогатый П. Партнерство незолотых миллиардов // Эксперт. 2016. № 27. С. 13–20.
- Потоцкая Т.И. Геополитический аспект современного транспортно-географического положения России // Изв. РАН. Сер. геогр. 2018. № 3. С. 5–17.
- Резер С.М., Прокофьева Т.А., Гончаренко С.С. Международные транспортные коридоры: проблемы формирования и развития. М.: ВИНТИ РАН, 2010. 312 с.
- Романов М.Т. Евразийские трансконтинентальные экономические оси и их восточные плацдармы // Гуманитарный вектор. 2014. № 2 (38). С. 172–183.

- Савицкий П.Н. Континент Евразия. М.: Аграф, 1997. 464 с.
- Сакс Дж.Д. Конец бедности. Экономические возможности нашего времени / Пер. с англ. М. Эдельмана. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2011. 424 с.
- Самбурова Е.Н. Региональные диспропорции современного развития экономики Китая // Вест. МГУ. Сер. 5. География. 2014. № 4. С. 49–55.
- Сигалов М.Р., Ламин В.А. Железнодорожное строительство в практике хозяйственного освоения Сибири. М.: Наука, 1988. 132 с.
- Список стран по населению [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_населению (дата обращения 10.05.2018).
- Список стран по ВВП (ППС). Список Всемирного банка [Электронный ресурс]. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП_\(ППС\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_ВВП_(ППС)) (дата обращения 10.05.2018).
- Транспорт в товарообмене между Европой и Азией / Пер. с пол. Х. Мешка / Под ред. Мачея Миндура. Варшава–Радам: Ин-т технологии эксплуатации, 2011. 531 с.
- Трубецкой Н.С. Наследие Чингисхана. М.: Аграф, 1999. 560 с.
- Фартышев А.Н. Региональная политика России и Китая в отношении своих внутриконтинентальных территорий: Сибирь и Синьцзян // Изв. Иркутского гос. ун-та. Сер. «Политология. Религиоведение». 2013. № 2. Ч. 1. С. 144–153.
- Фролова И.Ю. Экономическая политика КНР в Синьцзян-Уйгурском автономном районе в контексте интересов стран Центральной Азии // Проблемы национальной стратегии. 2014. № 4 (25). С. 65–85.
- Ханин Г.И. Экономические программы и прогнозы, или маниловщина и самообман // ЭКО: Всероссийский экономич. журнал. 2006. № 4. С. 2–19.
- Харламова Ю.А. Российский железнодорожный комплекс: политический анализ. М.: ИНФРА-М, 2012. 182 с. (Научная мысль).
- Хекимоглу Л. Куда движется «хартленд»? Центральная Азия, география, глобализация // Центральная Азия и Кавказ. 2005. № 4 (40). С. 79–97.
- Цветков В.А., Зоидов К.Х., Медков А.А. Формирование эволюционной модели транспортно-транзитной системы России в условиях интеграции и глобализации. М.–СПб: Нестор-История, 2014. 800 с.
- Цинь Юйцай, Чжоу Гупин, Ло Вэйдун. Один пояс и один путь: комментарии / Пер. с кит. Л.К. Станченко. М.: Междунар. издательская компания «Шанс», 2017. 279 с.

- Шупер В.А. Евразийское будущее России в свете чередования интеграционных и дезинтеграционных циклов // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 4. С. 7–17.
- Шупер В.А. Транспортный фактор движения России на восток и формирования большой Евразии // Региональные исследования. 2018. № 2. С. 131–138.
- Яковец Ю.В., Растровец Е.Е. Большая Евразия: стратегия партнерства цивилизаций и объединений: научный доклад. М.: Международный ин-т Питирима Сорокина–Николая Кондратьева, 2017. 64 с.
- Экспорт товаров и услуг мира, 1970–2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://be5.biz/makroekonomika/export/world.html> (дата обращения 10.05.2018).
- Annovazzi-Jakab L. Landlocked Countries: Opportunities, Challenges and Recommendations // Trade Facilitation. The Challenges for Growth and Development. New York and Geneva: United Nations, 2003. P. 81–136.
- Collier P. The Bottom Billion. Why the Poorest Countries Are Failing and What Can Be Done About It. New York: Oxford University Press, 2007. 205 p.
- Grigoriou C. Landlockedness, Infrastructure and Trade: New Estimates for Central Asian Countries. The World Bank: Development Research Group Trade Team, Policy Research Working Paper 4335, August, 2007 [Электронный ресурс]. URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/289461468016849336/pdf/wps4335.pdf> (дата обращения 10.05.2018).
- Haushmann R. Prisoners of Geography // Foreign Policy, January–February 2001.
- Radelet S., Sachs J.D. Shipping Costs, Manufactured Exports, and Economic Growth. 1998 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.earth.columbia.edu/sitefiles/File/about/director/pubs/shipcost.pdf>. (дата обращения 10.05.2018).
- White C.D. Geography, Policy, and Barriers to International Trade in Central Asia // Business Journal. November 3. 2010. P. 44–54 [Электронный ресурс]. URL: https://www.researchgate.net/publication/306380017_Geography_Policy_and_Barriers_to_International_Trade_in_Central_Asia (дата обращения 10.05.2018).

УДК 332.1, 913

Сибирь: место для жизни или только мост между Азией и Европой?

© 2019 г. В.Ю. Малов

Института экономики и организации промышленного производства
Сибирского отделения РАН, Новосибирск, Россия

Siberia: a place to live or just a bridge between Asia and Europe?

V.Yu. Malov

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia

malov@ieie.nsc.ru

The article deals with the problems of the current stage of development of the northern and eastern regions of the country. The movement of the Russian state to Siberia was considered as the development of new resource areas, and the search for new ways to enter world markets. But almost immediately it became clear that in Siberia there are regions with favorable living conditions for the permanent population. Solving the tasks of the country's resource security simultaneously with solving the tasks of preserving the territorial integrity and security of the national is primarily associated with the creation of reliable transport communications. And in both latitudinal and meridional directions with the involvement of almost all modes of transport. In this regard, it is difficult to overestimate the coordinating role of the state, which requires the use of modern methods of forecasting and planning the balanced development of all regions of the country. It is concluded that for the conditions of Siberia and the entire North of Russia, large complex projects with a decisive voice of state structures that have the potential to make long-term investments and not to pursue an immediate commercial effect are preferable. The concept of «Leading Initiatives» is proposed, which adapts the previously created concept of «Territorial-Production Complexes» to market conditions.

Key words. *balance, defense importance, resource regions, state participation, transport communication.*

В статье рассматриваются проблемы современного этапа развития северных и восточных регионов страны. Движение Российского государства в Сибирь рассматривалось как освоение новых ресурсных территорий, так и поиск новых путей выхода на мировые рынки. Но почти сразу же стало ясно, что в Сибири есть регионы с благоприятными для постоянного населения условиями жизни. Решение задач ресурсной безопасности страны одновременно с решением задач сохранения территориальной целостности и безопасности национальной в первую очередь связано с созданием надежных транспортных коммуникаций. Причем как в широтном, так и в меридиональном направлениях с задействованием практически всех видов

транспорта. В этом отношении трудно переоценить координирующую роль государства, что требует использование современных методов прогнозирования и планирования сбалансированного развития всех регионов страны. Делается вывод, что для условий Сибири и всего Севера России предпочтительны крупные комплексные проекты с решающим голосом государственных структур, которые имеют потенциальную возможность осуществлять долговременные вложения и не гнаться за немедленным коммерческим эффектом. Предлагается концепция «Опережающих инициатив», которая адаптирует к рыночным условиям созданную ранее концепцию «Территориально-производственных комплексов»

Ключевые слова: *государственное участие, оборонное значение, ресурсные регионы, сбалансированность, транспортные коммуникации.*

Величие и богатство всего государства состоит в здоровом и многочисленном народе, а не в обширности, тщетной без обитателей.

М.В. Ломоносов

Введение

Экономическая катастрофа 1991 года¹, связанная с распадом СССР, особенно сильно отразилась на состоянии хозяйственных комплексов северных регионов России и Сибири в целом. Планово создаваемая здесь узкоотраслевая экономика изначально не обладала способностью мобильной адаптации к рынку, введённым методами «шоковой терапии». Рост цен привёл к ликвидации большей части сбережений северян, а перестройка финансовых отношений госпредприятий привели их к фактическому банкротству, также как портов и ледокольного флота. Осложнились и условия завоза продуктов на север.

Резкое снижение уровня жизни и потеря значительного числа рабочих мест привели к массовому оттоку населения из Сибири и особенно из северных районов страны. Свобода в деле экспортных поставок привела к тому, что часть экспортно ориентированных предприятий сумела перестроиться и сохранила связи с внешним рынком, но это привело к существенному снижению поставок нужного сырья для внутрисибирского рынка, а экспортная выручка стала зачастую оставаться за рубежом, т.е. происходило субсидирование развития чужой экономики. Сокращение масштабов геологоразведочных работ предопределило

¹ Из послания Президента РФ В.В.Путина Федеральному Собранию 2005 г.

будущие трудности с возрождением добывающей промышленности: прирост запасов стал стабильно отставать от требуемого уровня для поддержания стабильной добычи. Резко сократился интерес к созданию в Сибири «вторых» этажей перерабатывающей промышленности.

Если в период 1970–1989 гг. в Сибири было построено 15 крупные объектов «вторых этажей» переработки ресурсов (Красноярский металлургический завод, Ачинский глиноземный комбинат, Красноярская ГЭС, Сургутская ГРЭС-1, Лесосибирский ЛПК, Усть-Илимский ЛПК, Томский химкомбинат, Усть-Илимская ГЭС, Ачинский НПЗ, Конденсатопереработка в г. Сургут, Нижневартовский ГПЗ, Тобольский газохимический завод, Саяно-Шушенская ГЭС, Сургутская ГРЭС-2, Саянский алюминиевый завод), то в период 1990–2009 гг. таких объектов было построено всего два (Хакасский алюминиевый завод и Богучанская ГЭС, начатая строительством в 1974 г.).

И даже этот короткий список объектов периода 1990–2009 гг. показывает, что они фактически реализовывали политику «вывоза электроэнергии в виде алюминия», 80% которого предназначено для экспорта. Некоторое оживление в последние 5 лет именно «вторых этажей» (например, Богучанские ЛПК и алюминиевый завод) не даёт основания для серьёзного оптимизма в деле развития перерабатывающих отраслей в Сибири. Объекты Дальнего Востока имеют также ориентиры на экспорт своей продукции (чаще всего – полуфабрикатов) в Китай и другие страны АТР.

Трудно не согласиться с теми, кто считает, что Сибирь действительно превращается в сырьевую колонию. Только теперь уместно спросить: чью колонию? Какой страны?

Много вопросов возникает по поводу поворота Газпрома на восток и проекта «Сила Сибири». Проект не нов. Ещё 13 лет тому назад рассматривались различные варианты поворота российского газа на Восток, прежде всего газа Восточной Сибири. Уже тогда было ясно, что нельзя продавать газ не оставив его гелиевую составляющую на территории России. Более того, поскольку газ Восточной Сибири имеет много ценных компонент (этан, пропан, ШФЛУ и др.), то хорошо бы построить на пути этого газа ряд перерабатывающих производств, увеличив тем самым добавленную стоимость для России. Если проследить дальнейшую возможную цепочку использования этого газа, то существуют варианты создания в Сибири и на Дальнем Востоке заводов минеральных удобрений, что повысит урожайность сельского хозяйства и, соответственно, создаст здесь, на Востоке страны много

новых высокодоходных рабочих мест. А это самый эффективный путь решения демографической проблемы в этом регионе. Кроме того, по пути некоторых вариантов транспортировки газа (южные варианты) предполагалось газифицировать населённые пункты Иркутской области, Бурятии и Забайкальского края (Проблемные..., 2005).

Но, как известно, Газпром – компания коммерческая и цель этой компании – максимум прибыли. Соответственно и результат наших оптимизационных расчётов (по критерию максимизации чистого дохода) получился другой: максимум чистого дохода достигается в варианте, когда на территории России создаются минимально необходимые (требуемые по соображениям стратегической безопасности) объекты – только заводы по утилизации гелия. А минеральные удобрения, если таковые будут производиться, дают гораздо бóльшую отдачу на землях китайских фермеров, а не на полях российских крестьян.

Самое печальное здесь то, что интересы компании (пусть даже государственной, но являющейся акционерным обществом с явно выраженным интересом максимизации собственных доходов) совпадают с интересами соседнего государства. Глубокую переработку выгоднее размещать в другой стране – там всё дешевле. Сегодня строительство газохимического комбината действительно началось. Правда, не в Сибири, а на Дальнем Востоке, в Амурской области. Остаётся непонятным: для какой страны предназначены продукты переработки? Кто реальный собственник этого завода? Если, что вполне возможно, сохранится ориентация на рыночные критерии, и государственный интерес «спасует» перед интересом коммерческим, то и добавленная стоимость от сибирских ресурсов в России не задержится.

Является ли вопрос о необходимости и, соответственно, издержках сохранения пространства за государством чем-то новым по сравнению с прошлыми веками существования государства Российского?

Как сохранить территорию?

Основными направлениями экономической и политической экспансии Российского государства на протяжении практически всей тысячелетней истории были западное и южное, где периодически происходили столкновения, перерастающие в военные действия. Путь на Север был практически свободен всегда, а на Восток – начиная со времён завоеваний Ермака.

Военно-стратегический императив освоения этих, на первый взгляд малопривлекательных территорий, стал важным со времён Ивана Грозного, когда английские купцы стали искать новые пути в Индию в обход Евразийского континента с севера. В полном соответствии с предположениями (а точнее – с опасениями) геополитиков «англосаксонского направления» именно наличие свободного северного и восточного выходов в Мировой океан представляется как географическая основа новой «Непобедимой Армады» во главе с Россией. Показательно, что эти мысли были высказаны более 100 лет назад, когда только начинались создаваться реальные условия организации свободного плавания по морям Северного Ледовитого океана, тем более под водой. Однако именно сейчас разворачивается явно выраженное соперничество за обладание акваториями этой части Земли. Огромный интерес вызывают и прибрежные территории, как в Восточном, так и Западном полушариях.

Поиски Северо-Западного и Северо-Восточного проходов из Атлантического океана в Тихий имеют давнюю историю. Ледовая обстановка в Западном полушарии всегда была более сложной, чем в Восточном. Поэтому и путь вдоль северных берегов России всегда выглядел более привлекательным и более реалистичным. Да и реки Сибири, впадающие в Северный Ледовитый океан, текли с юга, что наводило на мысль о возможности найти речной путь в Индию как альтернативу морскому пути вокруг Африки. Значение Северного морского пути как стратегического форпоста России было оценено и Петром I. В 1715 г. он одобрил проект Великой Северной экспедиции, главной целью которой было найти дорогу из Европейской России на Камчатку и прочно связать воедино всю территорию России. В 1763 г. М.В. Ломоносов в своём трактате «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного прохода между Сибирским океаном в Восточную Индию» ещё раз обратил внимание на важность не только освоения, но и *обживания* российского Севера.

Советское правительство в 20–30-х годах прошлого века, хотя и признавало геополитику как науку сугубо «буржуазную», но действовало в точном соответствии с её положениями: находило средства для освоения Арктики как форпоста в грядущих битвах с «мировым империализмом». Понимание стратегической значимости этого макрорегиона для страны заставляло правительство СССР не ожидать быстрых экономических отдач от освоения арктических территорий.

Северный морской путь осваивался не в последнюю очередь и как вариант быстрой переброски военно-морского флота на Дальний Восток. Опыт потери флота в Русско-Японскую войну 1904–1905 гг., когда северный вариант был отвергнут², оказался востребованным. Советское правительство не жалело усилий и средств (тогда ещё очень скудных) для закрепления за СССР арктической зоны в огромном по масштабам треугольнике: «Мурманск – Северный полюс – Берингов пролив». Многочисленные экспедиции, дрейфующие полярные станции, аэродромы, метеостанции, порты на всём протяжении СМП, создание ледокольного и торгового флота для высокоширотных транспортных коридоров считались обязательным условием поддержания национальной безопасности страны.

К сожалению, инициаторы «шоковой терапии» начала 1990-х годов далеко не всегда понимали, что Север (и ближний, и дальний) и особенно Арктика не способны быстро адаптироваться к новым рыночным условиям без поддержки государства. «Невидимая рука» всемогущего рынка, на которую так надеялось правительство РФ 1990-х годов, действительно сработала, но только совсем не в пользу России. Экономика нашей страны стала гораздо более сырьевой, были потеряны тысячи перерабатывающих наше же сырьё промышленных объектов. И всё это происходило в соответствии с законами, сформулированными ещё А. Смитом и Д. Рикардо – законами обмена в условиях свободного рынка. Интересы стран и их народов в расчёт, естественно, не принимались. Как бы сейчас сказали «Ничего личного – только бизнес»!

Всё это не могло не отразиться и на главной транспортной магистрали Арктики. Объём перевозок по Северному морскому пути резко уменьшился (с 6 до 1,5 млн т в год). Произошла фактическая ликвидация многих портов, ускорилось старение ледокольного и торгового флота, ощущается потеря квалифицированных кадров. Одновременно с этим большинство портов на Чёрном и Балтийском морях стали собственностью других суверенных государств. Это, конечно, не означало полное закрытие их для наших судов, но сильно усложнило управляемость и эффективность внешнеторговых операций: тарифы на использование портовых мощностей существенно возросли.

² Показателен спор нашего великого ученого Д. Менделеева и адмирала Макарова о том, какой вариант пути на Дальний Восток предпочтителен: вдоль побережья или высокоширотный. К сожалению, спор так и не окончился: оба проекта были оставлены до лучших времен (Витте, 1960).

Россия была вынуждена усилить внимание к северным направлениям европейских связей. Признавая целесообразность открытия СМП для прохода иностранных судов и международного транзита (напомним, что путь из Иокогамы в Роттердам по СМП в два раза короче, чем через Суэцкий канал), важно сохранить статус Северного морского пути как внутрироссийского транспортного коридора. Арктика и была, и вероятно ещё долгое время останется важным звеном системы национальной безопасности, что предполагает постоянное дежурство здесь и судов ВМФ РФ (в том числе подводных), и наличие береговой поддержки, и аэродромов стратегической авиации.

В транспортной стратегии России Северный морской путь и сегодня рассматривается как один из элементов опорной транспортной сети России в целом и в особенности её Азиатской части. Более того, озвучена цифра перспективного объёма перевозок – до 80 млн т, куда входят и нефть, и сжиженный газ, и уголь и предполагаемый международный транзит контейнеров. И этот объём сопоставим с перевозками по Транссибирской железнодорожной магистрали, которая по-прежнему, как и на протяжении всего XX в., остаётся основным элементом транспортных коммуникаций, связывающих Запад и Восток России/СССР. Происходящие процессы глобализации и необходимость встраивания России в мирохозяйственную систему только повысили её значимость. Сегодня она рассматривается как реальный конкурент по организации транспортного моста «Азия – Европа» для скоростной перевозки контейнеров из Китая, Японии, Тайваня и Южной Кореи в Европейские (преимущественно северные) страны. Использование Транссиба позволяет экономить 10–15 дней пути по сравнению, например, с морскими перевозками через Суэцкий канал.

Однако использование Транссиба для массовых транзитных перевозок может существенно осложнить перевозки внутрироссийских грузов, если не будет подготовлен второй широтный ход – Северо-Российская Евразийская железнодорожная магистраль. В своих главных контурах это направление ещё в начале XX в. было известно под названием Великий Северный путь (ВСП). Эта магистраль включает в себя: уже построенный и работающий БАМ, принятый в новой стратегии железнодорожного строительства Севсиб (Усть-Илимск – Нижневартовск) с вероятным продолжением через Ханты-Мансийск до Урала и будущий Баренцкомур – обеспечивающий новый переход через Урал с выходом в перспективе на новый порт в Баренцевом море в устье р. Индига.

Вдоль этого Северного широтного коридора уже действуют и имеют хорошие перспективы нового развития ряд интегрированных производственно-транспортных зон (ИПТЗ) разных отраслей и компаний, ориентированных преимущественно на добычу и первичную переработку природных ресурсов. Такая, сырьевая ориентация отдельных регионов страны не кажется нам бесперспективной. Как показывает опыт Норвегии, Канады, Финляндии, Австралии, инновационная экономика не обходит стороной и сектор добывающих отраслей, если, конечно, для этого созданы соответствующие институциональные условия. Вероятно, более важно добиваться строгого выполнения природоохранного законодательства и соблюдения норм социальной обеспеченности работников и их семей в сложных природно-климатических условиях, чем ратовать за непременно создание здесь заведомо убыточных перерабатывающих производств.

Полярный широтный транспортный коридор также представляется как один из вариантов Великого Северного пути, отвечающих реалиям уже XXI в.: восстановление брошенной в 1953 г. дороги Лабытнанги – Салехард – Игарка – Норильск с вероятным продолжением от Норильска до порта Хатанга, а от Игарки через Мирный и Якутск на Магадан и, возможно, на Камчатку и далее на Чукотку. Безусловно, этот коридор должен сооружаться участками, по мере актуализации потребностей в ресурсах и/или геополитических задач страны. Первоочередным, по нашему мнению, является участок Салехард – Игарка, позволяющий существенно расширить возможности добычи углеводородов и, что не менее важно, расширить территории поиска новых месторождений в перспективной части Западной Сибири, пока ещё не имеющей никакой транспортной инфраструктуры. Этот участок железной дороги уже включён в стратегию развития РЖД на период до 2030 г., хотя потребность в нём ощущается уже «вчера» (рис. 1).

Соединение Норильска железной дорогой с транспортной сетью страны безусловно сократит нагрузку на Северный морской путь и существенно изменит значение порта Дудинка. Однако представляется, что к этому времени на СМП поступят другие, не менее значимые предложения по перевозке грузов. Это связано как с вероятным оживлением деятельности прибрежных населённых пунктов и производств, так и с активизацией грузоотправителей из южных регионов Сибири, заинтересованных в более активном использовании рек Енисей, Обь, Лена как естественных выходов на мировые рынки. Напомним, что

Рис. 1. Перспективные широтные транспортные коридоры Азиатской России первой половины XXI в.

важность осваивания этих направлений интеграционных связей отмечалась ещё с середины XIX в. как отечественными промышленниками и политиками, так и зарубежными негодантами³. Потеря Дудинкой своей роли основного порта для Норильского комбината может быть с лихвой возмещена возрастанием её значения как складского перегрузочного центра с речных на морские суда. Кроме того, не отрицается в качестве второй очереди вариант поставок нефти по трубопроводу с

³ В 1859 г. промышленник М. Сидоров открыл и заявил графитовые и угольные месторождения по рекам Нижней Тунгуске и Курейке, а в 1877 г. вывез одну шхуну с графитом в Норвегию (Арктика..., 2000). Введение «челябинского перелома» тарифов на перевозки по Транссибу мотивировалось в том числе и задачами активизации речного пути сибирской пшеницы в западном направлении. Из путешествий зарубежных негодантов достаточно вспомнить деловую поездку Ф. Нансена в 1912 г. по СМП – Енисею и возвращение в Европу по Транссибу.

месторождений севера Красноярского края в будущий нефтеналивной терминал в районе Диксона с пересечением Енисея вблизи Дудинки. Это позволит создать здесь мини завод по переработке части этой нефти, в основном для местных нужд. Вероятно, не лишним окажется и производство авиационного керосина для нашей стратегической авиации, базирующейся в северных широтах и имеющей возможность эффективно контролировать российский сектор Арктики.

Основой Арктического широтного коридора служит Северный морской путь, обеспечивающий замыкание «транспортных циклов» (Тархов, 2005) в российской транспортной системе, повышая тем самым надёжность и маневренность её функционирования на десятилетия вперед. Будучи самым коротким морским путём из Азии в Европу, Северный морской путь, тем не менее, вряд ли сможет конкурировать с вариантом через Суэцкий канал за значительные объёмы международного транзита. По нашим оценкам, объём транзита может достигнуть к 2020 г. максимум 200 тыс. контейнеров ДФЭ (из 20 млн прогнозируемых на этот период). Более вероятные грузы для СМП имеют отечественное происхождение: вывоз сырья и полуфабрикатов и/или завоз разнообразной продукции для производств и жителей регионов в зоне его влияния. Тем не менее, имея возможность использования разных вариантов транспортировок, грузоотправитель получает шанс более активных переговоров за выгодные для себя условия, пусть даже по маршрутам, проходящим вне России. Кроме того, различные варианты транспортных связей предоставляют большие возможности маневра в использовании тех или иных ресурсов в разных регионах: расширение добычи или наоборот, консервация части месторождений в соответствии с колебаниями спроса. Разумеется, при этом должны быть выполнены все социальные обязательства, принятые на стадии «входа в регион за ресурсами», как-то: выполнение экологических требований, поддержание социальной сферы и т.п.

Соединение задач экономических и оборонных

Одной из отличительных характеристик функционирования инфраструктурных объектов (транспорт – в их числе) является эффект масштаба: сокращение удельных издержек при росте объёмов деятельности. Другими словами, экономическая эффективность функционирования транспортных магистралей существенным образом зависит

от нагрузок на них, от предъявляемого спроса на объёмы перевозок. Дополнительные затраты на создание транспортных коммуникаций оборачиваются доходами в других сферах экономики. Инвестиции государства окупаются косвенным образом через активизацию хозяйственного комплекса страны, роста рабочих мест, повышение доходов населения. Но, вероятно, более важной составляющей цели инфраструктурного, и прежде всего транспортного освоения территории является поддержание экономической безопасности страны как составного элемента безопасности национальной.

На этом фоне полезно вспомнить, что заявления о том, что Сибирь⁴ лишь по ошибке досталась России, повторяются с завидной регулярностью, как политиками (Олбрайт, Тэтчер), которые считали, что в России могло бы остаться только 30–40 млн человек), так и некоторыми зарубежными исследователями нашей Сибири. Их рекомендации по переселению большей части жителей Сибири в более тёплые районы страны (или даже в другие страны) «естественно» объясняется только желанием «блага» населению Российской Федерации.

Отношение к Сибири и в русском обществе было неоднозначным с самых первых лет обживания этих новых территорий. Так, генерал-губернатор М.М. Сперанский в первый год (1819) своего пребывания в Сибири утверждал, что Сибирь – это просто место для ссылок, может быть для некоторой части торговли, минералогии, но уж никак не для жизни нормального населения; вряд ли здесь возможна организация сельского хозяйства и фабрик. Однако уже в 1820 г. он же пишет: «Если немного я здесь сделал, по крайней мере много осушил слез, утешил негодований, пресек вопиющих насилий и, может быть, еще важнее, открыл Сибирь в истинных ее политических отношениях»⁵.

Не остались равнодушными к Сибири и писатели. Так, Ф.М. Достоевский, будучи сослан в Сибирь на каторгу (в Омск), в первые годы своего пребывания здесь считал, что у Сибири нет будущего, так как все её реки впадают в Ледовитый океан и другого выхода в море нет⁶. Позднее, в 1881 г. он в своих «Дневниках писателя» пишет уже совершенно другое: «Россия не в одной только Европе, но и в Азии... Мало того:

⁴ В данной статье понятия Сибирь и Азиатская часть России понимаются как синонимы, если это специально не оговорено, в частности там, где речь идёт о Сибирском федеральном округе.

⁵ Из писем М.М. Сперанского его дочери Елизавете Михайловне.

⁶ Из воспоминаний А.Е.Врангеля о Ф.М.Достоевском в Сибири.

в грядущих судьбах наших, может быть, Азия-то и есть наш главный исход». Сравнивая эти слова с мыслями геополитиков англосаксонского, не дружественного России направления мысли (Мэхена, Маккиндера и др.) о мировой значимости этой части земной поверхности (Lenaland) и последующим решением Александра III о строительстве Транссибирской железнодорожной магистрали, можно сказать, что понимание значения Сибири именно как части России приходит не сразу.

История повторяется. Сегодня опять стоит вопрос о выработке отношения к Сибири и вообще ко всему Северу России. Надо ли, а если надо, то каким образом его осваивать и заселять. Что сегодня обычно указывают в качестве «конкурентных преимуществ Сибири? Это кладовая ресурсов и транспортный мост между Востоком и Западом Евразийского континента. Если встать на сторону сибиряков, то стоит согласиться, что в кладовой жить холодно и неудобно, а под мостом – шумно и трясет. А то, что в Сибири можно не только жить, но можно и растить здоровое потомство говорит многовековой опыт таких городов и деревень, как Енисейск, Богучаны, Кежма и многих других, расположенных по руслу великих сибирских рек, далеко севернее за 50-ой параллелью» (Крюков и др., 2018).

Сегодня реализация крупных проектов освоения новых регионов наталкивается на серьёзную проблему: для принятия решения по реализации какого-то крупного проекта Правительство требует обоснование его коммерческой эффективности. Это, как правило, невыполнимо. Многие проекты, особенно инфраструктурные, в частности транспортные, с очевидностью убыточные. Но почему-то отсутствует видение далёкой перспективы, нет желания (умения?) подняться над задачами получения денежного дохода, и желательно поскорее. И здесь следует вспомнить о происхождении самого понятия «экономика». Его автором считается великий греческий философ Аристотель. При этом обычно упускают его же указание на то, что экономику следует отличать от так называемой «хрематистики» – также науки о ведении хозяйства, но только не ради удовлетворения насущных потребностей человека (материально-вещественные, натуральные характеристики потребностей), а ради получения денежного дохода, ради накопления богатств. *«Так как хрематистика расположена рядом с экономикой, люди принимают её за саму экономику; но она не экономика. Потому что хрематистика не следует природе, а направлена на эксплуатацию. На неё работает ростовщичество, которое по по-*

нятным причинам ненавидится, так как оно черпает свою прибыль из самих денег, а не из вещей, к распространению которых были введены деньги. Деньги должны были облегчить торговлю, но ростовщический процент увеличивает сами деньги. Поэтому этот вид обогащения самый извращённый» (Аристотель 1983).

История знает много примеров, когда именно постановка не денежной цели позволяла преодолеть кризисные явления. Участие государства как организующего и финансирующего начала позволяло преодолеть трудности в минимально короткое время. Это и выход из Великой депрессии США (1930-годы) через план Рузвельта по строительству дорог (транспортной инфраструктуры), и политика Де Голля по возрождению Франции после войны. Но особо хотелось бы выделить план возрождения Германии после войны – так называемый План Маршалла. Была поставлена цель за короткий период времени обеспечить всем немцам достойный уровень жизни. При этом рынок (и рынок на первых парах регулируемый) был избран как средство достижения цели в отличие от современной России, где рынок фактически стал целью, действительно обеспечивший быстрый подъём благосостояния, но только для очень узкого круга так называемых «новых русских». Вероятно, в России не были известны предупреждения Аристотеля.

Трудности использования положительных сторон рыночных механизмов в российской экономике связаны как с объективными, так и субъективными причинами. Академик В.Л. Макаров (2010) даёт простое и ясное объяснение причины, по которой буксуют большинство наших строительных и транспортных проектов – это нежелание чиновников (и, к сожалению, даже многих бизнесменов) менять что-либо в своей налаженной жизни, дающей хороший доход и без привлечения каких-либо инноваций, попыток реализовать какие-либо новые, иногда рискованные проекты. Тем более в Азиатской части России. К объективным трудностям следует, как это ни печально, отнести факт естественных, природных ограничений на эффективность большинства проектов, особенно в части развития перерабатывающих производств на востоке страны.

Можно выделить три основные составляющие, позволяющих обеспечить прибыльность многих российских корпораций, особенно ведущих свой бизнес в Сибири и на всем Севере России: 1) более сильной эксплуатации российского населения, снижая его уровень жизни («проедания» настоящего); 2) низких экологических требований и

присвоения природной ренты («проедания» будущего); 3) недоамортизации ранее созданных основных фондов («проедания» прошлого).

Очень чётко ещё в 1998 г. по этой теме высказался итальянский журналист Д. Кьеза, сформулировав глубинные причины катастрофического провала российских рыночных реформ, основываясь на их «цивилизационной» составляющей: «Где-то там, далеко, было нечто, именовавшееся «цивилизацией». И ее хотели добиться любой ценой, пусть даже ценой жизни последнего русского человека, пока вообще еще есть жизнь на Земле. Скорее, скорее, нельзя терять времени! Двойная, тройная ошибка. Потому что спешить было нельзя... Но еще большей ошибкой,.... – было то, что если чужую цивилизацию скопировать с абсолютной точностью совершенно невозможно, то уж совсем ни к чему подражать ей в момент, когда она сама начинает «задумываться» над своими проблемами и своей ограниченностью» (Кьеза, 1998, с. 123). Не менее важен и следующий вопрос: если прибыль решили (хотя это и не очевидно, учитывая частный характер многих корпораций) инвестировать в развитие производства, то где, в каком регионе и в какой стране это сделать рациональнее, естественно, с точки зрения максимизации прибыльности корпорации, роста её капитализации? Ответ также очевиден: при прочих равных условиях туда, где теплее, ниже издержки по всем составляющим, где ближе рынки потребления этих продуктов – в Китай, Индонезию, Африку, Латинскую Америку и т.п. И это все в рамках действия законов рыночной экономики: «ничего личного, только бизнес!».

Трудно спорить с теми, кто за всемерное развитие территориального разделения труда, кто за рациональное размещение производства с точки зрения получения максимального эффекта от выгодной международной торговли. Однако организация взаимовыгодной торговли с другими странами, интеграция в мировой рынок имеет смысл только тогда, когда она обоюдовыгодна. Но это несёт и определённые угрозы: потерю технологической безопасности. И здесь опять полезно вспомнить экономистов давно прошедших лет.

Немецкий ученый XIX в. Фридрих Лист в противоположность А. Смиту и Д. Рикардо утверждал, что далеко не всегда надо стремиться к использованию преимуществ относительной эффективности между национальными экономиками. По его мнению, Германия должна развивать и те отрасли промышленности, которые не обладают конкурентными преимуществами по сравнению с английскими,

для достижения национальных целей. Эту потерю стоимостей, по его мнению, надо рассматривать лишь как цену за «промышленное воспитание нации». Именно эту идеологию воспринял С.Ю. Витте, когда начинал свою деятельность по перестройке экономики России в конце XIX в. (Витте... 1912). Но ещё за 100 лет до него похожие идеи на российской почве о безусловном приоритете внутреннего рынка родились у нашего соотечественника И.Т. Посошкова. В своей «Книге о скудости и богатстве», которая предназначалась Петру I, Иван Тихонович Посошков предлагает совсем прекратить ввоз в страну товаров, которые могут производиться в стране, пусть и сначала не такие качественные. По его мнению, нужна активная протекционистская политика для роста отечественной промышленности (Зайцева, 2006). Это заложило бы основы будущего российского экспорта готовых продуктов (в современных терминах – с большей добавленной стоимостью). Заметьте, что это сказано 300 лет тому назад.

Более близкий к нам по времени другой наш соотечественник – Д.И. Менделеев – выступая на Промышленном съезде в Москве в 1882 г. (т.е. до указа о начале строительства Транссиба) настоятельно предлагал помнить о необходимости продолжения удобных путей на Восток, предвидя бурный рост потребностей в промышленных товарах в этом регионе мира. При этом подчёркивал: «Без первоначального покровительства, конечно, нельзя ждать даже того, чтобы на внутренних рынках свои заводы могли соперничать с готовыми уже западными заводами» (Менделеев, 1960, с. 141). Сегодня мы переоткрываем для себя эти исторические истины в формате заявлений о полезности импортозамещения. Остаётся пожалеть об упущенных 25 годах бесплодных надежд на всемогущество и (главное) полезность для России «свободного» рынка. Переход от социализма к капитализму в нашей стране осуществлялся, вероятно, без учёта накопленного опыта и учений о так называемом «периферийном капитализме» (Пребиш, 1992), в которых на примере стран Латинской Америки обосновывается принципиальная невозможность достигнуть уровней стран «ядра» капиталистической системы именно в связи с действием законов рыночной экономики.

В 1930-годы у СССР не было иного выхода, как ориентация на внутренний рынок, создание собственного разностороннего производства, обеспечения себя практически всем необходимым. Особенно в части энергетики, металлургии, машиностроения, оборонных отраслей. Было

понимание необходимости размещения производств в разных регионах страны, труднодоступных для внешних угроз. Все эти положения воплотились в реализацию планов ГОЭЛРО, Урало-Кузнецкого комбината, группы территориально-производственных комплексов (ТПК) Ангаро-Енисейского региона и, наконец, в создание теории ТПК как формы, особенно полезной в регионах нового освоения – в Сибири (Малов, 2006). Многие из этих проектов были реализованы, пусть не в полном объёме, но успешно (правда, далеко не всегда в интересах российских граждан) функционируют и в настоящее время.

С открытыми глазами на проблемы Севера и Сибири

Мы постоянно слышим, что в России нет инвестиций, они бегут из России. Причина указывается – плохая институциональная среда, бюрократия, коррупция и т.п. И это имеет место, но более глубокая и, главное, объективная причина – заведомо менее эффективное производство по природно-климатическим и географическим факторам. Решения о перенаправлении доходов от сибирских ресурсов принимают так называемые «топ-менеджеры», личные интересы которых зачастую далеки от интересов населения и России, и Сибири. Реальные инвестиционные ресурсы (включая наработки фундаментальной и прикладной науки) сосредоточены преимущественно в крупных компаниях, но «сытая» жизнь для них обеспечена и без новых, иногда рискованных проектов. Средние и мелкие компании может быть и готовы к таким рискам, но не имеют возможностей.

Как это ни печально признать, но в Азиатской части России нет никаких уникальных для мировой экономики ресурсов. Т.е. нет ничего такого, что нельзя найти в других регионах мира (редкие исключения, пожалуй, – Норильск, Байкал, Попигаи). Никаких сверхрентабельных проектов здесь ожидать не стоит. Здесь всё дороже: энергия, транспорт, строительство и, главное – ЧЕЛОВЕК. Конкурировать экономика Азиатской части России на мировом рынке может только путём перераспределения добавленной стоимости в пользу «покупателя» за счёт сокращения доли «производителя», тем более с учётом особенностей транспортной системы (подробнее об этом см.: Безруков, 2008). Однако, поскольку в бизнесе нет ничего «личного» (национального, патриотического и пр.), то частная компания, тем более не резидент данной страны, не может согласиться на снижение

своей рентабельности ради достижения стратегических целей государственного строительства.

Но если мы признаем, что это Российская территория и здесь необходимо (как минимум) сохранить НАШЕ население, то для этого (как минимум) требуется поддержание инфраструктуры и создание новых высокооплачиваемых рабочих мест. Поэтому для условий Сибири и всего Севера России предпочтительны крупные комплексные проекты с решающим голосом государственных структур, которые имеют потенциальную возможность делать долговременные вложения и не гнаться за немедленным коммерческим эффектом. Здесь также нежелательна конкуренция между регионами, особенно когда от неё выигрывает третья сторона. Между регионами выгоднее найти взаимопонимание в сфере реализации крупных ресурсных проектов. Вероятно, целесообразнее предложить концепцию «Опережающих инициатив», которая дополняет ранее широко применяемую в СССР концепцию «Территориально-производственных комплексов». Особо актуальна такая концепция для «входа» в северные и арктические регионы – когда государство инициирует какой-то проект и предлагает коммерческим компаниям присоединиться на условиях, способных заинтересовать частных инвесторов. Конечно, при этом необходима «прозрачность» в деле оценки доходов и расходов каждого из участников крупных инвестиционных проектов.

Перекидывая мостик в 2018 год и продолжая логику обоснования проектов вековой давности, можно утверждать, что для оценки проектов продолжения развития Сибири и всего Севера (плюс акватории Северного Ледовитого океана) рыночные критерии неприменимы. Сжатие экономического пространства ради достижений сиюминутных рыночных эффектов может обернуться в будущем существенными, а может и невозполнимыми потерями для всей страны.

Работа выполнена в рамках проекта № АААА-А17-117022250123-0.

Литература

Аристотель. Политика // Сочинения в 4-х томах. Т. 4. М.: Мысль, 1983. 830 с.

Арктика на пороге третьего тысячелетия (ресурсный потенциал и проблемы экологии). СПб.: Наука, 2000. 247 с.

- Безруков Л.А. Континентально-океаническая дихотомия в международном и региональном развитии. Новосибирск: Академич. изд-во «ГЕО», 2008. 369 с.
- Витте С.Ю. По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист. СПб.: Изд-во «Санкт-Петербург», 1912. 75 с.
- Витте С.Ю. Воспоминания. Т. 2. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. 639 с.
- Зайцева Л. Иван Посошков против Адама Смита. Общественно-национальный русский журнал, 15.11.2006.
- Крюков В.А., Селиверстов В.Е., Малов В.Ю., Токарев А.Н., Харитоновна В.Н., Вижина И.А. Исследования социально-экономической проблематики российской Арктики в Институте экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН // Социально-экономическая проблематика Российской Арктики в исследованиях институтов Российской академии наук: история, современность, перспективы. Ч. 1, п. 3 / Под ред. Б.Н. Порфирьева. М.: Научный консультант, 2018. С. 494–621.
- Къеза Д. Прощай, Россия. М.: Изд-во «Гея», 1998. 271 с.
- Макаров В.Л. Еще раз об антикризисных мерах // Журнал новой экономической ассоциации. 2010. № 7. С. 156–157.
- Малов В.Ю. ТПК и кластеры: общее, особенности, частное // ЭКО. 2006. № 11. С. 2–18.
- Менделеев Д.И. Проблемы экономического развития России. М.: Изд-во социально-экономич. лит-ры, 1960. 617 с.
- Пребиш Р. Периферийный капитализм: есть ли ему альтернатива? / Перевод издания: Capitalismo periferico. Crisis y transformacion / Raul Prebisch (Mexico, Fondo de Cultura Economica, 1981. М.: Изд-во ИЛА (Институт Латинской Америки), 1992. 337 с.
- Проблемные регионы ресурсного типа: Азиатская часть России». Новосибирск, Изд-во СО РАН, 2005. 386 с.
- Тархов С.А. Эволюционная морфология транспортных сетей. Смоленск: Универсум, 2005. 386 с.

Китай и российско-китайские отношения в зеркале российского дискурса

© 2019 г. В.А.Колосов, М.В.Зотова

Институт географии РАН, Москва, Россия

China and Russian-Chinese relations in the mirror of Russian discourse

V.A. Kolosov, M.V. Zotova

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

vladimirkolossov@gmail.com, zotova@igras.ru

Using the approaches of critical geopolitics the authors compared Russian official political, media, academic and expert discourses on China – its internal and foreign policy, primarily Russian-Chinese relations, the role in the contemporary world, economic development and the military potential. They analyzed the impact of these discourses on Russian public opinion. More than 300 official documents – the speeches and the interviews of the Russian leadership, information on their meetings with Chinese leaders in 2012–2017 were collected. The screening of the scripts of the news programme “Vesti” at the federal TV channel “Russia-1” of the All-Russian State TV and Radio Company provided the material for an analysis of the media discourse. The academic (scientific) discourse was interpreted as a result of a study of a number of Russian monographs about China and Russian-Chinese relations published in 2015–2018. The screening of “Nezavisimaya Gazeta” as a federal daily “intellectual” newspaper paying much attention to foreign events formed a basis for an analysis of the expert discourse (about 1,800 publications). They were complemented with the materials of three other newspapers representing different parts of the political spectrum. An obvious gap between the official and the expert discourses on China is shown. Though its participants agreed that there was no alternative to the development of the partnership with the great eastern neighbour, many experts expressed their disappointment with the attitude of the Chinese side to economic cooperation with Russia and the fears of the growing asymmetry in the potential of two countries and the military power of China. The lack of trust at lower levels and the attempts to justify the failures of some Russian partners by the unwillingness of the Chinese side to reach compromises is a reason of this gap.

Keywords: *China (PRC), discourse, «One Belt, One Road» Initiative, public opinion, Russia, Russian-Chinese relations.*

Опираясь на подходы критической геополитики, авторы сопоставили российский официальный политический, медийный, академический и экспертный дискурсы о Китае – его внутренней и внешней политике, в том числе в первую очередь о российско-китайских отношениях, роли в современном мире, развитии экономики и военном потенциале. Проанализи-

зировано влияние этих дискурсов на российское общественное мнение. Для изучения официального политического дискурса было собрано более 300 официальных документов – речи, выступления, интервью российских руководителей, сообщения об их встречах с китайскими лидерами с 2012 по 2017 г. Материалом для анализа медийного дискурса послужили результаты скрининга скриптов программы «Вести» федерального телевизионного канала «Россия-1» ВГТРК. Академический (научный) дискурс обобщён путём анализа ряда отечественных монографий о Китае и российско-китайских отношениях, вышедших в 2015–2018 г. Информационная база для анализа экспертного дискурса создана путём скрининга материалов «Независимой газеты» за 2012–2017 гг. как ежедневного федерального «интеллектуального» СМИ, уделяющего наибольшее внимание внешней политике (около 1800 статей). Они были дополнены материалами трёх других газет, представляющих разные части политического спектра. Показан явный разрыв между официальным и экспертным (академическим) дискурсом о Китае. Хотя практически все его участники сходятся во мнении, что альтернативы развитию партнёрства с великим восточным соседом нет, многие эксперты выражают разочарование жёстким отношением китайских партнёров к экономическому сотрудничеству с Россией, опасения растущей асимметрии потенциала двух стран и военной мощи Китая. В числе причин такого разрыва – нехватка доверия на низовом уровне и попытки оправдать несостоятельность некоторых российских партнёров нежеланием китайской стороны идти на компромиссы.

Ключевые слова: *дискурс, Китай (КНР), общественное мнение, проект/инициатива «Один пояс – один путь», российско-китайские отношения, Россия.*

Введение

Охлаждение отношений России с западными странами, наметившееся ещё во второй половине 2000-х годов и резко усугубившееся после присоединения Крыма и в результате кризиса на Украине, привело к необходимости усиления восточного вектора во внешней политике России. Потребность в расширении отношений России со странами АТР продиктована объективными причинами: их динамичным развитием, необходимостью структурной перестройки хозяйства Дальнего Востока и Восточной Сибири и выгодами освоения и экспорта богатых природных ресурсов, в которых нуждаются соседние государства. Кроме того, «поворот на Восток» отвечает фундаментальной ориентации внешней политики России на создание многополярного геополитического порядка и недопущение гегемонии какой-либо одной страны или группы стран.

Особое значение в этом контексте приобрело стратегическое взаимодействие с Китаем, с которым Россия имеет одну из самых про-

тяжённых в мире сухопутных границ, сопряжение интеграционных процессов в ЕАЭС и стратегической китайской инициативы «Один пояс – один путь», объединившей проекты «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской Шёлковый путь XXI века».

Ускоренное развитие торгово-экономических связей с Китаем характерно для большинства постсоветских стран. Эта тенденция соответствует мегапроекту «Один пояс – один путь» (Вардомский, 2018). В узком понимании идея Китая восстановить исторический «Шёлковый путь» означает создание современных транспортно-логистических коридоров широтного простираения, связывающих все регионы страны с рынками Евразии, для которой характерно расположение более развитых стран и их регионов в приокеанических зонах, а менее развитых стран – в глубинных, внутриматериковых частях. В широком понимании идея «Шёлкового пути» предусматривает формирование своего рода евразийского партнёрства стран при экономическом лидерстве Китая (Каримова, 2017). В этом контексте страны-партнёры, разделяя идею «Шёлкового пути», должны в определённом смысле подчинить национальное развитие интересам КНР, уже в силу её резко превосходящей экономической мощи.

Информационная база и методы исследования

Цель статьи – на основе дискурсивного анализа изучить отношение российского общества к Китаю и российско-китайским отношениям. Опираясь на подходы критической геополитики, суть которых – сопоставление различных дискурсов и общественных представлений (Колосов, 2011), авторы проанализировали российский официальный политический, медийный, академический и экспертный дискурсы о Китае – его внутренней и внешней политике, в том числе в первую очередь о российско-китайских отношениях, роли в современном мире, развитии экономики и военном потенциале – и проследили влияние этих дискурсов на общественное мнение.

Для изучения официального политического дискурса было собрано более 300 официальных документов – речи, выступления, интервью российских руководителей, сообщения об их встречах с китайскими лидерами с сайта Президента России (www.kremlin.ru) и Министерства иностранных дел РФ (www.mid.ru) с 2012 г. (период, предшествовавший официальному провозглашению инициативы ОПОП) по 2017 г.

Поскольку подавляющее большинство российских граждан узнаёт новости в стране и мире из телевизионных передач, главным образом, новостных программ (в 2018 г. – 73%, в 2009 – 94%)¹, материалом для анализа медийного дискурса послужили результаты скрининга скриптов программы «Вести» федерального телевизионного канала «Россия-1» ВГТРК за 2017–2018 гг. на основе данных международной информационной компании «Интегрум». Содержание и тональность международных новостей на других федеральных каналах, прямо или косвенно контролируемых государством, мало отличается от «Вестей». Отбирались все материалы, содержавшие слова «Китай», «КНР», «Пекин».

Академический (научный) дискурс обобщён путём анализа ряда отечественных монографий о Китае и российско-китайских отношениях, вышедших в 2015–2018 гг. Информационная база для анализа экспертного дискурса создана путём скрининга материалов «Независимой газеты» за 2012–2017 гг. (около 1800 статей, посвящённых Китаю). «Независимая газета» была выбрана как ежедневная федеральная «качественная» или «интеллектуальная» газета, уделяющая наибольшее внимание внешним связям и представляющая широкий спектр мнений. Она служит площадкой для апробирования новых политических идей, которые становятся темами общественных дебатов и обсуждения важнейших политических событий. Редакционная политика носит в основном либеральный характер, но в газете регулярно печатаются авторы различной политической ориентации, в том числе и те, кто выражает официальную позицию. В дополнение к анализу материалов «Независимой газеты» был рассмотрен дискурс ещё в трёх газетах – «Завтра», представляющей «национально-патриотическую» часть политического спектра, «Новой газете», выражающей взгляды современных российских «западников», и «Советской России», известной как неофициальное издание Коммунистической партии. Сравнение различных дискурсов дало представление о позиции основных политических сил по отношению к Китаю и перспективам российско-китайских отношений. Академический и экспертный дискурс рассматривались вместе, так как большинство материалов «Независимой газеты» о Китае носит аналитический характер, а их авторами часто выступают специалисты академических институтов и вузов Москвы и других городов.

¹ Общественное мнение – 2018. М.: Левада-Центр, 2019. С. 102.

Тексты были дополнены данными социологических опросов последних лет, проведённых тремя ведущими социологическими агентствами – Аналитическим центром Юрия Левады, ФОМ и ВЦИОМ.

Результаты исследования и обсуждение

Политический дискурс. Для официального дискурса характерна исключительно высокая оценка отношений с Китаем. Нынешние отношения с КНР характеризуются как лучшие за всю историю двух стран. Подчёркивается, что они основываются на принципах взаимоуважения, равноправия, невмешательства во внутренние дела и общность стратегических интересов, опираются на солидную и многостороннюю договорно-правовую базу. Китай представлен как основной партнёр России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. *«Мы общаемся друг с другом на протяжении столетий, имеем очень глубокие исторические связи и корни. И это же не случайно, что мы, будучи соседями, выстроили в последние десятилетия такие отношения, которые, наверное, на сегодняшний день не имеют даже примера в мире. Это отношения, которые построены, действительно, на учёте интересов друг друга»*, – так оценивал В.В. Путин российско-китайские отношения в июне 2018 г.² Президент РФ не раз отмечал впечатляющую динамику российско-китайского стратегического партнёрства во всех сферах.

На этом фоне инициатива «Один пояс – Один путь», выдвинутая октябре 2013 г., была воспринята с определённой осторожностью, так как, во-первых, место России в ней не было никак обозначено. Во-вторых, не было определено соотношение нового проекта с евразийской интеграцией. Официальные СМИ Китая первое время противопоставляли друг другу планы по формированию «Экономического пояса Шёлкового пути» (ЭПШП) и Евразийского экономического союза (ЕврАзЭС). Только в 2015 г. лидеры двух стран заявили о возможном сопряжении проектов ЭПШП и ЕврАзЭС. Позже В.В. Путин неоднократно заявлял о поддержке китайской инициативы: *«...Россия не только поддерживает проект «Один пояс, один путь», но и будет*

² Интервью Медиакорпорации Китая. В преддверии визита в Китайскую Народную Республику Владимир Путин ответил на вопросы Председателя Медиакорпорации Китая Шэнь Хайсюна. <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/CN/events/57684>. 6 июня 2018 г.

активно участвовать в его реализации совместно с китайскими партнёрами и, конечно, со всеми другими заинтересованными странами»³.

Было декларировано намерение углублять интеграцию в транспортной сфере путём модернизации существующих магистралей между Тихоокеанским побережьем двух стран и европейскими центрами и создать новые транспортные коридоры, в том числе высокоскоростную железную дорогу от Москвы до Казани и далее на восток. В качестве важных направлений реализации совместных планов выступали, в частности, трёхсторонняя кооперация с Монголией, сотрудничество на российском Дальнем Востоке и приграничное взаимодействие. На самом высоком уровне многократно звучала заинтересованность российской стороны в диверсификации российского экспорта в Китай за счёт машинотехнической и иной продукции с высокой добавленной стоимостью, а также сельскохозяйственных товаров. Российская сторона не скрывала надежды на приток китайских инвестиций в восточные регионы страны.

Вместе с тем, мотивами официального дискурса на более низком уровне были трудности наполнения рамочных соглашений реальным экономическим содержанием, отрыв политических заявлений от практики взаимодействий. Высказывалась неудовлетворённость скромными масштабами китайских инвестиций в приграничных регионах России и стране в целом, медленными изменениями в структуре торговли, неготовностью китайской стороны идти на компромиссы («китайцы – жесткие партнеры, профессиональные торговцы»), сохраняющимися ограничениями с китайской стороны (например, на импорт российской сельскохозяйственной продукции)⁴. При этом официальные лица признавали и нехватку потенциала экономического сотрудничества с российской стороны, в том числе объективные факторы, препятствующие «облагораживанию» экспорта («у нас просто нет таких товаров, поставки которых в Китай мы могли бы резко взять и нарастить»)⁵. Звучали и признания в отсутствии должного доверия между сторонами, мешающего формированию благоприятного делового климата, «от-

³ Заседание круглого стола лидеров форума «Один пояс – один путь». <http://www.kremlin.ru/catalog/countries/CN/events/54496>. 15 мая 2017 г.

⁴ Посол РФ в Пекине: Россия не будет продавать Китаю газ в убыток себе. Интерфакс. 17 ноября 2014 [Электронный ресурс]. – <https://www.interfax.ru/interview/407652> (дата обращения 04.12.2018).

⁵ «Торговые войны сегодня начались, а завтра закончились» // Известия 31 октября 2018 [Электронный ресурс]. – <https://iz.ru/804524/natalia-portiakova/torgovyeyvoiny-segodnia-nachalis-zavtra-zakonchilis> (дата обращения 04.12.2018).

тенка снисходительности» в отношении россиян к Китаю, не имеющего ничего общего с нынешним уровнем развития этой страны.

Медийный дискурс. Китай наряду с Украиной и США входит в число стран, которым новостные программы федеральных каналов российского телевидения уделяют наибольшее внимание. «Поднебесная» освещается почти исключительно в тёплых тонах. Даже простые упоминания Китая и его граждан, например, в числе гостей, прибывших в Россию на чемпионат мира по футболу, чаще всего имеют положительные коннотации. Одна из главных тем – весьма успешное в интерпретации «Вестей» развитие многостороннего сотрудничества между КНР и Россией. Его называют образцовым, отмечают, что стороны умеют блестяще учитывать интересы друг друга. Подчёркивается рост товарооборота, говорится о железнодорожных проектах и новых транспортных коридорах, совместном создании широкофюзеляжного лайнера, растущем потоке китайских туристов в Россию, строительстве при содействии китайской стороны различных объектов в России и АЭС в Тяньване – при участии «Росатома». Ведущие рисуют широкие перспективы сельскохозяйственного экспорта в Китай, в частности, соевых бобов: *«Гречка, перловка и кефир уверенно завоёвывают китайские прилавки»⁶; «самое качественное и вкусное – это сейчас синоним России»⁷*. Особое место отводится, разумеется, энергетическим проектам, которые считают приоритетными: наращиванию поставок нефти в Китай, сооружению газопровода «Сила Сибири», участию КНР в создании терминалов по вывозу сжиженного газа на Ямале. Значимыми поводами подачи информации об экономическом сотрудничестве служили встречи между лидерами и другими руководителями двух стран.

Другая важнейшая тема телевизионного дискурса о Китае – отношения в геополитическом треугольнике «Россия – Китай – США», иными словами – *«как Россия и Китай могут противостоять давлению Запада»⁸*. Сопrotивление Пекина грубому нажиму администрации Трампа во внешнеполитических вопросах и торговые войны с ним, инициированные США, интерпретируются как доказательство пра-

⁶ Гречка, перловка и кефир уверенно завоёвывают китайские прилавки // Телеканал Россия 1. Программа «Вести» 10.01.18, выпуск в 5:30.

⁷ Россия – Китай // Телеканал Россия 1. Программа «Вести», 11.11.18, выпуск в 21:00.

⁸ В Шанхае проходит конференция дискуссионного клуба Валдай // Телеканал Россия 1. Программа «Вести», 24.04.2018. Выпуск в 14:00.

вильности российской внешней политики. Ведущие делают акцент на солидарности великого Китая с Россией: министр обороны КНР Вэй Фэнхэ прямо заявил во время визита в Москву, что его приезд – *«прямой сигнал Вашингтону и поддержка России на фоне обострившихся противоречий с Западом»*⁹. «Вести» регулярно и подробно информировали российского зрителя об иррациональных ограничениях, наложенных США на импорт из Китая, и его ответных мерах, причём подчеркивалось, что китайское руководство принимало их «молниеносно» и они носили симметричный характер. Авторы программ многократно цитировали высказывания американских политиков и экспертов о том, что Россия и особенно Китай рассматриваются в США как главная угроза. В этой связи в новостных программах продолжался дискурс о полицентричном мире, в то время как в самом Китае риторика о нём уступила место идеям о возрождении китайской нации.

Поводом для акцентирования союзнических отношений с Китаем служили совместные с ним меры по приостановке военных учений на Корейском полуострове. Эти меры способствовали урегулированию кризиса в отношениях между КНДР и США, грозившего перерасти в серьёзный вооружённый конфликт с непредсказуемыми последствиями. Китай поддержал предложения России по расширению полномочий Организации запрещения химического оружия. Главный вывод состоял в том, что тесные связи между Москвой и Пекином стали важным фактором обеспечения мира и глобальной стабильности.

Как известно, общественное мнение склонно считать наиболее желательными союзниками и партнёрами крупные страны, располагающие значительным экономическим, научно-техническим и военным потенциалом (Мир глазами россиян..., 2003). Имидж Китая как едва ли не главного и, во всяком случае, безусловного союзника России выгодно дополняют регулярные сообщения или комментарии, в которых приводятся данные о его роли в современном мире. Так, зрители «Вестей» могли узнать, что на Китай приходится 70% мирового производства мобильных телефонов, 82% персональных компьютеров и *«пятая часть всех товаров планеты»*¹⁰, что страна занимает первое место в мире по производству угля, стали, цемента, пшеницы, солнечных батарей, судов

⁹ Московский форум по международной безопасности // Телеканал Россия 1. Программа «Вести», 24.04.2018. Выпуск в 14:00.

¹⁰ Китайская мечта // Телеканал Россия 1. Программа «Вести», 25.07.2018. Выпуск в 00:00.

и многого другого. «Вести» показывали репортажи о разработке в КНР искусственного интеллекта, «роботах-онкологах», гигантском банке генетической информации – Национальном банке ДНК, клонировании живых существ и т.п. «Вести» включали иногда и репортажи о повседневной жизни в Китае, которых по другим странам совсем мало – встрече китайского Нового года, «курсах балета для бабушек» и т.п. Близость между странами подчёркивали известия об успешной демонстрации в Китае российских блокбастеров, гастролях Большого театра и т.п.

Основное заключение, которые зритель «Вестей» мог вынести из многократно повторявшихся в разное время суток репортажей о XIX съезде КПК – *«реформы будут продолжены, и Китай по-прежнему твердо следует избранному пути»*¹¹, уверенность, в том, что поставленные партией задачи, как выразились бы в советское время, будут претворены в жизнь. Поправки в Устав партии, дающие право председателю Си Цзиньпину оставаться на своём посту неограниченное время, его триумфальное переизбрание и внесение упоминания его имени в этот документ наряду с Мао Цзэдуном и Дэн Сяопином, по мнению комментаторов, служат тому залогом. Значительное внимание было уделено и стратегическим целям, одобренным съездом – «созданию общества среднего достатка», реформе армии, реализации инициативы «Один пояс – один путь», борьбе с коррупцией и др. В том же тоне освещались и сессия Всекитайского собрания народных представителей, и выборы высших руководителей страны: *«Под народные песни, в которых говорится о прогрессе и процветании – по четыре бюллетеня от каждого»*¹².

Новости о внутренней политике Китая нередко подавались как пример для России. Ограничения на пользование Интернетом в Китае, во многих мировых и российских СМИ вызывающие критику, фактически служили оправданием блокировки в России мессенджера «Telegram»: *«Громкие скандалы в реальном, а не виртуальном мире – повод задуматься, каким будет Интернет. Вполне вероятно, что появление границ в безграничной паутине – лишь дело времени. Самый яркий пример – Китай»*¹³. Положительно, как на борьбу с экстремизмом, отозва-

¹¹ Паралимпиада. Переизбрание Си // Телеканал Россия 1. Программа «Вести», 17.03.2018. Выпуск в 20:00.

¹² Паралимпиада. Переизбрание Си // Телеканал Россия 1. Программа «Вести», 17.03.2018. Выпуск в 20:00.

¹³ Куда летит Telegram? // Телеканал Россия 1. Программа «Вести», 22.04.2018. Выпуск в 20:00.

лись «Вести» на введение в Китае цензуры рэпа и хип-хопа и запрет на выступления исполнителей с татуировками, поскольку запрещённые песни «пропагандировали насилие и несли угрозу общественной безопасности, а недавно в тексте одного из рэперов нашли призывы к употреблению наркотиков и оскорбления в адрес женщин»¹⁴.

Рассказывая о китайском военно-морском параде и грандиозных военных учениях, «носивших мирный характер», авторы новостной программы выразили восхищение укреплением китайской военной мощи, указывая, что Си Цзиньпин поставил задачу создать сильнейший флот в мире: «И чем, вы скажете, китайский авианосец менее впечатляющий, чем его американский собрат?»¹⁵. Звучит весьма двусмысленно – может быть, намеренно?

Впрочем, изредка в «Вестях» встречалась информация о Китае, которая могла быть осмыслена как негативная, хотя напрямую критика никогда не высказывалась. Речь шла о пресечении контрабанды китайскими и российскими гражданами высоко ценимых в традиционной китайской медицине частей туши амурского тигра, занесённого в Красную книгу, обвале на биржах Китая. Очень осторожно, вскользь, со ссылкой на министра обороны Вьетнама однажды прозвучала фраза о претензиях Китая на воды Южно-Китайского моря.

Академический и экспертный дискурс. КНР как первая экономика мира по масштабу – важнейший ньюсмейкер в российском медиа-пространстве: доля материалов, посвящённых этой стране, в общем массиве публикаций, в 2015–2018 гг. значительно возросла (рис. 1). Отражая общую тенденцию, число публикаций о Китае в «Независимой газете» за 2012–2017 гг. увеличилось с двух до четырёх сотен в год (рис. 2). В большинстве статей Китай рассматривается не только как сосед и партнёр, но и один из главных игроков на международной арене. В новостном потоке преобладают сюжеты экономической и внешнеполитической тематики; широко представлена и информация о внутренней жизни Китая, которой в 2012 г. было посвящено 40% публикаций.

Такое число публикаций в российском информационном поле, посвящённых собственно стране и её внутренней жизни, может срав-

¹⁴ Власти Китая ввели цензуру в отношении рэпа и хип-хопа // Телеканал Россия 1. Программа «Вести», 01.02.2018. Выпуск в 11:00.

¹⁵ В Китае прошёл самый большой со времён провозглашения КНР смотр военно-морских сил страны // Телеканал Россия 1. Программа «Вести», 14.04.2018. Выпуск в 20:00.

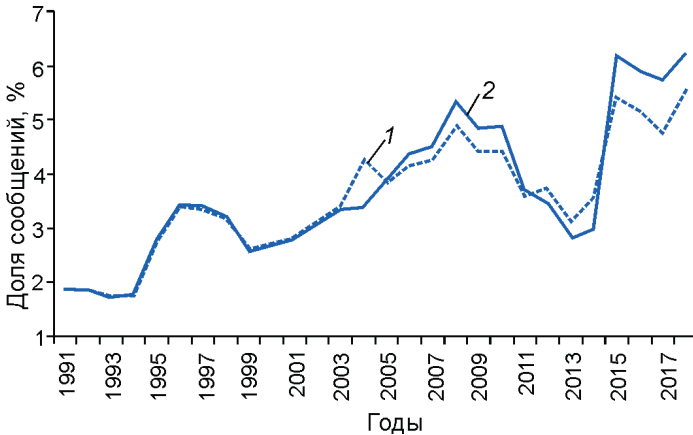

Рис. 1. Доля статей, в которых встречаются слова «КНР» или «Китай», или «Пекин», в общем массиве публикаций в российской прессе и информагентствах, %
 1 – пресса и информагентства, 2 – пресса
 Источник: данные международной информационной компании «Интегрум».

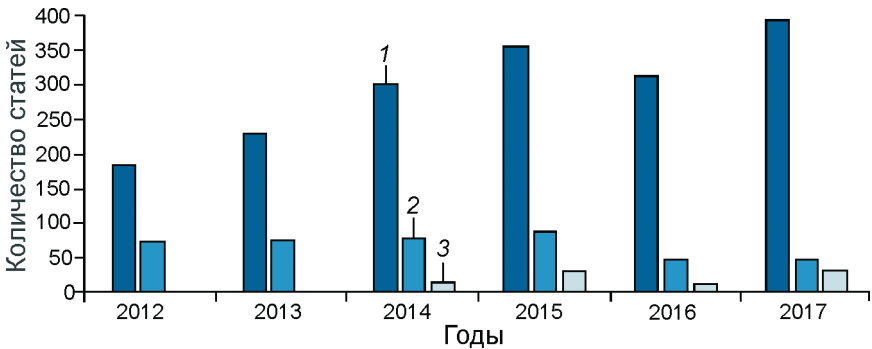

Рис. 2. Соотношение статей «Независимой газеты», посвящённых Китаю, его внутренней жизни, российско-китайским отношениям и инициативе «Один пояс – Один путь»
 1 – все статьи о Китае, 2 – статьи о внутренней жизни Китая, 3 – статьи об инициативе «Один пояс – Один путь»

ниться только с США и Украиной. При этом российско-китайские отношения ранее не занимали центрального положения в дискурсе. Доля посвящённых им публикаций стала относительно заметна только в 2014 г. (32% статей), что было вызвано подписанием газового контракта. В дискурсе «Независимой газеты», вполне естественно,

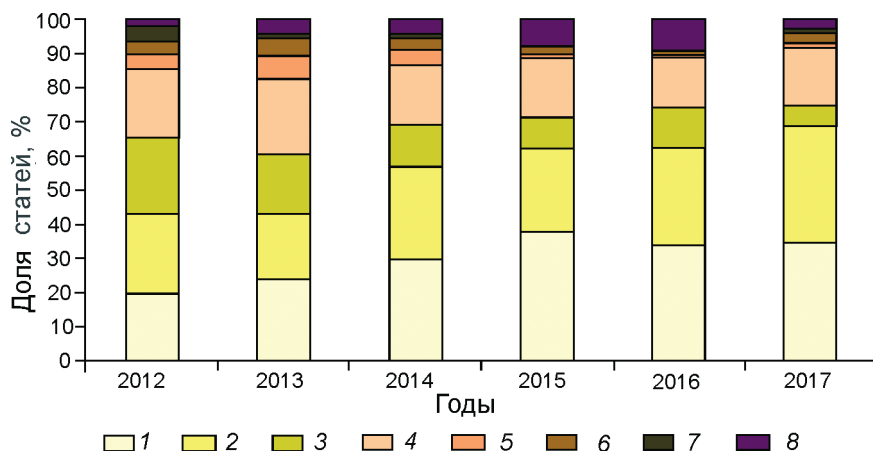

Рис. 3. Тематическая структура публикаций «Независимой газеты», посвящённых Китаю

1 – экономика, 2 – внешняя политика, 3 – внутренняя политика Китая, 4 – безопасность, конфликты, 5 – чрезвычайные происшествия, стихийные бедствия, 6 – социальная сфера, 7 – наука, образование, 8 – культура, религия, спорт

главное место занимает обсуждение комплекса отношений между Россией и Китаем, прежде всего экономических. Статьи, затрагивающие остальные темы – спорт, культуру и религию, социальную сферу, науку и образование, чрезвычайные происшествия и стихийные бедствия, составляют лишь незначительную часть информационного потока (не более 4–5%) (рис. 3).

Поток академических и экспертных публикаций об отношениях с Китаем можно разделить на две части. Первая группа авторов («скептики»), в том числе большинство авторов «Независимой газеты», оценивает перспективы стратегического сотрудничества между Россией и Китаем весьма критически. Разумеется, аналитические материалы редко бывают однозначно негативными или позитивными, в них взвешиваются разные аргументы. Тем не менее, общая тональность, как правило, не вызывает сомнений. В отличие от оптимистического дискурса в СМИ, лейтмотив экспертного – глубокая обеспокоенность растущим разрывом в экономическом потенциале и вызванной им резкой асимметрией экономических связей между двумя странами, несоответствием между прочным взаимопониманием на политическом уровне и недостатком весомых результатов экономического партнёрства, медленным прогрессом в реализации российской стра-

тегии «поворота на Восток», слабости экономики Восточной Сибири и Дальнего Востока (Островский, 2016).

В дискурсе «скептиков» нашла яркое отражение тревога российских специалистов, вызванная растущими глобальными амбициями Китая, его выдвиганием на роль державы-гегемона, усиливающимся экономическим давлением уже не только на соседние страны, но и удалённые регионы, подкрепляемым реформой вооружённых сил и небывалым усилением их мощи. Подчёркивается, что резкое ухудшение отношений России с Западом привело к ослаблению её позиций и во взаимодействии с Китаем. Осторожное отношение к перспективам партнёрства с Китаем «скептики» объясняют неблагоприятными перспективами развития российской экономики в связи с её сырьевой ориентацией, усиливающимися санкциями и вовлечённостью страны в трудноразрешимые международные конфликты (Сазонов, Чэнь Сяо, 2017). Многие российские авторы подчёркивают, что в отношениях с Китаем Россия объективно обречена играть роль младшего партнёра (Лукин, 2011; Рязанцев, 2012). Поэтому, с их точки зрения, неудивительно, что Китай строит с ней контакты как с обыкновенным коммерческим контрагентом, требуя исключительных условий для инвестиций, высоких процентов по кредитам, занижая цены на российскую экспортную продукцию. Эксперты сравнивают средний уровень зарплат и бедности в России и Китае. По некоторым подсчётам, бедных в России в 4,8 раза больше; даже в абсолютных цифрах бедняков в соседней стране всего в два раза больше, хотя население стран различается в 10 раз.

По мнению «скептиков», объективно Россия была и останется европейской страной, так как, несмотря на резкое ухудшение отношений с Западом, её экономические связи по-прежнему сильно ориентированы на Европу (Ма Бо, 2017). Аргументом служат и культурные ориентиры: Россия – страна европейской культуры, в то время как Сибирь и Дальний Восток остаются в представлениях многих россиян своего рода сырьевой колонией (Чечевишников, 2014).

Эксперты задаются вопросом, насколько прочны нынешние беспрецедентно тёплые политические отношения между Россией и Китаем, не носят ли они ситуативный характер, не объясняются ли общей заинтересованностью «дружить против США», крайним недовольством попытками американского вмешательства во внутренние дела путём поддержки оппозиционных сил под лозунгом демократии, которую их руководство считает не более чем орудием внешней поли-

тики. Общие интересы во внешней политике объясняют и историческими обидами, укоренившимися в сознании элиты и в общественном мнении: в Китае – унижением со стороны Запада в XIX и XX веках, в России – потерей статуса великой державы в результате распада СССР, непризнанием её роли во второй мировой войне и т.п.

Экспертный дискурс согласуется с политическим в том, что задачи России в экономическом сотрудничестве с Китаем состоят прежде всего в улучшении структуры её экспорта, в котором углеводороды занимают около 60%, тогда как в китайском импорте преобладают машины и оборудование, увеличении китайских инвестиций прежде всего в отрасли с высокой добавленной стоимостью, китайском содействии развитию Сибири и Дальнего Востока. Однако, как отмечают авторы «Независимой газеты», хотя в последние годы наметились некоторые изменения, китайцы инвестируют «в основном в нужные им, а не нашей экономике отрасли. В Восточной Сибири это, например, заготовка леса, сельское хозяйство, энергетика. При этом отдача для российской экономики от этих инвестиций минимальна»¹⁶. Подчёркивается, что Россия, поставщик энергетических ресурсов и сырья, «вообще может постепенно превратиться в колониальный придаток своего великого соседа»¹⁷. Несмотря на звучащее во многих материалах восхищение достижениями Китая в экономике и социальной политике, науке и технике, выражается обеспокоенность экономической экспансией Пекина: «...главное для нас – не задохнуться в дружеских объятиях великого соседа»¹⁸.

В отличие от политического дискурса, в котором много внимания уделяется проекту «Один пояс – один путь», он упоминается не более чем в 10% публикаций о Китае. В 2015–2016 гг. преобладала положительная риторика: проекты нового Шёлкового пути трактовались как «полезные и важные для России начинания, способствующие развитию экономических отношений между странами АТР и ЕвразЭС»¹⁹. Следующий

¹⁶ Комраков А. Госбюджет почти не получает отчислений от китайского бизнеса в РФ // Независимая газета 12.04.2017 [Электронный ресурс]. http://www.ng.ru/economics/2017-04-12/4_6972_china.html (дата обращения 06.08.2018).

¹⁷ Ларин А. Китай совершил новый рывок // Независимая газета 11.12.2017 [Электронный ресурс]. http://www.ng.ru/dipkurer/2017-12-11/9_7133_china.html

¹⁸ Гундаров В. Шойгу пошел по стопам президента 21.11.2014 [Электронный ресурс]. – http://nvo.ng.ru/nvoevents/2014-11-21/2_pekina.html (дата обращения 06.08.2018).

¹⁹ Терехова А. Москва дистанцируется от китайского проекта нового Шелкового пути // Независимая газета. 20.01.2015 [Электронный ресурс]. http://www.ng.ru/economics/2015-01-20/4_china.html (дата обращения 05.08.2018).

всплеск публикаций о проекте «Один пояс – один путь» в 2017 г. был вызван анализом первых результатов инициативы, которые не оправдали ожиданий. В экспертном дискурсе начали преобладать аналитические публикации, но число негативных и нейтральных превышало число позитивных. Общим фоном стала настороженность, недоверие, опасение неравной конкуренции. Ряд авторов оценивают китайскую инициативу крайне жёстко, считая её прикрытым привлекательной риторикой инструментом реализации глобальных амбиций Китая (Сафронова, 2017). По их мнению, Китай стремится путём выдачи связанных кредитов и неравноправных соглашений поставить под свой экономический контроль источники необходимого ему топлива и сырья, обеспечить внешние рынки сбыта, вынести экологически «грязные» производства за пределы своей территории, сохранить рабочие места за счёт реализации китайскими рабочими и специалистами проектов за границей и т.п. (Ларин, 2016). Отмечался минимальный эффект ОПОП для российской экономики, низкая доля (1,6%) транзита китайских грузов через территорию России. По мнению ряда экспертов, соглашение о сопряжении проектов ЭПШП и ЕАЭС является для России скорее «браком поневоле», чем результатом анализа реальной совместимости двух проектов.

В дискурсе явно видно разочарование в масштабах китайских инвестиций в Россию, на которую приходится пока менее 10% китайских инвестиций за рубежом. К тому же и их общий объём, и вложения в России в 2014–2016 гг. сокращались, что китайская сторона объясняла кризисом в РФ и высокими рисками. Не так, как на телевидении, оцениваются экспертами и масштабы торговли с Китаем. Товарооборот между Россией и КНР в 2017–2018 гг. увеличивался рекордными темпами и составил в 2018 г. 107 млрд долл., что, однако, в семь раз меньше, чем между Китаем и США. КНР уже давно является крупнейшим внешнеторговым партнером России. Однако достичь 100-миллиардного рубежа намечалось ещё в 2015 г. – помешали кризис и падение цен на энергоносители.

Китай представляет огромный потенциальный рынок сбыта российской сельскохозяйственной продукции, в том числе дальневосточной сои. Действительно, многие виды российского продовольствия ценятся в Поднебесной, где из-за истощения почв широко применяются минеральные удобрения и гербициды, пахотные земли сильно деградировали и загрязнены. В стране используется в 2,5 раза больше ядохимикатов, чем в среднем в мире.

Однако и здесь дело обстоит значительно сложнее, чем следует из программы «Вести». Рекордный импорт сои из РФ в последние годы составляет всего чуть более 1% китайского импорта этой культуры, а её производство на Дальнем Востоке вряд ли может быть сильно увеличено²⁰. Китайские аграрии хотели бы арендовать сельскохозяйственные земли в Сибири и на Дальнем Востоке, что могло бы компенсировать сокращение их площадей, но в России сложилось резко отрицательное мнение о фермерах из соседней страны, поскольку они губят почву, стремясь к извлечению максимальной выгоды за короткий срок аренды. Авторы «Независимой газеты» оценивали также подготовленный в Китае проект резкого расширения зернового хозяйства в странах Средней Азии и Казахстане («зерновой коридор»), осуществление которого может обрушить мировые цены и привести к сокращению экспортных доходов России.

Критически относятся эксперты и к совместным проектам в области авиационной промышленности, о которых информировали широкую публику «Вести»: *«Китай завершает скупку советского опыта строительства тяжелых вертолетов и самолетов»*²¹. Китайская сторона получает доступ к отечественным технологиям производства широкофюзеляжных самолётов и тяжёлых вертолёт (уникального Ми-26), но совместное производство будет размещаться в Китае, рассчитано на рынки Китая и стран Юго-Восточной Азии, их продукция будет восприниматься как китайская, и очень скоро Китай начнёт производить самолёты и вертолёты без российской стороны. Многие авторы напоминают об известной китайской практике копирования техники и её производства без лицензии: *«Весь китайский ВПК и вся китайская космонавтика построены на советской и российской помощи, причем применительно к постсоветскому периоду речь идет либо о покупке технологий и «мозгов» за бесценок, либо об их прямой краже»*²² (например, производство истребителя J-11, безлицензионной копии Су-27).

Не столь блестящими, как рассчитывали поначалу в российских регионах и как говорилось в программе «Вести», выглядят в экспертном

²⁰ Зуенко И. Сможет ли Россия накормить Китай дальневосточной соей? <https://carnegie.ru/commentary/77167>, 10 сентября 2018 г.

²¹ Сергеев М. Москва отдает Пекину остатки советского наследия // Независимая газета 05.09.2017 [Электронный ресурс]. – http://www.ng.ru/economics/2017-09-05/4_7066_beijing.html (дата обращения 06.08.2018).

²² Храмчихин А. Взорвать государство изнутри РФ // Независимая газета 27.01.2017 [Электронный ресурс]. – http://nvo.ng.ru/gpolit/2017-01-27/1_934_china.html (дата обращения 06.08.2018).

дискурсе перспективы китайского туризма в Россию. С одной стороны, число китайских туристов существенно возросло. С другой, они едут в основном в столичные города и приграничные районы, почти никогда не совершают повторных поездок, но главное, на востоке России туристов из Китая обслуживают китайские же гостиницы с китайским персоналом и гидами, так что вся прибыль достаётся китайским инвесторам²³.

Лакмусовой бумажкой сотрудничества с КНР были планы строительства с участием китайской стороны высокоскоростных железных дорог в Российской Федерации – в первую очередь, широко анонсированной магистрали Москва – Казань. Китайская сторона объясняла задержку проекта медлительностью россиян, а они, в свою очередь, неприемлемыми требованиями китайских партнёров. Россия должна была взять связанный кредит в 400 млрд долл. (треть общей стоимости), но львиную долю работ выполняли бы китайские подрядчики, используя своих работников и оборудование. При этом российское правительство обязано было бы покрывать убытки, так как линия вряд ли бы стала прибыльной (Морозов, 2017). Позже возник проект высокоскоростной магистрали Челябинск – Екатеринбург, однако его постигла та же участь.

Традиционная тема в экспертном дискурсе о российско-китайских отношениях – конфликт интересов в Средней Азии (Шарышев, 2016). Китайская инициатива «Один пояс – один путь» призвана обеспечить сбыт китайским товарам, открыть новые товаропроводящие каналы в Европу, установить контроль над природными ресурсами и предотвратить переориентацию бывших советских республик в сторону Запада, в то время как Россия пытается сохранить их в сфере своего политического, военного и культурного влияния. Кредиты Китая среднеазиатским государствам, в том числе на строительство новых транзитных коммуникаций из КНР в Европу китайскими же подрядчиками, ведут к обременению этих государств непосильными долгами и усилению ориентации на Пекин.

Комментируя принятый Госсоветом КНР документ «Политика Китая в отношении стратегического сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР)», газета без обиняков формулирует общий вывод: *«Демагогия «стратегического партнерства» нужна обеим странам для*

²³ Комраков А. Госбюджет почти не получает отчислений от китайского бизнеса в РФ // Независимая газета 12.04.2017 [Электронный ресурс]. – http://www.ng.ru/economics/2017-04-12/4_6972_china.html (дата обращения 06.08.2018).

того, чтобы пускать пыль в глаза остальному миру, никакого практического содержания под «партнерством» нет. Пекин уже четверть века постоянно напоминает о том, что отношения с Россией не носят характера союза и не направлены против третьих стран... Пекин понимает и уважает только одно качество – силу»²⁴. Россия и Китай воздерживаются от взаимной поддержки в территориальных спорах. Китай не признал присоединения Крыма к России, и китайские эксперты выражали опасения, как бы Китай не был втянут в её конфликт с Западом.

Более того, в экспертном дискурсе совершенно отчётливо звучит тема военной угрозы, исходящей от Китая. «Независимая газета» откликнулась на сообщение в западной печати о том, что КНР разместила на границе с Россией межконтинентальные баллистические ракеты. В этой связи эксперты доказывают, что подавляющее превосходство России над Китаем в стратегических вооружениях осталось в прошлом и при этом 90% ракетно-ядерного потенциала Пекина направлено именно против России, а не США. Китай опередил Россию в производстве дронов и истребителя пятого поколения (точной копии американского F-35), разработал суперсовременный истребитель шестого поколения «Огненный дракон», так называемое рельсотронное оружие, принимает на вооружение первый авианосец собственной постройки. Эксперты заключают, что «практически по всем классам вооружения и техники Китай вышел на уровень наиболее передовых стран»²⁵ и способен проецировать военную мощь далеко за пределы региона. Однако при этом Россия после более чем десятилетнего перерыва возобновила поставки Китаю передовых военных технологий, армии двух стран регулярно проводят масштабные совместные учения.

С темой роста военной мощи переплетается мотив стремления Китая к глобальному доминированию. Официально объявленная цель достижения Поднебесной полной технологической независимости, интенсивные усилия по созданию трансконтинентальной морской и сухопутной инфраструктуры для продвижения своих товаров интерпретируются со ссылкой на западные публикации как стратегия эконо-

²⁴ Храмухин А. Китай концептуально подтвердил роль США как своего главного партнера // Независимая газета 13.01.2017 [Электронный ресурс]. http://www.ng.ru/world/2017-01-13/3_6902_kartblansh.html (дата обращения 11.08.2018).

²⁵ Храмухин А. Новая Великая китайская стена // Независимая газета 20.10.2017 [Электронный ресурс]. http://nvo.ng.ru/forces/2017-10-20/1_970_china.html (дата обращения 11.08.2018).

мического завоевания мира. Китай инвестирует в европейские порты и железнодорожные сети, формирует военно-морскую базу в Джибути на путях из Красного моря в Индийский океан. Эксперты анализируют интересы Китая в Центральной Европе, Африке, на Балтике, в Арктике.

В эту стратегию вписываются и меры по вытеснению зарубежных конкурентов со своего рынка. Некоторые крупные зарубежные компании – такие как Sony, Metro, L'Oréal, Microsoft, Sharp, Revlon, инвестиции которых китайская сторона приветствовала ещё сравнительно недавно, покидают страну, поскольку государственная экономическая политика благоприятствует теперь главным образом национальному капиталу.

К тем же заключениям читатель приходит, знакомясь с сообщениями о претензиях Китая более чем на 80% акватории Южно-Китайского моря, в которой он намыл землю вокруг семи рифов. На них ныне размещены системы ПВО, артиллерия, тактические ракетные комплексы со средствами обеспечения. По Южно-Китайскому морю ежегодно перевозится товаров на 5 трлн долларов. Пекин занял жёсткую позицию в территориальных спорах с Ханоем, Токио, Манилой и другими соседями. КНР угрожала Вьетнаму ударом по его опорным пунктам на спорных островах Спратли, хотя при этом является главным торговым партнёром этой страны, на которого приходится 30% её импорта.

Претензии на глобальную гегемонию подкрепляются, как отмечают эксперты, укреплением мягкой силы, хотя по её мощи Китай пока значительно уступает США. Создана густая сеть Институтов Конфуция, число которых скоро достигнет 1000, ведётся вещание на многих иностранных языках, принимаются меры по продвижению китайского кино и т.п.

В этой связи постоянная тема экспертного дискурса – отношения внутри «геополитического треугольника» КНР – США – РФ. Наблюдается значительное несоответствие, с одной стороны, между характером и разнообразием политических связей между РФ и КНР и ограниченностью их экономического сотрудничества, а с другой – напряжённостью политических отношений между КНР и США и масштабностью их торгово-финансовых взаимодействий. США остаются главным поставщиком продовольствия в Китай, в том числе 40% зерна и 25% мяса. Объём товарооборота между США и Китаем составил в 2018 г. 634 млрд долл., причём профицит Китая достиг 323 млрд²⁶.

²⁶ В КНР заявили о росте отрицательного сальдо США в торговле с Китаем в 2018 году. <https://tass.ru/ekonomika/5994074>, 14 января 2019 г.

Это одна из причин того, что Китай не может вступить в слишком тесный альянс с Россией и поставить под сомнение свои мощные экономические связи с США. Но именно Китай, а не Россия, как многократно подчёркивала «Независимая газета», видится американскими политикам и специалистам главной угрозой интересам США: *«То, что Китай, а не Россия станет для администрации Трампа «раздражителем номер один», мало у кого вызывает сомнения»*²⁷.

Во внутренней жизни Китая «скептиков» тревожит укрепление личного авторитета Си Цзиньпина и властной вертикали, внесение поправок в конституцию КНР, позволяющее одному лицу избираться на пост председателя Китая неограниченное число раз. Наряду с новыми ограничениями гражданского общества и ужесточением цензуры Интернета под лозунгом « сетевого суверенитета », приобретением китайским лидером в 2016 г. титула «основного лидера», активизацией идеологического дискурса, это расценивается как укрепление авторитарных тенденций. Обеспокоили авторов «Независимой газеты», хотя и далеко не так сильно, как за рубежом, и китайские проекты социальной инженерии, стимулирующие социально и политически «правильное» поведение граждан путём различных льгот и сервисов, реализуемые в 30 городах. Не обошла вниманием газета и сообщения из Китая о разоблачении и наказании коррупционеров на важных государственных постах.

Вторая группа авторов, которых можно условно назвать «оптимистами», включает многих ведущих российских специалистов по Китаю. В работах этих авторов особенно настоятельно звучит тезис о том, что *«Россия кровно нуждается в углублении сотрудничества с Китаем»*²⁸ и отношения с великим соседом должны поступательно развиваться. Отмечается, что, несмотря на отказ от обязательства оказывать военную поддержку друг другу, взаимодействие между армиями двух держав достигло уровня, характерного для союзников. Несмотря на оговорки, «оптимисты» отстаивают необходимость активного включения России в реализацию идеи сопряжения проекта интеграции ЕАЭС и проекта «Один пояс – один путь» (Уянаев, 2016; Лукин,

²⁷ Давыдов А. Дональд Трамп: первый месяц внешней политики // Независимая газета 02.03.2017 [Электронный ресурс]. http://www.ng.ru/ideas/2017-03-02/5_6941_trump.html (дата обращения 11.08.2018).

²⁸ Ларин А. Китай совершил новый рывок // Независимая газета 11.12.2017 [Электронный ресурс]. – http://www.ng.ru/dipkurer/2017-12-11/9_7133_china.html (дата обращения 11.08.2018).

2018). В этом они видят возможность оживления экономики Сибири и Дальнего Востока, стимул для развития коммуникаций и более полного и эффективного использования возможностей транзита, а также движущую силу трансформации системы международных экономических и политических отношений и основу формирования многополярного мира, апеллируя к заинтересованности Китая в нынешней геополитической обстановке в сотрудничестве с Россией, общим экономическим и политическим интересам двух стран, включающим в том числе обеспечение региональной безопасности и противостояние внешнему давлению. Если нельзя изменить складывающийся баланс мировых сил, то нужно хотя бы использовать открывающиеся возможности. По мнению некоторых академических экспертов, сопряжение двух интеграционных проектов рассматривается в России лишь как первый этап к созданию Большого евразийского экономического партнерства, которое должно стать ускорителем экономического прогресса на континенте и укрепить международное положение России.

«Оптимисты» одобрительно относятся к укреплению экономической, политической и военной мощи Китая, его внешней экспансии и политике открытости, считая, что Пекин берёт на себя глобальную ответственность в трудный период, когда явственно обозначилась тенденция к усилению национальных эгоизмов, протекционизму, «огораживанию» таможенными и прочими барьерами, «физическими» стенами, призванными защитить государства от наплыва мигрантов (Колосов, 2018).

Авторы «Независимой газеты» выражают восхищение тем, какое огромное значение придаётся китайским государством вложениям в образование и науку, в том числе международным обменам. Уже несколько китайских университетов вошли в первую сотню лучших университетов мира по версии Times Higher Education, тогда как в ней значился только один российский университет – МГУ.

Анализируя внутривнутриполитические события в Китае, особенно итоги XIX съезда КПК, «оптимисты» высоко оценивают стратегическое мышление председателя Си и его «вклад в «великое возрождение китайской нации»²⁹, в особенности в укрепление суверенитета и защиту «национальных интересов», столь созвучный господствующим в России пред-

²⁹ Тавровский Ю. В ожидании "большого рывка" // Независимая газета 06.03.2017 [Электронный ресурс]. http://www.ng.ru/ideas/2013-03-06/5_ryvok.html (дата обращения 25.08.2018).

ставлениям, разработку концепции «Один пояс – один путь». «Высшим интеллектуальным достижением первых пяти лет председателя Си во власти стала стратегия глобального лидерства Китая»³⁰, – продолжает автор «Независимой газеты», отмечая далее, что для этого нужны современные вооружённые силы. Подчёркиваются успехи руководства Китая в восстановлении высоких темпов экономического роста и социальной политике, гуманность её стратегической цели – ликвидации бедности и строительства «общества среднего достатка». Отмечаются умение китайских лидеров и лично председателя Си чувствовать социальные потребности людей: была ослаблена система прописки, отменён запрет иметь более одного ребенка на семью (впрочем, этому способствовали и вполне объективные обстоятельства). В заслугу нынешним лидерам ставят высокие деловые качества и большой государственный опыт членов Политбюро ЦК КПК, приверженность сложившимся партийно-государственным традициям, играющим в стране важную роль, взвешенность решений. В целом позиции «оптимистов» лежат в русле официальной позиции властей.

«Альтернативные» дискурсы в печатных СМИ. В отличие от центристского дискурса «Независимой газеты», «левый» дискурс об инициативе «Один пояс – один путь» в зеркале материалов «Советской России» носит относительно нейтральный характер. С одной стороны, отношение КПРФ к проекту определяется его направленностью против мирового господства американской сверхдержавы. В этом контексте инициатива Китая как государства, бросившего вызов политической, экономической и культурно-идеологической глобальной гегемонии США, получает поддержку коммунистов³¹. С другой стороны, в газете широко обсуждаются противоречивые черты мегапроекта, связанные с рисками, препятствующими реализации китайских инфраструктурных проектов и сомнениями в их реальной выгоде для местных жителей³².

Национал-патриотический дискурс, представленный в газете «Завтра», носит наиболее критический характер. Отмечается, что России в китайской доктрине отводится незавидная второстепенная

³⁰ Тавровский Ю. Пекин сделал заявку на глобальное лидерство // Независимая газета 28.09.2017 [Электронный ресурс]. http://www.ng.ru/ideas/2017-09-28/5_7083_pekin.html (дата обращения 11.08.2018).

³¹ Кожемякин С. Огненная дуга вокруг Китая // Советская Россия. 16 апреля 2015. [Электронный ресурс]. – <http://www.sovross.ru/articles/1211/21056> (дата обращения 19.12.2018).

³² Новиков Д. Верность принципам // Советская Россия. 16 октября 2018. [Электронный ресурс]. – <http://www.sovross.ru/articles/1758/41528> (дата обращения 19.12.2018).

роль источников и транзитёров сырья³³. Подчёркивается, что российские интересы в проекте «Один пояс – один путь» игнорируются, что объясняется неуверенностью китайских политических элит в стабильности России как транзитной территории³⁴.

В правом, либеральном дискурсе в отражении «Новой газеты» отношение Китая к России представляется исключительно в контексте экономической экспансии и агрессивной внешней политики Пекина. Прагматизм китайских партнёров трактуется как основное препятствие активизации сотрудничества между двумя странами³⁵. Более того, авторы газеты весьма скептически оценивают перспективы «поворота на Восток», который рассматривается через призму расчётливости китайских инвесторов³⁶.

Академический и экспертный дискурс, однако, мало воздействует на представления о Китае, его роли в мире и российско-китайских связях.

Китай в российском общественном мнении

Массовые представления о Китае и российско-китайских отношениях в значительной степени соответствуют официальному политическому дискурсу, так как формируются под влиянием новостных программ центральных каналов телевидения, транслирующих официальные позиции. Поэтому в общественном мнении отношение к Китаю и его образ постоянно улучшаются. Если в 2003 г., по данным Левада-центра, только 9% опрошенных считали, что надо укреплять отношения с Китаем, то в декабре 2014 г. так думало уже 46% опрошенных. В 2017 г. 40% респондентов назвали Китай в пятёрке стран-близких друзей и союзников РФ (Общественное мнение, 2019). Эти данные подтверждаются и опросами ФОМ, согласно которым Китай занимает первое место в списке стран, сотрудничество с которыми сейчас важнее всего для российской эко-

³³ Вавилов Н. Не друг, не союзник, а новая реальность. // Завтра. 12 марта 2018. [Электронный ресурс]. – http://zavtra.ru/blogs/ne_drug_ne_soyuznik_a_novaya_real_nost (дата обращения 20.12.2018).

³⁴ Тавровский Ю. Великий размах // Завтра. 19 апреля 2017. [Электронный ресурс]. – http://zavtra.ru/blogs/velikij_razmah (дата обращения 20.12.2018).

³⁵ Хачатуров А. Подставь чеку Востоку // Новая газета. № 119 от 26 октября 2018 [Электронный ресурс]. – <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/10/26/78354-podstav-sheku-vostoku> (дата обращения 20.12.2018).

³⁶ Хачатуров А. Подставь чеку Востоку // Новая газета. № 119 от 26 октября 2018 [Электронный ресурс]. – <https://www.novayagazeta.ru/articles/2018/10/26/78354-podstav-sheku-vostoku> (дата обращения 20.12.2018).

номики³⁷. В 2018 г. 62% респондентов считали Китай дружественным по отношению к России государством³⁸. Этот вывод подтверждается и опросами ВЦИОМ³⁹. Согласно его данным, за последние годы отношение российских граждан к Китаю сильно улучшилось. В начале 2017 г. 50% россиян назвали КНР стратегическим и экономическим партнером, еще 27% – дружественным государством и союзником. При этом 30% опрошенных в 2018 г. полагали, что отношения с Китаем важнее, чем с Западом (противоположной точки зрения придерживались 20%)⁴⁰.

Тем не менее, в общественном мнении о Китае прослеживается определенная настороженность, хотя и в меньшей степени, чем 10–15 лет назад. 26% опрошенных ФОМ россиян усматривали в укреплении Китая угрозу России, хотя 55% полагали, что причин для беспокойства нет. Насторожила россиян и информация о размещении Китаем стратегических ракет вдоль границы с РФ. Доверию препятствует и ощущаемая россиянами культурная дистанция, разделяющая их с китайцами. Примечательно, что она больше в глазах тех, кто имел возможность общаться с китайцами. Различия между русскими и китайцами считают сильными 65% всех респондентов, среди тех, кто имел контакты с китайцами – 71%. Европейская культура россиянам всё-таки ближе китайской. Так, отправиться в Китай хотело 28% респондентов, а в европейскую страну – 49%⁴¹.

В целом благоприятный имидж Китая и весьма позитивная оценка российско-китайских связей служит залогом улучшения ситуации и открывает возможности для повышения доверия в двусторонних отношениях.

Заключение

Подход, основанный на концепции критической геополитики, имеет целью установить степень соответствия «высокой» и «низкой» геополитики. Под «высокой» геополитикой подразумеваются раз-

³⁷ Китай и Россия. Позиции в мире. [Электронный ресурс]. <https://fom.ru/Mir/14063>. 11 июля 2018 г. (дата обращения 20.12.2018).

³⁸ Россия: друзья, враги, отношение в мире. [Электронный ресурс]. <https://fom.ru/Mir/14025>. (дата обращения 20.12.2018).

³⁹ Россия – Китай: отношения в стратегическом треугольнике. <https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116055>. 7 февраля 2017 г.

⁴⁰ Россия и Китай: позиции в мире. <https://fom.ru/Mir/14063>. 11 июля 2018 г. [Электронный ресурс]. <https://fom.ru/Mir/14063>. (дата обращения 20.12.2018).

⁴¹ Представления россиян о китайцах и китайской культуре. <https://fom.ru/Mir/14071>. 20 июля 2018 г. [Электронный ресурс]. (дата обращения 20.12.2018).

виваемые лидерами странами и представителями разных политических течений взгляды на место страны в мире, основные направления внешней политики, «коды» отношений с разными странами, выбор союзников и видение угроз из-за рубежа. «Низкая» геополитика представляет собой распространенные среди разных социальных и региональных групп населения представления. Первые публикации по «критической геополитике» появились ещё в начале 1990-х годов, но, по нашему мнению, никогда этот подход не был столь актуален, как теперь. Либерально-демократические методы управления обществом стали во многих странах давать сбой. При этом, как отмечает известный российский политолог Ф.А. Лукьянов, политика стала намного более демократичной. В результате она всё больше выглядит как «постоянные попытки управления общественными настроениями»⁴², стремление потрафить вкусам толпы, опереться на застарелые стереотипы массового сознания, превратившееся в шоу, скрывающее за яркой карнавальской формой отсутствие осознанной цели и неумение предвидеть развитие событий даже на шаг вперёд. Текущий, изменчивый дискурс о внешней политике приобретает все больше воздействия на реальность, формируя общественное мнение.

После событий 2014 г. был декларирован «поворот» России на восток, в частности, развитие экономических связей со странами АТР и поддержка стратегической китайской инициативы «Один пояс – один путь». Углубление отношений России со странами АТР продиктовано как объективными, так и субъективными причинами: его динамичным развитием, необходимостью структурной перестройки хозяйства Дальнего Востока и Сибири и вместе с тем выгодами освоения и экспорта богатых природных ресурсов, в которых нуждаются соседние государства. «Поворот на восток» отвечает фундаментальной ориентации внешней политики России на создание многополярного геополитического порядка и недопущение гегемонии какой-либо одной страны или группы стран. Наконец, Россия и Китай – соседи, сухопутная граница между которыми – одна из самых протяжённых в мире, и одним этим фактом они «обречены» на сотрудничество ко взаимной выгоде.

Естественно, на государственных федеральных телевизионных каналах, рассчитанных на самую широкую аудиторию, в упрощенном

⁴² Лукьянов Ф. Незримые миру слезы. <http://svop.ru/main/28971>. 3 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. (Дата обращения 12.04.2019).

виде постоянно транслируется основной меседж официального курса: Китай – один из главных стратегических союзников России, отношения с ним крепки как никогда и развиваются во всех сферах.

Политическая риторика призвана убедить российских граждан в правильности проводимого курса, заверить китайских и других партнёров на внешнеполитической сцене в прочности и стратегическом характере отношений с Китаем. Достижения КНР и особенно её внутренняя жизнь предстают для значительной части российской политической элиты образцом консервативной социальной политики. В самом деле, Китай проводит независимый курс, но при этом выгодно использует глобализацию, успешно торгует со всем миром, в том числе и с главным геополитическим соперником – США, избежав до сих пор сколь-нибудь серьёзных санкций и ограждая своих граждан от негативных последствий всеобщей взаимозависимости. России самостоятельная политика обходится многократно дороже. Благодаря политике экономической открытости руководство КНР обеспечивает рост благосостояния своих граждан, но в то же время тщательно охраняет традиционные устои общества, поддерживая социальную стабильность и твёрдо пресекая попытки вмешательства извне во внутривнутриполитическую жизнь⁴³ – как раз то, к чему стремятся российские правящие круги.

Однако между официальным и экспертным (академическим) курсом существует явный разрыв. Хотя практически все его участники сходятся во мнении, что альтернативы развитию добрососедских отношений и партнёрства с великим восточным соседом нет, многие из них выражают разочарование жёстким отношением китайских партнёров к экономическому, в том числе приграничному сотрудничеству с Россией, их стремлением к односторонней выгоде и, более того, бьют тревогу по поводу увеличивающейся асимметрии в экономическом потенциале между двумя странами, слабости российских позиций в диалоге между ними, военной мощи Китая и возможных изменений его политики. В этом видится нехватка доверия на низовом уровне, контрастирующая с хорошими отношениями между нынешними руководителями двух стран. Вместе с тем, сетования на нежелание китайцев пойти на компромисс нередко прикрывают собственную несостоятель-

⁴³Коростиков М. Желтый бог белого человека. https://carnegie.ru/commentary/78796?utm_source=twitter&utm_medium=social. 9 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. (дата обращения 12.04.2019).

ность российских партнёров, их неумение отстаивать свои интересы: побороть коррупцию, устранить лазейки для «серого» экспорта и откровенной контрабанды, создать политико-правовые и экономические условия для подлинно равноправных хозяйственных связей.

Благодарности. Исследование выполнено в Институте географии РАН при финансовой поддержке РГО в рамках проекта «Транспортная связность и изолированность территории Сибири и Дальнего Востока» (грант № 24/2018/РГО-РФФИ). Сбор материалов для дискурсивного анализа выполнен в рамках бюджетной темы «Проблемы и перспективы территориального развития России в условиях его неравномерности и глобальной нестабильности» № 0148-2019-0008, № АААА-А19-119022190170-1.

Литература

- Вардомский Л.Б.* Участие регионов в торговле с Китаем как отражение пространственной структуры российской экономики // Региональные исследования. 2018. № 4. С. 53–63.
- Каримова А.Б.* Шелковый путь: процессы интеграции и самоорганизации пространств трансрегионального взаимодействия // Сравнительная политика. 2017. № 2. С. 108–118.
- Колосов В.А.* Критическая геополитика: основы концепции и опыт ее применения в России // Политическая наука. 2011. № 4. С. 31–52.
- Колосов В.А.* Парадоксы глобализации и новое «огораживание» в современном мире // Региональные исследования. 2018. № 3. С. 9–18.
- Ларин А.Г.* «Экономический пояс Шелкового пути»: экономическое содержание, структура, идеология // Новый Шелковый путь и его значение для России / Под ред. В.Е. Петровского (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой. М.: ДеЛи плюс, 2016. С. 38–57.
- Лукин А.В.* Возвышающийся Китай и будущее России (работы о Китае и российско-китайских отношениях). М.: Международные отношения, 2018. 792 с.
- Лукин А.В.* «Китайская угроза» и дуализм сознания // Полис. Политические исследования. 2011. № 6. С. 183–186.
- Ма Бо.* Стратегия России «поворот на Восток»: возможности и вызовы для сопряжения с китайскими трансрегиональными проектами // Сравнительная политика. 2017. № 2. С. 82–97.

- Мир глазами россиян. Мифы и внешняя политика. Под ред. В.А.Колосова. М.: ФОМ, 2003. 304 с.
- Морозов Ю.В. Проблемы, препятствующие реализации интеграционных проектов Китая и России в Евразии // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС / Отв. ред.-сост. В.А. Матвеев. М.: Ин-т Дальнего Востока РАН, 2017. С. 112–133.
- Общественное мнение-2018. Ежегодник. М.: Аналитический центр, 2019.
- Островский А.В. Как подключить Сибирь и Дальний Восток к Шелковому пути? // Новый Шелковый путь и его значение для России / Под ред. В.Е. Петровского, А.Г. Ларина и Е.И. Сафроновой. М.: ДеЛи плюс, 2016. С. 131–146.
- Рязанцев С.В. «Глобализация по-китайски»: инвестиции, миграция, диаспора. Международные процессы. 2012. Т. 10. № 3 (30–31). С. 20–41.
- Сазонов С.Л., Чэнь Сяо. Строительство инфраструктуры «пояса и пути» как основная модель национального экономического и внешнеэкономического развития Китая // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС / Отв. ред.-сост. В.А. Матвеев. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 34–40.
- Сафронова Е.И. Проект «Один пояс, один путь» – комплексный фактор «мягкой силы» Китая // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС / Отв. ред.-сост. В.А. Матвеев. М.: ИДВ РАН, 2017. С. 60–77.
- Уянаев С.В. Инициатива КНР «Один пояс, один путь»: эволюция, документы, взгляд из России // Новый Шелковый путь и его значение для России / Под ред. В.Е. Петровского (отв. ред.), А.Г. Ларина (сост.), Е.И. Сафроновой. М.: ДеЛи плюс, 2016. С. 11–37.
- Чечевишников А. Восточный вектор российской политики и перспективы развития Дальнего Востока Сибири // Международные процессы. Т. 12. № 1–2. Январь–март; апрель–июнь 2014. С. 51–75.
- Шарышев А.В. Стратегическое партнерство между Россией и Китаем: актуальность и устойчивость двустороннего партнерства // Сравнительная политика. 2016. № 2 (23). С. 112–117.

УДК 327, 332.1, 911.3

Актуальные аспекты наследия евразийцев для российского экономического развития

© 2019 г. Я.Д. Лисоволик, В.В. Сутырин, К.С. Иванова

Международный дискуссионный клуб Валдай,
Государственный академический университет гуманитарных наук,
Департамент стратегических проектов Роснефти, Москва, Россия

Important aspects of the heritage of the Eurasian school of thought for the economic development in Russia

Ya.D. Lisovolik, V.V. Sutyurin, K.S. Ivanova

Valdai discussion club, State Academic University for the Humanities,
Strategic projects Department in Rosneft, Moscow, Russia
ylishovol@mail.ru, slava.sutyurin@gmail.com, iks_91@bk.ru

The paper deals with analysis of the economic development of Russia and Eurasian states in the context of Eurasianism conception. The overview of recent trends demonstrates, despite expectations of some theories, transition of majority of states towards a single universal economic model is not the case. Unresolved global economic crisis brings into sharp focus the trend of economic regionalization. Hence the relevance of alternative perspectives on economic growth based on geographic specifics is growing. The paper unearths special aspects of geography influencing economic growth in the light of 'continent' and 'ocean' concepts developed by the Eurasianists. The authors make a case for the relevance of Eurasianism intellectual tradition for the contemporary research. Several practical recommendations stemming from the Eurasianism are proposed. In particular, lowering of transportation costs due to continental isolation is possible through the development of logistical infrastructure and regional integrational organisations. The latter provide more effective transit procedures, and border controls. In this regard the importance of the Eurasian Economic Union is accentuated.

Key words: *continental isolation, Eurasian Economic Union, Eurasianism conception, geographical factors of economic development, logistical infrastructure.*

Статья посвящена анализу экономического развития России и континентальных стран в центре Евразийского региона в контексте концепции классиков евразийства. Анализ современных тенденций показывает, что, вопреки ожиданиям некоторых теорий, переход большинства государств к унифицированной экономической модели не произошёл. Непреодоленный кризис глобальной модели экономического развития высветил тенденцию формирования экономических регионов. В этой связи возрастает актуальность альтернативных подходов к вопросам экономического развития, учитывающих в том числе и специфику географического положения. В статье выявляются особенности влияния географии на экономическое развитие на основе понятий континента и океана, разработанных

евразийцами. Обосновывается актуальность использования интеллектуального наследия евразийства на современном этапе. В статье содержится ряд практических рекомендаций, вытекающих из современного прочтения концепции евразийства. В частности, снижение экономических издержек вследствие континентальной замкнутости возможно за счёт развития транспортной инфраструктуры и интеграционных объединений. Последние обеспечивают упрощение процедур транзита, пересечения границ, таможенного оформления. В этой связи подчёркивается актуальность Евразийского экономического союза.

Ключевые слова: *географические факторы экономического развития, Евразийский экономический союз, континентальная замкнутость, транспортная инфраструктура.*

Завершающееся десятилетие позволило сделать ряд важных экономических выводов для России. Во-первых, России и её ближайшим союзникам не удалось использовать Евросоюз как платформу интеграции в мировую экономику. Нельзя в полной мере назвать успешным и опыт с ВТО. Во-вторых, в мировой экономике не удалось преодолеть причины финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. Существующая неолиберальная экономическая модель и технологические основы экономики не позволяют выйти на новый качественный виток роста глобальной экономики.

Мировая экономическая конвергенция, переход большинства государств к унифицированной экономической модели, не сработала. Сначала развивающиеся страны отказались идти по этому пути (в том числе в рамках ВТО), а затем и развитые страны затормозили и дали задний ход. Это не исключает попыток ряда стран вернуться к парадигме конвергенции в будущем, но пределы глобальной экономической унификации обозначились. Мир увяз не только в низких темпах экономического роста, сопряжённого с «пузырями» на финансовых рынках, но и с рекордным неравенством. Доминирование императива максимизации экономического роста, конкуренции и открытости приводит к забвению более фундаментальных составляющих общественного развития, прежде всего, в социальной и образовательной сферах, в вопросах качества жизни и социального равенства.

Кризис глобальной модели экономического развития высветил тенденцию формирования экономических регионов, набравшую динамику на протяжении нескольких последних десятилетий на фоне возрастающей пробуксовки интеграции в рамках ВТО. Накопление противоречий сложившейся неолиберальной экономической модели,

активизация региональных процессов привели к возрастанию интереса к географическим факторам экономического развития. С этой точки зрения экономическая открытость долгое время играла на руку более выгодно географически расположенным странам, располагающим удобным доступом к ключевым морским транспортным коридорам. Однако этот «рецепт» далеко не всегда оказывался столь же действенным для континентальных стран.

Повышенные по сравнению с морскими державами транспортные издержки при экспорте товаров и импорте комплектующих снижают конкурентоспособность с морскими странами в условиях максимальной открытости. Континентальные страны нуждаются в комплементарности экономик с соседними странами, создании общей инфраструктуры, облегчающей доступ к мировым морским транспортным артериям, что невозможно без интеграции.

В ситуации, когда претендовавшая на универсализм экономическая модель оказалась проблемной, столкнувшись с явными рисками и пределами своего продвижения, возникает запрос на альтернативу. Многообразное, «дивергентное» развитие с учётом географических и региональных особенностей может принести значительно большие результаты в плане совершенствования российской экономики, всестороннего повышения уровня жизни граждан России. Сегодня очевидна потребность в нахождении новых источников экономического роста, выработки собственной, не «импортированной» экономической стратегии. Последнее невозможно без опоры на собственное научное наследие. В условиях кризиса универсалистской парадигмы мы неизбежно будем обращаться к нашим корням.

В этой связи внимания заслуживает обращение к наследию евразийства, которое ещё только предстоит раскрыть в полной мере. Сегодня мы подходим к столетию евразийской экономической школы, берущей свои истоки в 1920-х годах. Изначально евразийцы фактически обосновывали необходимость интеграции. Они вели речь о создании так называемого комплекса взаимодополняющих экономик, которые за счёт взаимодействия компенсируют проблемы, связанные с большими расстояниями до ключевых мировых рынков.

Теоретическое наследие евразийцев вбирает в себя ряд положений о роли государства и частного сектора в экономике, о моделях экономического развития, о планировании в процессе хозяйственного развития. Однако особую роль в евразийской концепции всё же играют

вопросы географии и геоэкономики, предвосхитившие в том числе необходимость транспортных коридоров на евразийском пространстве, которые могли бы конкурировать с океаническими маршрутами.

География как фактор экономического развития

Экономическое развитие страны зависит от набора факторов, среди которых важную роль играет географическое положение. Оно определяет доступ к важнейшим рынкам сбыта и импорта продукции. С совершенствованием транспорта улучшается доступность удалённых рынков, однако стоимость логистики остаётся существенной частью издержек как производителя, так и потребителя, что оказывает влияние на конкурентоспособность экономики.

Перевозка грузов сухопутным транспортом стоит гораздо дороже, чем морские перевозки. «Сопоставив внешнеторговую статистику разных стран по CIF и FOB, Раделет и Сакс (Radlet, Sachs, 1998) пришли к выводу, что транспортные расходы внутриматериковых стран превышают аналогичные затраты прибрежных экономик на 50%. В других исследованиях (Arvis et al., 2013) указывается, что доля транспортных издержек в общей стоимости импорта у стран, не имеющих выхода к морю, может достигать 10–20%, тогда как у развитых стран и США этот показатель равен 4,7 и 2,2% соответственно)» (Лисоволик, 2017). При этом по имеющимся оценкам, удвоение транспортных расходов снижает внешнеторговый товарооборот страны примерно на 80% (Hendercon et al., 2000).

Таким образом, страны, наиболее удалённые от моря, на мировом рынке товаров менее конкурентоспособны. С точки зрения импорта материалов и комплектующих издержки производителей внутриматериковых стран выше, чем у государств, имеющих выход к морским транспортным коридорам. Аналогично прибыль компаний внутриматериковых стран, производящих продукцию для поставки за рубеж, ниже, чем у «морских» держав, из-за относительно более высоких издержек на транспортировку. Д. Сакс (Radlet, Sachs, 1998) отмечал, что такого рода «бремя двойной обездоленности» сильно затрудняет для континентальных стран использование реэкспортной модели экономического развития.

Результаты исследований, проведённых Всемирным банком, показали, что у внутриматериковых стран торговый оборот на 30% ниже,

чем у прибрежных стран. При этом темпы роста внутриконтинентальных стран на 1,5% ниже, чем у стран с выходом к морю.

Около 20% стран мира (43 из 193) не имеют выхода к морю. Доля стран с низким уровнем развития среди них существенно выше – 20 стран из 54 с низким уровнем дохода не имеют выхода к морю. Вместе с тем лишь три страны из 35 с высоким уровнем дохода не имеют выхода к морю. Кроме того, следует принять во внимание, что страны Западной Европы, не имеющие выхода к морю, как правило, имеют выгодное географическое положение относительно основных торговых партнёров, доступ к развитой транспортной инфраструктуре и речным торговым путям (Лисоволик, Сутырин, 2017).

Средний ВВП развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, составляет примерно 57% от объёма ВВП соседних государств, имеющих выход к морю (Irwin, Tervi, 2002). Каждые дополнительные 1000 км расстояния создают для страны без выхода к морю транспортные издержки в 7 раз большие, чем для прибрежных стран (Behar, Venables, 2010).

Признавая существенное значение географических ограничений, в особенности отсутствие выхода к морю у некоторых развивающихся стран, ООН начала несколько программ, первой из которых стала Алматинская декларация и программа действий «Удовлетворение особых потребностей развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, в новых глобальных рамках для сотрудничества в области транзитных перевозок между не имеющими выхода к морю развивающимися странами и развивающимися странами транзита» (2003–2004). Программа была направлена на формирование «глобальных рамок действий в целях создания эффективных систем транзитных перевозок в развивающихся странах, не имеющих выхода к морю, и развивающихся странах транзита с учётом интересов как развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, так и развивающихся стран транзита» (Лисоволик, 2017).

На прошедшей в 2014 г. Второй конференции ООН по развивающимся странам, не имеющим выхода к морю, была принята Венская программа действий для таких развивающихся стран, на 2014–2024 годы. В ней обозначены следующие приоритеты: «а) значительно повысить качество автомобильных дорог, в том числе увеличить долю автомобильных дорог с твёрдым покрытием, с учётом соответствующих национальных стандартов; б) расширить и модернизировать где

это возможно, железнодорожную инфраструктуру в развивающихся странах, не имеющих выхода к морю; в) создать отсутствующие стыковки в региональных автодорожных и железнодорожных транзитных транспортных сетях» (Лисоволик, 2017).

Снижение экономических издержек вследствие континентальной замкнутости возможно несколькими путями: а) путём развития транспортной инфраструктуры и высоких технологий в логистическом секторе; б) повышением удельного веса в экспорте продукции с высокой добавленной стоимостью и услуг, где транспортные издержки играют меньшую роль; в) упрощением процедур транзита, пересечения границ, таможенного оформления и т.д.

Ключевым фактором сокращения транспортных издержек для континентальных стран служит выстраивание региональной координации и интеграционных структур с соседними государствами. Многие из перечисленных вызовов отдалённости от морских акваторий сложно, а подчас невозможно преодолеть исключительно на индивидуальном страновом уровне. Многие проблемы могут быть решены лишь путём выхода на региональный и макрорегиональный уровни для координации транспортной и макроэкономической политики, объединения ресурсов для строительства инфраструктуры, ускоряющей товарооборот внутри региона и снижающей издержки по выходу на мировые рынки. Значительную роль играет и состыковка планов развития инфраструктуры на территории нескольких сопредельных государств, выстраивание логистических цепочек и общего пространства технических стандартов в сфере транспорта. Кроме того, объединение переговорных позиций группы государств в отношениях с третьими странами позволяет добиться более выгодных условий соглашений (Лисоволик, Сутырин, 2017).

Несмотря на то, что для развивающихся стран, удалённых от моря, одним из ключевых решений проблемы является интеграция с другими государствами, большинство из них всё ещё недостаточно вовлечены в региональные интеграционные процессы. Среди стран, не имеющих выхода к морю (за исключением семи европейских государств, являющихся членами либо ЕС, либо Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ)), среднее число соглашений о свободной торговле составляет всего 2,5 (на основе данных ВТО по интеграции), тогда как для остальных стран средний показатель соответствует 7,5 (трёхкратное превышение).

Из числа 21 стран-наблюдателей, которые всё ещё не являются членами ВТО, треть составляют страны, не имеющие выхода к морю, включая Сербию и Белоруссию в Европе (последняя является крупнейшей европейской экономикой, не имеющей выхода к морю), Узбекистан в Азии (единственная страна, отделённая от морского побережья территориями нескольких стран) и Эфиопия в Африке (самая многонаселённая страна, не имеющая выхода к морю).

В этой связи особую важность представляет формирование интеграционных объединений континентальных стран – как для их экономического развития, так и для повышения устойчивости мировой экономики. Так, созданный в 2015 г. Евразийский экономический союз (ЕАЭС), объединяет пять стран, среди которых четыре не имеют выхода к морю. Казахстан – самая крупная по территории страна, не имеющая выхода к морю, а Россия имеет самую протяжённую сухопутную границу в мире, и значительная часть её территории также находится в отдалении от морских торговых путей.

Заслуживает внимания и сформированная Китаем инициатива «Один пояс – один путь», которая включает более 30% стран в мире, не имеющих выхода к морю, и 75% таких стран в Евразии. Одной из главных целей инициативы декларируется преодоление расстояний и транспортных преград путём развития логистической инфраструктуры.

Вызов континентальной географии Евразии

Уникальность географии Евразийского континента состоит в том, что значительные его территории находятся на огромном расстоянии от морского побережья (некоторые территории – самые удалённые от морей и океанов в мире) и, соответственно, от мировых транспортных артерий. Эта проблема стоит особенно остро для внутриматериковых экономик, не имеющих выхода к морю. В Евразии таких стран 26, что составляет 59% от общего числа таких стран в мировом масштабе. Континентальность некоторых стран Евразии поистине уникальна: из стран, не имеющих выхода к морю, Казахстан – самая большая среди этих стран, Белоруссия – самая большая страна в Европе, Киргизия и Таджикистан – самые высокогорные из этих стран; Узбекистан – одна из двух стран в мире, которую от побережья моря отделяет более чем одна страна. Наконец, Москва расположена от морского побережья дальше, чем любая другая европейская столица, а Бишкек удалён от

Таблица. Наиболее удалённые от морского побережья развивающиеся страны, км

Страна	Расстояние до морского побережья
Казахстан	4800
Кыргызстан	4570
Таджикистан	4450
Узбекистан	4300
Туркменистан	3800
Азербайджан	3090
Армения	2865

Источник: Trade, trade facilitation and transit transport issues for landlocked developing countries (Government of Mongolia...).

моря дальше, чем любая столица в мире (пять столиц стран мира, находящиеся на наибольшем удалении от побережья, находятся в Азии, прежде всего в Центральной Азии).

Именно в Евразии расположен так называемый континентальный «полюс недоступности», то есть географическая точка мира, наиболее удалённая от морского побережья. Это местность на севере Китая (неподалёку от стыка границ двух внутриконтинентальных стран – Казахстана и Монголии, а также границ Китая и России) в окрестностях города Урумчи – наиболее удалённого от побережья города в мире. Урумчи длительное время служил важным опорным пунктом на «шёлковом пути», да и нынешние транспортные коридоры в рамках инициативы ОПОП его стороной не обходят (таблица).

Один из ключевых экономических мыслителей в традиции евразийства Петр Савицкий (1997) указывал на неоднозначные последствия открытости экономики континентальных стран. Наряду с изолированностью экономики, консервирующей отсталость экономических укладов, Савицкий рассматривал как опасность и открытость экономики, которая может привести к маргинализации в условиях недостаточной конкурентоспособности. Так, при открытии экономики «Мировому океану»: «для стран, выделяющихся среди областей мира своей “континентальностью”, перспектива быть “задворками мирового хозяйства” становится – при условии интенсивного вхождения в мировой океанический обмен – основополагающей реальностью... При изолированности от мира – экономическая примитивность, связанная со строем “натурального хозяйства”... При вступлении в “мировое хозяйство” – неизбывная власть хозяйственно-географической “обездоленности”...».

Причину Савицкий видел в более выгодном географическом положении океанических стран в сравнении с континентальными, когда речь заходит о транспортных издержках по доступу к мировым рынкам. «Из разницы в размерах между издержками морских и сухопутных перевозок вытекает следующий вывод: те страны и области, которые по своему положению могут пользоваться преимущественно морским транспортом, в гораздо меньшей степени зависят в процессах международного и междуобластного обмена, от расстояния, чем страны, обращенные в своей хозяйственной жизни преимущественно к перевозкам континентальным», – отмечал экономист.

Противоречие между максимальной открытостью и изолированностью, выбора сбалансированного курса между двумя этими крайностями представляет сложную задачу – как для теории, так и для практики. Ещё один основоположник евразийской мысли Николай Трубецкой в своей работе «Мысли об автаркии» (Трубецкой, 2010) вводит понятие «особого мира», близкое по значению к современному аналогу макрорегиона. «До сих пор доказывали выгоду автаркического хозяйства для данного государства. Между тем, по моему мнению, речь должна идти о преимуществах системы автаркических миров как особой формы организации мирового хозяйства», – заключает Трубецкой.

Таким образом, предлагается выход за рамки оппозиции «изолированность-открытость», заключающийся в организации мировой экономики в формате множества региональных систем, не тождественных друг другу. Отдельное государство может проводить политику экономической открытости в рамках своего региона, который, в свой очередь, взаимодействует с другими регионами как отдельное целое, «особый мир», включающий области, которые объединены «не только экономикой, но и историей (“общностью судьбы”), цивилизацией, национальными особенностями и национальным равновесием...». Экономические отношения между странами внутри такого региона не должны характеризоваться глубокими дисбалансами в хозяйственном развитии и уровне жизни. При этом взаимодействие регионов как автаркичных «особых миров» (то есть обособленных и относительно закрытых друг от друга) может носить взаимодополняющий характер. В картине мира Трубецкого это взаимодополняющее взаимодействие не ведёт к унификации мировой экономики: «автаркия экономически и политически выгоднее и даёт больше гарантий

для счастья человечества, чем система “мирового хозяйства в общем котле”». Примечательно, что несколькими десятилетиями позднее Россию как исторически отдельную «мир-экономику» характеризовал французский историк Фернан Бродель (2007).

Савицкий приходит к выводу, что решение задач экономического развития Евразии и, в частности, России как наиболее внутриконтинентального региона за счёт упрощенной имитации стратегий океанических держав не может быть полноценным выходом: «Не в обезьяньем копировании «океанической» политики других, во многом к России неприменимой, но в осознании «континентальности» и в приспособлении к ней – экономическое будущее России». Прежде всего, ввиду разницы в размерах между издержками морских и сухопутных перевозок.

По мысли Савицкого, континентальные страны должны двигаться в направлении создания комплекса взаимодополняющих экономических систем, «континентальных соседств», которые обеспечивают взаимовыгодные торговые условия между соседними евразийскими государствами. Однако Савицкий указывает и на сложность этой задачи: «Океан един. Континент раздроблен. И потому единое мировое хозяйство неизбежно воспринимается как хозяйство “океаническое”, и в рамки океанического обмена неизбежно поставляется каждая страна и каждая область мирового хозяйства». Поэтому основной приоритет – ускорить и удешевить доставку товаров к морским транспортным коридорам.

При анализе влияния фактора расстояния Савицкий предвосхищает ряд положений концепции «гравитационной модели», которая определяет торговое взаимодействие между странами на основе расстояния (обратно пропорционально), размера ВВП (прямо пропорционально), а также факторов общности границ, культуры, языка и истории.

Таким образом, наследие евразийской школы экономической мысли для современной России включает в себя два основных компонента. Во-первых, это акцент на стратегическую целесообразность региональной интеграции и развитие сети внутриконтинентальных транспортных коридоров. Важно подчеркнуть, что евразийцы не являются противниками интеграции России в мировую экономику. Они выступали за её осуществление с учётом экономической и географической специфики развития России, без абсолютизации «океанических принципов». Так, Савицкий писал: «В определенной степени море, как связь с “мировым рынком”, нужно и останется нужным России; но

необходимо понять ту существенно ограниченную роль, которая выпадает на долю «океанического», «морского» принципа в построении хозяйства Российского...».

Во-вторых, признание и теоретическое обоснование не только возможности дивергентности экономических моделей, но и продуктивности регионального разнообразия в процессах мирового экономического развития. Тем самым опровергается тезис о «конце истории», неизбежности унификации мирового хозяйства. Следовательно, появляется возможность вести речь о самостоятельных императивах развития российской экономики, продиктованных не механическим заимствованием универсальных формул, но самобытной историей, географией и интеллектуальной традицией.

Евразийский потенциал для экономики России

Россия обладает самой протяжённой сухопутной границей в мире и самым большим количеством полюсов недоступности планетарного масштаба (Королев, 2013). Среди стран ЕАЭС формально лишь Россия имеет доступ к морю. Но при учёте удалённости от моря большей части российской территории страна может рассматриваться в ряде случаев как более континентальная, чем её партнёры по евразийской интеграции.

В данной связи следует отметить и климатические условия. Россия – вторая после Канады страна в мире с самой низкой температурой (среднегодовая температура -5°C). Лишь в трёх странах мира – Канаде, Монголии и России – среднегодовая температура достигает отрицательных значений. По различным оценкам, от 55 до 65% территории России расположено в зоне вечной мерзлоты. Из 67 портов в России лишь 19 незамерзающих, семь из которых расположены на Дальнем Востоке.

Ввиду географических особенностей России доля железнодорожных перевозок в 2015 г., без учёта трубопроводного транспорта, составляла 87%, тогда как в США аналогичный показатель – менее 40%, в Китае – около 15% (рис. 1).

Различия отчётливо проявляются в таком показателе как стоимость транспортировки единицы продукции морским и сухопутным транспортом. Например, цена фрахта из Австралии в Китай составляет 9 долл. США за тонну груза, из Бразилии – 22 долл. США за тонну,

а стоимость перевалки в портах составляет 2–4 долл. США за тонну. Железнодорожный тариф на перевозку угля и руды из Сибири до дальневосточных портов в 2014 г. составлял больше 35 долл. США за тонну, на перевозку стали – более 100 долл. США за тонну, а перевалка в российских портах стоила 12–18 долл. США за тонну (Атнашев, 2015).

Значительная разница в себестоимости морских и сухопутных перевозок при преобладании сухопутного транспорта в грузообороте России обуславливает более сложные условия для конкуренции национальных производителей на мировом рынке по сравнению с компаниями, размещающимися в странах с выходом к морю (рис. 2). Средний размер расходов на экспортную отпарку грузового контейнера из России в 2014 г. был в 1,5 раза выше аналогичного мирового показателя и в 2,3 раза больше, чем в Европейском союзе (Лисоволик, Сутырин, 2017).

В советский период «континентальность» России продвигалась дальше вглубь материка вследствие индустриального освоения Урала и Сибири. В качестве примера можно привести горнорудную промышленность, значительная часть которой расположена в континентальной части Евразии в отдалении от крупных океанических портов. Экспортные поставки Михайловского ГОКа, входящего в состав «Металлоинвест», выполняются через порты Чёрного (более 900 км по железной дороге) и Балтийского (примерно 1200 км железнодорожного полотна) морей (Лисоволик, Сутырин, 2017).

Аналогично далёкие расстояния приходится преодолевать при экспорте угля по железной дороге. В Австралии, например, наиболее удалённая от порта точка добычи угля находится на расстоянии не более 300 км. В России же основной объём экспорта идёт из Кузбасса, плечо перевозок которого превышает 3,5 тыс. км. Таким образом, транспортная составляющая энергетического угля в России составляет более 50–60%, а доля в поставках угля самому его крупному потребителю Китаю – только около 1% (Лисоволик, Сутырин, 2017).

Возвращаясь к теории евразийства и высказываниям Савицкого, следует принять неустранимые географические особенности и превратить их в достоинства. В основе развития России должно лежать то, что отличает её от других стран, а именно – география, история, культурные и экономические особенности. Добиться успехов в экономике Россия может за счёт своего географического положения между Европой и Азией по мере нарастания взаимодействия между этими

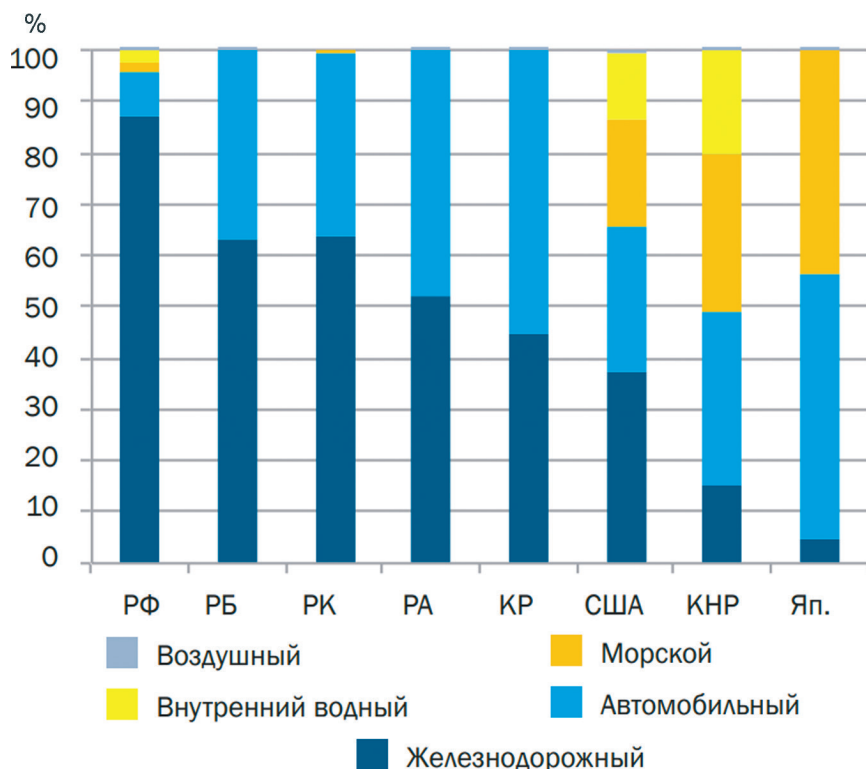

Рис. 1. Удельный вес отдельных видов транспорта в общем грузообороте России в сравнении с США, КНР и Японией, % (без учёта трубопроводного транспорта).

Данные по РФ за 2015 г., США, Китай – 2014 г., Япония – 2012 г.

Источник: Специальный доклад ЕАБР. Макрообзор Евразийского банка развития (Лисоволик и др., август 2017)

двумя центрами глобальной экономики. По словам Льва Гумилёва, одного из наиболее последовательных теоретиков Евразийской школы мысли, ключевым положением этой теории служит понятие полицентризма, подразумевающее, что «центров [мировой экономики] много. Европа – центр мира, но и Палестина – центр мира. Иберия и Китай – то же самое».

С позиций сегодняшнего дня наследие евразийцев в области изучения мировой экономики – это прежде всего напутствия для евразийской континентальной интеграции в сложной конкуренции с океаническим проектом за счёт создания сети транспортных коридоров,

Рис. 2. Расходы на экспорт, долл. США за контейнер, 2014 г.
 Источник: Специальный доклад ЕАБР. Макрообзор Евразийского банка развития (Лисоволик и др., август 2017)

соединяющих Азию и Европу. Такого рода видение сегодня во многом реализуется путём создания Евразийского экономического союза и сопряжения его с китайской инициативой «Один пояс – один путь» и другими евразийскими континентальными проектами.

Актуален для современной России и тезис евразийцев о том, что Россия не должна смотреть только в одну сторону, на Запад или на Восток, в попытке найти эталон экономической модели для подражания. В 1990-е годы после распада СССР Россия опрометчиво кинулась налаживать экономическое сотрудничество с Европой. Не менее вынужденным и непродуманным представляется и недавний разворот России на восток. Стране нужна идея, на которую она могла бы опереться, чтобы преодолеть внутренние разногласия и интегрироваться в мировое пространство, не ограничиваясь при этом западной или восточной моделью, как это было на протяжении последних нескольких десятилетий.

Самое важное и актуальное наследие евразийцев – это тезис о необходимости разнообразия и дивергенции экономических моделей в мировом хозяйстве. Такого рода видение служит противовесом доводам о необходимости конвергенции мира к одной модели, «о конце истории» и о «венчании здания» мировой финансовой архитектуры очередной версией «Вашингтонского консенсуса».

Учитывая вышесказанное, а также существующие предпосылки к интеграции с соседними странами и восточными партнёрами для российской экономики становится применима неоевразийская концепция геоэкономической стратегии России, которую можно охарактеризовать следующим образом.

Интеграция в мировую экономику: содействие сближению интеграционных проектов в Европе и Азии для увеличения объёмов торговли и инвестиций по всей Евразии. Россия может извлечь из этого наибольшую выгоду, играя роль посредника между быстро развивающимися экономиками Китая, Японии, Кореи и АСЕАН, с одной стороны, и Европы – с другой. В этом контексте импульсом для претворения в жизнь евразийского интеграционного проекта стал инициированный Китаем проект нового Шёлкового пути, который Россия планирует поддержать.

Интеграция постсоветской Евразии: чем успешнее Россия будет продвигать идею углубления экономической интеграции на постсоветском пространстве, тем больше можно будет привлечь торговых и инвестиционных потоков в Евразию в целом. Развитие интеграции единого экономического пространства усилило бы его позиции при проведении переговоров с другими торговыми объединениями и позволило бы сыграть роль посредника между Европой и Азией на фоне развития экономического сотрудничества между ними.

«Открытый регионализм» и приоритет многостороннего регулирования мировой экономики: в противостоянии регионализма и многостороннего подхода России следует уделять больше внимания поддержке таких международных организаций, как ВТО, для укрепления международных норм регулирования, позволяющих ограничить преференции и дискриминацию в мировой экономике. Формирование торговых блоков в Евразии должно происходить в соответствии с провозглашенным ВТО принципом «открытого регионализма».

Азиатская промышленная политика: необходима политика, которая была бы основана не столько на импортозамещении и слабой валюте (к чему, в общем-то, сводится латиноамериканская модель промышленной политики), сколько на развитии экспорта. В этой области азиатская модель промышленной политики могла бы быть принята за основу. Взять, к примеру, Южную Корею, где период оказания господдержки компаниям был ограничен по времени и обусловлен достижением ими определённой доли на зарубежных рынках.

Европейские инструменты стабилизации: для обеспечения финансовой стабильности Россия могла бы перенять западную систему экономического регулирования, в особенности в области налогово-бюджетной и денежно-кредитной политики. В отношении денежно-кредитной политики это означает большее акцентирование на снижении уровня инфляции, а в области налогово-бюджетной политики России – введение максимальных пороговых показателей на нетопливный дефицит бюджета, а также на общий уровень госдолга.

Нефтегазовая отрасль: имеющиеся у России запасы нефти и газа можно было бы использовать для стимулирования конкуренции между Европой и Азией в том, что касается реализации торговых и инвестиционных проектов с Россией. Россия могла бы также воспользоваться своими богатыми запасами нефти и газа на Дальнем Востоке для развития конкуренции между Китаем, Японией и Южной Кореей за доступ к этим ресурсам в обмен на углубление экономического сотрудничества.

Таким образом, евразийская модель модернизации России могла бы быть отчасти основана на накопленном в Азии опыте обеспечения высокого уровня экономического роста (в том числе за счёт промышленной политики), а отчасти на европейских наработках в области обеспечения стабильности финансовой системы и экономики в целом за счёт системы экономического регулирования.

Экономическая дипломатия России должна быть направлена на развитие конкуренции между европейскими и азиатскими поставщиками за доступ на огромный внутренний рынок России, тогда как евразийская интеграция могла бы стать залогом успеха китайского проекта «Один пояс – один путь». Пока же России не хватает конкурентоспособной системы производства на микроуровне компаний и отдельных отраслей, а ведь это – один из залогов сближения ведущих российских компаний с крупнейшими компаниями Азии и Европы посредством создания совместных предприятий, стратегических и технологических альянсов.

Заключение

Развитие современных, в первую очередь, транспортных и коммуникативных технологий, создало представление, что мир «сжимается», а глобальная унификация экономических моделей – вопрос

ближайшего будущего. Однако прошедшее с кризиса 2008–2009 годов десятилетие показало, что технологическое развитие не отменило более фундаментальных экономических факторов, прежде всего, транспортных издержек. Сегодня вновь очевидно, что убежать от своей географии нельзя.

Как было показано выше, важность интеграционных процессов в континентальной Евразии, существенную часть которой занимает территория России, объясняется наличием значительных ограничений, связанных с высокими транспортными издержками, которые странам, не имеющим выхода к морю, приходится нести с тем, чтобы получить доступ на международные рынки. Сравнительно более высокие транспортные издержки России и её ближайших соседей при экспорте и импорте товаров снижают конкурентоспособность их экономики и служат одним из факторов более низких темпов экономического роста.

Для разрешения вопроса о непреодолимости географических особенностей страны ценные идеи заложены в рамках евразийской экономической школы. Последняя ведёт речь об использовании «континентального» потенциала России и её посреднического положения между Западом и Востоком. Неотъемлемым элементом развития данного потенциала служит активное участие в интеграционных процессах на евразийском пространстве.

Сегодня создано транстихоокеанское звено экономических связей между Азией и Америкой, а также звено между Америкой и Европой, но трансконтинентальное взаимодействие между Европой и Азией развито недостаточно. Именно на евразийских внутриконтинентальных пространствах разрывается глобальная цепочка экономических связей. Это определяет и стратегическую задачу развития на ближайшие десятилетия – формирование трансконтинентальной логистики и инфраструктуры.

В этой связи важным проектом для России и ряда постсоветских государств Евразии является Евразийский экономический союз (ЕАЭС), который играет решающую роль в обеспечении доступа на международные рынки четырёх из пяти своих членов, не имеющих выхода к морю. ЕАЭС помогает внутриконтинентальным экономикам разрешать проблемы, связанные с отсутствием сопряжённости: снижает таможенные пошлины и нетарифные барьеры и формирует общее транспортное пространство.

Идея Китая по созданию «шёлкового пути» также должна стать одним из способов преодоления проблем «континентальности» России и способствовать улучшению её экспортных возможностей. В рамках данной инициативы, безусловно, выигрывает не только Россия, но и другие страны, сталкивающиеся с аналогичной ситуацией. Содействуя странам, не имеющим выхода к морю, в разрешении стоящих перед ними проблем ЕАЭС и ОПОП могут дополнять друг друга, не вступая в прямое противоречие.

Решение проблемы «континентальности» России и её ближайших союзников, наряду с интеграционным аспектом, предполагает интенсивную работу над развитием инфраструктуры, транспортных каналов, повышением технологичности континентальной логистики, повышением удельного веса в экспорте продукции с высокой добавленной стоимостью и услуг.

Таким образом, и концептуальное наследие евразийцев подтверждает этот тезис: экономическое развитие России и окружающих её стран в центре Евразийского континента не может быть сведено лишь к созданию транспортного хаба, «моста» между Азией и Европой. Мост выполняет лишь функции связи между другими макрорегионами, тем самым утрачивает самостоятельность, а значит и функции макрорегиона, «особого мира». Это будет препятствовать развитию. Евразийцы выступали против тотальной автаркии, как и против безоглядной открытости на пути экономического развития.

Используя потенциал интеграционных объединений в Евразии, важно решать задачу по уходу от роста потребительского к росту инвестиционному. Эффективная интеграционная группировка позволит России и её соседям перетягивать на себя торгово-инвестиционные потоки между Западом и Востоком, а не просто служить перевалочной базой между ними. Это послужит основой для выстраивания долгосрочных инвестиционных проектов и стратегий, необходимых для эффективного развития российской экономики с учётом евразийской географии.

Литература

Атнашев М. Не только нефть: что ждет российскую металлургию [Электронный ресурс]: URL: <http://carnegie.ru/commentary/2015/10/13/ru-61592/ijpy>.

- Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. Т. 3. Время мира. М.: Изд-во «Весь Мир», 2007, 752 с.
- Королев А.Ю. Полюс недоступности России как экологический эталон дикой природы // Вест. Удмуртского ун-та. 2013. Вып. 4. С. 109–110.
- Лисоволик Я.Д. Географические доводы в пользу евразийских инициатив // Валдайский клуб [Электронный ресурс]: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/geograficheskie-dovody-evraziyskie-initsiativy/>, 2017.
- Лисоволик Я.Д., Кузнецов А.С., Бердигулова А.Р. Микроэкономика евразийской географии. Макрообзор ЕАБР (Евразийский банк развития). Август 2017. URL: https://eabr.org/upload/iblock/c66/Spetsdoklad_RUS_08_2017.pdf
- Лисоволик Я.Д., Сутырин В.В. География стран Евразийского экономического союза: от вызовов к возможностям // Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2017. URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/reports/geografiya-stran-eaes/>
- Савицкий П.Н. Континент–океан (Россия и мировой рынок) // Континент Евразия. Евразийство. М.: Аграф, 1997. 461 с.
- Трубецкой Н.С. Мысли об автаркии / Трубецкой Н.С. Избранное. М.: Росспэн, 2010. 615 с.
- Arvis J.F., Duval Y., Shepherd B., CHorthip U. Trade Costs in the Developing World: 1995–2010. World Bank Policy Research Working Paper No. 6309. Washington, DC: World Bank, 2013, 37 pp.
- Behar A., Venables A. Transport costs and international trade. Paper written for Chapter 5 in A Handbook of Transport Economics. Eds. André de Palma, Robin Lindsey, Emile Quinet & Roger Vickerman. Edward Elgar Publishing. UK, 2011. 19 p.
- Government of Mongolia in partnership with United Nations Office of the high representative for least developed countries, landlocked developing countries and small island developing countries. URL: <http://unohrrls.org/UserFiles/File/Elle%20Wang%20Uploads/LLDCs%20Publication.pdf>.
- Henderson J.V., Shalizi Z., Venables A.J. Geography and Development // Journ. of Economic Geography. 2001. V. 1. Issue 1. P. 81–105.
- Irwin D.A., Tervio M. Does Trade Raise Income? Evidence from the 20th Century // Journal of International Economics. 2002. V. 58. P. 1–58.
- Radlet S., Sachs J.D. Shipping Costs, Manufactured Exports, and Economic Growth. Harvard University, USA. 1998. 21 p.

Мутные воды Большой Евразии: возможное место России на рынке водоёмкой продукции

© 2019 г. А.Б. Лихачева

Центр комплексных европейских и международных исследований
НИУ ВШЭ, Москва, Россия

Cloudy waters of Greater Eurasia: possible Russia's place in the market of water-intensive products

A.B. Likhacheva

Center for Comprehensive European and International Studies, HSE, Moscow, Russia
alikhacheva@hse.ru

Today, it is precisely in the area of Greater Eurasia that the key challenges to water security are concentrated, mainly due to the fact that the region unites the most dynamically developing countries of the world and not to unilateral actions of the states (which also take place). And the increase in water withdrawal still remains a no alternative costs of socio-economic development and prosperity. Moreover, numerous connectivity projects in the Greater Eurasia region, for example, the Chinese Belt and Road Initiative, represent an export of water withdrawals to third countries, often like Central Asia or Pakistan, that already face severe water challenges. Russia has a special place in this architecture - on one hand, it possesses the biggest renewable water resources on the continent (and ranks third in the world, after Brazil and Canada), enjoys the absence of significant dependence on inflow from third countries, and keeps the possibility to increase significantly the export of water-intensive products to water-deficient regions, i.e. of virtual water. On the other hand, modern Russian position on global and regional water challenges could be characterized as a clearly passive one. This paper represents different conceptual approaches to the modern water agenda, both through the prism of threats in the water sector and through an analysis of the prospects for international cooperation in this area. In the end, recommendations are offered regarding the Russian water agenda in Greater Eurasia for both aspects.

Key words: *Greater Eurasia, water-intensive products water resources, water security of Russia.*

Сегодня именно на пространстве Большой Евразии сконцентрированы ключевые вызовы водной безопасности, обусловленные не столько односторонними действиями сторон (которые также имеют место), сколько тем, что регион объединяет наиболее динамично развивающиеся страны мира. А увеличение водозабора – пока безальтернативная плата за развитие. Более того, многочисленные проекты по наращиванию взаимосвязанности в регионе Большой Евразии, например, китайская инициатива Пояса и Пути – это и экспорт водозабора в третьи страны, зачастую в Центральную Азию или Пакистан, уже сталкивающиеся с серьёзными водными вызовами. Особое место в этой архитектуре у России – это первые на континенте возобновляемые ресурсы воды (и третьи в мире, после Бразилии и Канады), отсутствие

значимой зависимости от водостока из третьих стран, возможности значительного наращивания экспорта водоёмкой продукции в вододефицитные регионы. Но пока российская позиция в отношении глобальных и региональных водных вызовов пассивна. В данной работе разбираются концептуальные подходы к современной водной повестке, как через призму угроз в водной сфере, так и через анализ перспектив международного сотрудничества в одной области. Для обоих аспектов предлагаются рекомендации в отношении российской водной повестки в Большой Евразии.

Ключевые слова: *Большая Евразия, водная безопасность, водные ресурсы России, водоёмкая продукция.*

Между «водными войнами» и наднациональным управлением международными бассейнами

Термин «водные войны» впервые прозвучал в 1985 г. в комментариях бывшего Генерального секретаря ООН Б.Б. Гали, который, оценивая перспективы конфликта на Ближнем Востоке, предположил, что следующая война на этой земле будет за воду. Затем, уже в 1990-е годы¹, это понятие вошло в политический словарь и, переключившись в журналистский словарь, стало одним из главных «ужастиков» наступавшего XXI в. В связи с тем, что толчком к развитию данной темы послужил именно арабо-израильский конфликт, первые научные работы по международной водной конфликтологии были посвящены ближневосточному урегулированию. Хорошо известно и высказывание 2000 г. по этому вопросу Кофи Аннана, также уже бывшего Генерального секретаря ООН, о том, что «усиливающаяся конкуренция за пресную воду может стать источником конфликтов и войн в будущем». Но уже год спустя он же озвучил иную точку зрения, а именно, что водные проблемы могут и должны стать источником сотрудничества².

Постепенно произошло изменение и теоретических подходов к водной проблеме. Как писал Т. Нафф, «в условиях ограниченности, она [вода] становится вопросом очень символическим, отравляющим, агрегированным, острым, существенным, сложным, с нулевой суммой, затрагивающим силу и престиж, а также склонным к конфликту и крайне сложным для разрешения»³. Громкая заявка, которая подняла тему водных вызовов на столь высокий уровень, звучала так, что в силу бес-

¹ Starr J.R. Water wars // Foreign policy. 1991. С. 17–36.

² Postel S.L. Dehydrating conflict / S.L.Postel, A.T. Wolf. Foreign Policy. 2001. Т. 126. September/October. С. 60–67.

³ Naff T. Sources of political conflict in the Persian Gulf: The water factor / Kemp G., Stein J.G. (ed.). Powder Keg in the Middle East: The Struggle for Gulf Security. Rowman & Littlefield, 1995.

прецедентного роста спроса на пресную воду в ближайшем столетии контроль над водными ресурсами станет объективной причиной для вооруженных конфликтов. При этом исходный тезис, что дефицит воды ведет к конфликту и, в крайней форме, к войне, не проверялся, а принимался научным и политическим сообществом как аксиома⁴.

Однако углублённое изучение водной проблематики заставило скорректировать данный подход. Уже в начале 2000-х годов предлагалось рассматривать водные конфликты более комплексно и многогранно, а не только через возможность возникновения вооруженных конфликтов⁵. Постепенно «водные войны» сменились такими понятиями как «международные конфликты», «конфликты разной степени интенсивности», «международные разногласия», а в научных работах стала ставиться под сомнение исходная предпосылка об объективной неизбежности водных войн.

«Экономизация» водной проблемы, теснейшая связь водопользования с вопросами устойчивого развития, международной конкуренции, балансом сил привели к тому, что трактовка водного вызова значительно расширилась. Исторический анализ (А. Вулфа, А. Теклаффа, П. Глика и др.), исследования наиболее проблемных бассейнов (Иордан, Евфрат, Нил, Инд), теоретический анализ с точки зрения основных теорий международных отношений – ни один из методов не позволял подтвердить такое качество воды как «причина международных войн»⁶. Это спровоцировало волну либеральных исследований, сконцентрировавших своё внимание на выгодах международного и регионального сотрудничества в водной сфере⁷, внедрении инстру-

⁴ Kalpakian J. Identity, conflict and cooperation in international river systems. Ashgate Publishing Ltd., 2003.

⁵ Furlong K. Hidden theories, troubled waters: International relations, the 'territorial trap', and the Southern African Development Community's transboundary waters // Political Geography. 2006. Т. 25. № 4. С. 438–458.

⁶ См., например Wolf A.T. Conflict and cooperation along international waterways // Water policy. 1998. Т. 1. № 2. С. 251–265; Gleick P.H. Water and conflict: Fresh water resources and international security // International security. 1993. С. 79–112.; Houdret A., Kramer A., Carius A. The water security nexus: challenges and opportunities for development cooperation. GTZ, 2010.

⁷ См., например, Sadoff C.W., Grey D. Beyond the river: the benefits of cooperation on international rivers // Water policy. 2002. Т. 4. № 5. С. 389–403; Giordano M.A., Wolf A.T. Sharing waters: Post-Rio international water management // Natural Resources Forum. Blackwell Publishing Ltd, 2003. Т. 27. № 2. С. 163–171; Blatter J. Reflections on water: New approaches to transboundary conflicts and cooperation / J.Blatter, H.M. Ingram (ed.). – MIT Press, 2001.

ментов комплексного управления водными ресурсами⁸, правовом регулировании⁹, создании международных режимов водопользования¹⁰.

Значительный вклад был сделан в исследование гуманитарных аспектов водной проблемы в развивающихся и наименее развитых странах. Наиболее продуктивным инструментом стали концепции виртуальной воды Дж. Аллана¹¹, или «водного следа» А. Хоекстры и А. Чапагейна¹², позволившие выделить водную составляющую в международной торговле и использовать её как инструмент урегулирования конфликтов или снижения напряжённости в вододефицитных регионах. Данные исследования способствовали тому, что постепенно вода стала рассматриваться как повод для международного конфликта, что, соответственно привело к всплеску интереса к различным формам дипломатического урегулирования водных споров¹³, технике ведения переговоров по природным ресурсам, стратегиям экономической кооперации.

Также в 1990-е годы на волне подъёма либерализма получил развитие целый ряд узкоспециализированных концепций, в том числе концепция ресурсов совместного пользования¹⁴, теории глобального управления¹⁵, эпистемиологические концепции¹⁶ и др. применительно к

⁸ Dombrowsky I. Integration in the management of international waters: economic perspectives on a global policy discourse // *Global Governance: A Review of Multilateralism and International Organizations*. 2008. Т. 14. № 4. С. 455–477.

⁹ Первые системные работы были созданы еще в середине XX века, однако оказались применимы и сегодня: Berber F.J. *Rivers in international law* / Stevens, 1959. № 46; Teclaff L.A. *The river basin in history and law* / Martinus Nijhoff, 1967. Также см. Caponera D.A. *Principles of Water Law and Administration: National and International*. 2nd edition / D.A. Caponera, M.Nanni. CRC Press, 1992. Т. 1; Rahaman M.M. *Principles of international water law: creating effective transboundary water resources management* // *Intern. Journ. of Sustainable Society*. 2009. Т. 1. № 3. С. 207–223; Lazerwitz D.J. *The Flow of International Water Law: The International Law Commission's Law of the Non-Navigational Uses of International Watercourses* // *Indiana Journ. of Global Legal Studies*. 1993. С. 247–271.

¹⁰ Одна из лучших работ по данной тематике – Lindemann S. *Understanding water regime formation—a research framework with lessons from Europe* // *Global Environmental Politics*. 2008. Т. 8. № 4. С. 117–140.

¹¹ Allan J.A. *The Middle East water question: Hydropolitics and the global economy*. I.B Tauris, 2002.

¹² Hoekstra A.Y., Chapagain A.K. *Water footprints of nations: water use by people as a function of their consumption pattern* // *Water resources management*. 2007. Т. 21. № 1. С. 35–48.

¹³ См., например, Джамалов Р.Г., Хасиев Р.С. *Современная водная дипломатия* // *Природа*. 2011. № 9. С. 44–51.

¹⁴ См., например, Ostrom E. *Governing the commons: The evolution of institutions for collective action*. Cambridge University Press, 1990.

¹⁵ Подробно см. Барабанов О.Н., Голицын В.А., Терещенко В.В. *Глобальное управление*. М.: МГИМО-Университет, 2006.

¹⁶ См., например, Bressers H., O'Toole L.J., Richardson J.J. (eds). *Networks for water policy: A comparative perspective* // *Psychology Press*. 1995. Т. 3. № 4.

глобальной водной проблеме, однако академическая популярность этих теорий в 1990-е годы несколько утратила по мере ренессанса государства на международной арене¹⁷. Эти концепции были направлены не на анализ водной проблемы в международных отношениях, а на поиск оптимального способа урегулирования международных разногласий в водной сфере. Более того, хотя предпосылка о военном потенциале водных конфликтов оставалась основной, большинство концепций предлагало в той или иной форме делегировать часть суверенных полномочий наднациональным структурам, ссылаясь на успешные примеры сотрудничества по европейским рекам в Европе (Рейн и Дунай). Однако попытки автоматически перенести европейский опыт в Африку или евразийские бассейны часто ограничивались теоретическими упражнениями.

Сторонники мрачных футурологических прогнозов периодически ссылались на водные бунты, вспыхнувшие в 1990-е годы в Боливии (печально знаменитая водная война в Кочабамбе¹⁸), Аргентине, Танзании, на Шри-Ланке и Филиппинах. И хотя всякий раз подчёркивалась, что причиной конфликта была экономическая ценность воды, игнорировался факт, что бунты были внутринациональными и обусловлены резкой приватизацией водного хозяйства и последовавшим за ней кратным повышением тарифов за воду в регионах с высокой долей бедного и нищего населения.

Безусловно, отсутствие водных войн как таковых в прошлом не означает их невозможности в будущем, однако приходится признать, что подобные войны не велись по целому ряду причин, а не только из-за меньшего давления со стороны спроса и относительно более низкой альтернативной стоимости воды.

Ряд диссертаций, защищённых в США в 1990-е годы, как раз доказывали, что недостаток воды не становится причиной для конфликта даже в наиболее проблемных с этой точки зрения регионах. В качестве интересного примера можно привести работу, в которой идея «водных войн» в условиях растущего спроса тестировалась в форме, доведённой до абсолюта: «в случае острой засухи страны, конкурирующие за использование международных водных ресурсов, должны

¹⁷ Караганов С.А. Возвращение геополитики прошлого не отменяет будущего // Ведомости. 10 апреля 2013. Режим доступа: [URLhttp://www.vedomosti.ru/opinion/news/10971761/vozvrashchenie_geopolitiki](http://www.vedomosti.ru/opinion/news/10971761/vozvrashchenie_geopolitiki)

¹⁸ Самая известная работа по истории водного бунта в Кочабамбе – Olivera O., Lewis T. Cochabamba: water war in Bolivia. South End Press, 2004.

идти на обострение конфликта»¹⁹. Исследование методом кейс-стади опровергло гипотезу, и более того, подтвердило альтернативную гипотезу: в период засух наблюдался всплеск сотрудничества между государствами. То-есть когда речь идёт о выживании населения, главная функция государства – экономическое развитие – отходит на второй план. Данное исследование, однако, не может считаться полноценным опровержением концепции «водных войн».

В книге Дж. Калпакиан²⁰, представляющей новаторское исследование, на трёх региональных примерах (Нил, Евфрат и Инд) доказывается и вовсе обратная гипотеза, что водные противоречия не приводят к международным конфликтам, в то время как международные конфликты ведут к обострению водных противоречий. Помимо достаточно классических для водных исследований показателей (гидрологические характеристики бассейна, структура водозабора, режимы водопользования, политические и военные конфликты в регионе) используется категория национальной идентичности. В данную категорию попадают и исторические противоречия между странами бассейна. В результате автор приходит к выводу, что страны никогда не воюют за воду как таковую, а причинами войн становятся, так или иначе, элементы идентичности государств.

Однако такой подход оставляет вопрос: насколько возможны водные конфликты с участием стран, у которых вода (чаще в форме реки) является частью и исторической основой национальной идентичности²¹. Примером такого государства можно считать Ирак, основывающий свою современную идентичность в большой степени на истории Древней Месопотамии. Безусловно, неотъемлемой частью той древней культуры и идентичности были Тигр и Евфрат. Отчасти схожая ситуация наблюдается сегодня в Узбекистане, для которого культура хлопководства и связанная с этим потребность в регулярной ирригации также представляет собой важный элемент национальной идентичности. Египет на протяжении тысячелетий неразрывно связывает своё господство на реке с собственной государственностью. В целом, тезис о роли идентичности как причине войны можно считать спорным, но причин-

¹⁹ Hamner J.H. Until the well is dry: International conflict and cooperation over scarce water resources. Ph.D. Thesis. Emory University, 2008.

²⁰ Kalpakian J. Identity, conflict and cooperation in international river systems. Ashgate Publishing Ltd., 2003.

²¹ Blatter J., Ingram H.M. (ed.). Reflections on water: New approaches to transboundary conflicts and cooperation. MIT Press, 2001.

но-следственная связь между водным и международным конфликтами иллюстрируется в работе Дж. Калпакиана весьма убедительно.

Более чем за 20 лет, прошедших со считающейся очень успешной Международной конференции по водным ресурсам и окружающей среде в Дублине (МКВРОС)²² и Конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро (КООНОСР) в 1992 г., организованных под патронажем ООН, дебаты о водной проблеме и международная реальность по-прежнему расходятся в ключевых понятиях. *Водный кризис пока связан с вопросами неравномерного распределения воды, плодородных земель, человеческих, энергетических и финансовых ресурсов, а не с её абсолютным дефицитом.*

Однако дискуссии о влиянии водного вызова на развитие и безопасность по-прежнему часто ведутся в понятиях физического дефицита воды²³, что сильно ограничивает внешнеполитический инструментарий того или иного государства и снижает эффективность государственной политики в данном направлении. Несмотря на внимание политической элиты, экспертного сообщества и бизнеса как в развитых, так и в развивающихся странах, проблему не удаётся даже купировать, не говоря уже о её решении. Проблема значительно шире, главным образом, в силу незаменимости пресной воды для жизни людей, их безопасности, развития экономики и, таким образом – функционирования самих государств. Из этого возникает ряд особенностей управления водными ресурсами, которые определяют характер межгосударственной конкуренции за воду на современном этапе.

Водные вызовы Большой Евразии

Бассейны Тигра и Евфрата также были на протяжении последних шести десятилетий источником международной напряжённости, во многом потому, что Турция активно использовала своё выгодное местоположение на реках как политический инструмент в отношениях с соседями²⁴. Зависимость Сирии и Ирака от Турции характеризовалась словами «Бог нас одарил водой, а арабам дал нефть»²⁵. Проект по

²² Куденева Ю.С. Деятельность международных организаций в сфере использования чистой питьевой воды // Вест. МГИМО ун-та. 2011. № 2.

²³ Priscoli J.D. Reflections on the nexus of politics, ethics, religion and contemporary water resources decisions // Water Policy. 2012. Т. 14. С. 21.

²⁴ Белозёров В. Страсти по воде // Россия в глобальной политике. 2009. № 3.

²⁵ Doré C. L'or bleu-un enjeu planétaire // Le Figaro Magazine. 2004. 21 aout.

строительству плотин и водохранилищ «Восточная Анатолия», реализуемый сегодня в Турции, может усилить существующие противоречия, так как ожидается, что Турция увеличит водозабор из Евфрата. Однако драматичная история гражданских войн в Ираке и Сирии в последние годы убедительно доказывают, что люди пока воюют за религию, идентичность²⁶, за власть – но не за развитие, а страны, как писал Ганс Моргентау, по-прежнему борются за «власть и престиж»²⁷.

Регионы мира, ожидающие наибольшие по масштабам противоречия по водным вопросам – это Восточная, Юго-Восточная и Южная Азия, которые сейчас полностью, за редкими исключениями, подвержены новому типу водного кризиса – аграрно-урбанистическому. Азия уже стала мировым экономическим полюсом роста, параллельно происходит и формирование политического полюса. При этом между всеми крупными странами региона усиливается конкуренция за политическое влияние, а «средние» державы выстраивают собственную политику, отталкиваясь от этой конкуренции²⁸. В результате экономических, демографических и политических процессов, имевших место в последние полвека, в Азии практически не осталось крупных международных рек, использование которых не стало бы причиной или поводом для международных разногласий.

Крупнейшая держава региона – Китай, расположена сверху по течению практически всех международных рек, протекающих по его территории (только Тибет обеспечивает Китаю контроль над 85% стока всей Юго-Восточной Азии). Ради обеспечения собственного экономического роста КНР постоянно увеличивает водозабор, строит новые плотины для выработки электроэнергии и отводит воду по искусственным каналам для развития вододефицитных провинций. При этом вода приходит с китайской территории сильно загрязнённой, а сброс воды в водохранилищах по «энергетическому», а не «ирригационному» графику приводит к нарушению водного цикла в странах, расположенных ниже по течению.

В результате остро встаёт вопрос использования водных ресурсов рек Брахмапутра, Меконг, Чёрный Иртыш и Амур. Ситуацию усугу-

²⁶ Kalpakian J. Identity, conflict and cooperation in international river systems. Ashgate Publishing Ltd., 2003.

²⁷ Morgenthau H. Politics among nations. The struggle for power and peace. New York: Alfred Knopf, 1955.

²⁸ Караганов С.А., Бордачев Т.В., Братерский М.В., Демидова М.С. Азиатский многоугольник. Конфликтность и потенциал интеграции / Под ред. С.А. Караганова. М.: Издат. дом ГУ-ВШЭ, 2007.

бляет то, что противоречия по рекам Брахмапутра и Меконг в большой степени связаны с более широкой политической и экономической конкуренцией Китая, Индии и АСЕАН в регионе, а также историческими противоречиями между странами.

На фоне сформировавшихся в последние годы беспрецедентно благоприятных российско-китайских отношений водные противоречия пока не выводятся на официальный уровень, однако все признаки нарастания этих противоречий очевидны. Строительство каналов у истоков Иртыша на территории Китая многократно увеличивает его водозабор (уже в 3,5 раза, до 5 млн км³), затем большие объёмы воды забирает Казахстан. В результате под угрозой оказывается экологическая ситуация на территории России: город-миллионник Омск ощущает всё более серьёзные последствия от того, что река сильно мелеет, растёт потребность в строительстве дополнительных резервуаров для обеспечения бесперебойных поставок воды на электростанции, заводы и объекты муниципальной инфраструктуры. Проблемы с Амуром, самой протяжённой в мире речной границей, связаны с вопросами загрязнения реки и антропогенного изменения русла.

Помимо китайских рек, регион сталкивается с регулярными индо-пакистанскими конфликтами из-за использования вод Ганга. После обретения независимости страны пережили три войны. На этом фоне необходимость организовать новую систему водозабора из Ганга представлялась серьёзнейшим вызовом, как для развития Пакистана, так и северо-западных районов Индии. Пакистан, благодаря возможности в течение десяти лет пользоваться водой из старых отводных каналов с индийских участков реки, построил новую сеть каналов, что несколько снизило остроту противоречий. Однако в последнее время на фоне обострения индо-пакистанских разногласий возобновились опасения о непрочности данного примирения ²⁹.

Однако несмотря на тревожные предпосылки многочисленные исследования показывают, что войны за воду как таковую – маловероятный вариант развития событий. Как заключает А.Вульф, «не было ни одного примера международных военных действий, направленных исключительно на получение контроля над водными объектами. Большинство конфликтов, касающихся водных объектов как таковых носили внутри-

²⁹ Sinha U.K., Gupta A., Behuria A. Will the Indus Water Treaty Survive? // Strategic Analysis. 2012. Т. 36. № 5. С. 735–752.

национальный характер»³⁰. Вульф доказывает, что географический масштаб и интенсивность водного конфликта обратно пропорциональны. Статистически это подтверждает и преобладание национальных конфликтов над международными. И в рамках этих конфликтов – небольших, но ожесточённых столкновений в деревнях и маленьких городах³¹.

Новые режимы

Международные войны за воду как таковую со второй половины XX в. не велись и даже вооружённые столкновения, в ходе которых установление контроля над объектами водоснабжения было целью, всегда происходили в рамках общего политического противостояния между странами. Однако есть веские основания опасаться, что уже в ближайшие годы интернационализация ряда бассейнов (например, Нила в связи с разделением Судана) и сепаратистские тенденции во многих странах резко усилят международное «звучание» водных проблем.

Односторонние решения государств по строительству плотин или каналов, резко меняющие распределение воды в бассейне, также будут учащаться – для развития водodefицитных территорий странам всё чаще приходится перебрасывать большие объёмы воды на дальние расстояния. Все эти факторы будут негативно сказываться на уровне региональной безопасности.

Снижение же конфликтности в международных водных бассейнах напрямую связано с повышением альтернативной стоимости водных ресурсов и встраивании водной проблематики в широкий контекст региональной интеграции и международной конкуренции. Для «нижних» государств это заключается в возможности влиять на водозабор «верхних» стран, предлагая им не только плату за воду как таковую, но и целый пакет взаимобязывающих инициатив.

Страны, расположенные выше по течению, априори оказываются в более выгодной позиции, однако и для них создание и укрепление определённого международного режима создаёт политический ресурс,

³⁰ Wolf A.T. Conflict and cooperation along international waterways // *Water policy*. 1998. Т. 1. № 2. С. 251–265.

³¹ Подробнее см. Williams M. Privatization and the Human Right to Water: Challenges for the New Century // *Mich. Journ. Int'l L.* 2006. Т. 28. С. 469; Page B. Paying for water and the geography of commodities // *Transactions of the Institute of British Geographers*. 2005. Т. 30. № 3. С. 293–306.

значительно более важный, чем угрозы перекрытия или ограничения стока. Таким образом, расширение внешнеполитического инструментария и возможности государств его использовать, возросшая множественность ресурсов, ведут к тому, что самоценность отдельного ресурса может сокращаться, тем самым, снижая остроту межгосударственной конкуренции за ресурс³², в данном случае – воду.

Водные вопросы Большой Евразии в контексте российских национальных интересов

Концепция национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. не выделяет конкретные угрозы, связанные с международными водными бассейнами, даже в части экологии. В целом, параграф об экологической безопасности – самый короткий в Концепции, состоит из четырёх подпунктов, не рассматривает отдельно безопасность водных систем и не акцентирует внимание на мероприятиях по противодействию загрязнениям международных водотоков. Тем не менее, такие угрозы существуют.

Амур, самая длинная речная граница в мире, протяжённостью 2 824 км, разделяет Россию и Китай. Это единственная крупная река в мире, в основном русле которой нет ни одной плотины³³, и страны имеют возможность контролировать полноводные притоки, но не общее русло. Основная угроза для России связана с высоким уровнем загрязнений китайских притоков, которые наносят прямой вред российским городам, стоящим на Амуре, и всей экосистеме реки.

Самой крупной аварией, привлёкшей внимание широкой общественности, стал выброс химических отходов в Сунгари 13 ноября 2005 г. Хотя даже тогда российские власти не запрашивали компенсацию ущерба, китайская сторона предоставила питьевую воду и оборудование для нейтрализации химического загрязнения³⁴. Однако, по

³² Лебедева М.М. Ресурсы влияния в мировой политике // Полис. 2014. № 1. С. 99–108.

³³ В 1960-е годы был разработан советско-китайский план развития гидроэнергетического потенциала Амура, однако после разрыва отношений проект был заморожен. Делались попытки оживить его в 1986 г., затем в 1991 г. было заключено Соглашение о совместном развитии гидроэнергетического потенциала на Амуре, однако после развала СССР к проекту так и не вернулись. Подробнее см. Базу международных соглашений Университета штата Орегон.

³⁴ Vinogradov S., Wouters P. Can the Dragon and Bear Drink from the Same Well? Examining Sino-Russian Cooperation on Transboundary Rivers Through a Legal Lens // Journ. of Water Law. 2013. № 4. V. 23. С. 95–107.

мнению экспертов, системной проблемой реки стали не аварии как таковые, а ежедневная деятельность китайских предприятий, сбрасывающих отходы в реку без необходимой нейтрализации и очистки³⁵. Итогом аварии на р. Сунгари стало то, что китайское правительство запустило в феврале 2006 г. национальный план реагирования на экологические катастрофы, а Россия усилила экологический мониторинг реки. Позднее, 29 января 2008 г. было подписано Соглашением о рациональном использовании и охране трансграничных вод, а также учреждена Совместная российско-китайская комиссия по рациональному использованию и охране трансграничных вод. Несмотря на предложенные в Соглашении шаги по созданию совместной системы информирования и предупреждения экологических загрязнений, подтверждении сторон поддерживать в надлежащем состоянии существующие гидротехнические и иные сооружения, в договоре отсутствует механизм санкций, что значительно снижает его эффективность.

Вторая угроза связана с особенностью русла Амура: у реки подвижный фарватер и согласно нормам международного права в таком случае граница проходит не по середине реки, а по фарватеру. Китай искусственно меняет русло, разрабатывая песчаные карьеры на своем берегу. Поскольку на фоне беспрецедентно благоприятных отношений между Россией и Китаем местные власти не протестуют на официальном уровне, им приходится применять односторонние адаптационные механизмы: бетонировать российский берег у некоторых крупных городов, возводить дамбы и, тем самым, пытаться смягчить эффект.

Проблема Иртыша имеет другую природу: на реке последовательно расположены Монголия, Китай, Казахстан и Россия. В рамках государственной программы развития северо-западных территорий Китай построил два отводных канала на своей территории (протяжённостью 380 км), что привело к резкому падению уровня воды, поступающей в Россию. В частности, от обмеления реки уже страдает Омск³⁶. Ситуация с Иртышом усугубляется тем, что из Китая река попадает в Россию не напрямую, а минуя Казахстан, и Китай блокирует любые варианты двусторонних или трёхсторонних переговоров по Иртышу с Россией, ограничиваясь только межведомственной комиссией с Казахстаном.

³⁵ Там же.

³⁶ Подробнее см. Джамалов Р.Г., Хасиев Р.С. Современные проблемы водного треугольника: Россия – Китай – Казахстан // Природа. 2012. № 4. С. 3–10.

В целом, сегодня водные ресурсы как инструмент внешней политики рассматриваются Россией в меньшей степени, чем в других странах, обладающих большими запасами пресной воды, но маловероятно, что это сможет продолжаться длительное время. В этой связи, ряд российских экспертов предлагает такие меры как создание систем комплексного управления водными ресурсами с приграничными странами³⁷, разработку программы мер по созданию цивилизованного международного рынка пресной воды³⁸, урегулирование приграничных споров, включающих водные ресурсы³⁹, содействие урегулированию водно-энергетической проблемы в Центральной Азии⁴⁰ и другие. Безусловно, все указанные меры окажут положительное влияние на уровень региональной безопасности и могут способствовать снижению проблемы дефицита воды как гуманитарного вызова. Хотя с точки зрения международного позиционирования России представляется важной и стратегически выгодной активная политика по использованию национальных запасов пресной воды для усиления своего влияния в мире.

Водные ресурсы как источник международного влияния России

Парадоксально, но Россия – одна из немногих стран мира, где водный фактор пока не ощущается обществом как структурный. В современном мире это означает только то, что мы отстаём в осознании этого факта и выборе оптимальной стратегии при наличии явных конкурентных преимуществ. Последствия такой недальновидности предсказать не трудно: как пишет А.В. Торкунов, «изоляция от глобальных процессов... даже частичная, неизбежно оборачивается падением конкурентоспособности, отставанием и, соответственно, оттеснением страны на мировую периферию»⁴¹. Уже в Концепции национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., принятой 12 мая 2009 г., прямо гово-

³⁷ Чернявский С.И. Россия и современная гидрополитика // Вест МГИМО ун-та. 2011. № 2.

³⁸ Проблемы пресной воды. Глобальный контекст политики России. Экспертно-аналитический доклад. Под ред. А.В. Торкунова. Ин-т международных исследований МГИМО (У) МИД России, 2011.

³⁹ Нестерова И.Е. Межгосударственное взаимодействие по проблеме трансграничных рек в контексте глобального управления. Диссертация. Санкт-Петербург, 2013.

⁴⁰ Назаров В.П. О некоторых международных проблемах водопользования в мире и угрозах национальной безопасности России // Право и безопасность. 2010. № 2. С. 30–34.

⁴¹ Торкунов А.В. Мир становится другим // Мир и политика. 2009. № 1.

рится о возможностях, открывающихся перед Российской Федерацией на фоне новых экологических вызовов: «усиление влияния экологических факторов, рост дефицита пресной воды и изменение климата ... создает дополнительные возможности для России, имеющей огромные запасы пресной воды и экологически благополучные территории».

Однако в Водной стратегии РФ до 2020 г., принятой всего три месяца спустя, 27 августа 2009 г., международная составляющая ограничивалась всего двумя пунктами: о развитии трансграничных отношений и международном сотрудничестве. В частности, речь шла о дальнейшем создании двухсторонней и многосторонней договорной базы о совместном использовании и охране трансграничных водотоков, в частности в отношении рек Самура, Немана и Западной Двины; и в сфере международного сотрудничества представлялось необходимым «добиться усиления роли Российской Федерации в решении глобальных проблем в области охраны и использования водных ресурсов путём активизации участия в деятельности международных организаций, занимающихся проблемами водопользования, в рамках деятельности Содружества Независимых Государств, Шанхайской организации сотрудничества и Евразийского экономического сообщества, принимать более активное участие в решении водохозяйственных проблем Центральной Азии»⁴². В ФЦП «Чистая вода», ФЦП «Развитие водохозяйственного комплекса РФ в 2012–2020 годах» фокус делался только на качество водных ресурсов и развитие инфраструктуры: хозяйственный подход преобладал над системным.

Предвыборная статья В.В. Путина в 2012 г. стала первым программным текстом в современной российской истории, в котором было сказано о важности торговли водоёмкой продукцией и подчеркнута понимание нового структурного воздействия водного дефицита на мировые политико-экономические процессы⁴³.

Несмотря на важность урегулирования вопросов трансграничного водопользования, стратегические возможности лежат для России именно на рынке глобальной и региональной торговли водоёмкой продукцией, уже в силу того, что на фоне усиливающегося дефицита воды, пахотных земель и энергии как в развитых, так и в развивающихся странах, Россия обладает наибольшим потенциалом для раз-

⁴² Водная стратегия России до 2020 г.

⁴³ Путин В.В. Россия и меняющийся мир // Московские новости. 27 февраля 2012 г.

вития как сельского хозяйства, так и водоёмких производств: целлюлозно-бумажных, нефтехимических, металлургических.

Хотя эти производства действуют в России и сегодня, их продукция часто оказывается неконкурентоспособной на мировых рынках, либо эти предприятия ограничиваются экспортом «полуфабрикатов», продавая воду с минимальной добавленной стоимостью. Речь должна идти о циклах высокой степени переработки, позволяющих использовать российские конкурентные преимущества в наибольшей степени: и водные ресурсы, и пахотные земли, и полезные ископаемые, и доступ к различным источникам энергии.

В этой связи целесообразно ориентировать государственную политику на привлечение в отдельные регионы стратегических иностранных инвесторов, способных и готовых внедрять в сельское хозяйство новейшие технологии, а не останавливаться на выращивании первичного сырья для переработки за рубежом. Пока данная схема применяется относительно эффективно только в европейской части России с участием европейских инвесторов. При этом обязательным условием эффективного развития водоёмких производств на Дальнем Востоке России является экспорт в несколько стран Азии – тогда можно говорить об использовании водных ресурсов как стратегического политического ресурса. В противном случае это будет примитивный экспорт минимальной степени переработки, в интересах одного покупателя и на невыгодных России условиях.

Заключение

Подводя итог, отметим ключевые направления российской политики, которые могут стать ощутимым стабилизатором водных вызовов в Большой Евразии и в то же время содействовать обеспечению российских национальных интересов.

1. Последовательное освоение потенциала торговли виртуальной водой, прежде всего, ориентируясь на рынки Восточной и Юго-Восточной Азии. Производство продуктов питания в России требует больше воды, чем в вододефицитных странах Юго-Восточной Азии, однако в силу значительных запасов пресной воды, не включённых в экономическую деятельность в России, и практически полного отсутствия таких водных резервов в Китае, Японии, Корее, Индии, для региона в целом переориентация на российскую продукцию станет шагом к устойчивому развитию и повышению региональной водной и продовольственной

безопасности⁴⁴. Развитие экспортных водоёмких производств и региональной торговли гидроэнергетикой – наше очевидное конкурентное экономическое преимущество. Превращение России в гаранта продовольственной безопасности азиатских стран резко укрепит политические позиции России в регионе, а в глобальном масштабе может стать шагом к усилению многополярности, поскольку сейчас большая часть глобальной торговли продуктами питания и зерновыми контролируется четырьмя западными компаниями. Оспорить это лидерство пытаются Китай, Саудовская Аравия, но внутренние ресурсы для этого есть именно у России. А развитие торговли гидроэнергией с соседними странами будет способствовать купированию приграничных водных конфликтов.

2. Недопустимость торговли физической водой, т.е. реализация проектов по повороту сибирских рек, водопроводу из Байкала в Китай и т.д. Это продажа без добавленной стоимости ценнейшего товара, стоимость которого со временем будет только увеличиваться, с непредсказуемыми экологическими эффектами и потенциально высокой коррупционной составляющей.

3. Минимизация отрицательных внешних эффектов от использования международных водотоков, в которых Россия расположена ниже по течению или имеет общее русло (Амур). Уже принятые в этой связи меры в отношении ситуации с Амуром и Иртышем должны быть подкреплены дальнейшим укреплением институтов совместного мониторинга и выработкой санкционного механизма для стран бассейна⁴⁵.

4. Создание системы противодействия стихийным бедствиям, особенно наносящим урон водному хозяйству. Наводнения на Дальнем Востоке летом 2013 г., в Южной Сибири в мае 2014 г. хотя и стали наиболее разрушительными за последние 100 лет, с высокой вероятностью будут учащаться. Нашу страну не обходит глобальное изменение климата, следствием которого является рост числа и масштаба стихийных бедствий. Необходима разработка и внедрение комплекса адаптивных мер при планировании развития сельского хозяйства и гидроэнергетики на крупных сибирских реках.

⁴⁴ Likhacheva A., Makarov I. Virtual water of the Russian Far East for Asia-Pacific: Local Efficiency Vs Regional Sustainability [Электронный ресурс] // WP BRP Series: International Relations. 2014. № 10/IR/2014. С. 1–28. Режим доступа: URL <http://www.hse.ru/data/2014/12/11/1104913899/10IR2014.pdf>

⁴⁵ Интервью с Дмитрием Кирилловым, директором Департамента государственной политики и регулирования в области водных ресурсов [Электронный ресурс] // Радио Эхо Москвы, программа «Водная среда». 19.02.2014. Режим доступа: URL <http://www.echo.msk.ru/programs/vodnayasreda/1261398-echo/#element-text>

Воссоединение хартленда: геополитическая химера или исторический шанс?

© 2019 г. А.В. Кортунов

Российский совет по международным связям, Москва, Россия

Heartland reunion: geopolitical chimera or historical chance?

A.V. Kortunov

Russian International Affairs Council, Moscow, Russia

akortunov@russiancouncil.ru

Anyone who has at least some idea about the theory of international relations should remember the oft-quoted formula put forward by the father of British geopolitics, Halford Mackinder: “Who rules the Heartland commands the World-Island; who rules the World-Island commands the world.” For those who are sceptical about geopolitical constructs and terminology, this logical chain may seem like a meaningless shamanic incantation. Over the course of a century, “Mackinder’s formula” was repeatedly criticized, corrected, repudiated, anathematized, parodied and ridiculed. And yet, strange as it may seem, not only has this formula survived an entire century, but it is also perhaps more relevant today than it was a hundred years ago. Of course, the question hinges on how we understand the concept of Heartland. Mackinder interpreted it as the geographical centre of Eurasia, or, more precisely, as the massive central and north-eastern part of the Asian continent, which on the whole coincided with the Asian areas ruled by the Russian Empire and the Soviet Union. Today, it seems obvious that the “Eurasian core” must be sought south of the harsh, poorly developed and scarcely populated Siberian plains and barren deserts of Central Asia. Just like in the days of Mackinder, Siberia and Central Asia remain repositories of raw materials and energy resources. Just like before, these lands may be considered the “great natural fortress” of the land peoples, adjusted for the new arsenal of means of projecting military power that appeared in the 20th century. However, these lands did not become a true “axis of history”: contrary to Mackinder’s prophecies, their transport infrastructure remained incomplete and disconnected, while their role in the development of the Eurasian continent over the past 100 years has shrunk rather than grown. At the risk of incurring the righteous indignation of the current geopolitical orthodox, let us postulate that the Eurasian Heartland of the 21st century is actually what Mackinder saw as the “inner crescent.” Primarily China and India, in relation to which the rest of the Eurasian massif – Russia, Central Asia, Southeast Asia, the Middle East and even the extended European peninsula of the Asian mainland – act as continental limitrophe states. Despite the undeniable significance of these border states to European history, poli-

tics, economics and security, the fate of Europe depends primarily on how relations in the new Heartland (that is, between China and India) unfold. And the future of the whole world to a great degree depends on the fate of Eurasia. This is one of Mackinder's main points, and it is by no means outdated.

Key words: *China, geopolitics, Heartland, India, Mackinder, Russia.*

Каждый, кто имеет хоть какое-то представление о теории международных отношений, должен помнить хрестоматийную формулу отца британской геополитики Хэлфорда Маккиндера: «Кто владеет Хартлендом, тот владеет Мировым островом, кто владеет Мировым островом, тот владеет миром». Для тех, кто скептически относится к геополитическим конструкциям и геополитической терминологии, эта логическая цепочка звучит как бессмысленное шаманское заклинание. На протяжении столетия «Формулу Маккиндера» многократно критиковали, корректировали, опровергали, предавали анафеме, пародировали и высмеивали. Но, как ни странно, эта формула не только пережила целое столетие, но, пожалуй, сегодня выглядит более актуальной. Весь вопрос в том, как понимать этот самый «Хартленд». Маккиндер трактовал его как географический центр Евразии, вернее – как массивную центральную и северо-восточную часть азиатского континента, в целом совпадающую с азиатскими владениями Российской империи и Советского Союза. В наши дни представляется очевидным, что «евразийскую сердцевину» надо искать южнее суровых, плохо освоенных и слабо заселенных сибирских пространств и бесплодных пустынь Центральной Азии. Как и во времена Маккиндера, Сибирь и Центральная Азия остаются кладовыми сырьевых и энергетических ресурсов. Но истинной «осью истории» эти земли так и не стали – их транспортная инфраструктура, вопреки пророчествам Маккиндера, осталась незавершенной и разьединенной, а их роль в развитии евразийского континента на протяжении последних ста лет скорее сокращалась, чем возрастала. Евразийский Хартленд XXI века находится там, где Маккиндер видел «Внутренний полумесяц». В первую очередь, на территориях Китая и Индии, по отношению к которым остальные части евразийского массива – Россия, Центральная Азия, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток и даже протяженный европейский полуостров азиатского материка – выступают в роли континентальных лимитрофов. При всем неоспоримом значении этих лимитрофов в евразийской истории, политике, экономике и безопасности, судьбы Евразии зависят в первую очередь от того, как сложатся отношения в новом Хартленде – между Китаем и Индией. А от того, какой окажется судьба Евразии, в немалой степени зависит будущее всего мира – в этом главном пункте Маккиндер нисколько не устарел.

Ключевые слова: *геополитика, Индия, Китай, Маккиндер, Россия Хартленд.*

Каждый, кто имеет хоть какое-то представление о теории международных отношений, должен помнить хрестоматийную формулу отца британской геополитики Хэлфорда Маккиндера: «Кто владеет

Хартлендом, тот владеет Мировым островом, кто владеет Мировым островом, тот владеет миром». Для тех, кто скептически относится к геополитическим конструкциям и геополитической терминологии, эта логическая цепочка звучит как бессмысленное шаманское заклинание. На протяжении столетия «Формулу Маккиндера» многократно критиковали, корректировали, опровергали, предавали анафеме, пародировали и высмеивали. Но, как ни странно, эта формула не только пережила целое столетие, но, пожалуй, сегодня выглядит более актуальной.

Конечно, весь вопрос в том, как понимать этот самый «Хартленд». Маккиндер трактовал его как географический центр Евразии, вернее – как массивную центральную и северо-восточную часть азиатского континента, в целом совпадающую с азиатскими владениями Российской империи и Советского Союза. В наши дни представляется очевидным, что «евразийскую сердцевину» надо искать южнее суровых, плохо освоенных и слабо заселённых сибирских пространств и бесплодных пустынь Центральной Азии. Как и во времена Маккиндера, Сибирь и Центральная Азия остаются кладовыми сырьевых и энергетических ресурсов. Как и раньше, эти земли можно считать «великой природной крепостью» народов суши – с поправкой на новый арсенал средств проекции военной мощи, возникший в XX в. Но истинной «осью истории» эти земли так и не стали – их транспортная инфраструктура, вопреки пророчествам Маккиндера, осталась незавершённой и разъединённой, а их роль в развитии евразийского континента на протяжении последних столетий скорее сокращалась, чем возрастала.

Рискуя навлечь на себя праведный гнев нынешних ортодоксов геополитики, выскажем предположение: евразийский Хартленд XXI века находится там, где Маккиндер видел «Внутренний полумесяц». В первую очередь, на территориях Китая и Индии, по отношению к которым остальные части евразийского массива – Россия, Центральная Азия, Юго-Восточная Азия, Ближний Восток и даже протяжённый европейский полуостров азиатского материка – выступают в роли континентальных лимитрофов. При всём неоспоримом значении этих лимитрофов в евразийской истории, политике, экономике и безопасности, судьбы Евразии зависят в первую очередь от того, как сложатся отношения в новом Хартленде – между Китаем и Индией. А от того, какой окажется судьба Евразии, в не-

малой степени зависит будущее всего мира – в этом главном пункте Маккиндер несколько не устарел.

Предпосылки консолидации

Казалось бы, принципиальных препятствий для консолидации Хартленда не существует: по большинству важнейших международных вопросов интересы Пекина и Дели совпадают. Между Китаем и Индией вообще много общего. Обе страны – каждая в своём роде – представляют собой исторически устойчивые и внутренне целостные альтернативы атлантической цивилизации. Китай и Индия – две важнейшие, наряду с арабским Востоком (и, в меньшей степени – с Тропической Африкой к югу от Сахары), мировые точки кристаллизации понятия «не-западного» мира. Усиление Китая и Индии – наиболее значимые проявления завершения «западного» этапа в развитии системы международных отношений.

Обе страны находятся в настоящее время в стадии долгосрочного экономического и культурно-цивилизационного подъёма, являясь мощными драйверами экономического роста не только евразийского, но и глобального масштаба. Обе до конца не преодолели глубокую травму национального сознания, связанную с их ущербным статусом в мировой политике XIX–XX вв., и эта травма продолжает оказывать воздействие на доминирующие в Китае и Индии исторические нарративы и вытекающие из этих нарративов внешнеполитические амбиции. Пекин и Дели являются «ревизионистскими» игроками на мировой арене – в том смысле, что и Китай, и Индия заинтересованы в пересмотре старых правил игры, отражающих преимущественные интересы «коллективного Запада». Китай ведёт экономическое и финансовое наступление по широкому фронту – от Центральной Европы до Латинской Америки, Индия, отставая от Китая во внешнеэкономической экспансии, пытается уравняться с ним политически, претендуя на место постоянного члена Совета Безопасности ООН.

Обе страны подвержены всем стандартным «болезням роста» – негативным побочным эффектам быстрого экономического и социального взросления. Как в Китае, так и в Индии остро стоят проблемы экологии и дефицита природных ресурсов, растёт социальное неравенство, присутствует масштабная коррупция, имеются очаги

сепаратизма и терроризма. И в Китае, и в Индии есть конфликт между силами модернизации и силами традиционализма. И здесь, и там ревностно относятся к понятию «национального суверенитета» и болезненно реагируют на любые попытки вмешательства в свои внутренние дела. И здесь, и там задаются вопросы относительно устойчивости нынешних моделей социально-экономического развития, есть опасения и пророчества неизбежности грядущих кризисов и потрясений.

Исторически отношения между Индией и Китаем всегда были менее конфликтными, чем, скажем, отношения между исламским и христианским миром на западе евразийского континента. В каком-то смысле справедливо говорить не только об экономической, культурной и духовной совместимости двух древних цивилизаций, но и об их глубоком взаимном проникновении и даже о взаимном дополнении. Примеров тому найдётся сколько угодно – от эпической истории Великого шёлкового пути до не менее грандиозной хроники распространения буддизма в Восточной Азии. В сущности, консолидация китайско-индийского Хартленда означала бы не создание чего-то принципиально нового, а лишь естественное воссоединение разорванной Евразии, восстановление не так давно утраченного континентального единства.

Таким образом, объективные предпосылки для консолидации нового Хартленда существуют. Стоит добавить, что при всех сложностях и неизбежных тактических потерях, такая консолидация, несомненно, отвечала бы долгосрочным интересам обеих стран. Реализация совместного китайско-индийского проекта способствовала бы стабилизации геополитической обстановки на всём огромном евразийском пространстве, открыла бы принципиально новые возможности для трансконтинентального сотрудничества в самых разных сферах.

Проводя историческую параллель с послевоенной Западной Европой, уместно вспомнить об историческом французско-германском примирении, благодаря которому был запущен процесс европейской интеграции. В свою очередь, именно Германия и Франция в конечном счёте оказались в числе главных бенефициаров интеграционного процесса: политическая воля и готовность к компромиссам, проявленные лидерами в Париже и Бонне, многократно окупилась в последующие десятилетия.

Многочисленные выгоды консолидации евразийского Хартленда слишком очевидны, чтобы не стать предметом размышлений стратегов по обе стороны Гималаев. И тем не менее, Китай и Индия явно не спешат воспользоваться открывающимися перед ними возможностями. Отношения Пекина и Дели на протяжении, как минимум, последних шести десятилетий чаще развиваются в формате соперничества, чем в формате сотрудничества, причём неоднократно это соперничество переходило в стадию прямой конфронтации. В чём здесь дело – в субъективных ошибках руководства, в личных амбициях лидеров, в происках внешних сил или в трагических случайностях истории? Или же существуют какие-то объективные «обстоятельства непреодолимой силы», препятствующие консолидации нового Хартленда?

Измерения евразийского раскола

Начнём с общеизвестного – две страны представляют собой два очень разных государственных образования. Между современными Китаем и Индией больше различий, чем было между Францией и Германией полвека назад. Хотя Китай находится гораздо дальше от Европы, чем Индия, он в целом гораздо больше похож на национальное государство европейского типа. При наличии значительных национальных меньшинств и очень существенных региональных различиях, этнические китайцы (ханьцы) представляют собой единую нацию и составляют более 90% населения страны. Из 34 провинций Китая, включая автономные районы и города центрального подчинения, лишь Тайвань по понятным причинам выпадает из единой вертикали власти.

В Индии нет доминирующей нации, по своей этнокультурной и языковой пестроте индийский субконтинент похож не столько на отдельное европейское государство или на Китай, но на Европейский союз в целом. А по религиозному многообразию, по многоукладности экономики, по региональным диспропорциям Индия, пожалуй, превосходит всю Европу в совокупности. В Индии 29 штатов и 7 союзных территорий, находящихся в состоянии сложнейшего многостороннего политического взаимодействия. По сути дела, Индия – грандиозный интеграционный проект в Южной Азии, обращённый преимущественно внутрь, а не вовне. С некоторой на-

тяжкой позволительно сказать, что единоличный Китай имеет те же проблемы в диалоге с многоликой и обращённой в себя Индией, что и централизованная Россия в общении с аморфным и обращённым в себя Европейским союзом.

Разумеется, исторические траектории двух стран также сильно расходятся, особенно в последнюю четверть тысячелетия. Индия была британской колонией, и почти два века британского владычества наложили глубокий отпечаток не только на политическую систему, но и на культуру Индии. Китай даже в самые сложные моменты своей истории не был колонией иностранных государств. Если для независимой Индии «системообразующим» фактором была британская демократия, то для коммунистического Китая образцом для подражания оказался Советский Союз 50-х годов прошлого века. Несмотря на то, что обе страны уже далеко отошли от своих исходных моделей середины прошлого века, говорить о какой-то конвергенции политических или экономических систем Индии и Китая пока не приходится.

Теоретически, китайско-индийское партнёрство могло бы даже выиграть от несхожести политических систем двух стран: Китай взял бы на себя основную роль во взаимодействии с авторитарными режимами различных оттенков, а Индия лидировала бы в налаживании связей с либерально-демократическими режимами западного типа. На практике, однако, несхожесть систем препятствует не только сотрудничеству, но даже взаимопониманию. Примечательно, что в XXI в. Пекину оказалось гораздо проще наладить дружбу с Москвой, чем с Дели, хотя история китайско-российских отношений ещё более драматична и противоречива, чем история китайско-индийских отношений.

Поскольку Китай и Индия являются двумя крупнейшими государствами континентальной Азии, между ними неизбежна конкуренция за природные ресурсы, за зарубежные рынки, за контроль над транспортными коридорами и за влияние на общих соседей. Близкое соседство двух крупных держав порождает пограничные споры: общая граница составляет почти 4 тыс. км, и на данный момент речь идёт даже не о разрешении территориальных споров, а всего лишь о сохранении территориального статус-кво и о предотвращении эскалации. Обе стороны подвержены искушению поддерживать различные инструменты влияния на территориях друг друга. Тем более

что вопрос о том, что лучше соответствует потребностям развития других азиатских стран – китайский социализм или индийская демократия, пока остаётся открытым.

Китайско-индийская торговля быстро растёт, но как Индия, так и Китай в большей степени ориентируются на глобальные рынки, чем друг на друга. Основные ресурсы для модернизации – инвестиции и современные технологии – обе страны в последние десятилетия получали от Запада, нередко вступая в непрямую конкуренцию друг с другом. Двусторонняя торговля остаётся асимметричной – Китай продаёт в Индию гораздо больше, чем там покупает. Более того, китайская экономическая активность в Индии далеко не всегда воспринимается принимающей стороной в исключительно позитивном свете.

Устойчивый китайско-индийский баланс сил в Азии затруднён тем очевидным обстоятельством, что на данный момент Китай сильнее Индии в экономическом и военном отношениях, и эта асимметрия, по всей видимости, сохранится на протяжении обозримого будущего. Консолидированный евразийский Хартленд выглядел бы менее равновесной системой, чем франко-германское партнерство второй половины прошлого века. В Индии до сих пор сохраняются болезненные воспоминания о поражении в пограничном конфликте с Китаем 1962 г. Поэтому Пекину выгодна модель Азии как «закрытой» системы, где фактическое преобладание Китая не подвергалось бы никаким сомнениям. По этой же причине в Дели заинтересованы в «открытой» Азии, в которой асимметрия китайско-индийского баланса сил могла бы быть компенсирована за счёт подключения к этому балансу внешних игроков – разумеется, на стороне Индии.

Интересы внешних игроков

Интересы Соединенных Штатов в Азии очевидны. Они мало зависят от смены администраций в Белом доме, хотя команда Дональда Трампа артикулировала эти интересы более чётко и более жёстко, чем её предшественники. Вашингтон не может не опасаться консолидации евразийского Хартленда, а потому играет и будет дальше играть на максимальное углубление китайско-индийских противоречий. Естественно, пытаясь этим процессом как-то управлять и не доводя дело до масштабного военного конфликта с непредсказуемыми последствиями.

Сегодня мы наблюдаем попытку США повторить удачный опыт Генри Киссинджера 1970-х годов с выстраиванием евразийского геополитического треугольника. Только место СССР сейчас занимает Китай, а место Китая – Индия. Отсюда повышенное внимание США к Дели и настойчивые попытки вовлечь Индию в многосторонние комбинации с участием американских союзников на островной периферии евразийского континента – Японии и Австралии (концепция «демократической Индо-Пацифики»). Если бы Вашингтону удалось добиться устойчивого институционального оформления таких комбинаций в виде многостороннего военно-политического союза типа НАТО, то это создало бы долгосрочные гарантии недопущения консолидации Хартленда. Однако в настоящее время любые форматы союзнических отношений с Вашингтоном политически неприемлемы для индийской элиты, настаивающей на сохранении стратегической независимости страны. Кроме того, даже во имя дружбы с Вашингтоном Индия не может пожертвовать своими континентальными евразийскими партнерами – в первую очередь, с Москвой и Тегераном.

Европейский союз меньше заинтересован в сохранении, а тем более в обострении китайско-индийской конфронтации. Конечно, консолидация Хартленда была бы серьёзным вызовом и для Европы тоже, но этот вызов имел бы скорее экономический, чем геополитический характер. Формирование единого евразийского экономического пространства, безусловно, ускорило бы смещение центра экономической активности Евразии из Европы в Азию и снижение роли Евросоюза в евразийской и в мировой экономике. С другой стороны, Китай и Индия – два наиболее перспективных внешних рынка для Евросоюза, и стратегическим интересам Брюсселя соответствует дальнейшее развитие и расширение этих рынков.

Для Евросоюза главный вопрос в том, на какой основе могла бы произойти консолидация евразийского Хартленда. В Брюсселе, конечно, хотели бы видеть евразийскую консолидацию, основанную на европейских стандартах, соответствующую европейским процедурам и следующую европейским образцам. Худшим вариантом для Брюсселя было бы постепенное «экономическое поглощение» Индии Китаем и реализация евразийского интеграционного процесса на иных основах, принципиально отличных от европейских (например, на основах реализации проекта «Один пояс – один путь»).

Интересы России при различных вариантах развития китайско-индийских отношений – предмет оживлённой дискуссии в нашем экспертном сообществе. С одной стороны, нередко утверждается, что сохранение напряжённости в отношениях между Пекином и Дели делает Москву более важным партнёром как для одной, так и для другой стороны. Пока отношения России с Китаем и с Индией лучше, чем у Китая и Индии друг с другом, Россия находится в этом треугольнике в преимущественном положении. Исходя из данной логики, можно предположить, что консолидация евразийского Хартленда вокруг китайско-индийской оси означала бы дальнейшее смещение евразийского центра тяжести к югу от российских границ. Россия, таким образом, становилась бы всё более маргинальным участником евразийского сообщества.

С другой стороны, несложно предсказать, что попытки игры на китайско-индийских противоречиях неизбежно вызвали бы подозрения как в Пекине, так и в Дели, порождая бы сомнения в российской искренности и т.д. Легко представить себе ситуации, когда Москве не удастся сохранять нейтральные позиции и придётся делать выбор между двумя своими важнейшими партнёрами на азиатском континенте, а такой выбор неизбежно будет означать крупные потери. Не стоит забывать и о том, что обострение китайско-индийской конфронтации, блокирующей консолидацию Хартленда, широко распахивает двери в Азию для Соединенных Штатов, которые в обозримом будущем вряд ли окажутся в числе друзей Москвы. Кроме того, обострение китайско-индийского противостояния несёт риски крупного военного конфликта на континенте, которые неизбежно сказался бы и на безопасности нашей страны. Суммируя плюсы и минусы консолидации для России, следует заключить, что вероятные преимущества объединённого Хартленда явно перевешивают потенциальные издержки.

Оговоримся сразу – роль России в консолидации евразийского Хартленда в любом случае не будет решающей. Китайско-индийские отношения имеют свою логику и свою динамику, изменить которые не в силах никто из внешних игроков – ни США, ни Евросоюз, ни Россия. По всей видимости, в двустороннем формате именно Китай как более сильная сторона должен сделать дополнительные шаги, чтобы снизить подозрительность и завоевать доверие Дели. О содержании и последовательности таких шагов можно спорить, но это,

строго говоря, не вопрос российской внешней политики. Однако сказанное отнюдь не означает, что у России вообще нет никакой роли в этом важнейшем для нее вопросе.

Возможные перспективы

1 декабря 2018 г. на полях саммита «Группы двадцати» в Буэнос-Айресе была предпринята попытка активизировать механизм трёхстороннего сотрудничества России, Китая и Индии (РИК), возобновив после 20-летнего перерыва практику регулярных встреч на высшем уровне в этом составе. По словам Владимира Путина, приоритетными темами таких встреч должны стать различные аспекты безопасности и борьбы с протекционизмом, а также с политически мотивированными ограничениями в международной торговле. Развивая идеи российского президента, премьер-министр Индии Нарендра Моди обозначил четыре возможных направления совместной работы: региональная и глобальная стабильность, экономическое процветание, обмен опытом в областях взаимного интереса и сотрудничество по мерам ответа на вновь появляющиеся вызовы. Схожие мысли высказал и председатель КНР Си Цзиньпин, сделав акцент на особую ответственность трёх держав за поддержание стабильности на региональном и глобальном уровнях.

В последние годы формат РИК оставался в тени более представительной пятисторонней структуры сотрудничества с участием Бразилии и Южной Африки (БРИКС). Не умаляя международного значения последних двух стран, стоит отметить, что географическое расширение РИК до БРИКС имело и свои институциональные издержки: страны, находящиеся на других континентах, имели свои задачи и приоритеты, отличающиеся от повестки дня первоначальных евразийских участников. Победа на последних президентских выборах в Бразилии ультраправого депутата национального парламента страны, «бразильского Трампа» Жаира Болсонару ставит много вопросов о будущем пятисторонней структуры. Во всяком случае, представляется несомненным, что полностью «растворить» РИК в БРИКСе было бы для российской политики серьёзным просчётом.

По всей вероятности, в ближайшей перспективе трёхсторонние встречи на высшем уровне будут проводиться на полях более крупных многосторонних мероприятий (саммиты «Группы двадцати», БРИКС,

ШОС, АСЕМ и др.). Но если всё ограничится периодическим непродолжительным общением лидеров, констатацией совпадающих позиций или даже подписанием общих политических деклараций, то существенного вклада в консолидацию Хартленда такой формат, естественно, не внесёт. Необходимо откровенно артикулировать существующие разногласия, касающиеся наиболее острых проблем Евразии. Именно на проблемах, препятствующих консолидации евразийского пространства, и должно быть сосредоточено внимание лидеров трёх стран.

Одновременно, учитывая неизбежную краткость трёхсторонних саммитов, необходимо предусмотреть тщательную заблаговременную проработку поднимаемых на встречах вопросов на уровне экспертов и профильных министерств – с использованием форматов второго и полуторного треков и с выходом на подготовку конкретных «дорожных карт». Именно конкретики традиционно не хватает в совместных заявлениях, принимающихся по итогам ежегодных встреч министров иностранных дел трёх стран. Создание постоянного трёхстороннего механизма консультаций между военными и проведение регулярных трёхсторонних военных учений также представляется вполне актуальной задачей, способной внести определённый вклад в решение проблемы доверия между военными Китая и Индии.

Практический политический диалог можно было бы начать с откровенного обсуждения таких проблем как будущее Сирии и Афганистана, очень важных для всех трёх участников. Не менее существенным представляется проработка отдельных функциональных измерений формирования евразийского Хартленда – совместное противодействие терроризму, управление миграционными потоками, продовольственная и энергетическая безопасность, вопросы международного обмена информацией и развития искусственного интеллекта. Именно из максимально широкого набора таких функциональных режимов, а не из старых или новых жёстких институциональных блоков должен складываться новый евразийский Хартленд.

Индия и Китай являются странами-наблюдателями Арктического совета. Россия как один из ведущих членов этой организации могла бы предложить своим партнёрам обсуждать вопросы Арктики совместно, чтобы ни у кого из них не возникало подозрений по поводу «прокитайских» или «проиндийских» позиций Москвы в этих вопросах.

И, конечно, большим стимулом для объединения Хартленда стало бы более активное трёхстороннее взаимодействие по пробле-

мам, выходящим за географические рамки евразийского континента. Будущее многостороннего контроля над вооружениями, реформы ООН, ВТО и других глобальных организаций, развитие международного публичного права в XXI веке, изменения климата и вызовы экологии, управление техническим прогрессом – по всем этим и многим другим проблемам единая позиция России, Китая и Индии будет весить гораздо больше, чем их мнения по отдельности.

В конечном счёте, евразийский Хартленд XXI века – это не только геополитическое и даже не только геоэкономическое понятие. Это в той же степени общие или близкие взгляды ведущих государств Евразии на будущее мирового порядка, на стратегию восстановления управляемости расползающегося по швам мира. Это солидарное чувство глобальной ответственности и солидарная готовность заглянуть за узкие горизонты своих непосредственных национальных интересов. Только при наличии такой общности новый Харленд сможет стать «осью истории», о которой в принципиально другом контексте и в совершенно иной логике писал отец британской геополитики, член королевского Тайного Совета, многоумный сэр Хэлфорд Джон Маккиндер.

Россия в Большой Евразии: задачи на XXI век

© 2019 г. В.М. Котляков, В.А. Шупер

Институт географии РАН, Москва, Россия

Russia in the Greater Eurasia: mission for the 21st century

V.M. Kotlyakov, V.A. Shuper

Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

kotlyakov@igras.ru, vshuper@igras.ru

Russia is experiencing an historic turning – the rejection of three-century attempts to integrate into Europe in one capacity or another. It no longer considers itself the Eastern periphery of Europe. Now it perceives itself as the North of Eurasia, occupying a middle position between two giant economic masses – East Asia and Western Europe. The place of Siberia in Russia, not only in geography but also in history, should be reconsidered as deeply as the place of Russia in Eurasia. Russia not only colonized Siberia, but also was formed by Siberia, as V. L. Tsymbursky pointed out in 1993. Siberia, like Pomorie, as well as the South, has formed a special type of person – brave, enterprising, free. Siberia developed in tsarist times (when it developed) only as a territory of economic freedom, according to S.A. Karaganov. Now it has not yet become such a land.

However, the shift to the East turn out to be a major national task, then Asian Russia is destined to become a laboratory of the future, a huge testing ground for experimental testing of new solutions – institutional, managerial, technological. These solutions, if successful, should be extended to the whole country or to the most economically powerful regions of European Russia and the Urals. Pioneering colonization of territory is a venture process that can be only innovative, because the resources are the economic category, not the geological one. They do not exist regardless of the technology of their extraction, processing and transportation. Respectively, the values of openness to everything new, bold experimentation, including various social experiments are naturally formed during the development of the territory. These qualities of the regional mentality can gain a foothold in the stereotypes of behavior, in the regional people's character, forming a type of man of the frontier. To develop this potential, it is necessary to make Novosibirsk the main intellectual center for the reconstruction of Asian Russia in order to use and develop this potential.

While in the US and many EU countries foreign policy is subordinated to domestic, in Russia, on the contrary, domestic policy should be subordinated to foreign policy. This is required by a growing confrontation with the US and even with the EU, experiencing a deepening crisis. Russia will be able to take its rightful place in Greater Eurasia only by becoming a leader in the transition from extensive to intensive development. To do this, it must regain lost ground in the field of education and science.

Key words: *Akademgorodok, geopolitical situation, Greater Eurasia, intensive development, pioneer colonization of territory.*

Россия переживает исторический перелом – отказ от трёхвековых попыток интегрироваться в Европу в том или ином качестве, от осознания себя вос-

точной периферией Европы в пользу осознания себя как севера Евразии, занимающего срединное положение между двумя гигантскими экономическими массами – Восточной Азией и Западной Европой. Следует столь же глубоко переосмыслить место Сибири в России, не только в географии, но и в истории, как было переосмыслено место России в Евразии. Россия не только осваивала Сибирь, но и сама была сформирована Сибирью, на что указывал В.Л. Цымбурский ещё в 1993 г. Сибирь, как и Поморье, как и Юг, сформировала особый тип человека – смелого, предприимчивого, свободного. По мнению С.А. Караганова, Сибирь развивалась в царские времена (когда развивалась) только как территория экономической свободы. Сейчас она таковой ещё не стала.

Однако если сдвиг на восток, поворот лицом к Азии становятся важнейшей национальной задачей, то Азиатской России суждено стать лабораторией будущего, громадным испытательным полигоном для экспериментальной проверки новых решений – институциональных, управленческих, технологических, распространяемых в случае успеха на всю страну или на наиболее мощные в экономическом отношении районы Европейской России и Урала. Пионерное освоение территории – венчурный процесс, носящий инновационный характер, поскольку ресурсы – категория экономическая, а не естественнонаучная, они не существуют безотносительно к технологиям их извлечения, переработки и транспортировки, т.е. фактически являются производными от них. Соответственно в ходе освоения территории закономерно формируются ценности открытости всему новому, смелого экспериментирования, включая и различные социальные эксперименты. Однако эти качества регионального менталитета вполне могут закрепляться в стереотипах поведения, в региональном характере, формируя тип человека фронта. Для использования и развития этого потенциала необходимо сделать Новосибирск главным интеллектуальным центром реконструкции Азиатской России.

Если в США и многих странах ЕС внешняя политика подчинена внутренней, то в России, напротив, внутренняя политика должна быть подчинена внешней. Этого требует усиливающееся противостояние с США и даже с ЕС, переживающим углубляющийся кризис. Россия сможет занять достойное место в Большой Евразии только став лидером перехода от экстенсивного развития к интенсивному, вернув утраченные позиции в области образования и науки.

Ключевые слова: *Академгородок, Большая Евразия, геополитическая ситуация, интенсивное развитие, пионерное освоение.*

Завершая сборник, закономерно снова обратиться к тем фундаментальным идеям, которые сформулированы во введении, равно как и к представлениям, излагаемым в статьях сборника. Они относятся не только к изменению места России в Евразии и в мире в целом, но и к изменению её отношения к самой себе. Не может не быть преисполненным драматизма мировоззренческий переворот,

связанный с отказом от трёхвековых попыток нашей страны найти себе место в Европе (Миллер, Лукьянов, 2016). Россия не стремится более в этот элитарный клуб, лучшие времена которого явно остались позади. Соответственно страна стала рассматривать себя, наконец, не как восточную окраину Европы, а как север Евразии, занимающий срединное положение между двумя экономическими гигантами – Восточной Азией и Западной Европой.

В истории нет сослагательного наклонения, но будущее всегда вариантно, оно никогда не предопределено однозначно событиями прошлого, в нём всегда есть простор для свободы воли. Но не всегда существует политическая воля, чтобы воспользоваться этим простором. Объективные тенденции приведут к существенному перераспределению экономических и демографических масс в современном мире. Россия, ЕС и Япония неизбежно останутся в проигрыше от этого перераспределения. Эти трое проигравших могли бы сформировать коллективного победителя, образовав один из двух полюсов нового биполярного мира, на что указывал А.О. Безруков (2018). Второй полюс был бы образован США и англоязычными странами, за исключением азиатских и африканских. Остальные страны должны были бы в той или иной степени ориентироваться на эти полюса. В силу объективных и субъективных причин образования подобного тройственного союза не произошло. В результате энергичных усилий США и ЕС формируется российско-китайская Антанта (Тренин, 2015), соотношение сил внутри которой также постоянно изменяется не в пользу России. На тех мерах, которые абсолютно необходимо предпринять, чтобы противодействовать этим крайне неблагоприятным тенденциям, мы остановимся ниже. Сейчас сосредоточимся на крайней противоречивости сложившейся ситуации.

В силу растущей взаимосвязанности стран и регионов современного мира рассмотрение перспектив развития нашей страны следует начинать с анализа её геополитического и геоэкономического положения. Оно явно более благоприятно в Азии, где у России нет врагов, и даже с Японией, имеющей к нашей стране территориальные претензии, отношения не столь уж плохи. Они много хуже с ЕС и, особенно, с некоторыми европейскими странами, в том числе и соседними, сделавшими антироссийский курс стержнем своей политики. Причиной тому и глубокие внутренние проблемы ЕС, и фундаментальное положение, сформулированное недавно С.А. Ка-

рагановым: *демократии не могут существовать без врага* (Караганов, а). Это положение должно всегда определять наши прогнозы, поскольку Россия и Китай, увы, обречены оставаться врагами Запада на весьма долговременной основе, и могут только меняться местами в отношении приписываемой им опасности – врага № 1 и врага № 2. Едва ли наши страны могут быть вытеснены с первых двух ступеней этого малоприятного пьедестала какими-то значительно более реальными угрозами, носящими в первую очередь внутренний характер, именно в силу отмеченного положения, достойного войти в науку, как *принцип Караганова*.

Важно указать на двойственную природу нашей страны, отмечавшуюся многими авторами: будучи европейской страной по культуре, Россия – во многом азиатская страна по формам управления. Нам надо перестать стыдиться наших азиатских корней – здесь мы опять возвращаемся к введению. Это стало совершеннейшим анахронизмом в условиях подъёма Азии и упадка Европы. Ставя задачи реконструкции страны – а работы тут непочатый край, мы должны руководствоваться нашими собственными представлениями о должном и сущем, а не тем, как на это посмотрят в Западной Европе или Северной Америке. Суетливая подражательность приводит к катастрофической деградации творческого потенциала и интеллектуального уровня, что действительно закрывает наиболее перспективные пути развития нашей страны. Самый печальный тому пример – реформы образования и науки, нанёсшие непоправимый ущерб реформируемым областям.

Всё большая переориентация страны на восток вырисовывается как неизбежная необходимость движения в направлении ёмких и быстро растущих рынков и новых центров экономической и политической мощи. Россия, в отличие от СССР, уже не сверхдержава и, по справедливому мнению Т.В. Бордачёва, не может более выбирать геополитические приоритеты по собственному усмотрению, а должна вписываться в формирующийся, иногда помимо её воли, международный геополитический и геоэкономический ландшафт. Сделав ошибочный выбор, страна может оказаться в стане проигравших, что будет иметь самые тяжёлые последствия для её будущего. Однако возрождение ура-освоенческой идеологии при переориентации на Восток совершенно бесперспективно в современных условиях ввиду отсутствия прежних экономических и демографических ресурсов,

прежних механизмов управления и контроля. Новая концепция освоения требует именно глубоких социальных преобразований. «Сибирь пока не стала землей экономической свободы. А только так она и развивалась, когда развивалась, в царские времена» (Караганов, б).

Из этого вытекает парадокс – примат внешней политики по отношению к внутренней. Мы видим, что в США внешняя политика, особенно на российском направлении, выродилась в инструмент внутривнутриполитической борьбы. Сходные процессы протекают и в Европе. Самый яркий тому пример – омерзительная компания вокруг отравления Скрипалей, предпринятая для мобилизации европейской солидарности на предмет смягчения условий *Brexit*. Солидарность, естественно, была проявлена, российских дипломатов выслали почти из 30 стран в невиданном со времён холодной войны числе, но достижению изначально поставленных целей это нисколько не помогло.

В совершенно иной ситуации Россия, где в последние годы во внутренней политике очень недостаёт вдохновляющих успехов, а во внешней они как раз есть. После воссоединения Крыма даже возникли надежды на ускоренное реформирование всего нашего общества на волне мощного национального подъёма, которые, к сожалению, не оправдались. Однако геополитические императивы не изменились.

Реконструкция страны – сложнейший многогранный процесс, но географам наиболее интересна его пространственная проекция. Парадоксальное противоречие в пространственном развитии страны – между решением задач диверсификации экономики, улучшением качества экономического роста и повышением его темпов в долгосрочной перспективе. Решение первой задачи предполагает упор на развитие регионов, сосредотачивающих наибольший интеллектуальный и промышленный потенциал. Это Европейский Центр, Северо-Запад, Поволжье, Урал. До сих пор на Европейский Союз приходится 42% внешней торговли Российской Федерации (2017), хотя пятью годами ранее этот показатель составлял 49%. Европейский эксцентриситет территориальной организации страны усиливался постоянным стремлением России в Европу, что уже отмечалось выше. Не следует забывать, что все три российских президента пытались привести Россию в НАТО (Золоторёв, 2016), В.В. Путин делал это минимум дважды. Если во внешней политике и, отчасти, во внешнеэкономических связях европейский эксцентриситет успешно преодолевается, то экономический и демографический потенциал

Азиатской России по-прежнему совершенно не соответствует задачам, стоящим перед страной. Более того, это несоответствие продолжает нарастать в силу быстрого изменения геоэкономической ситуации на континенте.

Вероятно, нам следует столь же глубоко переосмыслить место Сибири в России, не только в географии, но и в истории, как мы переосмыслили место России в Евразии. При этом было бы плодотворней понимать под Сибирью всё пространство от Урала до Тихого океана, как это было в царские времена. Дальневосточная республика, существовавшая в 1920–1922 гг., была нужна как буферное государство между РСФСР и Японией, для войны с которой у РСФСР не было необходимых ресурсов. Японские войска были выведены из Приморья в 1922 г. не в результате военного поражения или его угрозы, а в силу давления, оказанного на Японию со стороны США, в ходе Вашингтонской конференции 1921–1922 гг. с целью недопущения чрезмерного усиления её позиций в регионе. 1920–30-е годы были также очень беспокойным временем для Приморья и Приамурья, которые в геостратегическом отношении резко отличались от Западной и Восточной Сибири как глубокого тыла. Не стали Приморье и Приамурье тылом и в послевоенный период. Сначала этому препятствовала война в Корее – 8 октября 1950 г. американские истребители по ошибке атаковали аэродром авиации Тихоокеанского флота Сухая речка. При этом распространена трактовка этого инцидента с многочисленными жертвами как спланированной провокации. В 1960–70-е годы прифронтное положение Дальнего Востока было следствием резкого ухудшения отношений с КНР, именно в этом 2019-м году мы отмечаем пятидесятилетие трагических событий вокруг о. Даманский. Окончательной нормализации советско-китайских отношений удалось достичь только в 1989 г. После этого Дальний Восток постепенно перестал быть военным форпостом, не став пока, к сожалению, тихоокеанским фасадом, приличествующим великой державе.

Ещё на заре новой российской государственности В.Л. Цымбурским (1957–2009) была опубликована провидческая статья (Цымбурский, 1993), ставящая, в том числе, и вопрос о том, что не только Сибирь осваивалась Российским государством, но сама Россия как страна была сформирована Сибирью. Значение Сибири значительно глубже экономического, хотя в XVII в. «мягкая рухлядь» давала чет-

верть доходов казны (так ли много изменилось с тех пор?). Сибирь сформировала в нашей стране особый тип цивилизации. Наряду с поморами Русского Севера и казачеством Юга, сибиряки не знали крепостного права. Там суровые условия жизни и свобода, дарованная не властью, а её слабостью на огромных неосвоенных пространствах, выковали особый тип людей – смелых, энергичных и предприимчивых. Они доставляли немало хлопот властям.

«В 1892 из Санкт-Петербурга за границу впервые вывезли 10 млн. пудов сибирского хлеба» (Челябинский..., 2009). Произведённое сибирскими крестьянами зерно стоило на 25–30% дешевле выращенного в помещичьих хозяйствах центральных регионов России. Чтобы защитить помещиков (в ходе аграрного кризиса в некоторых губерниях разорилось от 70 до 80% мелких и средних имений), правительство в 1896 г. установило Челябинский тарифный перелом, отменённый только в 1913 г. В результате «хлеб из Сибири в Москве и Санкт-Петербурге стал стоить на 30% дороже поволжского» (там же). Предприимчивые сибирские крестьяне не впали в уныние, а стали производить кормовое зерно и вывозить масло. Знаменитое барабинское масло, позднее обросшее разными легендами, появилось именно тогда. Можно считать достойными продолжателями дела землепроходцев XVII в. тех, кто в Гражданскую войну вывозил барабинское масло по Чуйскому тракту в Китай и далее вёз на лошадях до конечной станции железной дороги. Затем масло доставлялось поездами в Шанхай и там переваливалось на пароходы для транспортировки в Европу. В листовничных бочонках оно выдерживало столь длительное хранение.

Сталинские репрессии коренным образом изменили состав населения и переломили его менталитет, как на Русском Севере, так и в Сибири (казачество было уничтожено почти полностью). Однако география всё равно возьмёт своё, как только сможет: сколько раз возникали города на месте разрушенных, если это место такое, как у Карфагена. Спорный успех возрождения казачества связан с невозможностью перенести институты, существовавшие в начале XX в., в современные реалии. Ведь институты эти, возникнув в XVI в., прошли долгий путь исторического развития, постоянно адаптируясь к изменяющимся условиям. Но если Сибирь станет территорией экономической свободы, то там очень быстро начнёт формироваться новый тип человека – человека фронта, который меньше нуждается в госу-

дарстве и больше полагается на себя. Наблюдаем же мы быстрое становление наций, которых раньше вообще никогда не существовало.

Представления о том, что мы отдаём нашим обширнейшим пространствам много больше, чем получаем от них, что их несметные природные богатства всегда толкали страну на путь экстенсивного развития (Трейвиш, Шупер, 1992) ошибочны не только в свете четвертьвекового опыта нашей неудачливой соседки Украины, никакими бескрайними просторами не наделённой. Они опровергаются не только опытом высокоразвитых стран (Австралия, Канада, Норвегия), весьма успешно поставивших природные богатства на службу своему развитию и совершенно не страдающих ресурсным проклятием. Они служат географическим измерением невозможного цивилизационного выбора – стремления сделать Россию скучной (или нормальной) страной, по Е.Т. Гайдару (1956–2009). В начале 1990-х годов надежды на вхождение России в братскую семью цивилизованных народов были очень сильны, и лишь наиболее проникательные мыслители, такие как В.Л. Цымбурский, понимали их иллюзорность.

Группой исследователей во главе с А.Н. Пилясовым на протяжении ряда лет развиваются представления о пионерном освоении территории как о венчурном процессе, о его инновационном характере, ведь ресурсы – категория экономическая, а не естественнонаучная, они не существуют безотносительно к технологиям их извлечения, переработки и транспортировки, т.е. фактически являются производными от них. Соответственно в ходе освоения территории закономерно формируются ценности открытости всему новому, смелого экспериментирования, включая и различные социальные эксперименты. Однако эти прекрасные и полезные качества регионального менталитета вполне могут закрепляться в стереотипах поведения, в региональном характере, формируя тип человека фронта. При этом возникающий эффект колеи парадоксальным образом способствует появлению и распространению инноваций, а не препятствует им.

Отсюда должна быть поставлена задача резкого усиления использования инновационного потенциала Сибири. Советский опыт освоения Сибири и Дальнего Востока оставил нам как нерешённые или не до конца решённые задачи, так и уникальные достижения, уроки которых представляют огромную ценность. К этим достижениям относится и создание новосибирского Академгородка в конце 1950-х годов «тремя богатырями» – академиками М.А. Лаврентьевым

(1900–1980), С.Л. Соболевым (1908–1989) и С.А. Христиановичем (1908–2000). Не только хорошие условия для исследовательской работы, но и возможности карьерного роста и перспективы улучшения жилищных условий привлекли в Академгородок тысячи талантливых исследователей из ведущих научных центров СССР (прежде всего из Москвы и Ленинграда). Сделать Новосибирск третьей научной столицей Союза позволила и значительно более либеральная атмосфера Академгородка, позволявшая учёным чувствовать себя гораздо комфортнее и дышать свободнее, чем в Москве и, тем более, в Ленинграде, городе значительно более строгой идеологической дисциплины. Эта атмосфера сохранялась до 1975 г., когда академик М.А. Лаврентьев был вынужден вернуться в Москву, оставив в Академгородке своё сердце. Именно там он и обрёл последнее пристанище.

Недостаток квалифицированной рабочей силы в сочетании с её высокой стоимостью могли бы сделать Дальний Восток и многие районы Сибири пионерами в применении робототехники (Зотин, 2018). Идущие в нашем обществе разговоры и о грозящем дефиците трудовых ресурсов, и о надвигающейся тени массовой безработицы надо развести в пространстве и во времени, представляя неравномерность социально-экономического развития различных регионов. Если привлечь понятийный аппарат синергетики, то следует говорить о разных регионах как о разных темпомирах¹. Развитие науки и технологий требует всё тех же экономических свобод. Однако если сдвиг на восток, поворот лицом к Азии становятся важнейшей национальной задачей, то *Азиатской России суждено стать лабораторией будущего, громадным испытательным полигоном для экспериментальной проверки новых решений* – институциональных, управленческих, технологических, распространяемых в случае успеха на всю страну или на наиболее мощные в экономическом отношении районы Европейской России и Урала. Возможно, роль этих лабораторий хотя бы отчасти будут выполнять ТОРЫ (Бакланов, 2014), но вряд ли дело обойдётся без новых институциональных форм.

Здесь тоже может быть в высшей степени полезен опыт создания и развития новосибирского Академгородка, обогащённый научно-тех-

¹ Одна из важнейших проблем синергетики – взаимодействие структур с разным течением времени в рамках единого целого. Движение к аттрактору – области притяжения процесса – предполагает сближение времён интегрируемых систем, во многом путём наложения на них времени интегрирующей системы.

ническими достижениями шести прошедших десятилетий². Призыв Х. Ортеги-и-Гассета (1883–1955) заимствовать материал, а не образцы (Ортега-и-Гассет, 2010) побуждает к критическому переосмыслению советского опыта развития науки в Сибири и на Дальнем Востоке. М.А. Лаврентьев со товарищи ещё в конце 1940-х годов жаловались в ЦК на крайнюю бюрократизацию и низкую эффективность организации науки. Они получили поддержку на высшем уровне, но им было предложено создавать научный центр нового типа где-нибудь за Уралом. Смерть Сталина только задержала создание Академгородка. Сейчас возрождение образования и науки тоже имело бы смысл начинать с Сибирского отделения РАН. Было бы сильным ходом сделать Новосибирск главным интеллектуальным центром реконструкции Азиатской России. Отрадно отметить, что подобные предложения уже выдвигались Институтом экономики и организации промышленного производства СО РАН (Кулешов, Селивёрстов, 2017). В научно-исследовательских центрах СО РАН необходимо возродить уникальный опыт подготовки кадров в ходе исследовательской работы. Это позволит придать импульс не только развитию естественных и точных наук, но и гуманитарных наук путём резкого усиления подготовки востоковедов, специалистов различного профиля по странам Азии.

Существенного повышения отдачи от научных исследований можно достичь путём дебиюрократизации науки и постановки перед научным сообществом масштабных задач. Соответственно, их решение станет критерием успеха, как это и было в лучшие времена. Между тем уже финансирование науки посредством грантов, когда конкурс результатов подменяется конкурсом обещаний, а цель исследования фактически достигается ещё до его начала, существенно

² Выбор живописных окрестностей Новосибирска для создания Академгородка был во многом заслугой Т.Ф. Горбачёва (1900–1973), возглавившего в 1954 г. Западно-Сибирский филиал АН СССР. Академики М.А. Лаврентьев, С.Л. Соболев и С.А. Христианович первоначально планировали создавать научный центр нового типа в Томске, но не получили поддержки местной научной общественности, предпочитавшей стабильность переменам. После этого их взоры обратились к Иркутску с его Восточно-Сибирским филиалом АН СССР. Именно тогда талантливый организатор Т.Ф. Горбачёв, до 1954 г. директор Кемеровского горного института, главный инженер комбината «Кузбассуголь», убедил М.А. Лаврентьева создавать Академгородок под Новосибирском. В 1957 г. состоялось решение Совета Министров СССР о создании Сибирского отделения АН СССР, председателем его Президиума стал академик М.А. Лаврентьев, а одним из его заместителей – Т.Ф. Горбачёв, избранный в следующем году членом-корреспондентом АН СССР.

искажает ценностную ориентацию учёных. Ещё сильнее её искажают всевозможные библиометрические извращения – заниматься публикаторством в зарубежных журналах и накручивать индекс Хирша намного легче (особенно воспользовавшись многочисленными коммерческими предложениями), чем получать оригинальные и ценные результаты или учить китайский язык. Постепенный переход от экстенсивного развития образования и науки к интенсивному позволит достичь впечатляющих результатов в течение 10–15 лет, придаст динамизм национальной экономике, существенно усилит позиции России как в Азии, так и в мире в целом. Начав подобные эксперименты в СО РАН, их можно будет распространять и вглубь, и вширь. Вглубь – переходя от реформирования науки к постепенному реформированию высшего и среднего образования, вширь – распространяя эксперимент на ДВО РАН, а затем и на научные центры европейской России и Урала.

В отличие от предыдущих реформ образования и науки, нанёсших тяжелейший урон реформируемым областям, предлагаемые реформы должны быть проникнуты идеологией цветущей сложности, по К.Н. Леонтьеву (1831–1891). Исследовательским и учебным организациям должна быть предоставлена свобода выбора между двумя (или даже тремя) управленческими моделями на территории, охваченной экспериментом. Только в случае очевидного успеха новой модели, получившей явное преобладание, её следует распространять на другие территории и сферы.

Реформы образования и науки должны быть «заточены» под азиатский вектор развития, и такая переориентация придаст мощный импульс развитию обеих сфер. Масштабные преобразования имеют больше шансов на успех, когда связаны с новым большим делом, способным привлечь и воодушевить широкие массы. Это изучение и преподавание восточных языков, страноведения Азии, всевозможные прикладные исследования, связанные с развитием энергоёмких и водоёмких технологий, фундаментальные исследования, позволяющие в перспективе нарастить экспорт высокотехнологичных товаров и услуг, и т.п. Возможное (и желательное) место России в формирующейся Большой Евразии отчасти вырисовывается в статье М. Тимофеева «Как развивать Байкал по-новому» (Тимофеев, 2019). Она косвенным образом даёт ответ на вопрос, как стране не превратиться в сырьевой придаток Китая и других стран Азии.

Чтобы занять достойное место в формирующейся Большой Евразии, стране необходимо перейти на путь интенсивного развития. Этот переход уже стал реальностью в экономике постиндустриальных стран, где материальное производство всё более вытесняется нематериальным, аналогичные сдвиги происходят и в области потребления, что делает всё более уязвимой для критики саму категорию ВВП. Замедление глобальных темпов экономического роста часто рассматривается как следствие этих изменений, однако, скорее всего, всё это – следствия значительно более глубоких тенденций, обуславливающих стабилизацию численности человечества к концу XXI в. с последующим переходом к плавному её снижению (Вишнеvский, 2015). А.Г. Вишнеvский постоянно подчёркивает, что три столетия бурного роста населения планеты (с конца XVIII в. до конца XXI в.) – это лишь краткий промежуток между очень долгим временем его крайне медленного роста и, предположительно, столь же долгим временем его столь же медленного сокращения. Он также подчёркивает теснейшую взаимосвязь демографических и исторических процессов. Трудно ожидать высоких темпов экономического роста в условиях стабилизации численности населения и его старения.

Однако переход от экстенсивного развития к интенсивному невозможен без отказа от квантитативного фетишизма, принявшего на излёте периода экстенсивного развития совершенно гротескные формы. Фактически исповедуется вера в то, что всё должно иметь количественное измерение, а то, что его не имеет, – либо не существует, либо несущественно. Такая ситуация связана с потребностями чиновников, коим удобней управлять на основе количественных показателей, но грубо противоречит задачам развития администрируемых ими областей, в том числе образования и науки, ведь переход к интенсивному развитию – это переход от количественных изменений к качественным. Без этого перехода образование и наука обречены на дальнейшую деградацию. Наша страна будет скатываться вниз, всё более отставая и от стран Запада, считающих (впрочем, совершенно ошибочно), что могут позволить себе бездарное экспериментирование с образованием по социальным и идеологическим соображениям, и от стран Востока, всемерно повышающих эффективность своих образовательных систем. Они уже во многом опережают Запад по качеству среднего образования. Можно ожидать, что и с высшим образованием со временем будет так же.

Несомненно, сейчас человечество находится в точке бифуркации, – соответственно существует возможность выбора траектории дальнейшего развития. Такой траекторией может стать как посредственное прозябание в духе «пределов роста», так и переход от экстенсивного развития к интенсивному. Соответствующая концепция была разработана опальным советским философом М.К. Петровым (1923–1987), сумевшим опубликовать при жизни всего несколько статей, но при этом пользовавшимся очень высоким авторитетом в философском сообществе. Его книги были изданы посмертно, включая и ту, в которой представления о необходимости перехода к интенсивному развитию изложены с наибольшей полнотой (Петров, 2004).

М.К. Петров писал ещё в 1970–80-е годы, что экспоненциальный рост числа занятых в науке не может продолжаться долго, что дальнейшее развитие общества потребует коренного пересмотра принципов организации образования, науки и других сфер общественной жизни. Здесь нет возможности подробно излагать взгляды проницательного мыслителя на историческую неизбежность принципиально иного построения образования, среднего и высшего, тем более что некоторые конкретные рекомендации не могли не устареть за 30 лет после его смерти. Его книга – скорее не пособие для реформаторов, а доказательство необходимости *новой интеллектуальной революции*, необходимости, осознанной ещё задолго до того, как экстенсивная модель стала с очевидностью выдыхаться.

У страны нет перспектив переломить неблагоприятные для неё тенденции на данном этапе развития, но они появятся при «выходе на плато», т.е. в условиях дальнейшего замедления экономического роста в его традиционном, чисто количественном понимании. Замедление это, по всей видимости, будет столь существенным, что даже нынешние темпы роста будут казаться высокими. По мере снижения этих темпов человечество будет всё дальше отходить от экономического детерминизма, который ничем не лучше детерминизма географического. Экономические факторы будут поставлены на своё место – разумеется, они играют огромную роль, но эта роль далеко не всегда определяющая. Успешно вписаться в меняющийся геополитический и геоэкономический ландшафт можно будет только с переходом от экстенсивного развития к интенсивному. Центр тяжести потребует перенести с экономики, где у России явно не намечается прорыв, на образование и науку, чтобы существенно улучшить позиции страны

к середине XXI в., когда карты будут сдаваться заново. Подобный манёвр потребует решительной интеллектуальной эмансипации, «реви-зионизма по всем азимутам» (Шупер, 2017), переосмысления конкурентных преимуществ страны. На данном этапе её развития реформы «идеологической надстройки» могут быть много более успешными, нежели «экономического базиса».

О какой новаторской политике в своей стране или на просторах Евразии может идти речь, если географы, взаимодействующие с министерствами, жалуются, что чиновники требуют от них по поводу любых предлагаемых новаций представить подтверждения их успешного применения из опыта передовых стран? Либеральный мейнстрим предполагает «смелое копирование» лучших зарубежных практик, при этом за четверть века отечественная высшая школа совершенно разучилась готовить специалистов, способных ставить и решать принципиально новые задачи. Само понятие таланта вытеснено понятием креативности. Однако сильное высшее образование возможно создать только на основе мощной фундаментальной науки, поэтому реформирование отечественной науки должно предшествовать реформированию высшей школы, либо осуществляться одновременно с ним.

Внешняя политика России последних лет богата примерами успешной игры на ошибках геополитических соперников. Однако самые глубокие ошибки стран Запада мало используются во внутренней политике и почти совершенно не используются во внешней. Между тем страна могла бы развернуть идеологическое наступление с явными шансами на успех, претендуя на роль интеллектуального лидера Азии. Военное и политическое влияние едва ли удастся дополнить экономическим, но вполне реально дополнить идеологическим, опирающимся на успехи в образовании и науке. После «выхода на плато» значение собственно экономических факторов будет снижаться. В любом случае произойдёт переход от экстенсивного развития с его квантитативным фетишизмом к интенсивному. Россия может стать или не стать лидером этого перехода.

Литература

Бакланов П.Я. Территории опережающего развития: понятие, структура, подходы к выделению // Региональные исследования. 2014. № 3. С. 12–19.

- Безруков А. Лекция о будущем. Геополитика 2035 – контуры нового мира. 15 июля / Образовательный интенсив «Остров 10-21». Владивосток, 10–21 июля 2018 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=TxD55itmKuA> Дата обращения – 01.03.2019.
- Вишневский А.Г. Время демографических перемен. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2015. 517 с.
- Золоторёв П. Трамп Европу кормить не будет / Совет по внешней и оборонной политике. URL: <http://svop.ru/main/21912/> Дата обращения – 17.03.2019.
- Зотин А. Роботизация вместо глобализации. Что такое рещоринг и чем он опасен // Коммерсант.ru 27.01.2018 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3526726> Дата обращения: 24.02.2018.
- Караганов С.А., а. Вступление. Поворот состоялся / К Великому океану-5: От поворота на Восток к Большой Евразии. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай» URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/17048/> Дата обращения – 17.03.2019.
- Караганов С.А., б. Лекторий СВОП: «Так ли непредсказуем современный мир? Почему мы не хотим признать очевидное» / Совет по внешней и оборонной политике. URL: <http://svop.ru/video/28660/> Дата обращения – 17.03.2019.
- Кулешов В.В., Селиверстов В.Е. Роль Сибири в пространственном развитии России и её позиционирование в стратегии пространственного развития РФ // Регион: экономика и социология. 2017., № 4 (96). С. 3–24.
- Миллер А., Лукьянов Ф. Отстраненность вместо конфронтации: постевропейская Россия в поисках самодостаточности // Совет по внешней и оборонной политике. URL: http://svop.ru/wp-content/uploads/2016/11/miller_lukyanov_rus.pdf Дата обращения – 17.03.2019
- Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2010. – 144 с.
- Петров М.К. История европейской культурной традиции и её проблемы. М.: РОССПЭН, 2004. 776 с.
- Тимофеев М. Как развивать Байкал по-новому. Биолог Максим Тимофеев о биотехнологических перспективах озера // Ведомости. 14.01.2019 URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2019/01/13/791295-kak> Дата обращения – 01.03.2019.
- Трейвиш А.И., Шупер В.А. Теоретическая география, геополитика и будущее России // Свободная мысль. 1992. № 12. С. 23–33.

- Тренин Д. От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта. / Московский центр Карнеги URL: <https://carnegie.ru/2015/05/13/ru-pub-60066> Дата обращения – 17.03.2019.
- Челябинский тарифный перелом / «Историческая энциклопедия Сибири», 2009. URL: http://irkipedia.ru/content/chelyabinskiy_tarifnyy_perelom_istoricheskaya_enciklopediya_sibiri_2009 Дата обращения – 17.03.2019.
- Цымбурский В.Л. Остров Россия. Перспективы российской геополитики // Полис. 1993. № 5. С. 6–23.
- Шупер В.А. Научная картина мира как инструмент геополитического соперничества / «25 лет внешней политике России» : сб. материалов X Конвента РАМИ (Москва, 8–9 декабря 2016 г.). В 5 томах. Т. 4: Россия и современный мир: экономика и право. В 2 частях. Ч. 1 / Под ред. А.В. Мальгина. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД РФ, Российская ассоциация междунар. исследований (РАМИ). – М.: МГИМО–Университет, 2017. С. 471–484 URL: http://www.risa.ru/images/10theses/rami-x-conv_T4.1.pdf Дата обращения – 25.02.2019.

Сведения об авторах

Бакланов Пётр Яковлевич – академик РАН, вице-президент РГО, научный руководитель Тихоокеанского института географии ДВО РАН

E-mail: pbaklanov@tigdvo.ru

Безруков Леонид Алексеевич – доктор географических наук, заведующий лабораторией Института географии СО РАН, профессор исторического факультета Иркутского гос. университета

E-mail: labezrukov@yandex.ru

Бордачёв Тимофей Вячеславович – кандидат политических наук, научный руководитель Центра комплексных европейских и международных исследований научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай»

E-mail: tbordachev@hse.ru

Вардомский Леонид Борисович – доктор экономических наук, профессор, заведующий Центром постсоветских исследований Института экономики РАН.

E-mail: wardom@yandex.ru

Воробьёва Елена Александровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственного управления и публичной политики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

E-mail: maura@inbox.ru

Дружинин Александр Георгиевич – доктор географических наук, профессор, главный научный сотрудник Южного федерального университета, руководитель научной группы «Центр Балтийских исследований», профессор-исследователь Балтийского федерального университета имени И. Канта

E-mail: alexdr9@mail.ru

Дружинин Александр Игоревич – стажёр-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований, научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: adruzhinin@hse.ru

Зотова Мария Владимировна – кандидат географических наук, научный сотрудник Института географии РАН

E-mail: zotova@igras.ru

Иванова Кристина Сергеевна – аналитик Департамента стратегических проектов ПАО «НК «Роснефть»

E-mail: iks_91@bk.ru

Калачигин Григорий Михайлович – стажёр-исследователь Центра комплексных европейских и международных исследований научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: gkalachigin@hse.ru

Караганов Сергей Александрович – доктор исторических наук, декан факультета мировой экономики и мировой политики научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики», Почётный председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике.

E-mail: skaraganov@hse.ru

Кашин Василий Борисович – кандидат политических наук, заведующий сектором Центра комплексных европейских и международных исследований научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: vkashin@hse.ru

Колосов Владимир Александрович – доктор географических наук, профессор, заместитель директора Института географии РАН

E-mail: vladimirkolosov@gmail.com

Кортунов Андрей Вадимович – кандидат исторических наук, генеральный директор и член Президиума Российского совета по международным делам

E-mail: akortunov@russiancouncil.ru

Котляков Владимир Михайлович – академик РАН, Почётный президент РГО, научный руководитель Института географии РАН

E-mail: kotlyakov@igras.ru

Лисоволик Ярослав Дмитриевич – доктор экономических наук, программный директор Международного дискуссионного клуба Валдай

E-mail: ylisovol@mail.ru

Лихачёва Анастасия Борисовна – кандидат политических наук, директор Центра комплексных европейских и международных исследований научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: alikhacheva@hse.ru

Малов Владимир Юрьевич – доктор экономических наук, главный научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН

E-mail: malov@ieie.nsc.ru

Пятачкова Анастасия Сергеевна – младший научный сотрудник Центра комплексных европейских и международных исследований научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: apyatachkova@hse.ru

Романов Матвей Тихонович – доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН

E-mail: romanov@tigdvo.ru

Савченко Александр Борисович – доктор географических наук, директор Центра ситуационного мониторинга и региональных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: savchenko_alex@mail.ru

Суслов Дмитрий Вячеславович – заместитель директора Центра комплексных европейских и международных исследований научно-исследовательского университета «Высшая школа экономики»

E-mail: dsuslov@hse.ru

Сутырин Вячеслав Валерьевич – кандидат политических наук, проректор Государственного академического университета гуманитарных наук

E-mail: slava.sutyurin@gmail.com

Шведов Вячеслав Геннадьевич – доктор географических наук, старший научный сотрудник Тихоокеанского института географии ДВО РАН

E-mail: i-svg@yandex.ru

Шупер Вячеслав Александрович – доктор географических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института географии РАН

E-mail: vshuper@igras.ru

Научное издание
ВОПРОСЫ ГЕОГРАФИИ
Сборник 148
РОССИЯ В ФОРМИРУЮЩЕЙСЯ БОЛЬШОЙ ЕВРАЗИИ

Утверждено к печати
Учёным советом Института географии РАН

Оригинал-макет выполнен П.Р. Накаловым
Рисунки подготовлены Л.В. Набоковой

Подписано к печати 11.06.19

Формат 60 × 90 ¹/₁₆

Печать офсетная

Усл. печ. л. 23,5

Тираж 250 экз. Заказ № 19-0485

Русское географическое общество
Штаб-квартира Русского географического общества в Москве
109012, Москва, Новая пл., 10, стр. 2
e-mail: rgo@rgo.ru
www.rgo.ru

ООО «Издательский дом «Кодекс»
г. Москва, Графский переулок, д. 9, стр. 2.

Отпечатано ООО «ПК КЕМ»
129626, г. Москва, Графский пер., д.9, стр.2
тел: +7 (495) 933-59-00

9 785604 221815

PROBLEMS OF GEOGRAPHY

ISSN 0372-5758

148

RUSSIA IN THE FORMING GREATER EURASIA

